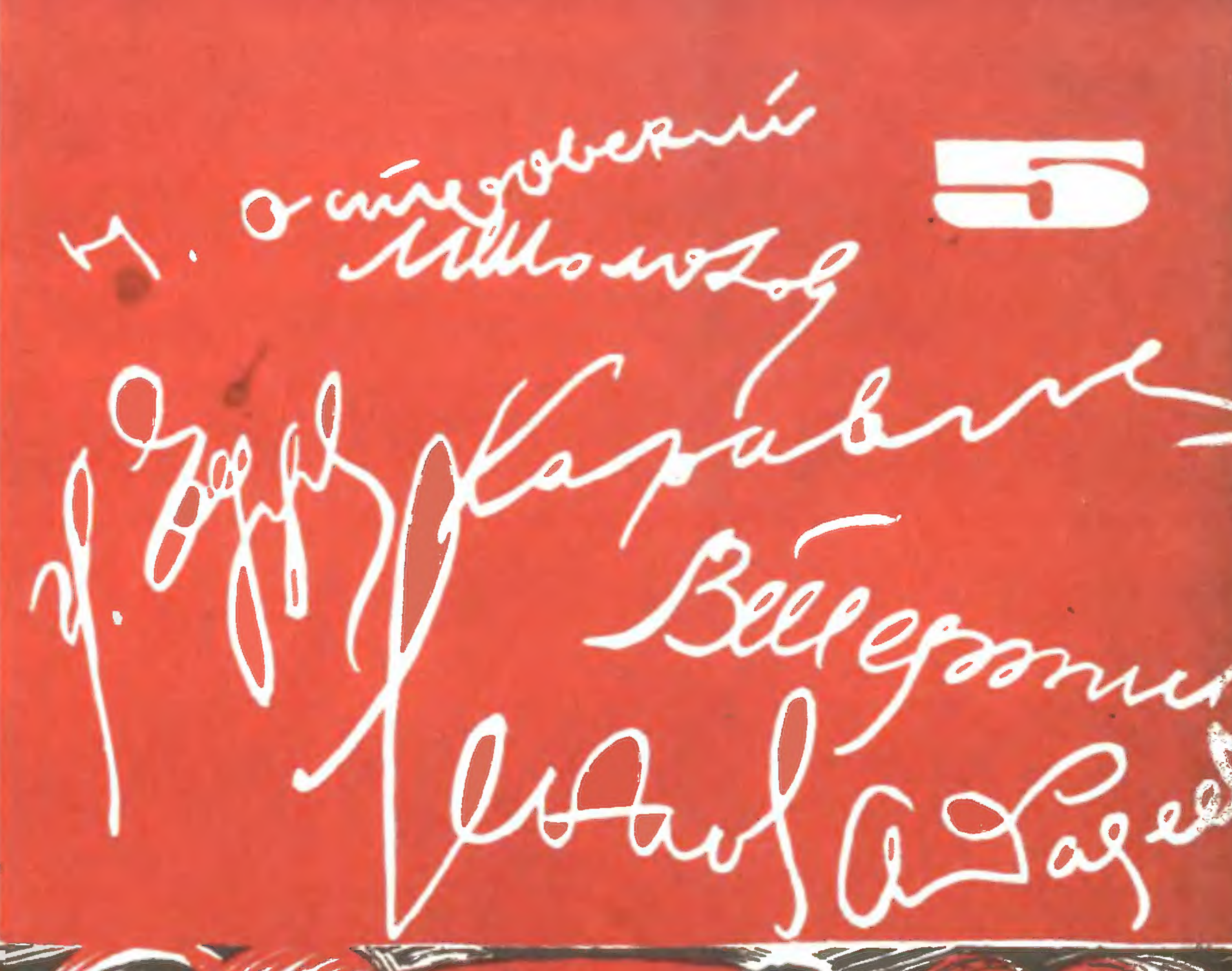
1972

5

Молодая гвардия

50
лет

Ежемесячный
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал ЦК ВЛКСМ

Молодая гвардия 5 1972

ОСНОВАН В 1922 ГОДУ

В НОМЕРЕ:

В номере опубликованы материалы из журнала «Молодая гвардия» за 1922—1938 годы и приветствия писателей, общественных деятелей и читателей журналу к его 50-летию.

НА ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА

На первой странице рисунок А. Плаксина «Боевой путь комсомола».

На второй странице рисунок художника Олега Осина «50 лет стране Пионерии».

Наш адрес:

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21, редакция журнала «Молодая гвардия». Коммутатор — 251-15-00; отдел прозы — доб. 2-40; отдел поэзии — доб. 4-13; отдел очерка и публицистики — доб. 4-26; секретариат — доб. 4-16; отдел критики — доб. 4-14; отдел занимательной информации — доб. 3-66.

ЖУРНАЛУ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи поздравляет сотрудников и членов редколлегии, авторский актив и читателей журнала «Молодая гвардия» с 50-летием со дня выхода в свет первого номера журнала.

На протяжении всей своей истории журнал страстно и убежденно рассказывал о Великой Октябрьской социалистической революции, о гигантских преобразованиях в нашей стране, ярко показывал участие молодежи в строительстве новой жизни, воспитывал у юношей и девушек стремление к подвигу, трудовым и ратным свершениям во имя Родины.

В разное время в «Молодой гвардии» сотрудничали А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Р. Роллан, Я. Гашек. В журнале печатались произведения А. М. Горького, В. Маяковского, А. Фадеева, Д. Фурманова, В. Луговского.

Журнал первым опубликовал замечательный роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Со страниц «Молодой гвардии» шагнули в жизнь герои произведений Михаила Шолохова, Леонида Леонова, Анны Караваевой и многих других известных советских писателей. Журнал и сегодня ведет постоянный поиск молодых талантов, помогает начинающим литераторам обрести свой собственный голос, войти в большую литературу.

Свой 50-летний юбилей журнал отмечает в знаменательное время, когда весь советский народ упорно и вдохновенно трудится над претворением в жизнь исторических решений XXIV съезда КПСС, готовится до-

стойно встретить полувековой юбилей СССР. Коллективу редакции журнала предстоит большая и серьезная работа по идейной закалке молодежи, воспитанию ее в духе советского патриотизма, дружбы народов СССР и пролетарского интернационализма, по мобилизации юношей и девушек на выполнение ответственных задач, поставленных партией перед комсомолом.

Центральный Комитет ВЛКСМ желает коллективу редакции журнала «Молодая гвардия» больших творческих достижений и выражает уверенность в том, что сотрудники журнала, его актив и впредь будут надежными помощниками партии и комсомола в коммунистическом воспитании молодежи.

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского
Коммунистического Союза Молодежи

Приветствие Михаила Шолохова журналу «Молодая гвардия»

„Молодой Гвардии" в день ее пятидесятилетия сердечный привет и добрые пожелания на грядущие пятьдесят лет. А там — ей будут желать другие, но неизменно доброго и светлого!

30. 3. 72.

МШолохов

«МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» — ПЯТЬДЕСЯТ!

Ты, дорогой читатель, держишь в руках журнал, первый номер которого вышел ровно полвека назад — в мае 1922 года.

Для молодой Советской республики это было нелегкое время. Обескровленная интервенцией и гражданской войной, измученная жестоким голодом, страна лежала в разрухе.

Развеяв в прах надежды контрреволюции и интервентов на возвращение старых порядков, молодая Советская власть делала первые усилия для построения нового общества. Задачей дня стало восстановление разрушенного хозяйства, культурная революция, приобщение к грамоте, к знаниям сотен тысяч людей, в том числе молодежи.

В. И. Ленин на III съезде комсомола говорил: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Одним из проводников воспитания молодежи в коммунистическом духе явился новый ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «Молодая гвардия».

В годы революции и гражданской войны подавляющее число юношей и девушек доказали свою беспредельную верность и преданность революционным идеалам. Но затем наступила пора глубинного осмысления великой нравственной сути коммунистического учения, овладевания марксистско-ленинским научным мировоззрением во всем его объеме. Ведь эти простые, порой не очень грамотные парни и девчата, сегодня отложившие в сторону винтовки, завтра должны стать полновластными хозяевами страны и революции, должны будут взять все управление государством в свои руки...

И эту свою задачу, задачу коммунистического воспитания все новых и новых поколений молодежи, журнал «Молодая гвардия» успешно выполняет и по сей день.

В 20-е и 30-е годы журнал активно привлекал к сотрудничеству видных партийных, советских и комсомольских деятелей. В разное время неоднократно выступали в журнале М. И. Калинин, Н. К. Крупская, К. Е. Ворошилов, Е. М. Ярославский, Серго Орджоникидзе, А. В. Луначарский, А. И. Елизарова, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. В. Чичерин, А. В. Косарев, В. А. Карпинский, П. Н. Лепешинский и многие другие. В их статьях, воспоминаниях, публицистических выступлениях пропагандировался и разъяснялся великий и благородный смысл марксистского учения, рассказывалось о титанической деятельности В. И. Ленина по созданию им большевистской партии, подготовке и свершении Октябрьской революции, разъяснялись позиции партии большевиков по различным как внутренним, так и внешним проблемам, раскрывались цели и задачи практической политики молодой Советской республики. Откровенный, открытый и доверительный разговор о партийных и государственных делах помогал молодежи и всем чита-

телям журнала правильно ориентироваться в сложной обстановке 20-х и 30-х годов, идейно закалял их.

С первых дней своего существования журнал пытался сплотить вокруг себя лучшие литературные силы. Достаточно сказать, что в «Молодой гвардии» в те же 20-е и 30-е годы печатались В. Маяковский, М. Шолохов, А. Фадеев, В. Шишков, Д. Фурманов, Ф. Гладков, Л. Сейфуллина, К. Тренев, Ю. Либединский, И. Катаев, А. Новиков-Прибой, С. Малашкин, М. Исаковский, Н. Асеев, А. Жаров, А. Неверов, Э. Багрицкий, В. Ставский, А. Безыменский, Я. Шведов, М. Светлов, И. Уткин, И. Молчанов...

Но, говоря «лучшие литературные силы», следует заметить: это сейчас, когда сочинения всех названных выше поэтов и прозаиков успешно выдержали испытание временем, а многие произведения вошли в золотой фонд русской советской литературы, — это сейчас всем нам ясно, что эти люди были тогда наиболее талантливы... В те же далекие времена почти все они были начинающими литераторами, многие из них, как, например, А. Фадеев, вообще нигде раньше не печатались. Следовательно, имена многих сами по себе тогда еще никому ничего не говорили. Литературные дарования этих молодых людей надо было еще почувствовать, увидеть, поверить в них...

И тогдашние работники журнала увидели. И поверили. И — не ошиблись!

Самым характерным в этом отношении примером является история публикации в журнале знаменитого романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Очень легко было отказаться по внешним признакам от объемной рукописи никому не известного автора, как это уже и было сделано в некоторых ленинградских и московских журналах и издательствах. Роман был рыхл композиционно, на некоторых страницах чувствовалась литературная неопытность его создателя. Но, кроме того, чувствовалось и другое — неуемная революционная страстность главных персонажей, и прежде всего Павки Корчагина, романтико-революционный пафос всей вещи... Первой все это разглядела Анна Александровна Караваева, тогдашний главный редактор журнала «Молодая гвардия»... Редакция немедленно связалась с автором, который оказался человеком больным, лишенным зрения, прико-

ванным к постели. Началась работа по подготовке рукописи к публикации — работа сложная, трудная, но радостная...

В результате наша литература получила художественное произведение, органически вошедшее в бессмертный эпос революции.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества» — этот философско-жизненный принцип, сформулированный Николаем Островским в своем романе, стал неизменным принципом поведения миллионов и миллионов советских юношей и девушек.

Эту традицию неустанного поиска и всяческой поддержки молодых литературных дарований редакция журнала «Молодая гвардия» бережно сохранила до сегодняшнего дня...

Взять хотя бы этот юбилейный номер журнала, посвященный его 50-летию. Что же за авторы публикуют в нем свои произведения! Александр Бахвалов — инженер. Человек он сравнительно немолодой, но выступает с первым своим романом. Впервые во всесоюзном журнале печатают свои рассказы и стихи белоруски Валентина Колтун и Елена Руцкая, чеченец Ямлихан Хасбулатов, туркмен Оразмурад Курдов, удмурт Владимир Романов, таджик Саидали Мамур, литовцы Инара Роя и Эдмундас Крипайтис, украинец Микола Федунец, узбек Ульмас Умарбеков и т. д.

Во втором номере за нынешний год в напутственном слове Петра Проскурина, предваряющем публикацию рассказов Л. Золотарева, можно прочитать: «Леонард Золотарев — имя в литературе новое...»

Имя в литературе новое! Эта фраза в том или ином словосочетании постоянно, вот уже на протяжении пятидесяти лет, звучит со страниц журнала «Молодая гвардия». Каждый год журнал наряду с публикацией произведений заслуженных, известных на всю страну мастеров слова из разных республик знакомит своих читателей с творчеством молодых авторов, только-только начинающих свой литературный путь. Для при-

мера возьмем хотя бы последние три года. И перечислим лишь прозаиков, причем таких, которые отдали на строгий суд читателя первые свои крупные произведения. Это Иван Басаргин — рассказ «Акимыч» и повесть «Сказ о Черном Дьяволе»; Владимир Воробьев — повесть «Три брата»; Леонид Степанов — документальная повесть «Звени, город!»; Иван Лаптев — повесть «Мир за белой чертой»; Альберт Усольцев — повесть «Смородинный чай»; Валентин Гагарин — повесть «Мой брат Юрий»; Анатолий Липатов — три рассказа; Виктор Смирнов — повесть «Тревожный месяц вересень»; Борис Шустров — повесть «Красные острова»; Виталий Сердюк — «Повесть о журналисте»; Виктор Чугунов — повесть «Таежина»...

Всего же за три последних года в нашем журнале с первыми публикациями своих романов, повестей, рассказов, стихов, поэм, очерков выступило более ста молодых писателей.

«Молодой гвардии» — полвека... Если перелистать ее страницы за эти пять десятилетий, можно убедиться, что журнал всегда был на переднем крае борьбы за коммунистические идеи, за великое дело Ленина, прославлял дружбу народов и боролся за дальнейшее ее укрепление. На страницах молодежного журнала воссоздана художественно-поэтическая летопись героического становления и развития великого многонационального социалистического государства.

Ради справедливости следует отметить, что порой на страницы журнала проникали отдельные произведения не особенно высокого нравственно-художественного уровня, публиковались статьи с определенным идейным изъяном. Много лучшего, например, оставляет желать идейно-художественный уровень «Молодой гвардии» того периода, когда журнал возглавлял Л. Авербах, человек, открыто симпатизировавший Троцкому. В некоторых статьях и рецензиях тех лет преуменьшалось значение важных революционных завоеваний пролетариата, проскальзывали попытки развенчания и даже глумления над национальным культурным достоянием русского и других народов и т. д.

Отдельные ошибки идейно-теоретического характера допускались в журнале и в последнее время. Они были подвергнуты справедливой критике в партийной печати, в том числе в журнале «Коммунист» в статье

В. Иванова «Социализм и культурное наследие» (№ 17, 1970 г.).

С помощью партии недостатки и ошибки в работе журнала всегда своевременно устранялись, и журнал, как и прежде, занимал свое место в принципиальной идейно-художественной борьбе за новое общество, активно способствовал нашей партии в деле коммунистического воспитания молодежи и всех своих читателей.

«Молодой гвардии» — пятьдесят! Для человека это возраст почтенный, для журнала — юношеский. Но, когда «Молодой гвардии» будет и сто лет и более, она будет так же молода, как и в первый год своего существования, потому что это журнал молодых и для молодых. «Молодая гвардия» так же страстно будет пропагандировать и отстаивать великое дело Коммунистической партии, благородные человеческие идеалы, как она делала это на протяжении первых пятидесяти лет своего существования. И так же часто на ее страницах будут появляться эти знаменательные слова: «...имя в литературе новое!»

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

Весна 1922 года... На прилавках газетных и книжных киосков появился новый ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «Молодая гвардия».

В первом номере только что созданного журнала была опубликована песня немецких юных пролетариев, которая называлась «Молодая гвардия». В примечании было сказано, что эта «любимая песня немецких юных пролетариев должна стать также нашим гимном».

Тут же были напечатаны ноты. Песня сразу полюбилась советским юношам и девушкам, и во всех уголках страны зазвучало:

...Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Перевод песни с немецкого осуществил Александр Безыменский.

Воспроизводим фотокопию страницы журнала, где была напечатана песня.

НАЧАЛО ПУТИ

Поэтический раздел журнала «Молодая гвардия» имеет свои богатые традиции. У его истоков стояли такие поэты, как Владимир Маяковский, Николай Асеев, Василий Казин, Петр Орешин, Яков Шведов, Михаил Светлов, Александр Жаров, Иван Доронин...

На протяжении десятилетий журнал помогал осуществлять творческую связь между поэтами и комсомолом, старательно искал и бережно поддерживал молодые поэтические дарования. Эти традиции крепнут и развиваются сегодня.

За последнее время ЦК ВЛКСМ и Союз писателей СССР совместно провели целый ряд семинаров и совещаний молодых писателей. Значительным событием в культурной жизни страны стал 5-й Всесоюзный фестиваль молодых поэтов братских республик, посвященный

Микола ФЕДУНЕЦ

Микола Федунец родился в 1944 году. Работает ответственным секретарем белогорской районной газеты «Радянське село». Заочно учится в Киевском государственном университете. В этом году на Украине выходит его первая книга.

КАЖДЫЙ ИЗ НАС

Жизнь для нас — не дорога покатая.
Мы мужаем в крутых делах.
Свет политики и свет атома
полыхают в наших глазах.

Не из глины мы, не из воска,
мы высокой живем мечтой.
И меж нас — Николай Островский,
вечно пламенный и живой...

И сопутствует нам удача,
и свершениям пробил час.

50-летию образования СССР, проводившийся в конце минувшего года в Армении. В этом фестивале приняло участие 45 молодых поэтов из всех союзных, автономных республик и областей РСФСР.

Знакомство с участниками фестиваля показало, что ЦК комсомола союзных республик, обкомы ВЛКСМ, местные писательские организации послали на фестиваль достойных, талантливых представителей, способных показать на форуме поэтов значительные достижения национальных литератур. Это был своеобразный смотр самых молодых поэтических сил страны (возраст участников фестиваля был ограничен 28 годами), смотр тех, кто находится в самом начале творческого пути.

Пятый фестиваль поэзии, прошедший на древней поэтической земле Туманяна, Теряна, Исаакяна, Чаренца, принес радость открытия новых имен, продемонстрировал нерушимую дружбу литераторов братских республик.

Итак, слово нашим дебютантам. Все они молодые, все они впервые выступают перед всесоюзным читателем.

Очень многое в жизни значит
на планете каждый из нас...

□

Ветер умолкнет,
волна успокоится,
и мирно вода зарю закачает...
А мне полевая припомнится горлица
в краю крикливых, проворных чаек.

А солнце на море — пятнами белыми.
И крики чаек под вечер я слышу.
А волны громадными колыбелями
мир голубой неустанно колышут.

Синим туманом Ай-Петри укроется.
Опять взойдут и угаснут зори.
А мне полевая припомнится горлица —
я родился в пшеничном море...

Перевел с украинского Владимир Шлёнский

Лидия ИЛЬЮЩЕНКО

Лидия Ильющенко — корреспондент газеты «Красноярский комсомолец». Участница V Всесоюзного совещания молодых писателей. Печаталась в альманахах «Енисей», «Донбасс». В 1972 году в Красноярске выходит первая книга стихов.

□

Не для анкет и метрик тоненьких,
А свято чтя родства истоки,
Скажите, знаете вы что-нибудь
О ваших прадедах далеких?

Как звали их, какие отчества
Они носили отродясь?
Как в поле сенушко ворочали,
На красно солнце покрестясь?

У нас не принято прослеживать
Ушедших предков родословные,
Ходил ли тропами медвежьими,
Ковал железо, пас коров ли...

И мы не знаем: злой ли, добрый был
Отцовский дядька, нам неведомый,
И как зимою с белой проруби
Носила воду мать прадедова...

А нам бы вместе с хлебным запахом
Своей березовой земли
Запомнить лица прях и пахарей,
От коих мы произошли.

Ведь это ж нам со всеми бедами,
С их прошлой радостью и болью
Достались взмах руки прадедовой
И бровь прабабкина соболья.

И стать лесов, в плечах не узких,
И сини в реках — через край,

И право резать хлеб по-русски,
Прижав к рубахе каравай.

□

Есть что-то древнее и грустное,
Когда, махнув на все рукой,
Затянут бабы песню русскую
В квартире чинной, городской.

Затянут как-то не по-здешнему,
Закутав плечи в шали колкие.
И будут слушать их насмешливо
Невестки с крашеными челками...

А мне все кажется: у синей
Реки, на травушку присев,
Грустит тихонечко Россия,
Ладонью щеку подперев...

◆

Анвар ХОДЖИ

Анвар Ходжи родился в 1940 году. Работает редактором ташкентского молодежного издательства «Еш гвардия».

РУССКОМУ ДРУГУ

Немало видела земля
богатырей лихих.
Тугие волны ковыля
давно накрыли их.

А Русь
стояла и стоит

на том, чтоб мир сберечь:
в одной руке —
надежный щит,
в другой —
суровый меч.

□

Есть обычай у народа моего:
встретил друга —
пригласи на чашку чая.
Выше дружбы
не бывает ничего,
нету друга —
и сиди себе, скучая.

Ну а с другом и печали веселы,
и по-новому ликует песня старая,
коль встречаются две щедрых пиалы,
две судьбы,
два неразлучных полушария.

□

Я славлю пламень яростного века,
родившийся из искры огневой,
тот пламень, что во имя человека
горит, бессмертно жертвуя собой.

Творец огня —
он сознавал, что делал,
когда в пещере разводил костер:
не для того же,
чтоб жестокий демон
над целым миром крылья распростер!

Перевел с узбекского Юрий Паркаев

Елена РУЦКАЯ

Елена Руцкая родилась в 1950 году. Живет в городе Слониме Гродненской области. Работает преподавателем белорусского языка.

УДИВЛЕНИЕ

Я с удивлением смотрю
Опять на почки взрыв мятежный,
Встречает первую зарю
Раскрывшийся листочек нежный...

Пусть сквозь века, сквозь гул ракет
С собой уносят поколенья
В глазах восторженный рассвет
И чудо жизни — удивленье.

Перевел с белорусского Василий Шабанов

Ямлихан ХАСБУЛАТОВ

Ямлихан Хасбулатов работает старшим редактором республиканской студии телевидения в городе Грозном. Недавно вышел первый сборник стихов на чеченском языке «Надежда».

□

Ты не дашь мне споткнуться на долгом пути,
о земля,
что в наследство от дедов осталась!
Ты влила в меня силу,
чтоб мог я идти,
чтобы смог одолеть и печаль,
и усталость.

По весне возвращаются птицы домой.
Я и сам поскитался по свету немало,

но мечта,
неразлучная с отчей землей,
благодатных зимовий себе не искала.

Мой Кавказ,
мой навеки единственный свет,
освещающий душу глухими ночами,
выхожу за порог
и шагаю в рассвет,
и звенящие крылья
растут за плечами!

Перевел с чеченского Юрий Паркаев

Оразмурад КУРДОВ

Оразмурад Курдов родился в 1944 году. Работает литературным сотрудником газеты «Мадам Тайяр». Печатался в республиканских изданиях. Готовит к печати свой первый сборник стихов.

УРАГАН

Разбушевался ураган.
И вековые песни пели
крутые горы и ущелья.
Стонал в ночи седой платан.
Я думал, слыша этот стон:
«Старик пробил корнями скалы,
штормами многих лет качало
его, но выдержит ли он?»
Угомонился ураган.
И я увидел, что ветрами
был вырван из земли с корнями
и мертв столетний великан.
Повержен был в бою ночном,
но он погиб непобежденным:
упал над пропастью бездонной,
чтоб людям послужить мостом.

**Перевел с туркменского
Аркадий Каныкин**

Валентина КОЛТУН

Валентина Колтун родилась в 1946 году. Работает литературным сотрудником республиканской «Сельской газеты». Стихи молодой поэтессы публикуются в журналах и газетах Белоруссии.

ЯСЕЛЬДА*

Что мне найти и что отдать,
Чтоб стать твоей волной певучей?
По вечерам туман бросать,
Как сети тонкие над кручей.

Чтоб в вечной щедрости реки
Искать свое предназначенье,
Чтоб годы плыли, как венки,
Светло и тихо по теченью.

ДОЖДЬ

Уйти от снов.
Покинуть сонный берег,
Переступить речной крутой порог.
В сыром челне туман
собакой серой,
Стряхнув росу,
тихонечко прилег.
И вдруг раскатный гром
упал на нивы,
И надвое
разрезал окоем.
И утро синим селезнем
пугливым,
Плывет в кусты
и воду бьет крылом.

Перевел с белорусского Сергей Красиков

---

* Ясельда — река в Полесье.

Владимир РОМАНОВ

Владимир Романов родился в 1943 году. Работает заведующим отделом школьной жизни удмуртской республиканской пионерской газеты «Дась Лу!». Выпустил две книжки для детей.

□

Забрось домашние дела:
нас ждет с тобой лесная мгла,
лесной покой, лесной простор,
живой рябиновый костер.

Как хорошо идти вдвоем
средь этих праздничных рябин!
Горя рубиновым огнем,
они восходят из глубин.

И тем, наверное, горды,
что дарят нам свои плоды
багряный цвет, веселый сок
и молодой румянец щек...

Нам памятно начало работы журнала как авторам его, но есть и другая дата, памятная нам уже как редакторам.

Перед нами очередной апрельский номер журнала за 1932 год. Обычный этот номер стал необычным, а сегодня, спустя сорок лет, историческим, потому что среди многих известных имен впервые появилось имя Николая Островского.

Не случайно появилось оно в этом номере. Мы ясно отдавали себе отчет в том, что произведению Николая Островского суждена долгая жизнь, хотя сам молодой автор, прикованный к постели тяжелой неизлечимой болезнью, переживал трудные дни.

К тому же в самый разгар нашей работы по подготовке рукописи к печати Николай Островский перенес крупозное воспаление легких. Мы обещали автору начать публикацию его произведения с апрельского номера, и мы это слово сдержали.

Мысленно мы дали такое слово и нашему читателю, который уже давно ждал именно такого произведения в комсомольском журнале. И это окрыляло и ускоряло нашу работу в те

Когда же мы домой пойдем,
рябина прозвенит: «Пока!..»
И алым девичьим платком
помашет нам издалека.

Перевел с удмуртского Юрий Паркаев

Инара РОЯ

Инара Роя по профессии врач. Недавно в Риге вышла первая книга стихов на латышском языке.

ЗОЛОТО ТРУДА

Руда годов лежит пластом,
А ты работай молодо,
В труде, мой друг, найдешь потом
Нетронутое золото!

Чтоб на земле не просто так
Жить, быть рабом имущества...
Всю волю собери в кулак —
К тебе придет могущество!

две недели, когда Николай Островский боролся и победил болезнь.

Он об этом писал в 1932 году Петру Новикову:

«Двери жизни широко распахнулись передо мной. Моя страстная мечта — стать активным участником в борьбе — осуществилась».

И три года спустя, в 1935 году, будучи уже всенародно известным писателем, Николай Островский писал:

«Молодая гвардия» — для меня родное имя. Она меня ввела в литературу, и с «Молодой гвардией» я никогда не порву родственных тесных связей».

Так понимал, чувствовал, ценил певец коммунистической морали ту атмосферу творческой дружбы, которая сродиила в те памятные годы весь наш боевой редакционый и авторский коллектив.

Примечательно письмо Алексея Толстого, подтверждающее стремление журнала объединить лучших советских писателей разных поколений единой целью — своим творчеством помогать партии и комсомолу в воспитании молодежи.

«...У меня давно была потребность, — писал Алексей Николаевич, — войти в более близкие отношения с нашей ком-

Пусть вдохновение в труде
Всегда клокочет лавою,
И ты тогда всегда, везде
Увенчан будешь лаврами.

Тебя увижу я тогда
Веселого, красивого.
Увижу золото труда
Большого, кропотливого!

Перевел с латышского Борис Попов

Юрий АРУТЮНЯН

Юрий Арутюнян живет и работает в Ленинакане. Сотрудник молодежной газеты. Готовит к изданию первый сборник стихов.

□

Поле,
а вокруг гóры,
которые своим телом
охраняют его...

мунистичеекой молодежью, потому что в этой среде вопросы искусства и культуры должны получить и получают свое наиболее широкое и углубленное развитие. Для писателя ие может быть более замаичивой задачи, чем формировка нового человека. Эта задача с особеиной отчетливостью ставится перед тобой, когда оглянешь, хотя и мельком (так это было у меня), безнадежный и глубоко провинциальный духовный мир Европы... Все, над чем я работаю и буду работать в дальнейшем, передаю в одно место — «Молодую гварднию».

Пятидесятилетие журнала «Молодая гвардия» и сорокалетие бессмертиого романа Николая Островского «Как закалялась сталь» — это значительные даты не только в нстории журнала, но и в нстории комсомола, истории советской литературы.

Сердечно поздравляя редакционный и авторский коллектив сегодняшней «Молодой гвардии», радуясь достижениям и пережнвая недочеты в работе журнала, желаем вам, дорогие друзья, всегда быть на высоте требований, которые предъявляют партия Ленина, Ленинский комсомол, весь наш советский народ к советской художественной литературе.

Анна КАРАВАЕВА,
Марк КОЛОСОВ

По тропинке к полю
идет волшебник с косой.
Он болен любовью
к полю,
лечится он росой.
Он понимает
желтый язык пшеницы,
землю и небо...

Волшебнику и полю
я хочу поклониться
за буханку
черного хлеба.

◆

Ниеле МИЛЯУСКАЙТЕ

Ниеле Миляускайте родилась в 1950 году. Студентка филфака Вильнюсского государственного университета. Печатается в республиканской прессе. На ее стихи композитор В. Юргутис написал вокальный цикл.

ДОМ

Гляжу, калитку отворив, —
Трава поблекла.
Тишина.
Открыла кованую дверь —
Там мед янтарный на столе
И хлеба свежий каравай.
А братьев нет моих нигде.
Я обхожу пустынный дом,
Плечом раздвинув тишину.
Я понимаю, старый дом,
Тебе так плохо без людей.

КРАСИВАЯ ВЫРАСТУ

Мне солнце дарит поцелуй,
Земля, словно мать, целует.

Красивой хочу расти
И хлеб замесить научиться.
Большая вырасту, вырасту
От ласки земной и солнечной.
И тонкие ткани сотку
Из ниточек лунного света.
И все раздарю деревьям —
Пускай надевают ночью
Красивые лунные платья.

Перевел с литовского И. Каплан

Саидали МАМУР

Саидали Мамур родился в 1944 году. Радиожурналист. Недавно вышла его первая книга стихов «Корабль надежды».

РОДИНА

Я косточкой упал с родного древа,
Лежал во мгле и вешним днем пророс —
Когда земля дыханием согрела
И разбудила влага первых гроз.

Поднялся я — познал красу долины,
Где дули ветры, свежести полны,
Слепило солнце, рассыпались ливни,
Дарили горы звуки тишины.

В цветении моем — земная щедрость,
Страсть родников бурлящих я впитал,
Листвою — солнца луч и ветра свежесть,
Мой ствол хранит упорство горных скал.

Любимый край! Я ввысь тянусь ветвями —
Но и касаясь дымки голубой,
Соединен крепчайшими корнями
С тобой — моей единственной судьбой.

Перевел с таджикского Раим Фархади

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

После кончины Владимира Ильича Ленина его друзья и соратники выступили на страницах журнала «Молодая гвардия» с воспоминаниями об Ильиче.

Публикуем отрывки из этих воспоминаний, напечатанных в № 2—3 за 1924 год.

Георгий Чичерин

МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ У ЛЕНИНА

Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, своим руководством, всем обликом своей личности.

Несколько разрозненных черт его личности я хотел бы в немногих словах зафиксировать, чтобы обратить на них внимание молодых читателей. Они не имели счастья учиться непосредственно у Ленина, но, может быть, эти разрозненные указания помогут им понять, чему, между прочим, следует учиться у Владимира Ильича.

Прежде всего Владимир Ильич отличался абсолютно точным характером всякой своей работы и настаивал на такой же абсолютной точности со стороны всякого работавшего вместе с ним. Всякое утверждение должно было быть точно обосновано и всякое обоснование должно было быть точно изложено. Работавший с Владимиром Ильичем сейчас же чувствовал, что обыкновенное разговорное утверждение, обоснование которого не разработано со всей точностью, ничего не стоит. Для точного утверждения требуются имена, перечисления, цифры, цитаты, вообще строго проверенные конкретные данные. Лучше сработать меньше, но сработать со всей необходимой отчетливостью и обоснованностью, лучше ничего не говорить, чем приводить необоснованные утверждения. Особенно характерны были те вопросы, которые Владимир Ильич по поводу каких-либо возникавших тем посылал в своих записочках. Эти вопросы содержали, в сущности, точный анализ затронутой темы и определяли рамки, в пределах которых тема должна была быть разработана. Пусть всякий, кто хочет учиться у Ленина, запомнит: никаких поспешных заключений, никаких непроверенных утверждений, никаких скороспелых фраз, не являющихся точным выводом

из строго проверенных данных.

Этому соответствовала и точность самой мысли Владимира Ильича. Не только каждое утверждение должно было быть точным выводом из проверенных данных, но самая мысль должна была быть настолько продумана, проработана и отшлифована, чтобы в ней не осталось ничего расплывчатого и неясного и чтобы вся она от начала до конца отличалась полной ясностью и определенностью. Дорабатывать до конца свою собственную мысль — вот чему учился всякий при общении с Владимиром Ильичем. Он постоянно вышучивал у своих собеседников со своим неподражаемым юмором всякую расплывчатую, неясную и недодуманную мысль. Его собеседник учился у него тому, что всякая человеческая мысль должна быть добросовестной работой, а не безответственным самоуслаждением или блефом. Пусть всякий учится у Владимира Ильича тому, что мысль есть нечто гораздо большее, чем настроение и инстинкт. Она должна быть логически доделана до конца.

Третье, чему научился у Владимира Ильича тот, кто с ним работал, это необходимости прежде всего ясно видеть реальные факты. Когда собеседник Владимира Ильича пускался в теоретические рассуждения или проявлял склонность к дедуктивному мышлению, столь у нас распространенному, Владимир Ильич всегда ставил перед его глазами точные, определенные реальные факты живой действительности. Это именно свойство его так ярко проявлялось во время обсуждения вопроса о подписании Брестского мира. Бесконечным теоретическим рассуждениям Владимир Ильич противополагал голые факты во всей их безжалостности. Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громаднейшим ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений, Владимир Ильич немногими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности. Это именно делало его таким неподражаемым мастером ведения политики и таким страшным противником наилучших мастеров иностранной дипломатии. Всякий пусть учится у Владимира Ильича этому основному правилу: наблюдай реальные факты живой жизни, не заменяй их вычитанными теориями или приятными иллюзиями.

В-четвертых, работа с Владимиром Ильичем означала точное выполнение полученных директив, основанных на реальных фактах и представляющих из себя отчетливые и доработанные до конца мысли. Не только умей точно мыслить, не только умей видеть факты, как они есть. Умей также с абсолютной точностью делать то, что выработано как ясная мысль и как точная директива. Владимир Ильич больше всего ценил тех исполнителей, которые умели видеть обстановку во всей ее реальности, умели понять, что в этой обстановке должно быть сделано, и с полнейшей точностью, несмотря ни на какие препятствия, умели это сделать. Я помню,

например, его разговор по прямому проводу с товарищем, который после отъезда антантовских послов из Вологды, бывшей настоящим убежищем и гнездом белогвардейщины, проводил в Вологде необходимые меры по ликвидации этого притона. Его сообщения указывали, что он ясно и точно видит, что кругом делается, ясно и точно об этом соображает. И когда ему давались директивы, он со всей необходимой энергией, ни перед чем не останавливаясь, сразу делал нужное. Я помню, как по прямому проводу Владимир Ильич его благодарил. Эта точность выполнения, соответствующая точности в наблюдении реальных фактов и точности в мышлении, должна была проявляться не только в крупных делах, но и в самых мелких. Надо учиться и этому у Владимира Ильича: относись с полной серьезностью к самому мелкому делу, выполняй его со всей добросовестностью и со всей аккуратностью.

Чему трудно было научиться у Владимира Ильича, настолько он в этом превосходил всех своих собеседников, это его умению во всем, до последних мелочей, проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, весь день были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены, и на всякую подаваемую ему бумажку он прежде всего смотрел критическим взглядом и указывал на имеющиеся в ней формальные дефекты, являющиеся нарушением законных форм, то есть существующей системы. И в этом отношении он учил тому, что нет мелких дел, что никакой мелочью нельзя гнушаться, что строгая систематичность работы должна быть проведена также и в мельчайших деталях каждого дела.

Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована рационально и обдумана, без господства случайностей и халатности. Все должно быть строго обдумано, не должно быть распущенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом, вот чему учились у него те, кто с ним работал.

Деловые соображения должны господствовать над личными, всякий личный момент должен отступать перед интересами дела, — этим принципом Владимир Ильич был настолько весь проникнут, что в разговорах с ним просто неловко было ссылаться на какие-либо личные соображения, когда речь шла об интересах дела: собеседник Владимира Ильича невольно чувствовал, что, когда говоришь о деле, стыдно думать о каких-либо личных соображениях. Я никогда не видел Владимира Ильича более раздраженным, чем в те моменты,

когда личная склока привносилась в деловую работу, когда деловые аргументы заменялись личными нападками и склокой, когда вместо того, чтобы говорить о деле, говорили о личных обидах или о личных качествах тех или других участников дела. В такие моменты у Владимира Ильича вырывались наиболее резкие реплики или наиболее резко составленные записки. Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами, вот чему учились у него работавшие с ним. Вместе с тем он отличался самой тонкой деликатностью по отношению к своим сотрудникам, он умел даже неприятность облечь в такую мягкую и тактичную форму, которая совершенно обезоруживала собеседника. И от тех, кто с ним работал, он требовал такой же деликатности и тактичного отношения к окружающим. Государственные меры должны были проводиться безжалостно, всякое сопротивление, противодействие, саботаж, халатность, леность должны были караться безжалостно, но, поскольку люди работали друг с другом и удовлетворительно выполняли свою работу, он требовал деликатного отношения к сотрудникам и не допускал выражений нетерпения и резкостей.

Высшим же его качеством в его деловой работе надо признать его сознательное подчинение коллективу даже в тех случаях, когда коллектив, по его мнению, ошибался. При своем колоссальном авторитете, он в большинстве случаев убеждал своих товарищей по организациям, советским или партийным. Бывали, однако, случаи, когда его мнение не проходило и он оказывался в меньшинстве. Его подчинение организации было полным и безоговорочным. Он никогда не действовал голым авторитетом, а только аргументами и убеждениями, и он никогда не пускал в ход факта своего беспримерного влияния, чтобы преодолевать сопротивление инакомыслящих, а всегда аргументировал, убеждал и не успокаивался, пока не убедит других. Я получал от него несколько последовательных записок с новыми аргументациями, когда он старался меня в чем-нибудь убедить. Я помню его спор по одному большому личному внутрипартийному вопросу с очень видным товарищем. Изложив свои аргументы, Владимир Ильич сказал: «Я убежден, что пред всяким партийным собранием я докажу, что вы не правы, и что всякое партийное собрание с этим согласится». Он никак не мыслил иначе победу над инакомыслящими, кроме как в форме победы своей аргументации в пределах организации.

Пусть подрастающая молодежь учится на его живом примере. В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства над слепой стихией.

А. Луначарский

ИЗ СТАТЬИ «ЛЕНИН — ЧЕЛОВЕК»

...Ленина характеризовало полное отсутствие всякого личного к себе интереса. «Я» в смысле эгоистического самомнения совершенно отсутствовало, а личность какая была? Громадная!.. Владимир Ильич был таким человеком, что когда его друзья напишут воспоминания о нем в деталях, то, поистине говоря, мы увидим ту идеальную личность, какой должен был бы быть человек...

□

П. Лепешинский

ИЗ СТАТЬИ «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ИЛЬИЧА»

...И трудно сказать, когда Ильич был более велик, как историческая импозантная фигура: тогда ли, когда вел революционные массы на штурм твердынь капитализма, на захват политической власти, или тогда, когда в послеоктябрьской трудной обстановке — в течение многих лет — с помощью Коммунистической партии помогал пролетариату удерживать эту власть в своих руках и изживать мало-помалу «ужасы жизни». Велик, страшно огромен революционный гений Владимира Ильича, когда он творил Октябрь, обнаружив сверхчеловеческую энергию железной воли, но разве менее велик этот гений и в тот момент, когда ему приходилось решать Брестскую проблему нашего «быть или не быть», или когда он круто повернул руль государственного корабля в сторону нэпа и т. д., и т. д.?

□

Н. Семашко

ИЗ СТАТЬИ «В. И. ЛЕНИН»

...Владимир Ильич был глубоко образованным человеком, с широким философским и экономическим образованием. Он писал свою книгу против эмпириокритицизма, который стал внедряться даже в большевистские ряды. Какие-нибудь полгода, и вышла в результате не только солидная по объему и горизонтам, но и блестящая философская книга. Это было благодаря исключительным способностям во всех отношениях глубоко и широко образованного человека, в частности философски образованного человека...

Александр БАХВАЛОВ

НЕЖНОСТЬ К РЕВУЩЕМУ ЗВЕРЮ

РОМАН

1

Если на ветровом стекле не вспыхивают, колюче мерцая огненными ежами, фары встречных автомобилей, путь от города до аэродрома становится отдыхом. Утекающая под капот «Волги» дорога, едва видимая глухомань низкорослого осинника по сторонам и пчелиное жужжание работяги-движка настраивают так, словно все, что связывает тебя с миром, осталось позади. Ты — нигде. Между тем, что было, и тем, что будет.

Лютров вспоминает попутчиков, которых нередко сажает к себе в машину по дороге на аэродром. Они тоже проникаются состоянием отрешенности, становятся откровеннее. Может быть, существует некое непознанное свойство скорости, влияющее на расположение людей друг к другу? Или человек, уединившись под крышей кузова с себе подобным, как в исповедальне, испытывает потребность довериться в надежде быть наконец понятым?.. Впрочем, благодарность болтлива, и тут, как и везде, истина проще ее поисков...

На этот раз попутчиков не будет, он слишком поздно выехал из дому. Так что исповедовать некого. А жаль... Ему нравился говор этой области, язык старожилов дальних деревень, восхищала нетронутая давность одного из самых выразительных русских диалектов. Нигде больше не говорят с такой напевной интонацией, такими речитативно закругленными фразами. Хоть в шапку собирай. Как-то он сказал об этом старику, попросившемуся подвезти к попутной деревушке Сутоково.

— Верно, сынок, — весело-важно согласился дед, — наш мужик лепит слово ловчее других, душой, значит, речист... Иностранное? Да как его приладишь? Оно ежели там к политике али к делу какому, а в разговоре промеж себя не годится, к родной речи нейдет... Ино не наше

Военно-патриотической теме «Молодая гвардия» уделяет постоянное внимание. У нас впервые печатались начальные главы «Брестской крепости» лауреата Ленинской премии С. С. Смирнова, военные повести Юрия Бондарева «Батальоны просят огня» и «Последние залпы»...

Традицией журнала стало публиковать произведения бывалых людей — моряков, летчиков, танкистов, разведчиков и летчиков-испытателей.

В юбилейном номере мы предоставляем свои страницы **Александру Бахвалову**, который выносит на суд читателя роман о летчиках-испытателях.

За плечами автора большой трудовой и жизненный путь. Родился А. Бахвалов в 1927 году в приморском крымском городе Симеизе. Трудовая его деятельность началась в 1943 году на военном аэродроме. С 1944 по 1950 год он служит в армии, после демобилизации возвращается к своей профессии аэродромного механика.

Роман «Нежность к ревущему зверю» — первое большое произведение Александра Бахвалова.

слово чудинкой ли, пятнышком каким схожим пристанет к языку и загуляет в народе вроде бы присказкой, да и то в новину, спервоначалу, ить все одно приблудный пес, не ращеный... Другое дело — обозвать кого таким-то словом, это да. Чего оно там значит, хрен с ним, важно, как его в деревне обозначили да к кому присобачили...

Занятный был дед. Борода ухоженная, шелковистая, глаза лукавят, на щеке кокетливой соринкой девичья родинка... И поговорить не дурак. За полчаса Лютров заочно перезнакомился со всей стариковской родней. На прощанье, когда Лютров остановил машину у огромного щита с надписью «Берегите птиц и зверей», старик сказал:

— Славно докатили!.. Сколько те за проезд?

— Будете богаче меня, тогда и заплатите.

— Ишь ты, богаче... Не дождешься, брат...

Придерживая приоткрытую дверцу, он спустил одну ногу на землю, но не вышел, а повернулся к Лютрову.

— Шут тя знает, кто ты... Наружностью обнакновенный, а есть в тебе какое-то угодье, потому как возле тебя легче дышать... Да. Ну, спасибо, уважил...

Лютрову была приятна похвала старика, но он и не подозревал, что тот сумел подметить в нем главное.

Когда человек, подобно Лютрову, велик ростом, остальные приметы внешнего в нем как бы стушевываются, отступают на второй план, и оттого не всякий случайный знакомый успевал заметить, что темно-серые в русых ресницах глаза Лютрова очень ясно выражают, что он не умеет походя, за компанию, следовать чужим настроениям, улыбаться из одного приличия или кивать, не уразумев толком, с чем соглашается; что он совсем непохож на тех, кто сопровождает ужимками и высказываемую мысль, и ощущение, и всякие иные подлинные и мнимые переживания; что привлекательность его не слишком подвижного спокойного лица требует разгадки. Но кто наблюдал, с каким постигающим вниманием разглядывал людей или слушал их Лютров, обнаруживали в нем ничем не обеспокоенную цельность его внутренней жизни, очень привлекательную черту для людей, не уверенных в себе, робких, слабых, неуравновешенных.

На дороге ни души, поздно. Выехал он почти в десять. И в пути?.. Да, без малого полтора часа. Осталось чуть больше половины. Это не аэродром летной базы, до которого из Энска рукой подать...

Ребята теперь в гостинице. И спят, наверно, если не играют в преферанс. Впрочем, штурман Саетгиреев наверняка спит. Он или спит, или скучает по своей жене-музыкантше. Если двигателисты не продлят ресурс своим изделиям на С-44, то завтра они сделают последний полет перед заменой всех четырех двигателей, и тогда Саетгиреев сможет погостить недельку-другую дома.

Полеты на этой большой машине, связанные с освоением новых навигационных систем, длятся весь апрель, и почти все это время больше всех занят штурман. Через два-три полета включают в экипаж нового стажера-оператора, чтобы Саетгиреев ознакомил его с навигационным комплексом. Если не считать нескольких опытных агрегатов, установленных на двигателях, да хозяйства Саетгиреева, то С-44 можно считать обычной серийной машиной, и для экипажа это скорее рейсовые, чем испытательные полеты. Лютров со вторым летчиком, подменяя друг друга, всегда находят время отдохнуть, откинувшись на сиденье катапультного кресла. Впрочем, завтра и Саетгирееву будет полегче, ему поставили новый локатор, с которым нужно как следует освоиться, одному, без стажера.

Междугородная магистраль протянется еще километров сто двадцать, а затем нужно съезжать на узкую бетонку, где уж совсем никого не встретишь до самого

Большим культурным событием 1922 года было создание журнала «Молодая гвардия». Я вспоминаю о нем, как о событии, касающемся и лично меня, моего поэтического становления.

Само собой разумеется, что событие это в той же, может, большей мере касалось и моих литературных собратьев, которые еще до создания журнала именовали себя молодогвардейцами. Они входили в комсомольскую литературную группу «Молодая гвардия». Я был ее секретарем. Работали вместе прозаики, очеркисты и поэты. Почти все были комсомольцами.

Для таких ребят, едва испробовавших перо в газетах, в тоненьких журнальчиках разных профилей, были открыты широкие двери новорожденного журнала. В самом его названии содержался призыв к литературной молодежи: вот вам, молодые, площадь для серьезной пробы сил, для закалки таланта, для творческого возмужания!..

Журнал «Молодая гвардия» поднялся на той же мирной вол-

приаэродромного городка, да и там в эту пору одни кошки да собаки.

Но еще задолго до съезда на пути Лютрова появится холмистое возвышение в ста метрах от автострады, приметное желтой раной песчаного карьера. По ту сторону холма, на отлогом спуске к реке, немногим больше трех месяцев назад разбился опытный самолет С-14...

Он приспустил окошко дверцы. Дохнуло по-летнему теплой ночью, прелыми запахами леса. При слабом свете приборных ламп вишневые чехлы сидений кажутся черными. Тускло лоснится брошенная рядом кожаная куртка. Где-то под ней должны быть сигареты. Лютров, не глядя, нащупывает скользкую пачку.

Когда сошел снег, Лютров второй раз побывал на месте катастрофы С-14 с номером 7 на фюзеляже. Машину так и называли «семеркой».

За все годы работы на фирме он не помнил катастрофы с таким исходом, хоть никогда за всю историю авиации не создавалось столько экспериментальных машин, как в это время, никогда столь многое не зависело от работы летчиков-испытателей.

Никто из экипажа не успел покинуть самолет, да и не мог. Погибли все четверо: Георгий Димов, сильный,

---

не, что и все молодое советское общество. Поход, закончившийся на Тихом океане, знаменовал собой конец военного периода. Памятный мне комсомольский лозунг «Защитим пролетарский мир!» остался позади. Защитники мира вместе со строителями новой жизни, новой культуры были направлены по слову Ленина в поход за знаниями. Журнал «Молодая гвардия» в его общественно-научных разделах выступил с большой программой помощи тем, кто учился в вузах и на рабфаках: и молодым читателям, и молодым писателям. Он помогал нам по-марксистски разбираться в знаниях. С такой поддержкой легче было отстаивать свою позицию, разбираться во всякого рода веяниях и влияниях, чтоб не запутаться, не попасть «в чужие сети».

Считаю уместным вспомнить об этом в дни нынешнего юбилея «Молодой гвардии», журнала, развивающего и приумножающего лучшие традиции его первых лет.

О том, какими были эти годы, я позволяю себе судить и по своим тогдашним стихам, в том числе и слабым, какие я издавна не включаю в сборники. Мне кажется показательной бесхитростная правдивость и непосредственность этих «свидетелей живых»:

стройный, как гимнаст; Саша Миронов, рыжеголовый, ото лба до плеч усеянный веснушками, не покидавшими его со школьных лет, как и незамутненная доверчивость к людям, детская отзывчивость на веселье; Сергей Санин, невозмутимо добродушный, с выразительной усмешкой большого подвижного рта, и Миша Терской, стеснительный юноша, красневший от анекдотов своего коллеги Кости Карауша и даже когда ему на работу звонила мама, хорошо воспитанная и совсем еще молодая женщина... Летчики, штурман, радист.

Обходя по краю глубокую ямину, Лютров ступал по темным плешинам обгоревшей земли и живо вспоминал бесноватые лохмы огня, хлопающего на ветру рваными полотнищами; приглаженный метелью снег, усыпанный сажей в направлении ветра; стекающий в овраг керосин, слизавший сугробы с легкостью кипящей лавы, и в дыму над ним цепкие шлейфы пламени.

Все четверо... Так ему и сказали, когда он выбрался из кабины С-04 и, как был в высотном костюме, поднялся в диспетчерскую узнать, почему запретили вылет. Он глядел на лица ребят и чувствовал, как сознание обволакивает ощущение пустоты и нереальности. Он не только не верил услышанному, но и не понимал, он оглох, как от собственной смерти. «Нет, там все не так, они не знают и говорят первое, что услышали... Сейчас, сейчас

Над поселком дымным, над столицей,
Над толпой кудлатых деревень
Свежестью расписанного ситца
Запылал обрадованный день...

— Чему же вы радуетесь в своих стихах? — спросил меня некий глубокомысленный критик. — Разгулу нэпа или голоду в Поволжье?

— Я радуюсь тому, что в народе, победившем Юденича, Колчака, Деникина, вижу силу, способную победить и разруху, и нэповский разгул, и последствия голода в Поволжье...

Кстати сказать, именно весной 1922 года Маяковский организовал в Москве, в Большом зале консерватории, поэтический утренник в пользу голодающих Поволжья. Это было первое его выступление вместе с комсомольскими поэтами, которых он назвал тогда своими молодыми соратниками.

У нас в то время было немало противников, упрекавших поэтов-комсомольцев в «излишнем оптимизме». Но мы стояли на своем, и в этом нам содействовал журнал «Молодая гвардия». Мы выступали против всяческого нытья в поэзии, про-

все изменится, обернется по-другому, нужно только переждать, как это бывало в детском сне, и тогда все разом сгинет...»

Над аэродромом нависла тишина, и в этой тишине торопливо, один за другим стартовали вертолеты. Неуклюжее на вид помахивание лопастей медлительных машин рождало мысли о настороженности чрева механизмов к ошибкам людей.

Он не мог ждать, он должен был сам узнать, как и что там теперь, там, где горела «семерка». Как будто узнать — значит изменить, повернуть вспять, найти выход, когда выхода нет.

И Лютров полетел к этим холмам, опоясанным незамерзающей сизой излучиной большой реки, глядел на черный дым с высоты двухсот метров и вспоминал утренние рукопожатия ребят, их недолгие сборы, сдержанную радость на лице Жоры Димова, впервые назначенного ведущим летчиком на опытную машину.

«Семерка» еще осенью была испытана на все строгие режимы. Сначала ее вел Долотов, потом Боровский. Ничто как будто не мешало отработанной методике испытаний. Рулежка, первый вылет, доводка двигателей, освоение специфики управления, аэродинамические испытания на устойчивость в различных полетных условиях, в том числе на предельно малых скоростях и максимально допустимых углах атаки к встречному потоку — так называемые *большие углы*... Машины испытывались при максимальном скоростном напоре на малых высотах и при

тив высокомерного индивидуализма, означавшего отрыв от народной жизни, против гнилостной поэзии «самовыражения», выражавшей идейное убожество и душевную пустоту ее напыщенных жрецов.

Их отвергали не только мы, но и многие старые мастера русской поэзии. Моим учителем в университете был Валерий Яковлевич Брюсов. Как мудрое наставление восприиял я его вдохновенные строки:

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза.
И песня с бурей вечно сестры.

Мне хотелось бы, чтобы нынешние молодые поэты, выступающие на страницах журнала «Молодая гвардия», в поисках новизны не забывали тех наставлений.

Александр ЖАРОВ

максимальных скоростях на оптимальных высотах. Из нескольких опытных С-14 «семерка» первой вышла за звук, первой прошла по мукам самолетных испытаний, проведенных Борисом Долотовым. На вопросы ребят о самолете немногословный Долотов отвечал: «Хорошая машина. Строгая». «Семерку» готовили к полетам целевого назначения. Димову осталось закончить отработку пусковых систем — сделать несколько полетов в зону с оранжевыми сигарами ракет на пилонах под крыльями, а затем отправляться в командировку.

Уцелевшая в бронированном контейнере магнитофонная нить с записью голоса штурмана и отмеченные самописцами перегрузки подсказали аварийной комиссии, что невероятное просто, так непростительно просто, что недостойно значиться рядом с жизнью и смертью.

Но так казалось на земле... Когда машина с полетным весом более ста тонн принимается за дельфиньи пляски в воздухе, именуемые *раскачкой,* из кабины самолета, вошедшего в эти непокорные рукам летчика колебания, все выглядит иначе. Возникновение раскачки в так называемой *зоне наибольших ошибок управления* не только не было загадкой, но и предупреждалось установленными на С-14 самодействующими механизмами — демпферами, автоматически парирующими самовозникающие изменения угла атаки. Но те же колебания летчик не в состоянии погасить своими руками, потому что слишком длинен по времени путь «человек — рули», потому что наиболее быстро и полноценно машина слушается их при главных, характерных для нее режимах полета... А демпферы, включаясь в работу всякий раз, когда штурвал замирал в руках Димова, еще более усугубляли положение. Одно к одному. В других условиях все было бы по-другому, но самолет не *ходит за ручкой* одинаково во всех полетных режимах, и зоной наибольших ошибок управления для С-14 остаются взлетно-посадочные скорости, здесь машина особенно «строга»...

Они едва взлетели, магнитофон успел записать всего несколько фраз, продиктованных Саниным по обязанности штурмана:

— Скорость триста пятьдесят... Скорость четыреста...

После недолгой паузы удивленный вопрос:

— Куда ты тянешь?

Неясные щелчки, треск, судорожный вздох, как если бы человек хотел, но так и не смог ничего сказать. И опять голос Санина:

— Жора, куда ты тянешь?

Ему никто не ответил.

— Куда ты тянешь? — крикнул Сергей в последний раз и звонко выругался.

Магнитофонная нить не выдала больше ни звука.

Острые всплески на ленте самописца легко расшифровали слова Санина: «семерка» развалилась в воздухе от перегрузок, превысивших предельные величины в несколько раз.

Все происшедшее от взлета до падения уложилось в считанные минуты и в представлении Лютрова выглядело так.

В трехстах метрах от земли, когда убрались закрылки и вслед за колесами шасси захлопнулись створки гондол, вертикальный порыв воздуха задирает самолет кверху — *кабрирующий момент.* Рефлекторным движением — штурвал от себя — Димов привычно парирует нежелательное увеличение угла атаки, пытается вернуть машину к нормальному углу набора высоты. Летчика нервирует непослушание самолета, и он все дальше отдает штурвал. Но скорость мала, реакция «семерки» на отклонение рулей запаздывает, на мгновение кажется, что самолет неуправляем. Но вот он поворачивает к земле, тревога отхлынула, чтобы тут же вернуться снова: линия горизонта пересекла стекла кабины и метнулась в небо! Теперь штурвал на себя, еще, еще!.. Но самолет несется вниз как завороженный. И кажется, проходит не пять, а тысяча секунд, пока руки переведут машину из пике в набор высоты, сопровождая переход угрожающими перегрузками... Вверх!.. Вниз!.. Снова вверх!.. И машина не выдерживает.

«Куда ты тянешь?» — кричал Сергей, давая понять Димову, что, работая управлением, он вводит «семерку», залитую топливом *под закрутку,* в опасный резонанс раскачки, а не противостоит ей. Димов должен был решиться поставить штурвал в нейтральное положение по усилиям, бросить его, наконец, забыть о пилотажных навыках, дать возможность погасить колебания автоматам на управлении — *демпферам тангажа...* Не мог же он не знать, что они бездействуют, пока управление в его руках?.. Может быть, Димов и понимал это, да земля была

слишком близка. Или были какие-то другие причины его молчания, другая догадка об источниках гибельных колебаний?.. Разрушение машины, огонь и смерть скрыли многое.

Одно несомненно: если Санин пытался предостеречь, значит, поведение «семерки» вышло за грань допустимых отклонений. У него доставало выдержки не вмешиваться в работу летчика. Лютров знал это. В выдержке — основа мужества штурмана, а степень нервного напряжения — в прямой зависимости от веры в летное искусство командира. И это понятно. Практически любая авария при взлете и посадке грозит увечьем прежде всего штурману, если говорить о самолетах типа С-14, где штурманская кабина — первая по полету. И штурману «семерки» суждено было умереть первым, самолет падал кабинами вниз...

Лютров часто бывал у родителей Санина, живших отдельно от Сергея, там же, в пригороде. Теперь ему больно встречаться с ними — он остался в их памяти вестником гибели сына.

Не стало Сергея, и Лютров потерял какую-то часть самого себя. Сергей опекал Лютрова как брата, решал за него, где скоротать вечер, чем заняться в выходной день, куда поехать на охоту...

Долго не мог стереться в сознании день похорон — панихида в зале приаэродромного клуба, четыре закрытых, стоящих в ряд гроба, запах еловых веток; вынос, завывание медных труб. И прощальное слово Гая-Самари, старшего летчика фирмы. Гай говорил тихо, медленно, и так же медленно и тихо падал снег на его красивую голову. Иногда его голос срывался на судорожный шепот, он прикрывал глаза, и на небритых скулах выдавливались желваки.

Нечеловечески трудно говорить о погибших, произносить их имена, когда перед тобой лица матерей, жен и детей, не способных видеть что-либо, кроме мерзлых прямоугольных ям у ног. Гай говорил простые слова о смысле их труда, о том, сколько успели сделать эти четверо, но и простые слова были тут бессильны, потому что нет на человеческом языке слов, нет объяснений, которые примирят материнские сердца со смертью сыновей.

— Они погибли как солдаты, которые не могли и не имели права отступить... — закончил Гай.

Перед погребением мать Сергея упала грудью на зако-

лоченный гроб, уже припорошенный снегом, и никто не решался поднять ее.

Поддерживая под руки сестер Сергея, Веру и Надежду, пока их мужья засыпали могилы, откровенно обливался слезами Витя Извольский; не поднимал склоненной головы Борис Долотов; недвижными стояли Боровский, штурман Козлевич, радист Костя Карауш. Рядом с Лютровым стоял бывший командир их отряда Амо Тер-Абрамян. Он прилетел на похороны из своей Армении, где жил после выхода на пенсию. Седая прядь на смоляных волосах свисала на лоб, на ней не было видно снежинок. Вокруг Славы Чернорая, бывшего комэска и друга Димова, теснились в серых шинелях летчики из воинской части, где еще недавно служил Димов, у которого не было родных. Последний из близких — отец — умер два года назад. Ребята из прошлогоднего выпуска школы летчиков-испытателей — Радов, Саетгиреев, Трофимов — выглядели совсем потерянными. Приехал на похороны и Лев Фалалеев, во благовремение ушедший на пенсию и теперь описывающий в книжках и статьях свою «насквозь героическую», по словам Кости Карауша, летную жизнь. На рукаве желтого ратинового пальто Кантолая была аккуратно повязана траурная лента, шляпу он держал у живота, лицом содержательно скорбел, но уехал, как и явился, вдруг, словно отдавал памяти экипажа драгоценные минуты.

Толпа стала расходиться, оркестр смолк, и горе обнажилось сдавленными рыданиями, стонами женщин, скребущими по сердцу лопатами... А когда над одинаковыми бугорками выросли пестрые груды венков, снег посыпал гуще, словно и это входило в ритуал похорон — поскорее уподобить только что омытые слезами погребения вчерашним, позавчерашним и тем, что появились сто лет назад.

У ворот кладбища Лютров увидел Славу Чернорая, заслонявшего своей широкой спиной незнакомую женщину. Рукой в красной варежке она держалась за граненый прут чугунной ограды, будто боялась упасть.

Когда Лютров поравнялся с ними, Чернорай сказал, что не сможет быть на поминках, говорил он и еще что-то, чего Лютров не расслышал: на стоянке за воротами запускали и прогревали застоявшиеся на морозе автомобили.

Тут же у въезда на погост стоял черный ЗИЛ главного

конструктора Николая Сергеевича Соколова, приехавшего на похороны с женой, старшей дочерью и сыном. Главный совсем занемог от горя, ему с великим трудом удалось четырежды нагнуться у могил, чтобы бросить в каждую по пригоршне мерзлой земли.

Первые недели были самые трудные. Отец Сергея, Андрей Андреевич, приходил к Лютрову, оставляя старуху на попечение дочерей, не в силах выносить нескончаемые стоны жены.

— Один сын, Лексей, один!.. — громыхая по столу кулаком и роняя слезы, жаловался старик. — Войну прошел, сызмальства воевал... Отчего не я, не старуха, а он, а?..

Проводив старика, Лютров пытался поскорее уснуть, но сна не было.

— Давление выше нормы. Ощущаете недомогание?

Девушка-врач озабоченно сжимала блеклые губы и выжидающе глядела на Лютрова.

— Здоров. Вашими молитвами...

— Меньше курите. Сбавьте немного веса. Чаще бывайте на воздухе. На лыжах ходите?..

Она еще не научилась улавливать своим белым носиком запах спиртного у подопечных. Или прямо говорить об этом, а потому и спрашивает о ерунде, чтобы скрыть свою девчоночью робость. Крохотная, снежно-свежая в своем накрахмаленном халатике, она перебирает стерильными пальчиками на волосатом запястье его руки и нервно краснеет, если вена вздрагивает на пять ударов чаще положенного.

Как молния в безлунную ночь, катастрофа высветила не только слабые места в конструкции С-14, но и людей, заставила говорить не только о погибших, но и о живых.

На заключительном заседании аварийной комиссии один из ее членов, пожилой начальник отдела автоматики КБ, ошеломленный истолкованием причины происшедшего, спросил: почему опытную машину с такой поспешностью передали молодому летчику? Насколько ему известно, командиром «семерки» до последнего времени был Боровский. Ему объяснили, что ничего недозволенного в этой замене нет и это не исключение, а установившаяся

практика. Обстоятельства вынуждают подменять летчиков даже на несколько полетов, так что в решении передать самолет для продолжения испытаний Димову, долгое время летавшему вторым летчиком с Боровским, ничего необычного нет. Для такой подмены достаточно отметки инспектора в летной книжке любого высококлассного испытателя фирмы.

Начальник отдела автоматики так и не узнал, что коснулся весьма щепетильной области интересов «самого» Боровского, за глаза величаемого «корифеем».

Заключительная стадия испытаний «семерки» должна была проводиться в местах весьма неблизких. Работа черная, неброская, а «корифею» позарез нужно было находиться на глазах у начальства: готовился приказ о назначении командира на новый пассажирский лайнер С-441 — дело громкое, «хищное», как в этих случаях говорят летчики. Боровскому нужно было освободить себе руки задолго до первого вылета С-441, намеченного на лето, и «корифей» пустился в нехитрую дипломатию, призывая начальство оказать доверие испытателю из нового пополнения, дать возможность способному молодому человеку проявить себя на завершающем этапе испытаний «семерки».

Чем бы ни была вызвана дипломатическая активность Боровского, уступившего Димову свою работу, «корифея» никто не подозревал в злом умысле, это исключалось. Боровский и в самом деле был многоопытным и в высшей степени толковым летчиком-испытателем. Никто не помнил за ним сколько-нибудь серьезной летной ошибки. И он любил летать. Понимающие журналисты ставили его в один ряд с именами самых видных асов страны. Но при близком рассмотрении он во многом терял, и причиной тому была самая непрезентабельная суетность, тяготение к влиятельным мужам КБ, к местному начальству, словом, — к «сферáм».

Сказалась она в поведении Боровского и позже, когда Старик — так летчики между собой звали Главного конструктора — утвердил ведущим летчиком С-441 Славу Чернорая. Боровский потерял душевное равновесие. Услыхав краем уха, что будущий командир С-441 водит компанию с Костей Караушем и Виктором Извольским, кои якобы были замечены в злоупотреблении спиртного, о чем и. о. начальника летного комплекса Юзефович

имеет недвусмысленные сигналы, Боровский гласно обвинил руководство летной базы в назначении пьяниц на ответственные заказы. Нельзя было до такой степени доверять известной поговорке: скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты; Чернорай брал в рот спиртное разве что «в дни противостояния Марса», как сказал Костя Карауш, когда узнал о выпаде Боровского. Однако, минуя самого Костю и Виктора Извольского, брошенный «корифеем» камень попал в руководителя отдела летных испытаний Петра Самсоновича Данилова, через которого проходят все кандидаты на новые машины и который, кстати, дал себя уговорить Боровскому передать «семерку» Димову. Но этого старого и очень осторожного инженера, сорок лет отдавшего фирме, можно было обвинить в чем угодно, только не в опрометчивых решениях. Все, что он подписывал, было в рамках принятого, дозволенного, законного и в большинстве случаев после неторопливых совещаний с заинтересованными лицами.

Все это происходило в большом кабинете начальника летной базы Савелия Петровича Добротворского, Героя и генерала в отставке. Выслушав Боровского, Данилов испросил разрешение пригласить для консультации врача летной службы.

Девушка-врач, заметно взволнованная общим вниманием, четко выговаривая слова, заявила, что у Вячеслава Ильича Чернорая ею не замечены какие-либо отклонения в состоянии здоровья, и, как иллюстрацию к сказанному, показала журнал с отметками кровяного давления летно-

подъемного состава за последний год. Снисходя к ее волнению, генерал подчеркнуто учтиво поблагодарил за сведения, а когда она вышла, резко встал из-за стола.

— В следующий раз потрудитесь сами проверять сплетни, которыми пользуетесь, — неприязненно бросил он «корифею», — я вам не царь Соломон!

Но Боровский не мог остановиться. На бурном заседании методсовета, когда утверждалась одна из программ испытаний порученного Боровскому С-440, большой турбовинтовой серийной машины, превращенной в летающую лабораторию, «корифей» неоправданно бурно отреагировал на какую-то неточность в подписанной ведущими инженерами и Даниловым программе, не стал слушать объяснений, когда ему пытались доказать, что документ, в конце концов, обсуждался методсоветом, да и ошибка невелика, а недвусмысленно заявил, что возможность подобных «оптических аберраций» в организации летно-испытательной службы на базе и привела, в конце концов, к катастрофе «семерки».

Прослышав об этом, Костя Карауш отметил:

— Это уже кое-что.

До отъезда в командировку Лютров слышал, будто Данилов имел беседу со Стариком о поведении Боровского. Но до того ли главному сейчас, чтобы заниматься еще и амбицией «корифея»?

...Санина назначили штурманом на С-04 после аварии опытного С-40 в 1959 году. Санин оставался на борту с командиром корабля до последней минуты, не в пример второму летчику Андрею Трефилову, и выбросился из машины, когда пожар в зоне четвертого двигателя ослабил крепежные узлы и двигатель отвалился. Потерявшая равновесие машина мгновенно свалилась на крыло, так что Санин едва успел выбраться из аварийного люка, глядевшего уже не вниз, а вверх.

Прыжок был неудачным, Санин опустился на старую осину в лесу за деревней, сильно ударился. Побаливала спина, и он не на шутку боялся, что врачи «зарубят», а когда увидел в летной книжке «без ограничений», радовался, как ребенок.

Вернувшись из госпиталя, Санин как-то обмолвился в присутствии Гая-Самари и Бориса Долотова о «некоторой поспешности», с которой покидал самолет второй летчик Трефилов.

Убедившись, что включение противопожарной системы не сбило огонь, Трефилов расстегнул ремни и сказал Моисееву:

— Поскольку... у меня сегодня день рождения... я покидаю машину.

Моисеев вначале как-то и не понял его, вопросительно посмотрел на Санина, снова на Трефилова, но затем отвел глаза, будто устыдившись, и, прежде чем Трефилов успел покинуть кресло, дал команду выбрасываться. Кроме Санина, никто из экипажа ничего не понял в поведении Трефилова, во всяком случае ничего, кроме того, что второй летчик с завидной оперативностью выполнил команду командира корабля.

Однако ускользающая от формальных определений вина Трефилова, с точки зрения обязанности второго по значению члена экипажа, заключалась не в букве инструкций, а в летной этике. Покинь он машину вместе со штурманом, когда на борту не останется никого, кроме командира корабля, и Трефилов, может быть, по сей день работал бы на фирме. Да и Санина, человека по натуре мягкого и терпимого, несколько обескуражило то, какой оборот приняла эта некрасивая история год спустя с нелегкой руки Бориса Долотова. На первом этапе испытаний «семерку» вел Долотов, вторым летчиком назначили было Трефилова. Но Долотов, которому всегда было все равно, с кем летать и на чем летать, на этот раз отказался работать с Трефиловым. С кем угодно, кроме него. Дело дошло до объяснений в кабинете Данилова.

И тут не только все решилось, но и все, кому довелось при том присутствовать, немало были удивлены тем объяснением существа Трефилова, какое в очень немногих словах дал Борис Долотов, человек, как будто и не замечавший никого за два года пребывания на фирме.

Если Гая-Самари можно было отнести к категории «модников-классиков», кем вольные веяния моды вводились скромно, иногда — намеками: чуть длиннее пиджак, ярче галстук, немного уже или слегка расклешены брюки, то Андрей Трефилов принадлежал к «модникам-эксцентрикам», на ком появляется все самое первое, яркое, еще непривычное глазу и оттого бросающееся в глаза. Казалось, этот человек все свободное от работы

время только тем и занимался, что искал какой-нибудь галстук «павлиний глаз» или невообразимую замшевую куртку со множеством карманов и бесконечными застежками-«молниями» и чтобы на подкладке можно было увидеть золототканые ярлыки, стилизованные под средневековые геральдические щиты. Он первым принимался носить пальто с накладными карманами, пыжиковую шапку, туфли с носком веретеном, обтягивающие икры брюки, пестро расцвеченные сорочки; доставал неведомо где паркеровские ручки, африканских чертиков для украшения лобового стекла машины, задрапированной занавесками, зажигалки из Японии; носил тончайшие часы на массивном золотом браслете; запонки с цыганскими висюльками, зажим для галстука в виде полицейских паручников и даже сигареты умудрялся курить «оттедова»: то с верблюдом на пачках, то с какими-то герцогскими коронами, чуть ли не из Новой Зеландии.

— За тебя можно получить хар-рошие деньги! — сказал ему однажды Костя Карауш.

— Да?

— Ага. На одесской барахолке...

— Полегче, радист, я тебе не Козлевич, — отозвался Трефилов, с неожиданной злобой нацеливая на Карауша маленькие глаза из глубоких глазниц под сильно выпуклым лбом с залысинами.

— А кто спорит? — парировал Костя. — Козлевич понимает шутки...

— Здесь все свои, — начал неприятный разговор Данилов. — Вот Донат Кузьмич, Андрей Федорович... Товарищ Долотов, объясните нам э... причину вашего несогласия с кандидатурой Трефилова на место второго летчика!

Борис Долотов сидел через стол от Трефилова и сразу же после вопроса Данилова коротко сказал своему визави:

— Ты скис.

— То есть? — насмешливо улыбнувшись, Трефилов откинулся на спинку стула и засунул руки в карманы.

— Выдохся. Что в тебе было, называется куражом. Кураж испарился, и ты скис. Промотал все, пережил самого себя.

— Интересно... Какой кураж? Чего испарилось?

— Все, что было.

— А чего было?

— Сначала был свет, как в божий понедельник. Я тебя по училищу помню, хоть ты был и не моим инструктором. Ты и там искал, где бы повыше забраться, любил, чтобы тебя видели. В тебе всегда было два человека. Один умел летать, а другой в это не верил. До сих пор ты доказывал ему, что стоишь столько, сколько платят за самого лучшего. Но это не просто — все время доказывать самому себе, что ты не хуже лучших. И осталось одно, что до поры кое-как помогало тебе... самовыражаться...

— Интересно, что?

— Деньги.

— Ха! — Трефилов посмотрел на Данилова.

Смущенный Данилов хотел было вмешаться, но Долотов упредил его:

— Да, деньги. Не от скупости, не для кубышки или чтобы купить пароход, а для щедрости — вот я какой: угощаю всех, кто под руку попадется, даю взаймы направо и налево. В твоем доме так и говорят: хороший человек этот летчик, никому не отказывает. Но какая это заслуга — дать, а потом взять обратно? Чему тут восхищаться? А поскольку восхищения в глазах ближних ты не видел, твоя щедрость кончилась, и деньги тебе не очень нужны. Все, ты выпотрошился. Героя не заработал, а щекотать самолюбие мелочишкой скучно... Вот ты и скис, работаешь по инерции, как умеешь давно, потому что заряжаться тебе нечем, и верх в тебе все больше берет тот, другой... Поэтому я и не хочу летать с тобой... Чтобы ты ненароком вместо выпуска противоштопорного парашюта не включил его сброс...

После этого разговора Трефилов сам отказался летать с Долотовым, а когда почувствовал, что никто не считает того неправым, перевелся на другую опытную фирму, но и там пробыл недолго — ушел на серийный завод.

— Так может говорить только человек, который и самому себе ничего не прощает и не простит, — сказал Гай Лютрову. — Долотов не станет ждать суда посторонних, чтобы почувствовать угрызения совести. Но ведь так и надо, а, Леша? — спросил Гай и сам себе ответил: — Так и надо.

Вскоре после возвращения из госпиталя Санина назначили на С-04. К тому времени Лютров достаточно знал Сергея, чтобы не сомневаться, что ему повезло со штурманом. А это много значило для него в ту пору: многоцелевой двухместный перехватчик С-04 был первой опытной машиной Лютрова, которую он вел «от» и «до», хотя работал на фирме седьмой год. Но задолго до того он уже имел некоторое представление о человеческих качествах Сергея Санина.

Душевная избирательность сложна. Подчас довольно очень немногого, чтобы проникнуться расположением к человеку, и ровным счетом ничего не нужно, чтобы он вызвал в тебе неприязнь. Достаточно всего лишь однажды дать человеку понять, что ты на его стороне, а ему оценить это, и вам обоим будет легко друг с другом всю жизнь. Они вместе могли налетать не одну сотню часов, но их дружеские отношения, возможно, так и не переросли бы в братскую привязанность, если бы не тот памятный, неприятный для Лютрова полет в марте 1953 года, накануне смерти И. В. Сталина, да небольшое происшествие в комнате отдыха летчиков после траурного митинга.

В ту пору готовили к серийному выпуску одну из первых реактивных машин Соколова — С-4, на которой вначале летал Тер-Абрамян, а потом все понемногу. Завод изготовил предсерийный вариант, предназначенный для доводочных испытаний на летной базе фирмы. Нужно было сделать несколько полетов, чтобы снять *аэродинамические характеристики крыла* после небольшой модернизации.

За машиной направили Лютрова и Санина.

Вылет был назначен на девять часов утра, а накануне вечером заводские летчики устроили им «малый прием», где они с Сергеем «позволили себе» приложиться к бутылке со звездочками.

И хоть Лютрову шел двадцать восьмой год, а может быть, именно поэтому, выпитого накануне было достаточно, чтобы после взлета в наборе высоты он потерял *пространственную ориентировку*. Такого с ним не бывало со времен учебы в летном училище.

Когда это каверзное психофизиологическое состояние охватывает летчика, да к тому же одного в кабине, оно действует как изматывающее сновидение: ты повис над бездной, изо всех сил стараешься не сорваться в нее, и

в то же время нечто подсказывает тебе, что спасение — в падении, а нелепость такого выхода только кажущаяся.

Облачность начиналась с высоты около семидесяти метров, и как только самолет вошел в нее, Лютров почувствовал, что машина завалилась в глубокий крен на правое крыло.

По приборам же все было нормально — угол набора, небольшой крен.

Но он не верил приборам, в том-то и штука — очевидность была в нем самом, а не в показаниях черных циферблатов с белыми стрелками, они не могли переубедить его, подавить невесть откуда взявшуюся напасть... Сознание как бы раздваивалось, он едва сдерживал себя, так велико было искушение «выровнять» машину по собственным представлениям о ее положении относительно земли. Кресло под ним, кабина, крылья — все находилось под немыслимым углом к линии горизонта, и ощущение это не только не проходило, но становилось все агрессивнее, требовало действий.

И только потому, что Санин молчал, Лютров держал самолет по приборам; опытный навигатор, Сергей не мог не заметить отклонений в показаниях приборов своей кабины.

А белесая мгла облаков заполнила небо, казалось, ей не будет конца. Нетерпеливое желание вырваться за верх-

---

Сердечно поздравляем «Молодую гвардию» с 50-летием со дня выхода на «орбиту» ее первого номера, желаем дальнейших успехов в благородном деле воспитання нашей молодежи.

Эмоционально-насыщенные слово, рисунок, фотография, отражающие героические будни советской молодежи, находят отклик в умах и сердцах не только советских людей, но и наших зарубежных друзей.

Так пусть же и впредь «Молодая гвардия» помогает ковать молодые характеры, достойные нашего времени.

Летчики-космонавты:
П. ПОПОВИЧ,
В. БЫКОВСКИЙ,
Е. ХРУНОВ,
Б. ВОЛЫНОВ

нюю кромку облачности вносило свою долю сумятицы, и неуверенность Лютрова становилась все нестерпимее. В довершение всего в зоне разорванной облачности в кабину обрушился хаос мигающих солнечных лучей, перемежающихся с плотными тенями проносящихся за стеклами лоскутьев облаков.

Все перед глазами словно сорвалось с места. Дробились, гасли и вновь вспыхивали блики на всем, что могло блестеть, метались солнечные зайчики, слепящими искрами дрожаще светились мельчайшие хромированные детали, стекла приборов. Голова пошла кругом. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы наконец не осталась позади семикилометровая толща облаков.

Занавес упал. Под самолетом равниной лежала холмистая даль верхней кромки облачности, повторяющей земной горизонт, разом снявшей наваждение. Правота приборов обрела силу очевидности, Лютров с великим облегчением почувствовал это и услышал голос Сергея:

— Коньяк, мон женераль?..

Значит, он заметил неладное в поведении машины.

— Кажется, да, — отозвался Лютров, обливаясь потом.

— Не застревай на своих впечатлениях, импрессионист. Держись приборов, а то небо в овчинку покажется.

По голосу Санина можно было понять, что он улыбается.

И тогда, еще в полете, Лютров почему-то вспомнил, что Сергея дважды сбивали на фронте, и оба раза во время глубоких рейдов на самолетах дальней авиации; что благодаря разработанной им системе поисков был обнаружен и разбомблен строго секретный аэродром немцев в Финляндии; что у него три ордена Ленина, два Красного Знамени, четыре Красной Звезды, два Отечественной войны... И Лютров не пожалел, что выдал себя: он подумал тогда, что люди, подобные Санину, умеют ценить искренность, и он правильно сделал, что не стал скрывать от него правду. Для Лютрова эта неожиданная мысль была первым следом общности между ними.

На другой день было объявлено о кончине И. В. Сталина. На летной базе собирали траурный митинг.

Полетов в этот день не было.

С утра было холодно. Зима успела надоесть, хотелось тепла, легкой одежды, зелени, а снег все еще лежал крепко.

Выходя из здания летной части, Лютров приподнял воротник меховой куртки и вместе со всеми направился в сторону большого ангара. Им, идущим со стороны аэродрома, хорошо были видны темные цепочки людей, тянущихся от всех корпусов летной базы, где размещались не только те работники, что были непосредственно заняты нелегким делом подготовки испытаний самолетов, но и вспомогательные службы, филиалы цехов основного производства КБ, бригады представителей фирм-смежников. Люди шагали молча.

Огибая опоры стапелей, треноги гидроподъемников, полутораметровые колеса шасси стоящего со снятыми крыльями С-40, прототипа будущего стратегического бомбардировщика С-44, непрерывно натекавшая под стометровые пролеты ферм людская масса мало-помалу заполнила все огромное помещение. Люди плотно стояли лицом к помосту с длинным столом, обтянутым красной тканью с черной полосой, как и тяжелая трибуна слева.

Вскоре на помосте появились уже знакомые Лютрову лица, их часто можно было видеть на собраниях, заседаниях, конференциях. Лица склонялись одно к другому, произносили неслышные фразы. Стоял на помосте и будущий и. о. начальника летного комплекса Нестор Юзефович. Он выбрал позицию чуть в стороне от остальных, словно смерть постигла одного из его родственников и он имеет право быть первым среди скорбящих.

Кого-то ждали.

Стало совсем тихо, и только неприлично чирикали зазимовавшие под крышей воробьи.

В этой настороженной, готовой многое вместить в себя тишине каждый в тысячной толпе хотел видеть и слышать все. Тишина напрягалась, становилась ненастоящей, фантастической из-за молчания стольких людей.

Не выдержав напряжения тишины, упала в обморок женщина. Над ней склонились, кто-то побежал к выходу, за «скорой помощью». Как шелест листьев под ветром, пролетел и смолк недолгий говор.

Люди на помосте расступились. Пришел начальник летной базы Савелий Петрович Добротворский, невысокий, прямой, чуть полнее, чем следовало для его роста.

Держа перед собой лист бумаги, пожилая женщина объявила о начале митинга.

Речи были короткими. И в произносимых словах было меньше скорби, чем в напряженном молчании людей.

— Слово предоставляется...

Едва возвышаясь над трибуной, заговорила девушка-клепальщица — тонкая, бледная, с покрасневшими глазами. Срывающийся голос, набухшие слезами глаза выдавали искренне растревоженную душу, растерянную, страдающую. Так и не высказав рвущихся наружу слов, она разрыдалась и растрогала всех.

Последним поднялся на трибуну Добротворский.

Он говорил четко, короткими фразами, как у могил тех летчиков, которых ему довелось хоронить на фронте, не стараясь ни приглушить, ни изменить свой голос.

— Товарищи, умер Иосиф Виссарионович Сталин. Это тяжелая утрата. Мы хороним человека, которому безгранично верили... В каждом из нас живы воспоминания о 1941 годе. Я видел слезы на глазах героев, когда после страшных слухов о падении Москвы мы на далеком участке фронта услышали его речь перед войсками на Красной площади. Такое нельзя забыть...

После митинга летчики вернулись в комнату отдыха.

Когда стали расходиться, Лютров решил приземлить плохо поддающееся обсуждению событие до привычной людям значимости.

— Куда же вы, братцы?.. Можно подумать, что вы не хотите выпить за помин души Иосифа Виссарионовича?..

К словам трудно было придраться. Но у Юзефовича,

невесть откуда и как оказавшегося у Лютрова за спиной, было иное мнение.

— Как вы сказали?!

Лютров опешил.

— Повторите, как вы сказали! И тем же тоном.

Это была хорошо интонированная экзекуция демагогией. Сколько в ней было наглого самодовольства, острого наслаждения, внушающего страх, уличившего, унижающего.

За несколько последующих мгновений на лице Лютрова сменилась вся гамма выражений — от растерянности до бешенства.

— Кого не приглашают, тому нечего повторять, — медленно произнес Лютров.

Не умея сменить «повторите, как вы сказали!» на равнозначное, угрожающее, Юзефович наливался синевой и, как плохой актер, ждал наития.

— Брось выпендриваться, Юзефович, — донесся из тишины спокойный голос Сергея Санина, — не будь хитрее теленка...

Спектакль был испорчен.

Бывший фронтовик со следами тяжелых ожогов на лице, имеющий больше орденов, чем Юзефович пуговиц, Санин в глазах будущего и. о. начальника комплекса был не чета Лютрову. И Юзефович сменил окраску: все еще недовольно, но явно в другой тональности, он покачал головой и удалился. А Лютров вдруг до пронзительности ясно понял душу Санина: случись, он загородит тебя от удара, от пули, себя в первую очередь подвергнет смертельной опасности и при этом не будет считать, что совершил что-то необычное...

После больших и малых событий 1953 года Лютров все чаще встречался с Саниным, и мало-помалу Сергей увлек его в разноликую жизнь Энска, своего родного города.

Давно ли все это было? И грустно и весело вспоминать... Это был маленький буйный мирок, кипящий настроениями, голосами и жестами. Люди приносили с собой по яркому лоскуту от мыслей, красок и событий большого города. И кого только не заносило к Санину... Иногда захаживал известный поэт, имевший обыкновение после двух рюмок поносить на чем свет стоит всю современную поэзию чохом, включая и собственные опусы, и

со слезами на глазах декламировать лермонтовское «Выхожу один я на дорогу».

Тучный сатирик, друг поэта, подарил Лютрову тонкую книжицу злых фельетонов, озаглавленную «Соль по вкусу». Лютрова поражало в этом человеке ни в ком ранее не замеченное умение говорить о сложном свободно и легко. Казалось, этот человек был умнее, опытнее, на порядок больше вобрал в себя всех тех едва приметных, скрытых от поверхностного взгляда примет жизни, которые открываются только очень пытливым, глубоким людям.

— У вас забавная привычка глядеть на людей, — говорил он Лютрову. — Вы всегда над людьми, над их хлопотами. На земле с вами ничего не случается?.. Умеют молчать или умные, или стеснительные люди. Вы умный человек?..

Его вопросы казались странными, но он не рисовался и говорил только то, что хотел сказать.

В последнюю зиму к Сергею несколько раз заходил человек в сером свитере с высоким воротником. «На шум», как он говорил. Сам же был немногословен и чаще всего играл в шахматы. У него было постоянное место у окна, где стоял маленький столик. Говорил он не поднимая головы, даже когда беседовал с сидящим напротив сатириком. Этому не составляло труда играть в шахматы и без всяких усилий рассуждать о том, что сделалось предметом разговора. В своем партнере он обретал идеального слушателя.

— В наше время всяческих проповедей, — рассуждал сатирик, — ссылки на сдвиги в сознании из-за рождения кибернетики и атомной энергии не более чем литературная эстрада, беллетристика душевных аплодисментов. Современен тот, «кто обогатил свою память знаниями всех тех богатств, которые выработало человечество», кто способен ощутить мир сердцем Толстого, воплотить в себе все, возвышающее человека... Никакая кибернетика сама по себе ничего не воплощает... Я вот кончил литературный, есть такой институт. Было нас там несколько, тяготеющих отобразить в «великом и могучем» лик времени. Не менее того. Наука-де заговорила по-новому, и нам следует, как некогда Александру Сергеевичу, усовершенствовать отечественный глагол. Им-де, обтесанным на новый лад, сподручнее будет жечь сердца людей. Как программка? А вот нового у нас набралось на одну осви-

станную и ныне прочно забытую книжицу рассказов, напичканную студенческими «речениями»... Ну, засим получил я диплом о прохождении литературных наук, был направлен в газету, стал разъезжать по всей великой малой и белой Руси, и тут-то вся моя жеребячья умственность улетела к чертям собачьим, потому как душа по-прежнему проживала в дедовском языке... И для каждого более всего на свете, более всех примет электронного века значат приметы любви к родной юдоли... Если ты не окончательно затруханный сукин сын...

Впервые человек в сером свитере показался Лютрову взволнованным. Он снял сильные очки в черной оправе и принялся сосредоточенно протирать их.

— Вы правы, — заговорил он, — чем богаче язык, тем меньше сопротивления оказывает сознанию окружающее... Архиглупо почитать за отсталую народную речь, так дружно, в ладу живущую со всем, что есть на земле... В это нужно уверовать, как в руки матери.

После этой беседы Лютров спросил Сергея о человеке в сером свитере:

— Кто он?

— Не знаешь?.. Ну, да ты тогда не занимался тяжелыми машинами. Это конструктор, начальник отдела. Руководил разработкой механизмов подвески ядерных бомб, был на испытаниях. И вот не уберегся. Болен. Сильно — поражено горло: под свитером следы трех операций. Ему голову поднимать трудно, как на гильотине побывал.

Вскоре этот человек исчез, и Лютров так и не успел узнать, что с ним случилось.

...Хозяйскими делами Сергея ведала его мать, грузная, строгая старуха, по-крестьянски в открытую гордившаяся сыном. Когда она видела Лютрова с Сергеем, принималась сетовать на несуразность их холостой жизни:

— Пора бы уж! В холостяках-то так набалуетесь, никакая девушка не глянется. Чего ждать? Мужики вы, что ты, что Серенька — как дубы, эвон какие! Какого рожна ждать?

Они обещали ей сыграть свадьбы вместе, в один день, как то получилось у сестер Сергея, Веры и Надежды.

Но не женились ни вместе, ни порознь. Возраст ли ме-

шал без предубеждений относиться к девушкам или не случилось в их жизни какой-то главной встречи? Трудно сказать. А в молодости, может быть, больше других любили крылья и, как все одержимые, глядели на заботы вне призвания как на никчемные, не стоящие особого внимания.

Как бы то ни было, Лютров не находил изъянов в прожитых годах и никому не завидовал. Он никогда не сомневался, тот ли путь избрал, тому ли делу отдал жизнь. Обернись все заново, и он снова сядет за письмо командующему округом, чтобы попроситься в летное училище, как он это сделал после призыва в армию в 1944 году. Овладев полетом, он поймал свою жар-птицу и ревностно берег ее, не мог позволить чему-либо случайному посягнуть на его работу. В ней все, весь он. Он не хотел большего, ему не нужно было другого кресла, кроме катапультного, он не мог лишиться того, что давали ему крылья. Еще будучи курсантом, Лютров предпочитал пораньше ложиться спать, чтобы утром, прогревая мотор ЛА-5, с упоением вслушиваться в его уверенный рокот. Все звуки жизни были в нем. Он слышал преданность, послушание, силу, готовую сделать для него главную чудо-работу: поднять в воздух, огласить небо торжествующей песней полета. Что можно было сравнить с полнотой вот этого ощущения жизни? Семейные радости?

Годы не оставили в памяти ничего более близкого, чем заснеженные, залитые дождем, пышущие жаром аэродромы — уходящие за горизонт полосы шершавого бетона. Лютрову случалось бывать едва ли не во всех крупных городах страны, но, прежде чем вспомнить облик города, он вспоминал аэродром. И не только он. Когда Санину говорили, что такой-то город красив и гостеприимен, он привычно ронял:

— Хороший город. Знаю. Полоса два двести.

И уже затем принимался говорить, обстоятельно и со знанием дела, о музеях, картинах, театрах...

Рядом с воспоминаниями об аэродромах жили, как лирические отступления от главной стези жизни, картины охотничьих вылазок.

В Хабаровске знакомые ребята устроили им охоту в предгорьях Сихотэ-Алиня. Охотник-удэгеец — маленький, тонкий, неутомимый, несмотря на тяжелую болезнь почек, водил их по тайге в поисках гималайского медведя... Охотничьи домики в лесу, морозное

ночное безмолвие, огромная золотая луна за сказочными силуэтами деревьев, следы осторожных изюбров, тигра, дупло старого тополя, припудренное желтой гнилостной пылью у отверстия, — след дыхания спящего медведя.

Астрахань... Неделя поздней осени, долгое тарахтенье моторки по бесконечным протокам дельты Волги, тысячные утиные стаи и укоризненные слова старого сердитого егеря:

— Ружьишко у тебя, парень, больно харчисто: гляди, в пыль утиц бьешь.

— Слышь, Лешка, — харчисто! Умеют говорить на Руси, а?.. — восхищался Санин с такой горячностью, словно его одарили чем-то.

Есть потери, которые сильнее всего напоминают о времени, о прожитом. Лютрову иногда казалось, что вся его «взрослая молодость» началась и кончилась рядом с Сергеем, как с отъездом из родного городка кончилось детство, с получением диплома летного училища — юность. Три месяца прошло после похорон друга, а он все еще не обрел прежнего душевного равновесия. Женатым, наверное, легче. Будь он женатым, ему, может быть, не стало бы так тоскливо сегодня вечером одному в своей квартире на Молодежном проспекте, и он не уехал бы на ночь глядя на этот аэродром, в гостиницу, где живут остальные члены экипажа. Нужно двигаться, не оставаться с самим собой праздным, не копить усталость, лечить душу «терапией занятости», иначе одолеет тоска... Умница Гай-Самари придумал ему эту командировку: полеты через сутки, как правило, во второй половине дня, посадка ночью, аэродром далеко от летной базы, от бесконечных пересудов о катастрофе, куда то и дело примешивают то Боровского, то Юзефовича, один вид которого вызывает в Лютрове глухое раздражение.

2

Дорога делает кокетливый поворот, изгибаясь в плоскости, как на треке, и под светом фар проступает вздыбленный каркас моста. Боднув капотом, «Волга»

проносится между пупырчатыми арками стальных пролетов. Шум мотора обрубается мелькающими по сторонам наклонными фермами.

— Ххлоп, хxлоп, хxлоп!..

По ту сторону моста начнутся разнообразные заборы финских домиков, окраина военного городка, появятся бесконечные знаки ограничения скорости, запрещения обгона, а вместе с ними замелькают свадебные стаи собак, кошки... Чаще кошки. В отличие от собачьей непосредственности они обескураживающе пугливы, и в пугливости этой не боязнь, не трусость, а диковатая скрытность, слепое недоверие ко всему, что живет вне стен хозяйского дома, — вторая натура диванных баловней. Захваченные светом, они жмутся к земле, затаиваются, чтобы в самый неподходящий момент с решительностью самоубийц броситься наперерез автомобилю.

Лютров убавил скорость и до конца опустил стекло дверцы.

Еще поворот, и на дороге в недосягаемой светом темноте вспыхивают и тлеюще блестят отражательные стекла на бортах большого грузовика. За ним полыхает костер света от фар «газика» с брезентовым верхом, у земли туманом растекается синий дымок от работающего мотора. «Газик» установили поперек обочины с умыслом осветить ямину кювета, но свет захлестывает бугор за ним, пробивается дальше, к плотной колоннаде сосен на холмистом возвышении. Кому-то не повезло с техникой.

Полстолетия назад возникла счастливая мысль назвать вновь рождающийся журнал «Молодой гвардией». «Молодая гвардия» в нашем созиании непременно связывается со столь же свежим и будоражащим словом «комсомол». Прекрасная у них доля: и в пятнадцать, и в двадцать, и в сорок, и в пятьдесят, и даже в сто и двести лет они останутся в комсомольском возрасте.

«Молодая гвардия», так же как и комсомол, в котором она черпает свои свежие силы и яркие краски, не имеет права стареть — вот в чем ее прелесть.

А что говорить о роли «Молодой гвардии» в судьбе советской литературы? Начать с того, что с ее страниц шагнул в огромный и беспокойный мир Павка Корчагин и с красным полотнищем на древке промчался по всем континентам. Если бы журнал не сделал ничего другого, а вот только это, то

Метнувшись в обход березовой рощи, дорога вползает на холм. В конце долгого спуска блеснула красным бензоколонка, трубно прогудел тоннель под бетонным мостом железной дороги, и начались последние километры узкой бетонки, ведущей к проходным аэродрома.

И от вида знакомых, освещенных прожектором решетчатых ворот, от встретившего машину бодрого краснолицего солдата в светлом полушубке, угадавшего «Волгу» Лютрова и оттого с веселым старанием раскрывшего одну за другой обе половины ворот; наконец, от улыбки парня, которая никак не хотела покидать его во время проверки пропуска («Мы-то с вами знаем, что это глупая игра с пропуском, — как бы говорила эта улыбка, — но такова служба, ничего не поделаешь»), — от всего этого Лютров словно бы ожил, очнулся от тяжелых видений ночной дороги. Здесь за воротами начинался мир живой и деятельный, который только и ждет рассвета, чтобы зашуметь и задвигаться.

— Сколько часов, не скажете? — спросил солдат, которому не хотелось оставаться одному, не выразив своего хорошего отношения к знакомому летчику.

— А если будешь узнавать о температуре, спросишь, сколько градусников?

Они дружно рассмеялись. Потом закурили, причем, прежде чем прикурить, солдат старательно, с тем же видом участника глупой игры огляделся.

и в таком случае мы обязаны и должны были бы поклониться ему в пояс. Но ведь вслед за Корчагиным шагнули в тот же беспокойный, грозовой мир сотни его младших братьев и сестер, шагнули опять же со страниц «Молодой гвардии».

Не скрою, к «Молодой гвардии», старше коей я на целых три года, я все-таки испытываю сыновнее чувство: в 1961 году на ее страницах увидел впервые свет мой роман «Вишневый омут» — книга, с которой началась вторая глава моих литературных опытов, — это было как бы вторым моим рождением. А десять лет спустя «Молодая гвардия» дала жизнь моей «Ивушке неплакучей», — отсюда понятно мое искреннее и горячее желание, чтобы и на шестом десятке, на шестом витке своего славного существования, «Молодая гвардия» оставалась по-прежнему молодой и завоевывала новые орбиты, в том числе и литературные.

Ей это под силу. Ведь годы ее не старят.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

— А у вас какое звание? — в тоне вопроса чувствовалось, что солдат задумал ответную шутку.

— Майор запаса.

— Спокойной ночи, товарищ майор! — довольный своей находчивостью, постовой отдал честь.

Утром Лютров узнал, что накануне вечером в гостиницу звонил начальник отдела летных испытаний фирмы Данилов. Интересовался делами экипажа, а когда Чернорай сказал ему, что завтра последний полет перед заменой двигателей, Данилов распорядился, чтобы после установки самолета на замену двигателей ведущий инженер Углин, бортрадист Костя Карауш и он, Лютров, прибыли на базу. А Слава Чернорай, присланный на несколько полетов — подменить заболевшего второго летчика, — должен вернуться в КБ, где он отрабатывал на тренажере навыки управления новым лайнером С-441, которому летом запланирован первый вылет.

— А нас для чего отзывают, не спросили?

— Чернорай разговаривал, а он, сам знаешь, человек военный, — улыбнулся Костя Карауш. — Начальству вопросы не задает.

Взлетели, как обычно, во второй половине дня.

Через двадцать пять минут после взлета, когда самолет вышел из зоны связи с аэродромом, Костя Карауш доложил:

— Командир, разрешили третий эшелон набирать, девять тысяч.

Его перебил Углин:

— Подождите, подождите... Командир! Алексей Сергеевич!!

— Ау!

— Вот какой вопрос: мы сейчас где находимся?

— Булатбек, уточни.

Связанные самолетным переговорным устройством (СПУ), все на борту слышали каждое слово, к кому бы оно ни относилось.

— Подходим к городу Перекаты, — начал Саетгиреев, — удаление от места взлета...

— Сколько мы ушли? — торопил Углин. — Что-то у нас непорядок.

— Удаление — двести пятьдесят километров.

— Так, двести пятьдесят, — голос Углина звучал тревожно. — Значит, если верить топливомерам...

— Так. — сказал Лютров, чуя недоброе.

— ...У нас топлива сейчас... восемнадцать тонн. И уходит очень быстро.

— Что вы, ребята? — Лютрову было чему удивиться: перед вылетом на борту находилось около шестидесяти тонн.

Но по диктующему голосу Углина Лютров понял, что ведущий не только старается быть точным в подсчетах, но и требует, чтобы к его словам отнеслись серьезно.

— Впечатление такое, — продолжал он, — что с одной стороны, с левой...

— Так.

— ...с левой уходит топливо. Очень быстро.

— Так.

— Кроме седьмых баков, — добавил бортинженер Тасманов.

— И расходный тоже уменьшается. Поэтому...

— Ну и шутки у вас, Иосаф Иванович, — невесело сказал Костя Карауш.

— Увы, Костя, это не шутка... Так вот насчет эшелона... Может быть... До Перекатов сколько?

— А сядем мы там? — Чернорай понял, куда клонит ведущий. — Булатбек, сколько там полоса?

— До Перекатов триста. Полоса...

— Запасной аэродром у нас какой? — опять спросил Углин.

— Полоса в Перекатах две... да, две тысячи метров.

— Давайте тогда обратно вернемся, — сказал Тасманов.

— Погодите. От места взлета сколько ушли? — спросил Углин.

— Двести пятьдесят.

— Тогда погодите разворачиваться, лучше идти на Перекаты.

— Булатбек, в Перекатах что за аэродром? — спросил Лютров. — Я там не был.

— Новый аэропорт, бетонная полоса. Я был на нем.

— Костя, запроси погоду Перекатов, быстро, — сказал Лютров.

— Понял: погоду Перекатов.

— Восемнадцать тонн, — сказал Лютров, — это, братцы, надо снижаться уже.

— Да, надо снижаться, — отозвался Углин. — И садиться в Перекатах. Что-то с топливом...

— Сколько до Перекатов, Булатбек? — спросил Лютров.

— Около двухсот пятидесяти, командир.

— Надо снижаться, — сказал Тасманов.

— И обратно двести пятьдесят?

— Обратно уже больше, — сказал Чернорай.

— Командир, погода в Перекатах ясная, слабая дымка.

— Ну хорошо, — сказал Лютров. — Булатбек, давай на Перекаты настраивайся.

— Чтобы не возвращаться, — сказал Чернорай.

— Хорошо, — сказал Лютров. — А как же вес? Если мы будем рассчитывать, что у нас восемнадцать тонн, а на самом деле вес будет большим? Как мы будем себя чувствовать на этой полосе?

— Ничего, — отозвался Тасманов.

— Что ничего? Ты уверен, что топливо действительно уходит?

— Я грешил на приборы, но они работают.

— Значит, так, — сказал Углин. — Топливо у нас уходит с левой стороны, правая показывает правильно.

— Так.

— Вот и по расходному баку видно...

— Так.

— Поэтому...

— Так.

— ...если мы ошибемся...

Искренне и сердечно поздравляю тебя — любимый журнал, друг и советчик советской молодежи — со славным полувековым юбилеем!

Я, одна из твоих многочисленных друзей, бесконечно счастлива и благодарна тебе за то, что ты с первых робких шагов моих в литературе вселил в меня уверенность и научил требовательности к себе.

Желаю, чтобы и впредь ты остался горячей кузницей новых талантов, носителем новых идей и ярких художественных слов для миллионов сердец.

Фазу АЛИЕВА

г. Махачкала

— Так...
— ...и у нас в Перекатах вес будет максимальный...
— Так.
— Сейчас я вам скажу... Сто, около ста двадцати восьми тонн. Ничего страшного не будет. А если мы не ошибемся, упадем без керосина.
— Хорошо, верно.
— Давайте прямо на Перекаты.
— Булатбек, какие машины там садятся?
— АН-24, ИЛ-14. Полоса хорошая.
— Ну, добро, пошли на Перекаты. Давай, Булатбек.
— Сейчас, командир, готовлю. — Саетгиреев разворачивал карту.
— Костя?
— Да?
— Свяжи Славу с Перекатами, быстро. Слава?
— Да?
— Докладывай, что идем к ним аварийно.
— Понял.
— Слава, работай, — сказал Карауш.
— Понял. На какой станции?
— На обеих.
— Понял, на обеих... Я — 0801, я — 0801, у меня на борту непорядок, буду садиться у вас, доложите возможность посадки...
Сквозь шум с земли донеслось:
— Перекаты-один, Перекаты-один... Вас понял, посадку разрешаю.
— Вас понял. Повторяю: посадка аварийно, возможно — с ходу, обеспечьте полосу... Возможна посадка с ходу...
— Перекаты-один, Перекаты-один... Вас понял, посадка с ходу.
— Алексей Сергеевич, — сказал Углин.
— Ау!
— Крен ощущаете в правую сторону?
— Да, есть.
— Значительный?
— Нет, не очень.
— Когда будет значительный, скажите. Сколько до Перекатов?
— Двести. Ровно, — сказал Булатбек.
— Что, пора снижаться? — спросил Лютров.
— Подожди, — сказал Чернорай.

Его перебил Углин:

— Алексей Сергеевич, сейчас магистральный топливный кран перекрыт, будет крен, возможно, значительный...

— Хорошо, понял. А слева продолжает убывать?

— Да.

— Здорово?

— Костя, надо передать на наш аэродром, что мы аварийно садимся в Перекатах.

— Наш не слышит уже. Я через Перекаты с ним свяжусь. Слава, работай с землей.

— Я — 0801... Вас понял, снижаюсь... Курс 135? Повторите! Понял, курс сто тридцать пять... Леша, занимай пять тысяч, курс сто тридцать пять.

— Понял.

— Командир, левые двигатели могут остановиться, — сказал Тасманов.

— Левые могут встать? Без топлива?

— Правые, а не левые, наверно, — сказал Чернорай.

— Левые, левые! — крикнул Тасманов.

— Горючее-то у нас держится на левой стороне? — У Чернорая были свои выводы после всего услышанного.

— Ушло с левой!

— Уходит с левой, — уточнил Углин.

— Командир, — сказал Карауш, — курс сто тридцать.

— Встанут так встанут, — сказал Чернорай, — на двух дойдем.

— Может, их прибрать, Алексей Сергеевич? Чтобы керосин не уходил?

— Прибрать?

— Да, левые двигатели. А то не дойдем.

— Сейчас рано, — сказал Чернорай, — мы провалимся.

— Как же мы пойдем на этой высоте на двух? — сказал Лютров.

— Ну, хотя бы один?

— Один можно. Убирайте... Слава, сними обороты с первого.

— На малый газ, — сказал Тасманов, — поставьте первый на малый газ.

— Сколько до Перекатов, Булатбек?

— Сто тридцать.

— А ближе аэродрома нет? — спросил Углин.
— Ближе нет. Самый ближний.
— Ничего, ничего, — сказал Лютров, — потихонечку снизимся сейчас и пойдем... Попроси снижения, Костя.
— Понял.
— Что? Лучше не стало? — спросил Тасманов Углина. — Левый я прибрал, магистральный закрыт. Смотри, уровень держится?..
— Костя, как со снижением?
— Дают высоту две пятьсот.
— Курс?
— Курс сто тридцать.
— Понял.
— Все-таки уходит, — услышал Лютров голос Углина. — Что будем делать?
— Надо останавливать и второй двигатель, — сказал Тасманов.
— Второй? — спросил Лютров. — Давайте второй...
— Алексей Сергеевич, топлива осталось двенадцать тонн, нужно немедленно останавливать второй, — сказал Углин.
— Да, убирайте второй.
— Может, их выключить? — спросил Тасманов.
— Надо выключить и закрыть пожарные краны, — согласился с ним Углин.
— Давайте попробуйте, — сказал Лютров.
— Но мы же не дойдем, братцы! — сказал Чернорай.
Лютров понимал беспокойство Чернорая, тяги могло не хватить, но нужно было выбирать меньшее из зол.
— Дойдем, — сказал Углин, — если сто километров, то дойдем.
— Сто тридцать, — сказал Чернорай. — Булатбек, сколько осталось? Леша, погоди снижаться, а то мы сейчас...
— Иосаф Иванович, может быть, все-таки наверху пройти, топливо экономить? — сказал Лютров.
— Алексей Сергеевич, оно выходит быстрее, чем вы его экономите.
— Хорошо, выключайте оба двигателя.
— Рано, рано, — сказал Чернорай.
— Костя, проси аварийное снижение, на них прямо.
— Понял, снижение аварийно.
— Останавливаю двигатель номер один, — сказал Тасманов.

— Давай.

— Топлива одиннадцать с половиной тонн, — доложил Углин.

— Понял.

— Останавливаю двигатель номер два.

— Так, — сказал Лютров. — А вы правильно определили, откуда уходит топливо?

Он боялся, что ошибка может привести к остановке всех четырех двигателей: два выключат, два останутся без топлива.

— С левой стороны, это точно, — отозвался Углин. — Может быть, через бак, но скорее всего через двигатель.

— Понял.

— Но почему машина кренится влево? — спросил Чернорай.

— Как влево? Пустые баки слева и крен тоже влево? Но так оно и было.

— Леша, у тебя куда кренится, влево? — спросил Чернорай.

— Да, потому что два двигателя встали.

— Машина кренится из-за несимметричности тяги, — сказал Углин.

Пользуясь предоставленной мне возможностью, я рад поздравить редакцию журнала и его читателей с 50-летием и пожелать «Молодой гвардии» дальнейших успехов в нелегком, но благородном деле воспитания советской молодежи, в широком освещении нашей жизни. Именно благодаря широте и разносторонности тем, поднимаемых на его страницах, журнал завоевал любовь и живой интерес читателей.

Редакция стремится также расширить свой авторский актив, постоянно привлекает новые писательские силы. Я сравнительно недавно стал автором «Молодой гвардии»: два года назад в журнале был опубликован мой научно-фантастический роман «Час Быка» — произведение сложное, многоплановое.

Мне думается, что глубокое понимание жизни будущего, вообще сущности каждого социального процесса невозможно без исторической основы. Наша диалектическая марксистско-ленинская философия базируется прежде всего на материалистическом анализе истории. Поэтому переход от прошлого к будущему и от будущего к прошлому — это, так сказать, «челночная ткань», из которой возникает представление о настоящем.

Наше настоящее становится все сложнее и сложнее, и перед

— Булатбек, — сказал Лютров, — дай Славе схему посадки.

— Топлива девять тонн, — доложил Углин.

— Снижаемся, — сказал Лютров, — топливо больше не уходит? Кран перекрыт?

— Расход в норме.

— Следите.

— Костя, частоту Перекатов настроил?

— Да. Слава, работай.

— Они нас наблюдают? — спросил Лютров. — Пусть возьмут под контроль... Что сказали, Слава? Прямо садиться?

— Да. Шестьдесят километров до ближнего привода. Можно садиться с ходу. Ветер почему-то дают попутный, по полосе, — он протянул Лютрову схему посадки, — вот так... Так зайдем, садиться сюда...

— Вес может оказаться бо́льшим, худо с попутным, полосы может не хватить.

— Алексей Сергеевич, — чеканно сказал Углин, — вес, к сожалению, маленький.

— Точно, да?

— Абсолютно. Керосину нет на машине, — сказал Тасманов.

новым поколением молодежи, вступающей в жизнь, стоят проблемы, может быть, уже не столь необходимые, как те, которые стояли перед нами, старшими, когда мы боролись за хлеб, за жилье, за основы массового производства. Для современной молодежи это пройденный путь. Однако перед ней стоят и в дальнейшем будут нарастать более сложные жизненные проблемы многосторонних связей в обществе, сложного взаимодействия частей производства. Наконец, во весь рост встает проблема сохранения природы нашей планеты.

Все это требует знаний и представлений о мире более широких и глубоких, чем те, которыми обладали мы, старшее поколение. Широта и многосторонность журнала «Молодая гвардия», на мой взгляд, как раз отвечает этим возросшим требованиям, которые выдвигает жизнь.

Чтобы не быть голословным, я после научной фантастики хочу предложить читателям «Молодой гвардии» свой новый исторический роман «Таис Афинская» — о временах, правда, весьма отдаленных, однако важных для формирования традиций и мировоззрения прошлого.

Как автор, я очень рад, что пришел к сотрудничеству с этим хорошим молодежным журналом и постараюсь и впредь оставаться его другом.

Иван ЕФРЕМОВ

— Сомнений нет, — сказал Углин.
— Слава, магнитофон включил?
— Да. Булатбек, удаление какое?
— Сорок пять километров.
— Курс у них посадочный какой?
— Сто сорок девять. Будем заходить по обратному лучу.
— Да, пусть помогут, — сказал Лютров. — У них что, плохой заход с этой стороны?
— Видимо, да, если посылают по ветру.
— Почему, ты не знаешь?
— Нет. Надо запросить.
— Алексей Сергеевич, на двух двигателях сядем? — спросил Углин.
— Пока снижаемся... Там посмотрим. Прямая покажет. В крайнем случае запустим перед посадкой один левый.
— И он моментально проглотит все топливо. Все топливо уйдет за две минуты.
— Сколько сейчас?
— Восемь тонн.
— И пока держится?
— Да, норма сейчас, — сказал Тасманов.
— Булатбек, сколько осталось до них?
— До Перекатов удаление... около сорока.
— Понял.
— Заведут с ходу, у них пеленгатор, — сказал Саетгиреев.
— Слава, земля, работай, — сказал Карауш.
— Я — 0801, я — 0801!.. Снижаюсь аварийно... Да. Прошу обеспечить посадку с ходу... На курс сто сорок девять. Вас понял. Как ветер?.. Да, продолжаю снижаться, скорость снижения... восемь метров в секунду. Снижаюсь на двух двигателях.
— Топлива семь с половиной тонн, — сказал Углин.
— Хорошо.
В кабине раздались редкие звонки.
— Это что, Булатбек, дальний привод?
Неожиданно заговорила земля:
— Перекаты-один, Перекаты-один... Рабочая длина полосы тысяча восемьсот восемьдесят метров... Земляные работы в конце... Обеспечьте торможение.
— Вас понял. Давайте удаление... Понял. Курс сто сорок девять? Понял.

— Второй двигатель у нас не работает, тормоза будут аварийные, командир, — сказал Тасманов.
— Хорошо. Сколько топлива, Иосаф Иванович?
— Топлива семь тонн.
— Слава, выпускай шасси.
— Шасси? Рано, на двух двигателях не дойдем, Леша, зачем? На прямой выпустим. Зачем тебе это нужно?
— Выпуск аварийный, могут долго не выходить.
— Выпустятся, на прямой снижаться будем и...
— Тасманов, шасси будут нормально выходить?
— Шасси?.. Слабо будут выходить.
— Слабо, да?
— Да, медленно.
— Сейчас развернемся и будем выпускать, Слава.
— Будут заводить по локатору, — напомнил Саетгиреев.
— Слава, скажи, чтобы длинный заход не делали.
— Понял. Разворачивайся.
— Видишь полосу, да?
— Да.
— Скорость триста... Слава, посмотри, шасси-то у нас...
— Не вышла правая?
— Правая нога не вышла.
— Аварийно выпускается, — сказал Тасманов, — медленно идет.
— Слава, держи скорость!.. Слава, скорость триста.
— Двигатели больше не дают!
— Тасманов!
— Да, командир?
— Запусти второй двигатель!
— Понял, запускаю.
— Магистральный кран открой! Второй, второй, — сказал Углин.
— Двигатель не идет, командир.
— Первый запускаю, — сказал Углин.
— Слава, машина падает! Держи обороты полностью, Слава!
— Двигатели не держат... Давай форсаж, Тасманов!
— Бортинженер, форсаж обоим правым!
— Есть обоим форсаж!
— И запусти какой-нибудь двигатель, — сказал Чернорай.
— Нет, ничего! — По полосе, как по ориентиру, Лют-

ров видел, что форсаж восстановил нужную скорость снижения. — Шасси?

— На месте, командир, — сказал Тасманов.

— Хорошо, Алексей Сергеевич, — сказал Саетгиреев. — Доворачивайте.

— Да, да... Форсаж есть?

— Да, — отозвался Тасманов.

Едва кромка полосы скрылась под самолетом, как колеса С-44 гулко зарокотали по бетону.

— Хорошо... Вот так, — говорил Лютров, — убирай форсаж, Слава. Убирай двигатели, Тасманов.

— Понял, двигатели убрал.

— Хорошо. Парашют, Слава, парашют.

— Тормоза аварийные, — напомнил Тасманов.

— Понял. Славик, парашют.

— Есть, есть.

Все почувствовали сильный рывок выпущенных тормозных парашютов, а вслед затем услышали голос Карауша:

— Ну вот, а вы боялись...

— Проснулся, одессит... Вентиляторы, Слава, не забудь.

— Да, да.

— Братцы, а топлива осталось семь тонн! — сказал Углин.

— Спокойно, спокойно, полоса кончается, а мы еще не

Отлично понимая, сколь известна всем эта простая истина, все же не могу не сказать, что молодость не только милая пора мечтаний, но и время, когда начннается серьезная жизнь человека, определяется его место на земле, его гражданское лицо, значение для общества. Прекрасно и вместе ответственно дело «Молодой гвардии», которой доверено говорить с молодостью, с теми, кто сегодня представляет наше недалекое будущее. Поздравляя с достойно прожитым пятидесятилетием, с удовольствием отмечаю, что «Молодая гвардия» не проявила заметных признаков старения.

Желаю ей и дальше сохранять молодой темперамент и молодую чуткость к жизни. Приветствую всех, кто делает журнал и кто его читает.

Иван МЕЛЕЖ

г. Минск

встали... Вон строительные машины, там люди... Тихо, тихо...

— Сейчас встанем. Все нормально, — сказал Тасманов.

Несколько раз качнувшись при включении тормозов, С-44 остановился.

— Ну вот, братцы, по-моему, ничего...

— Отлично, Алексей Сергеевич! — сказал Углин. — Айда разбираться.

Еще до того, как к огромной машине, казавшейся среди ИЛ-14, ЛИ-2 и АН-24 осой, упавшей в муравейник, подкатил оранжево-черный «газик» руководителя полетов, высокого, подвижного человека в форме, из люка в нише передней ноги самолета по спущенной Тасмановым лестнице вышли один за другим все члены экипажа.

Из шести человек в коричневых кожаных костюмах только двое резко выделялись — Лютров своим ростом, как будто стеснявшим его, принуждавшим двигаться медленно и опасливо, и Углин — пугающе худой, узкогрудый человек в очках, которые непременно соскочили бы с его длинного тонкого носа, если бы на пути к стыдливо розовеющему в любую погоду кончику не оказалось удобной впадинки. Бортрадист Костя Карауш и штурман Саетгиреев выглядели одинаково стройно, в равной мере обладая той юношеской стройностью, которая ухитрялась уравнивать их в летах, хотя Карауш был почти на десять лет старше Саетгиреева. Тасманов и Чернорай казались братьями — одинаково коротконогие, с широкими литыми спинами и длинными руками, разве что Чернорай был заметно крупнее бортинженера.

Углин первым подскочил к двум спаренным двигателям на левой стороне и, ступив прямо в натекшую на бетон лужу керосина, принялся вскрывать капот двигателя.

— Что-то, по-видимому, с топливными трубами. Что-то с ними, — бормотал Углин, ловко орудуя отверткой в паре с подоспевшим Тасмановым, не замечая, что керосиновая капель сыпалась ему за шиворот.

— Ну, конечно! Смотрите!

Все шестеро, несколько потеснив любопытствующего руководителя полетов, сгрудились под провисшими створками капота, рассматривая плавно огибающую стальное

тело двигателя белую трубу топливопровода. Там, куда указывала отвертка ведущего инженера, был виден сползший с места массивный, выточенный из нержавеющей стали стыковочный хомут с оборванным креплением, а в месте, где ему надлежало быть, зияла обнаженная щель, через которую за часовой полет они потеряли несколько десятков тонн керосина.

— Н-нда, — Костя Карауш причмокнул и посмотрел на Углина взглядом ведущего расследование детектива. — Насколько я понимаю в кавалерии, мы должны были сгореть, многоуважаемый Иосаф Иванович?

— Маловероятно, Костенька. При таком истечении пожар маловероятен, мощный поток, насосы работали на максимале... Я их уничтожу! — неожиданно прибавил Углин, имея в виду не насосы, а фирму, чьи двигатели стояли на С-44. — Такого пустяка не продумать.

Через час заместитель начальника аэропорта устроил экипаж в пустующей гостинице для летного состава, установил охрану самолета, вручил Лютрову подтверждение приема посланной на летную базу радиограммы о вынужденной посадке, и когда Лютров протянул ему в знак благодарности руку, он задержал ее, неожиданно объявив:

— А я вас знаю.

Лютров внимательно посмотрел на крепко подбитого жирком человека в синей форме с золотыми шевронами, силясь вырвать из картотеки памяти ничем не примечательное, улыбающееся лицо. Но тщетно. Он не мог вспомнить этого человека.

— Вот задача, — сказал Лютров, и в самом деле озадаченный тем, что плохая память может обидеть, черт возьми, хорошего человека.

А тот, как нарочно, терпеливо ждал, не стараясь опередить событие, уверенный, что вспомнить его — дело времени.

Внутренне отказавшийся от попыток вспомнить, Лютров смущенно потянул вниз бегунок застежки-«молнии» на кожаной куртке (погода стояла жаркая для начала мая), взял из одной руки в другую небольшой мягкий чемодан с брюками, бельем, плащом и несессером: привычка брать с собой про всякий случай самое необходимое на этот раз оправдала себя.

— Так и не вспомнили? — полный человек снял фуражку и провел платком по внутренней стороне околыша.

И тут в памяти Лютрова забрезжил намек; ей, как видно, не хватало вот этих вьющихся волос, впадины на низком лбу и торчащих, как две приклеенные детские ладошки, ушей. Из «картотеки» показался листок с расплывшимся портретом.

— Погодите... Мы с вами служили в училище!

— Там, — сказал человек, — вы инструктором, а я у вас в группе курсантом.

— Но вы не летаете? — спросил Лютров, изо всех сил стараясь вспомнить фамилию.

— Нет, меня вскорости списали.

— А, вот в чем дело. Поэтому-то я фамилию вашу...

— Кого, кого, а меня должны были запомнить.

«Он решил замучить меня», — подумал Лютров.

— Кого, кого... Я ж вас чуть не угробил на экзаменах. И самого себя, конечно.

— Вот вы кто! Теперь я и фамилию вашу вспомнил: Молчанов?

— Колчанов.

— Простите, Колчанов... Однако время-то идет, а? — Лютров с улыбкой оглядел фигуру бывшего курсанта.

— Да, малость отяжелел! — он весело засмеялся и не отказал себе в удовольствии похлопать Лютрова по плечу, давая понять проходящим мужчинам в такой же, как у него, форме, что этот рослый летчик-испытатель того самого аварийно посаженного, стоящего под охраной громадного самолета его приятель.

— Что, Алексей Сергеевич? Как говорится, подобные происшествия не кажный день бывают, — предваряюще начал Колчанов, глядя на Лютрова откровенно заискивающе. — Я сейчас звякну жене, закажу пельменей, ну и всего прейскуранту, как положено по такому случаю, идет?

— Не знаю, удобно ли? Незваный гость...

— Брось! — почти закричал Колчанов, маскируя восторгом переход на «ты», а может быть, считал, что сам факт приглашения в гости давал ему право на это.

Мимоходом отметив это про себя, Лютров все-таки не мог устоять перед явной радостью бывшего курсанта да и самой неожиданности встречи.

— Честно говоря, званых-то я и не люблю, да и жена

у меня... — начал Колчанов, но так и не договорил, что за жена у него. — А вот со старыми друзьями, тут уж!..

«Пусть будут «старые друзья», — решил Лютров, — никуда не денешься, вот только перед ребятами неловко — уединяться после такой оказии...»

В большом номере с половичками возле каждой из восьми кроватей за круглым столом с пустым графином лениво играли в дурака Чернорай, Саетгиреев, Тасманов и Костя Карауш. На них были все те же кожаные куртки, но вместо форменных — обычные брюки, да вместо верблюжьих свитеров — свежие сорочки. Углин сидел на кровати в голубом исподнем белье и, положив перед собой шахматы, решал задачу из какой-то старой газеты.

«Ждут. Собрались куда-то, позвонки», — подумал Лютров.

— Леш, — не очень уверенно начал Костя, — мы тут посовещались и решили...

— Взять шефство над местным рестораном?

— Так поскольку завтра все одно делать нечего...

Лютров поглядел на Чернорая и по его улыбке понял: решай, мол, сам, меня уговорили. Саетгиреев старательно потирал ладонью бритый подбородок, неумело скрывая свое причастие к общему решению. Тасманов переводил взгляд с сидящих за столом на Лютрова и откровенно улыбался, как школьник, за чью проделку в переплет попал сосед по парте. Лютров повернулся к Углину, подобравшему под себя худые ноги в шелковых подштанниках.

— Ваше мнение, Иосаф Иванович?

— Противопоказаний нет, — не оглядываясь и не отрываясь от шахмат, сказал ведущий инженер. — Более того: если начальство решит менять насосы, мы тут поживем.

— Ладно, валяйте.

— Командир, а ты вроде уклоняешься? — сказал Костя Карауш.

— Да я тут своего бывшего курсанта встретил. Зовет к себе, и отказать неудобно.

— Везет людям.

Все, кроме Кости, вышли в коридор. Карауш замешкался у выхода, переступая с ноги на ногу, потирая руки.

— Что, одессит, никак поиздержался? — спросил Лютров.

— Надысь, понимаешь, разгончик учинили в сельской местности...

— Держи. Хватит? — Лютров протянул ему двадцать пять рублей.

— Уложусь, надо полагать.

— Ну и смета у тебя, Костик, — заметил Углин.

— Вы, Иосаф Иванович, человек мыслящий, а не понимаете, что ресторан — учреждение с накладными расходами... Ну, бывайте!

Отправляясь в душ, Лютров не без интереса восстанавливал в памяти неожиданную встречу с человеком, который и в самом деле чуть не угробил его. Но и оказался виновником другого, весьма важного события в жизни своего инструктора.

Годы в училище, трудные радости постижения дела, посвящения в профессию, внешне однообразные, они остались в памяти как непрерывное восхождение по долгой тропе, в конце которой начинался летчик Алексей Лютров. Он получил диплом с отличием, но еще до того начальник училища предложил ему работу инструктора.

Несколько лет затем жизнь его не выбивалась из колеи служебного благополучия, и только в самом конце сороковых годов стали давать знать о себе первые признаки неудовлетворенности работой.

Сведения о новых самолетах, двигателях, скоростях, о создании школы летчиков-испытателей — все это настойчиво будоражило воображение как предчувствие высокого возрождения, грядущего золотого века авиации. Где-то в опытных КБ клокотало настоящее дело, оно манило, работа в училище казалась рутиной, задворками авиации. Сил было много, много молодости, свободы, избытка любви к небу.

На имя начальника училища посыпались рапорты с просьбой об отчислении в школу летчиков-испытателей. Но слезные бумаги возвращались с неизменным «отказать». Когда Лютров решил, что исчерпаны все возможности, в училище пришел приказ откомандировать в школу одного человека из числа наиболее способных инструкторов. Дружно написав еще по одному рапорту, инструкторы стали ждать, на кого выпадет жребий.

Это был третий курсант в то утро. Лютров принимал экзамены по технике пилотирования. Задание состояло из обычного комплекса фигур высшего пилотажа: переворот, «петля Нестерова», иммельман и переход в горизонтальный полет.

В верхней точке полупетли при завершении иммельмана курсант потерял скорость, но заученно отдал ручку от себя, ожидая перехода в горизонтальный полет. Не тут-то было. Машина заваливается через нос и, вращаясь, начинает падать.

Перевернутый штопор. Ничего необычного. Это была классическая ошибка не очень способных курсантов.

Лютров напомнил:

— Перевернутый штопор. Выводи.

Однако управление оставалось неподвижным. Машина падала, а курсант не отзывался. Забыл, что следует делать?

— Перевернутый штопор, — повторяет Лютров, — нужно убрать газ, ручку на себя, дай левую ногу...

Но ручка перед Лютровым, синхронно связанная с той, что в кабине курсанта, остается неподвижной. Странно неподвижен и затылок человека в передней кабине, словно все происходящее никак к нему не относится.

Больше ждать было нельзя. Лютров взял управление. Левой ногой надавил на легко поддавшуюся педаль, потянул на себя ручку, но она и не думала перемещаться. Рули? Трансмиссия управления? Что бы там ни было, а земля приближалась, через несколько секунд будет поздно.

— Прыгай! — приказывает он курсанту, с силой надавливая на кнопку СПУ, и, не слыша ответа, чувствует, как сознание охватывает обидное отчаяние, как противно слабеют мышцы. А затылок курсанта по-прежнему невозмутим, словно в задней кабине у него не инструктор, а господь бог... Значит, все? Да, все. Оглохший курсант не думает выбираться из самолета. Оставить его и выпрыгнуть одному? Нет, он не настолько влюблен в себя, чтобы с завтрашнего дня и потом долгую жизнь, как вторую тень, носить за собой смерть этого мальчишки, которому вздумалось умирать вот так, головой вниз.

Левая педаль!

Ручку на себя! На себя! Сильнее! Еще!

И не стало мыслей. Были руки, было лихое, почти веселое желание испытать себя в последние секунды.

На мгновение ему показалось, что голова курсанта шевельнулась. Собрался прыгать, дружок? Поздно, милый, посмотри вниз, и ты увидишь, как дрожат листочки.

Ручка согнулась? Подалась?

Спарка * лениво прекращает вращение, машина управляема! Лютров дает газ, набирает скорость и от самой земли, когда всем на аэродроме показалось, что они услышали глухой удар упавшей машины, начинает крутой подъем кверху.

Чувствуя прилив торжества над смертью, устыдившейся тупой бессмысленности жертвы, он делает сложную серию фигур, громко называя каждую из них нерадивому курсанту.

— Понял, как надо летать? — озорно спрашивает Лютров.

Понял, как славно жить, как надо бороться и какова на вкус победа?

Но курсант молчал, поглядывая то направо, то налево сквозь стекла кабины. «Что-то неладное с парнем», — решил Лютров.

Он вывел самолет из зоны полетов, стал снижаться.

— Выпускай шасси, — четко сказал Лютров.

Из его кабины этого сделать нельзя, управление выпуском не дублировано и находится в передней кабине. Курсант по-прежнему бездействует. Лютров принимается за испытанный способ: он раскачивает спарку так, чтобы ручка сдвоенного управления ударяла по коленям курсанта, авось догадается обернуться к инструктору. Догадался. Лютров показывает на пальцах: выпускай шасси! Кивнул, хоть и не очень уверенно, но на табло загорается очко: «Шасси выпущено». Боже, какое наслаждение сажать послушную машину!

На земле выясняется, что неплотно привязавшийся к сиденью курсант, зависнув в перевернутом положении, высвободил уложенный под ним в чаше сиденья парашют. Тугая сумка подалась вперед по полету, попала в пространство между сиденьем и ручкой управления, ограничив ее перемещение как раз на себя. Но одна беда не приходит: опрокинувшись, парень не заметил, что выдернул вилку шлемофона. Растерявшись, он и не пытался выяснить, почему не слышно инструктора. Непонятное

---

* Спарка — учебно-тренировочный самолет со специальной кабиной и спаренным управлением для обучаемого.

поведение самолета, падение, штопор, молчание Лютрова — этого было более чем достаточно, чтобы в голове парня все смешалось, он забыл даже, что у него есть парашют.

Не на шутку тяготясь содеянным, незадачливый курсант и вообразить не мог, что сослужил добрую службу своему инструктору. Отпуская Лютрова в школу летчиков-испытателей, начальник училища был уверен в точном выполнении основного требования запроса, где говорилось о направлении в школу «наиболее способного, смелого и находчивого офицера из числа летчиков-инструкторов».

Вот уж чего он не мог предвидеть, так эту встречу!

Иногда жизнь пробавляется маленькими чудесами, Лютров знал это, но его она не баловала. А тут поди ж ты! Ни один человек из его прошлого не удивил бы его больше, появись он в этом аэропорту, чем его бывший курсант, которого он так и не сделал летчиком.

Городок стоял на взгорье. С одной стороны к нему подступали бескрайние луга, с другой — леса, все более редея к новым окраинам. С тех пор как в Перекатах, где не было железной дороги, соорудили аэропорт, город стал шириться, и страдал от этого лес. От последних деревьев до новых жилых массивов простиралось большое пыльное пространство, выглядевшее неприветливо, захламленно, как и везде, где вековой покров земли взрывается ножами бульдозеров. А заживает потревоженная земля медленно, много медленнее, чем этого хотелось бы человеку.

Лютров отчего-то был уверен, что Колчанов живет где-нибудь в этих новых пятиэтажных домах, стоящих наискосок к новой, но уже разбитой, с отслоившейся скорлупой асфальта улице. Но черная «Волга», присланная за ним в гостиницу, пронеслась мимо новых зданий, затем резко сбавила скорость и принялась петлять по старинным мощеным улицам, мимо церковных оград, одноэтажных домов, большинство которых наивно красовались обложенной по фасадам синей, зеленой и всячески пестрой облицовочной плиткой. И столько грустного, незнакомо-давнишнего было в этом старании ушедших людей принарядить свое жилье, что становилось совестно перед ними за тех ныне живущих, кто мог позволить себе посмеяться над их пониманием красоты.

Черная «Волга» остановилась у одноэтажного домика, очень похожего на те облицованные, но из силикатного кирпича, с несложным декоративным вкраплением красного по углам. За высоким зеленым забором негромко, каким-то жирным голосом залаяла собака, выскочившая на улицу, как только раскрылась калитка, прежде чем показался хозяин в белой рубахе и при галстуке. Ткнувшись к ногам Лютрова, собака смолкла и убежала во двор.

— Милости просим! — откинул руку Колчанов, ожидая, когда Лютров пройдет, чтобы закрыть калитку. — Спасибо, Витя, — сказал он шоферу, — завтра к четырем.

— Да, да, — отозвался шофер и стал разворачивать машину.

— Вот здесь я живу, здесь обитаю, — говорил хозяин, придерживая Лютрова за талию и легонько подталкивая к крыльцу, куда вела тропинка из аккуратно уложенных квадратных плиток бетона.

Они прошли большую прихожую, где стоял старый диван и пахло собакой. Шагнув вперед, Колчанов предупредительно открыл пухлую, как стеганое одеяло, дверь, обитую дерматином.

— Марья Васильевна, принимай гостей! — удальски

Сегодня все мы вместе отмечаем славный юбилей нашего любимого журнала.

Пятьдесят лет со своих страниц журнал ведет разговор с подрастающими поколеиями советских людей, с прекрасной нашей молодежью, любознательной, грамотной, знающей и не устающей учиться.

Немалая заслуга журнала в воспитании патриотических чувств у советских воинов, любви к Отчизне, к русской земле и русскому народу, к его истории.

Основиой костяк Советской Армии — это молодежь, поэтому мы можем сказать, что молодежный журнал «Молодая гвардия» стоит навечно в иашем строю.

Разрешите мие выразить иадежду и как читателю, и как автору журнала, что «Молодая гвардия» и далее будет развивать и углублять патриотическую тему на своих страницах.

Маршал Советского Союза В. И. ЧУЙКОВ

крикнул он уже в комнате и, когда Лютров шагнул за порог и остановился, снова положил руку ему на талию.

У стола стояла молодая женщина с чистым, привлекательным лицом, таким девичьи чистым, что казалось оно немного несообразно в сочетании с крупной фигурой, большой грудью и темным глухим платьем. Повернувшись к Лютрову, она машинально продолжала разглаживать расстеленную на столе белую накрахмаленную скатерть, всю в прямоугольных складках,

— Здравствуйте, — сказала она и вдруг густо покраснела.

— Здравствуйте, — ответил Лютров, чувствуя прилив оглупляющего смущения. — Вот... Так неожиданно... Наделал вам хлопот... Вы уж извините.

— Ну что вы! Петя так ждал вас... И мне приятно. Присаживайтесь. И куртку снимайте, в доме тепло, хоть мы и не топим давно. В этом году теплынь небывалая, май, а жара. Мои мальчишки в озера купаться бегают... Да садитесь же!

— Да, да. Спасибо, я сейчас.

На куртке у Лютрова, как на грех, застрял замок застежки-«молнии». Так и не справившись с ним и оттого смутившись еще более, он неуклюже потоптался возле стола и наконец решительно присел на пододвинутый ему стул — крепкий, дубовый, с красной обивкой.

— Вот это и есть, Маша, тот командир корабля, — заговорил Колчанов и, кажется, больше для Лютрова, чем для жены, — мой бывший инструктор, старший лейтенант Лютров, а теперь уж и не знаю, в каком звании... Курсанты его как девушку любили. Хоть он сам, помнится, монахом жил... Вот она, какая встреча, а!.. Мне в ту пору было девятнадцать, а ему... двадцать три?..

Улыбнувшись последним словам мужа, Марья Васильевна принялась хлопотать у стола, потом поспешила на кухню, а хозяин полез опустошать холодильник, стоявший почему-то в комнате на самом видном месте, как и телевизор. Осмотревшись, Лютров приметил за остекленной дверью в смежное помещение как бы две копии одного и того же лица. Копии дружно улыбнулись, встретившись взглядом с гостем, и столь же дружно скрылись.

— Никак, близнецы? — сказал Лютров.

— Двойняшки, — подтвердил Колчанов. — Веришь, сам путаю, кто Мишка, кто Вадим. Одна жена и разбирается. Спрошу, как угадываешь, а она говорит: «Мои,

рожал бы сам, различал бы». Мишка! Вадим! Идите сюда. Да не бойтесь! Ну...

Близнецы вышли, не без интереса подошли к гостю, пряча за сжатыми губами нехватку передних зубов, ладные, крепенькие, оба лицами в мать.

— Признавайтесь, кто из вас кто? — Лютров протянул руку и привлек ребятишек ближе к себе.

— Он — Мишка, а я — Вадим... А вы летчик, дядя?

— Летчик. Похож?

— Ага.

— А ты кем будешь? Летчиком?

— Ага.

— Сразу видно, своих нет, — сказала Марья Васильевна, водружая на стол стопку маленьких тарелок.

— Как вы угадали?

— И жены, наверно, нет, — продолжала она, не глядя на Лютрова.

— Она у меня сквозь землю видит, — с шутливой опаской сказал Колчанов.

Лицо женщины вдруг стало чуть надменно, всего на мгновение, пока она глядела на мужа. Разложив красивые, с золотым обрезом тарелки, она вернулась на кухню.

Пока Лютров беседовал с ребятами, хозяин извлек из холодильника бутылку водки, нарезанный широкими ломтями балык («сам наработал!»), черную икру в раскрытой банке, соленые грибы.

— Маша, скоро ты там? А то рефлекс зафыркал, пора внутрь принимать.

Легким движением бросив передник на спинку стула, из соседней комнаты вышла Марья Васильевна. Взглянув на нее, муж на секунду застыл с запотевшей бутылкой «Столичной» в руке: жена переоделась. Теперь на ней было плотно облегающее вязаное платье фисташкового цвета с белой отделкой. Лютрову показалось, что она не только переоделась, но и преобразилась. И, присев слева от Лютрова, как бы говорила: вот какая я, если тебе интересно, а сама себе я не в диковинку.

После первой рюмки, как бы завершающей веселую суету начальной стадии встречи, Колчанов спросил тоном человека, знающего, о чем теперь следует говорить:

— У Туполева работаешь?

— Нет. У Соколова.

— Тоже фирма! Испытателем?

— Да.

— Сами пошли или послали? — спросила Марья Васильевна.

— Туда, Маша, не посылают. Это дело на любителя. Ну и платят, конечно, хорошо, а? Задарма-то никому неинтересно гробиться?

— Ну, если гробиться, не все ли равно, за какую цену, — сказал Лютров.

— Все ж таки... Не за портрет в газете!

— Каждый находит работу по душе.

— При хороших деньгах всякая работа по душе, — сказал Колчанов, умело насаживая на вилку скользкий гриб. — Зачем жить и мучиться, если можно жить и не мучиться, как один мужик говорит. А у вас как: сел в машину и гадай, куда прилетишь, на тот или на этот свет. Воздух, мол, принял, земля примет, весь вопрос: как примет? Земля-то. До полосы не всегда дотянешь.

— В свое дело нужно верить.

— Это конечно. Ну, дай вам бог, чтобы все было хорошо!

Слегка опьянев, Колчанов принялся говорить о службе. Лютров едва слушал его сетования, более охотно вглядываясь в Марью Васильевну, занятую сыновьями, усаженными за стол на противоположной от Лютрова стороне. Мальчишки, в свою очередь, почти не слушали мать, торопливо глотали пельмени и во все глаза глядели на широкоплечего и высокого дядю, которому что-то говорил их отец, прихлопывая ладонью рядом с тарелкой гостя. Сложив руки под грудью, Марья Васильевна спокойно наблюдала интерес сыновей к Лютрову. Иногда, словно заражаясь их немым вниманием, переводила взгляд на Лютрова, и всякий раз ему казалось, что она делает это походя, без тени заинтересованности, взгляд ее скользил, не задерживаясь на его лице.

Они с Колчановым уже допивали бутылку, а Марья Васильевна больше не дотронулась к едва пригубленной в самом начале застолья рюмке.

— И не уговаривай, — сказал Колчанов, разливая остатки. — Не пьет. У нее дед старовером был. Его внучка. У них в Сафонове одни староверы жили, к ним, говорят, пьяных-то и в деревню не пускали.

Колчанов засмеялся смехом человека, внешне подтрунивающего над таким положением вещей, однако не скрывающего, что выбрал жену из лучшего человеческого

материала, как выбирал, наверно, холодильник «Днепр», приемник «Фестиваль», телевизор, черепицу на крышу дома, узорчатый линолеум на кухню, прочную полированную мебель и все, что находилось в пределах зеленого забора, — разношерстное, однако ноское и дающее максимум того, что можно ждать от вещей.

— Вот ты спросил, чего я не летаю? — пьяно растягивая слова, сказал Колчанов. — Думаешь, меня по болезни списали? — Он посмотрел на сыновей, принял мину строгого отца и приказал: — Марш спать! Мать, гони, посидели, и будет.

Он допил свою рюмку и продолжал:

— Я в училище как попал? Сдуру. Развели агитацию в военкомате, ну я и пошел. Одно слово — летчик! А чего мне слово? Чего в нем, в слове-то? Ты летишь, а никто и не знает, кто летит и куда летит. Вот ежели гробанешься, может, и узнают. Вот тебя во всем городе один я узнал, а не дотянули бы — все узнали. Помнишь Котлярова? Красавец парень! А после аварии? На ЛА-9? Нет, думаю, это дело не по мне.

— Будет тебе, — спокойно сказала Марья Васильевна. Она смотрела на вспотевшего мужа отчужденно, ее сжатые губы выражали брезгливое пренебрежение.

— Ты бы Алексею Сергеевичу охоту устроил на зорьке... Вы же охотник?

— Опять угадали. А что, есть куда сходить?

— Заметано, — послушно отозвался муж. — Мне завтра нельзя, на работу к четырем, а тебя шофер подбросит на луга, к Сафоновским озерам. И собаку возьми. Па-ршивая собака, но из воды подаст, только потому и держу. Ружья?.. Сейчас.

Он встал и нетвердо вышел в соседнюю комнату.

— Откуда вы? — просто спросила женщина.

— Живу в Энске, работаю в пригороде... Правда, сейчас мы летаем не со своего аэродрома. — Лютров вдруг замолчал, по лицу женщины тенью скользнуло выражение сожаления, словно он говорил совсем не о том, о чем она спрашивала.

Не дослушав, она вышла на кухню. Вернулся Колчанов. В руках у него было ружье и патронташ, набитый красными патронами.

— Вот. «Зауэр». Бой что надо. Плащ и сапоги в прихожей.

Марья Васильевна внесла большую кастрюлю с пель-

менями. Первую тарелку она подала Лютрову, не взглянув на него, потом мужу.

Колчанов наклонился над горкой пельменей, окунув лицо в густой пахучий пар.

— Как тут вторую не откупорить, а? Маш?

Марья Васильевна покосилась на Лютрова, спокойно ожидая, что скажет он. Лютров отрицательно покачал головой.

— Тебе больше нельзя, — холодно сказала она.

— Маша, такой гость!

— Тебе когда вставать? Будешь свободный — пей.

— Во, понял? И все.

— Жена права, Петр Саввич. И мне хватит, завтра начальство мое прилетит, неудобно.

— Молчу! Дело есть дело.

Если бы Колчанов был трезв, говорить было бы некому и не о чем. Лютров слушал одни и те же разглагольствования о «плохом постанове дела», об отсутствии необходимой наземной техники для обслуживания самолетов, о том, что в Перекатах не хотят жить летчики, а стюардессы развратили местных барышень короткими юбками («У нас такое ни в жизнь не обозначилось бы, а тут — форма!»); что механики ничего не смыслят в своем деле и задарма получают деньги.

Лютров хорошо знал весьма распространенную категорию людей, которые видят огрехи везде, начиная от постановлений месткома и кончая модой на длину юбок, что не мешает им извлекать пользу из каждой буквы закона. А то, что Колчанов принадлежал именно в этой малопочтенной категории, Лютров не сомневался. В душе Колчанову было наплевать на хорошие и плохие «постановы дела», главная его забота — доказать свою непричастность к тому, что некогда может быть поставлено ему в вину.

— Будет, — остановила его жена, — совсем заговорил человека, а и ему отдохнуть нужно, десятый час!

— Это верно. Ты ему постели.

— Не твоя забота. Ступай ложись, — сказала она и направилась в соседнюю комнату.

Колчанов послушно поплелся за ней.

Через десять минут Марья Васильевна вернулась. В руках она держала большую подушку со свежей, только что надетой наволочкой, простыни были зажаты под мышкой.

— Я вам здесь постелю, это у нас самая большая лежанка, — улыбнулась она, подходя к большой тахте у окна.

Не давая себе отчета, зачем он это делает, Лютров поглядел на приоткрытую дверь спальни хозяев.

— Спит уже, — ответила она на его взгляд, — он как сурок: чуть выпьет или поест поплотнее — и разомлеет... Головой слаб.

— Я начинаю верить, что вы и в самом деле угадываете мысли, — сказал Лютров.

Минуту она невозмутимо взбивала подушку.

— Разглядеть человека много ума не надо. А такой, как мой Петя, сам себя кажет: пригласил в гости, чтоб потешиться, вот-де какие у меня приятели, и сам же охаял вашу профессию, потому как не осилил... Чего в нем невидного? Ест, болтает одному себе в лад, и весь тут. Вот вы летаете, давно, поди, если мужа еще обучали, значит, дело по плечу вам, так и это видно... Человек вы не суетливый, глядите спокойно, весь для людей, тихий, вроде бы сторонний. Значит, сильный. Не кулаками, душой. А уж коли человек сильный не в начальниках ходит, значит, делом мастит да совестлив: ему людьми-то понукать стыдно, совесть не велит... Моему только дай власть, он всякому укажет, со всякого взыщет, всякого служить заставит, потому как совесть для него китайская книга: хоть год гляди, ничего не выкажет... А такие, как вы, совесть-то хранят свято, неприкосновенно, как намогильную плиту материну.

— Люди скрытны, Мария Васильевна, иногда их принимают за тех, кем они хотят выглядеть.

— Верно, иной и вырядится в человека, а приглядись, дурак и скажется...

Лютров слушал женщину, как, наверно, в давние времена слушали пророчиц: от нее исходила покоряющая уверенность в своем всепонимании. Она говорила, как стелила постель, — споро, без лишних движений, нисколько не сомневаясь, что брошенная простыня ляжет так, как то должно быть.

— Прислали к нам молодого врача из Москвы. Давно это было. Высокий, волосы на лоб зачесаны, бородка стриженная, а самому лет тридцать. Стали бабы говорить: чудак, мол, а дельный, лечит знающе, заботливо. Что ж, думаю, чудного-то в нем, коли врач знающий? Борода на мужике не велика чудинка. Оказывается, ви-

сит у него на дверях записка, что входите, мол, все, кому до меня нужда, а попусту только белым синьорам можно. Что это, думаю, за белые синьоры? Санитарки, что ли?.. Шла как-то мимо, дай, думаю, зайду. Он у нас через два дома жил, у бабки Саши. Комната у него с отдельным входом, а на дверях, и верно, записка под стеклышком: «Входите, если нужна помощь врача, начался пожар, наводнение или вы белла синьора». Вот оно что... Вхожу. Сидит за столом в сорочке, не оборачивается, говорит: «Минутку». Стою. Долго писал, потом повернулся, поправил очки вот эдак, — она растопырила пальцы, как пианист на октаву, — и говорит: «Слушаю?» Разглядела я его получше и отвечаю: «Записку-то с дверей снимите». — «Это почему?» — «Пожар случится, выскочите. Наводнений у нас не бывает, а красивые женщины по объявлению не придут». — «Однако вы пришли». — «На дурака пришла поглядеть». Сказала, с тем и ушла.

— А вы злая.

— Не велико зло одернуть человека, коли тот выставляется.

— И снял записку?

— Дураки-то, они упрямые... Бабкина дочь приехала, она и сняла, да и его, голубчика, заодно прибрала к рукам, хоть и старше годами. Теперь в Энске живут, сошлись. Он, сказывают, с женой развелся, ее предпочел, несмотря что у нее Валера, дочь взрослая... Отец-то ее совсем молодым помер, болел сильно... Хотя и шальная баба была, но и красавица, это уж чего там... Родить родила, а растить бабке Саше пришлось. Мать-то свою Валера не во всякий праздник видела. Появится в Перекатах на неделю, да и умахнет на год. Все в какие-то экспедиции ездила. Теперь муж ездит... Отчим в экспедицию, а Валера к матери погостить... Да в этот раз что-то не путем сорвалась. С работой рассчиталась, в тот же день билет взяла на самолет, ей муж мой доставал, со скидкой. А завтра, гляди, и умахнет... Девушка она хорошая, уважительная, да путных людей не знала. Маленькой была — обижали кому не лень, выросла, тоже тунеядцы какие-то вокруг вьются. В Энске-то, может, и замуж выйдет за хорошего человека или учиться пойдет... Да только отчим вот, говорят, против, чтобы она у них жила. Я-де своих детей бросил не для того, чтобы чужих кормить. Да и то, правду сказать...

Стоя у открытой форточки с сигаретой, Лютров слушал

ее негромкий голос, следил за снующими над столом руками женщины, прибирающей посуду, и все больше проникался неприятием духа этого дома, его устоявшейся тишины, красных дорожек на хорошо выкрашенном полу, делающих неслышными шаги хозяйки; безропотного признания Колчановым превосходства жены, его собачьего послушания, а главное, того смысла сожительства этих разных людей, которое принижало их человеческую значимость. Что связывает их? Какие общие жизненные задачи они подрядились выполнить, несмотря на презрение женщины к мужчине? Причем она даже не пытается это скрыть не только от него, но и от посторонних, а он понимает, не может не понимать, а значит, принимает такие условия, и это не приводит ни к разрыву, ни к другим осложнениям, а напротив, не мешает им жить, растить сыновей и считать себя вправе корить образ жизни других.

Он едва сдерживался, чтобы не спросить, как это она со своим умом, проницательностью, своей недюжинной внешностью, наконец, выбрала в спутники себе человека явно не по плечу?

— Вы давно замужем за Петром Саввичем?

— Мужа моего мне дедушка присоветовал, — сказала она, словно не слыхала вопроса, и едва не рассмеялась, приметив на лице гостя смущенную растерянность. — Вам ведь не то интересно, сколько я прожила с Петром Саввичем, детишки-то вон они, а что я в нем нашла... Дед у меня, как бабка Саша для Валерии, одним родным человеком и был. Отец на войне убит, мать померла, а дедушка жил и жил и все книжки читал — старые, в кожаных переплетах, иных не признавал. Прочтет что ни то поучительное, меня зовет: «Слушай, внученька, набирайся ума. Ум что казна, по денежке собирается. Хорошие мысли не блохи, сами не набегут... Книга писана человеком крайнего ума. Вещие, — говорит, — слова, про нынешнее время сказано, а потому должен я увидеть, какой такой человек приданым твоим распоряжаться станет».

Последние слова хозяйка проговорила со спокойной уверенностью и после некоторого молчания — стоит, нет ли? — уточнила, что за ними разумелось:

— Мужниного тут немного, дом на дедушкины деньги ставлен... И уж совсем от болезней захирел, едва ходил, а все свое, все обо мне. «Какой парень глянется, ты, —

говорит, — его ко мне, поглядеть». — «Ну тебя, — говорю, — дедушка». — «Да не бойся, внученька, неволить не буду, решать тебе, потому как равенство, а поглядеть приведи, может, и мое слово нелишне будет».

Лютров улыбнулся, ожидая, что и хозяйка усмехнется вздорным на его взгляд словам деда, но лицо ее оставалось неизменно спокойным, как и скупые, небрежно ловкие прикосновения пальцев к убираемой со стола посуде.

— Когда аэропорт строили, народу понаехало много. Из деревень, да и совсем не наших. Клуб на стройке открыли, танцы, почитай, каждый день... И я раз увязалась за девчатами. А как пришла да поглядела на приезжих женщин — груди вздернуты как повыше, повидней, бери, мол, кто смелый, твое. Губы крашены, ресницы крашены, в туалете курят, юбки в обтяжку... Испугалась я, вспомнила дедушкино чтение, да и бежать оттуда. Девчата меня за руку, погоди, ошалела, что ль, вместе пойдем... А рядом парень стоял в форменном пиджаке. «Я тоже в город, — говорит, — так что могу проводить, если не возражаете». Поглядела, парень не особо крепкий, если что — уберегусь, да и в форме. Так и познакомились. С полгода ходил к нам. «Как, — говорю, — дедушка, приглянулся Петя?» — «А ничего, ничего... Головой не шибко силен, но гнезда не разорит. Коли не жаль девичества, выходи, будешь сыта и обогрета».

Последнее было сказано негромко, из некоего отдаления, словно она не рассказывала уже, а размышляла вслух о ей самой непонятных вещах.

— Что ж, надо думать, прав оказался дедушка, — сказал Лютров.

«А девичества вам жаль», — подумал он.

Хозяйка вскинула на него внимательные глаза, будто услышала не то, что он сказал, а что подумал, но лицо ее не изменилось, и в невозмутимости этой жила, уютно угнездившись, некая прирученная и плодовитая правота. «Что бы вы там ни подумали, — говорило это выражение, — а у меня свой расчет, не вашему пониманию чета».

Прибрав белую скатерть, под которой оказалась темная бархатная, она прошла на кухню, погасила там свет; вернулась, включила бра у изголовья над тахтой, выключила большую люстру в виде цветка ландыша, пожелала гостю спокойной ночи и прикрыла за собой двери спальни.

Лютров еще докуривал сигарету, когда за дверью в прихожую заворчала и несколько раз пролаяла собака.

— Кто-то свой, — определила хозяйка, выходя в халате и наскоро закручивая в узел длинные волосы.

Она долго не возвращалась. Из всего приглушенного толстой дверью разговора Лютров разобрал только несколько раз повторенное просительное обращение: «Тетя Маша». Наконец, дверь отворилась, и вместе с хозяйкой в комнату вошла высокая девушка в плаще и с чемоданом, обе стороны которого пестрели крупной белой клеткой по синему фону. Что-то необычное почудилось Лютрову в ее лице.

— Здравствуйте, — очень охотно, но тихо проговорила девушка, сверкнув белками огромных глаз, внося в дом какое-то свое шумное, свободное и быстрое дыхание, едва сдерживаемую подвижность, словно только прибежала из кино, с улицы, и никак не освоится с теснотой дома.

— Видишь, — доказательным тоном проговорила хозяйка, имея в виду гостя, — так что не обессудь, переспишь на кухне.

— Ой, конечно! Я прямо на полу. Спасибо вам, тетя Маша!..

Она так искренне благодарила хозяйку, что когда поворачивалась в сторону Лютрова, глядела на него с благодарной улыбкой, и тогда он снова видел сверкающие белки глаз, но, как ни пытался, не мог получше разглядеть в полутьме комнаты наполовину угаданную им красоту лица девушки.

— Снимай плащ и иди на кухню, дай людям покой, — строже, чем следовало, с нотками ревнивого укора в голосе сказала Марья Васильевна, стремительно направляясь в спальню.

Девушка положила чемодан у двери, с резким шелестом сняла «болонью», выказав острые маленькие груди, укрытые алой кофточкой, быстро повесила плащ у двери и послушно, не взглянув больше на Лютрова, словно и это было запрещено ей, пошла за хозяйкой, несущей в руках темную подушку и байковое одеяло. Тощий постельный набор вполне соответствовал застывшему на лице Марьи Васильевны непреклонному неудовольствию, и потому Лютров решил, что попросившая ночлега девушка принадлежит к тем знакомым хозяевам дома, с которыми здесь не церемонятся, в отличие от него, чья постель благоухала белым уютом.

В кухне вспыхнул свет, четко обозначивший квадрат мутного стекла на дверях, что-то неприязненно громыхнуло, послышалось лязганье металлических распорок раскладушки, донесся шепот: «Я сама, тетя Маша!»

Когда хозяйка выходила, Лютров успел приметить склоненную фигурку девушки, осыпавшиеся на лицо длинные прямые волосы.

В доме снова все стихло. Лютров принялся возиться с застрявшим внизу бегунком застежки на куртке и увидел слева на полу медленно расширяющуюся полоску света, тянущегося в сторону кухонной двери. Подняв голову, он разглядел просунутую в щель руку и призывные взмахи длинных пальцев. Лютров подошел. Его еще раз поманили, теперь уже одним пальцем, чтобы склонился пониже.

Он нагнулся и услышал:

— У вас есть сигареты?..

В узкой щели Лютров приметил предостерегающе приложенный к губам указательный палец. Он понимающе кивнул и просунул пачку.

Из кухни пахло ванилью, тестом, черным перцем, шелухой луковиц. Пока она неумело выуживала из пачки сигарету, дверь приоткрылась побольше, показалась матово белая рука, худенькое плечо с пересекающей ключицу бретелькой и кружевное начало сорочки.

— Спасибо, — шепнула она, возвращая сигареты.

— Спички?

— Не надо, здесь есть.

— Вы ужинали?

Она отрицательно покачала головой.

— Там пельмени, поищите.

Она едва не прыснула от его тона заговорщика.

— Как вас зовут?

— Алексей.

— А меня Валерой... Спокойной ночи!

Когда Лютров разделся и лег под толстое одеяло в шершавом пододеяльнике, пахнущем чужой постелью, он вспомнил, что об этой девушке говорила ему хозяйка, это она наезжает к матери в Энск и теперь опять собралась лететь по билету со скидкой, а из головы не шло худенькое плечо в развале длинных шелковистых волос, какая-то беспомощная бретелька и кружевное начало сорочки. Он опять не смог как следует разглядеть

ее лицо... Лютров долго прислушивался к той темноте, что была за дверью кухни, к тонкому пружинному звону раскладушки, представлял Валерию лежащей на ней калачиком, дышащую кухонными запахами, тяжко томился на своем снежно-белом крахмальном ложе и понял наконец, какая основа объединяет хозяев этого дома. Превыше всего, превыше всех и всяческих человеческих смыслов, чувств, склонностей, желаний, любовных утех, материнства и отцовства здесь почитается пожизненная прочная сытость. Она над ними. Умри завтра Колчанов, и под этой крышей не преминет появиться другой немудреный и настырный добытчик сытости, которому предоставят блага дедушкиного наследства, чистую постель и все хорошо отмытые прелести вдовы.

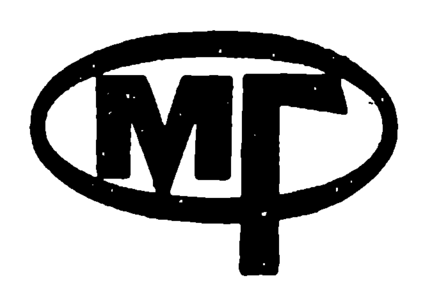
Собака и впрямь была скверная. Избалованная вниманием и сытой кормежкой, развращенная бездельем и детьми, она рано постарела, поглупела и страдала одышкой. По званию это был дратхаар, по происхождению аристократ, хоть и без герба, но с гербовым свидетельством о предках, до пятого колена, как сказал хозяин, когда они ехали в машине. А по существу, лентяй и шаромыжник, как и всякий опустившийся дворянин. Воды пес не терпел, подходил к ней с кошачьей брезгливостью, и, если нельзя было обойти мелководье, он заглядывал в лицо Лютрову, будто спрашивал: «Доколе брести-то?»

Близко к чистой воде было не подойти, пришлось устраиваться на краю заболоченной части большого озера, на противоположной от восхода солнца стороне раскидистого ольхового куста.

С полчаса Лютров старательно оглядывал небо над водой, ожидая начала лёта утиных пар, но медленно ясневшее небо оставалось пустым...

От края болота, где они с дратхааром без толку отсидели долгую зарю, и до холмов вдали тянулась уже тронутая зеленью равнина. Небо скрыли облака, и, хоть давно наступило утро, все казалось, никак не ободняется. Обходя одну из бесчисленных мочажин в поисках уток, Лютров наткнулся на человека в тужурке на поролоне, какие иногда выдают егерям. Он стоял спиной к нему и скучающе размахивал толстым прутом, целясь в нечто у ног. Подбежавший дратхаар вывел человека из задумчивости. Малое время они смотрели друг на друга. Пес, видимо, подыскивал другого хозяина, пусть с палкой, лишь бы

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

В октябре 1933 года комсомол праздновал свой пятнадцатилетний юбилей. В десятой книжке журнала «Молодая гвардия» за этот год была опубликована статья Алексея Максимовича Горького, само название которой звучало как страстный призыв к молодежи.

Мы перепечатываем эту статью с небольшим сокращением.

М. Горький

ВПЕРЕД И ВЫШЕ, КОМСОМОЛЕЦ!

Никогда, ни в одной стране молодежь не работала так разнообразно и успешно, как она работает у нас, в Союзе социалистических советов. Очень трудно дать подсчет этой работы, трудно вспомнить все роли, выполняемые нашей молодежью в общественной, общегосударственной работе.

Работа эта начинается с отрочества. Пионеры истребляют растительных и животных вредителей; выпалывают сорняки, вылавливают сусликов и кротов; организованно помогают колхозникам в работе на полях, по сбору овощей...

«Вожатым» пионеров служит комсомол. Комсомол работает за плугом и у станков,

---

избавил его от утренней сырости и вернул на старый диван в сенях.

Оглядевшись и приметив Лютрова, человек решительно зашагал в его сторону. Шел он улыбаясь, будто с подарком, и Лютров невольно улыбнулся. Они поздоровались. Хитро сощурив глаза, человек ткнул палкой в сторону обманутого в своих ожиданиях пса и проговорил то ли насмешливо, то ли сочувствующе:

— Испачкался.

Человек был стар, худощав, мал ростом, но быстроглаз и подвижен. Когда он, здороваясь, приподнял треух, на его небольшой круглой голове обозначились короткие, совсем белые волосы, не только подчеркнувшие старость его, но и придавшие ей черты благолепия.

— Нетути, видать, дичи-то?

— Не видно, отец.

— То-то и оно, милок, то-то и оно, — по-деревенски напевно посочувствовал старик. — В тридцатом годе утей этих летало — их-их!.. Несметно. Ноне же воронье

работает в деле реорганизации быта, в фабрично-заводской прессе...

...По всей стране работают люди комсомольской школы. Большинство из них в 1917 году имело за собой десять-пятнадцать лет жизни, участвовало в четырехлетней гражданской войне, а кончив ее, немедленно вступило в классовую борьбу, которая требует интеллектуальной энергии, гораздо большей, чем война с винтовкой в руках.

Что сделано комсомолом за пятнадцать лет культурно-революционной работы?

Он выступил инициатором социалистического соревнования и ударничества.

Выдвинул боевой, организационный лозунг: «Ни одного комсомольца без среднего образования».

Умело боролся и борется за качество учебы.

Он является проводником интернационализма в Красной Армии и Красном флоте.

Шефствует над электрификацией страны.

Участвует во всех стройках, Сталинградский тракторный целиком в руках комсомольцев, в Магнитогорске — комсомольская домна.

Комсомол работает в сотнях литературных кружков Союза социалистических советов, с каждым годом все больше выделяет людей в прессу, журналистику, в искусство, в техническое изобретательство, в науку. Скептики скажут: ну, это «как везде» в Европе: жизнь начали прадеды, деды, отцы, продолжают дети. Можно согласиться с тем, что участие молодежи в работе науки, искусства — «как везде», но только слепой не заметит глубочайшего различия между «везде» и у нас, где процесс истории никак не похож на буржуазную старушку, кото-

---

одно. Они, сказывают, по триста лет каркают, мать-перемать!

Он оглядел небо, словно выискивая исчезнувших утей.

— Эвон за тобой бугорок?.. Оттуда и до самой реки старица ширилась, угодья, значит. Пересохло. А с чего — неведомо.

Грех не помочь хорошему человеку, если ему хочется поговорить.

— Сами-то откуда, папаша?

— А из Сафонова, — он махнул рукой в направлении лугов. — Так и прожил при этой земле всю жизнь.

— Сколько же вам?

— Годов, что ли? А девяносто без одного, о как!.. Холеру помню. Я один и помню. Бугорок я тебе указал, так в ем холерные упокоены, яма в том месте была, туда и носили.

— И много померло?

— Да, почитай, вся деревня. Мы, Комловы, да Козыревы, да Боковы, да Ярские — только и родов осталось

рая механически вяжет бесконечный чулок и, полуслепая, все более часто и более грубо «спускает петли». У нас молодежь «изменяет мир», создает свою новую, социалистическую историю.

Вот я слышал, что будет объявлен призыв двадцати тысяч добровольцев из комсомола на работы в метрополитене. С полной уверенностью можно сказать, что комсомол дал бы и пятьдесят, если бы понадобилось. Он дал бы и еще больше, ибо он идет на всякую общественную работу вполне сознательно, как на работу для своего будущего. В данном случае он не сможет не понять, что чем скорее выстроит метрополитен, тем скорее рабочий класс сэкономит миллионы часов, которые тратятся на ожидание трамваев, время, которое может быть более плодотворно затрачено на самообразование. Весь нелегкий и напряженный труд пролетарской нашей страны «от мала до велика» — это труд, который после второй пятилетки откроет перед всей молодежью страны свободный и широкий путь к развитию личной культуры.

История пятнадцатилетней работы комсомола убедительно показывает нам, что запасы потенциальной энергии в Стране Советов огромны, качество ее прекрасно и что быстрота превращения этой энергии в актуальную хотя и сказочна, но неоспорима, ибо воплощается в реальных, физически ощутимых фактах строительства новой жизни, создания нового человека-социалиста.

Вперед и выше, комсомолец!

по неизвестной причине. Может, бог уберег, а может, бахтерия облетела, это как хошь понимай.

— Говорят, у вас в Сафонове одни староверы жили?

— Жили... Теперь ни старой веры, ни новой, всяк по своей живет. Вот и я без веры остался, живу.

— Здоровье у вас хорошее.

— А ничего здоровье. И в молодости не жалился, а теперь пуще. Это ведь как: до полста тянуть тяжело, вроде в гору, а с горы-то, сам знаешь, легше.

Старик все больше нравился Лютрову. Он закурил и протянул ему сигареты.

— Не приучен. Отец табаку не терпел, прибить мог.

Говорил он выразительно, с легкой хрипотцой и с той непередаваемой опрятностью в голосе, за которой, как за манерой перелистывать книги угадывается библиофил, виден душевно талантливый человек.

С полчаса они говорили о разных разностях, а когда Лютров посетовал, что собака у него дрянь, а не охотник, что надо ее отмыть да вернуть хозяину, старик посоветовал:

— Шагай на гидру. Тамошняя вода чистая, колодезная и берега песчаные.

— Что за гидра?

— Да пруд выгребла эта... машинизация.

— Гидромеханизация?

— Она.

— Намывают что?

— Моют, мать-перемать. Дорогу на Курново.

— Далеко ли идти?

— Не. Пойдем укажу. Пусть животная поклюеть индивидуально. Корова тут у меня в низине, старуха пасть посылаить на свежие корма, да опасается, утопнет Буренка в болотине.

Пруд оказался и в самом деле недалеко.

Они прошли плотные заросли ольхи, поднялись на бугор, стали было спускаться с песчаного обрыва и, как по команде, остановились: на отмели, у рябившей под слабым ветром воды, вполоборота к ним стояла нагая женщина. Сильное тело ее было розово от купанья, бросались в глаза ладные ноги, медлительная непринужденность движений и видимая из-за поднятой руки полная, тяжело опавшая грудь...

— Иришка, никак! — охнул старик. — Ей-богу, она... эка ладная баба, мать-перемать... Бежим, однако, милок, не в кине.

Они быстро вернулись на другую сторону бугра и воровски присели у кустарника. Дратхаар вопросительно глядел на Лютрова.

— Матрены Ярской дочка, — доверительно прошептал старик. — В любую непогодь кунается. Ишь где ярдань сгоношила, сюда идти-то в полчаса не управишься... А хороша, а?

— Хороша, старик.

— Блюдеть себя... А для ради кого? Ей уж за сорок, а ни мужика, ни робят.

— Что так?

— А вот так. Был у ей муж эдакий, с придурью. Мишка Думсков. Да житья-то промеж них с месяц никак всего и было. К матери сбежала.

— Случается.

— Чего не бывает, — согласился старик, отнюдь не утешившись таким выводом.

Метрах в трехстах над землей пролетел АН-2, гудя мотором. «Видно ли ее сверху?» — подумал Лют-

ров и подивился ревнивому чувству. Когда самолет затих, старик принялся говорить по-иному, раздумчиво, повествовательно, как это ведется на Руси, когда рассказчик приглашает к прошлому:

— Отец ейной, Павел Ярской, крепкий мужик был, в плотницком деле умелец, веселой души человек. Выпить любил, однако ума не пропивал, не охальничал. Дочь баловал, это да. Услышит бывало-ти, парни из-за Иришки передрались, гордится: «Ай, девка!.. Слышь, мать, председателеву-то парню в месяц не отлежаться. Молодец, Иришка, отцова дочь! Знай наших! Теперь живи, малец, помнить будешь!» У него присловье такое было — живи, помнить будешь... Да... В девках Иришка-то красавица была, парней возля нее как пчел. Где какая гулянка, она первая плясунья. Отец не противился. «Гуляй, — говорит, — сколь хочешь, нету моего тебе запрету, чтоб не гулять. Но коли нагуляешь по-бабьему, вот те слово — убью. Одна ты у меня, оттого не пожалею. Не спеши, свое возьмешь». Оно бы и впрямь так было, да тут война. Мужиков вымело. Иные-другие выходили замуж абы как себя жалеючи, она — нет. Мать говорила, отца ждала, чтоб, значит, на свадьбе погулял, а его, Павла-то, в сорок четвертом под Яссами румынскими убило. А как война прогудела, то и парней-то ей под стать не шибко убереглось. Уходили миром, а вертались по-одному... Ты вот скажи, милок, верно ли, будто немцы в охотку воюют, от характера якобы?.. Все-де им нипочем?

Выслушав ответ Лютрова, старик ухмыльнулся невесело, пожал плечами.

— Может, и верно толкуешь, только, в пример, русскому человеку, как ни шей, не пришьешь такую воззрению, чтобы всякого инородца ни за что изничтожать. Не тот предмет. Мы народ людский, в добре славу почитаем.

Старик привстал, высматривая корову в просвете между кустов.

— Игде она там, мать-перемать?.. Ну да ладно, не топор, сразу не утопнет.

Выглянуло солнце — словно развело огненным дыханием плотную пелену облаков. Мир повеселел. Ярче обозначилась девственная желтизна песчаного обрыва по ту сторону пруда, а за ним, если присмотреться, можно было увидеть тускло-медные стволы сосен на окраине Сафонова.

— Помню, свадьба у них неладом справлялась, не сладко на ней елось-пилось. Жених что ни слово — трясется паяцем, убью, орет, мне все нипочем, потому как я Бéрлин брал, а вы тут одне тыловые крысы.., Люди, какие с фронта приходили, солдатского звания не теряли, а этот...

Старик разволновался. Голос его все более суровел, становился неприязненным, словно он не рассказывал, а тщетно оспаривал Лютрова.

— Девкой жила как летела, а замуж вышла, глядь, и без крыла. Помаялась с месяц да вернулась к матери, все меньше страму. А тому раздолбаю и горя мало. «Таких баб где хошь найду. Подходи и «битте пробирен». По сей день побирается, а жены все нет... Э, чего уж там!

Он поднялся и оглядел пруд.

— Иди, мой кобеля... Ушла.

Женщина уходила ленивой походкой рослых людей. Свободного покроя платье сминалось на влажном теле крупными ломкими складками.

Минуту они молча смотрели ей вслед.

— Нехорошо бабе эдак-то, без мужа, без робят, а? Нынче как понимают?

— Нехорошо, отец.

— Чего хуже... Однако ж иттить пора, а то, гляди, взаправду сгинет старухина частная собственность.

Он попрощался и боком спустился в ложбину, заросшую ольхой.

Он сидел над обрывом, следил, как бегут по лугам тени распуганных солнцем облаков, и был в том состоянии, когда впервые для самого себя открываешь, во что повергает людей вынужденная посадка. Дальше лететь невозможно, время девать некуда, невольная остановка вперед расписанного движения подсказывает: остановись и ты, подумай, все ли у тебя есть для большой дороги... А что пройдено, то пройдено. Хотел ты того или нет, все, что было с тобой и чего не было, — твое. А ты — это тончайшая вязь духовного, накопленного тобой, и если до сих пор казалось, что жизнь твоя выткана из всего хорошо осмысленного, то, наверно, потому, что ты никогда не задумывался, так ли это. Ты глядел только вперед, как в полете у земли, когда набираешь хорошую скорость... Впрочем, нельзя сказать, что ты никогда не за-

думывался, так ли ладно все у тебя. Ты думал об этом осенью, получив от вдовы брата его записки о детстве... Это как золотая монета, брошенная в недвижную воду прошлого: волшебно поблескивая, она принимается сновать в темной глубине, все дальше увлекая память за причудливой ломаной линией, туда, где было когда-то детство, была мать, был дед Макар, брат Никита... Все жизни их тянутся к тебе. Ты держал в руках записки Никиты и в тайной тревоге думал: кому от тебя перейдет память о них, твоих родных людях?.. Но тогда эта тревога незаметно оставила тебя, как недолгое недомогание. Она не могла пустить глубоких корней, потому что рядом был Сергей со своей веселой уверенностью, что, несмотря ни на что, все на этом свете идет как следует...

Ничто так не старит душу, как смерть дорогих тебе людей. И ничто так не отяжеляет прожитых лет, как потери. Лютрову тридцать восемь, и это уже не молодость. Молод Долотов, о котором даже Боровский говорит: «Этот мальчишка заставит себя уважать». Но и «мальчишке» тридцать три. И все-таки он молод, молод какой-то нелегко уловимой внутренней напряженностью юноши, который обрел самую нужную, самую пригодную для жизни форму, и его невозможно застать врасплох — так содержательно ловок он.

Из стариков летает один Боровский, живая реликвия фирмы. Летает и не думает уходить на пенсию, как это сделал Фалалеев, которого Боровский еще до войны учил делу, а затем перестал замечать и даже здороваться. Теперь уже ветеранами считают их — Гая, Козлевича, Лютрова, Костю Карауша. Остальные пришли по-разному, позже. Каждый год приходят молодые ребята. Они зовут Лютрова по имени-отчеству и, кажется, любят его. По крайней мере, так говорит Гай. Среди молодых есть настоящие работники. В них что-то от Бориса Долотова.

Но Лютрову не обрести больше такого друга, каким был Сергей. Хоть он любит Гая, чувствует и ценит его внимание. В те трудные дни после гибели Сергея Гай будил Лютрова телефонными звонками по утрам.

— Встал?

— Ага.

— Отмокай... Погода плохая, считай, свободен от полетов.

— Нет, Гай, я приду.

— Своди на ус... И забегай вечером, жена просила. Житья не дает.

— Жениться тебе надо, — наставительно шептала золотоволосая жена Гая, — или просто сойтись с женщиной.

— А с замужней можно?

— Боже, конечно! — охотно принимала она шутливый намек.

И спрашивала с недоуменными нотками в голосе:

— Как же это ты один? С ума сойти. Была же у тебя эта... длинная, зеленая?

Лютров усмехнулся.

— Ладно, пусть не она, пусть другая, — говорила жена Гая, и голубые хрусталики ее зрачков излучали душевную теплынь щедрой на сострадание русской бабьей натуры.

Где же она, эта женщина, которая займет в душе место матери, друга? По доброте душевной жена Гая предполагает, что стоит Лютрову захотеть, и ему повезет, как повезло ей. Совет счастливой женщины. Как бы она отнеслась к такому совету, будь Гай на борту «семерки»? Где и как искала бы она все то, что нашла в коричневых глазах мужа? Знает ли она, что Гай — это все, что выпало ей, что больше ничего не будет? Как ни приспосабливайся к мыслям, голосу, рукам и телу другого, рожай ему детей, но тебе никогда не будет так, как было с ним. И никакие советы не помогут.

Видимо, ему и впрямь не хватало вынужденной посадки, старого города Перекаты, далеких ему людей и судеб, чтобы взглянуть на самого себя с тем мудрым участием, с каким сострадал гордой женщине Ирине Ярской девяностолетний человек.

Но не только это осознал Лютров. Он понял, что деятельное и доброе в человеке незыблемо, а всякое отчаяние уязвимо жизнью, вот этой верой народа в добро и правду, в необходимость человеческого счастья для всех и каждого. Сколько видел, сколько всего пережил на своем веку этот крестьянин из деревни Сафоново, а живая душа в нем неистребима, и никакие потери не отвратят ее от людей, не сделают черствой и глухой.

И в этом все начала.

На память пришел рассказ Санина о первых минутах приземления после прыжка из горящей машины.

— Иду по деревне, — вкрадчиво, словно боясь быть услышанным или стыдясь чего-то, говорил Сергей. — Рука в крови, на голове ЗШ с разбитым светофильтром, парашют ребятишки волокут. На душе смутно, сам понимаешь. А тут затащил меня председатель к себе — ну там самовар, водочки, закусить чем бог послал. И, понимаешь, сидит рядом старушка в белом платочке — ветхая такая, глядит на меня приветными глазами, тихая, скорбная. «Как же это ты, сынок?» — «Да вот, бабушка, неудача...» И чувствую, как от сердца отлегло малость. Так-то, Леша. Откуда ни свались к нашим людям, кругом ты свой, везде дома, на всей земле. Весь народ наш как одна семья...

Лютров потрепал за ушами прильнувшего к его ноге дратхаара, улыбнулся вопросительно вскинутым на него глазам собаки и встал, потягиваясь, напрягая затекшие мышцы, наслаждаясь ощущением силы и свободы в себе. «Нужно жить, нехорошо этак-то», — подумал он.

Во всем теле было такое ощущение, будто его пробудили от тяжелого и нездорового сна. На душе было радостно, думалось легко и освобожденно.

Лютрова необоримо потянуло к людям, к ребятам из экипажа, появилась потребность рассказать и об этой встрече, и о своем просветлении, захотелось услышать чей-нибудь беззаботный смех, окунуться в людскую суету.

«Как хорошо! Какое славное утро!..»

Оглядывая бескрайние луга с высоты холма над прудом, он видел, как над зеленеющей далью, над бесчисленными озерами, над крышами едва различимого города все лучистее, все праздничнее разгорается день, омывающий глаза пахучим свежим ветром, возвращающий память к минувшей ночи, будто к своему предтече, к дверям в доме Колчановых, где Лютров услышал негромкое, детски обязательное «здравствуйте».

Так оно и случается среди людей, такими вот и бывают немыслимые совпадения... А может быть, есть законы, подчиняясь которым его прошлое должно было напомнить о себе как раз тогда, когда появилась эта девушка? Чтобы уравновесить тяжесть пережитого вспышкой надежды?

Но почему она, ведь он и не разглядел ее по-настоящему?

На это никто не ответит. Да и нужен ли ответ? Надо

ли доискиваться до причины, почему одно небесное тело так любовно заливает светом другое, а «здравствуйте» тонкой большеглазой девушки не молкнет в его душе, живет радостной вестью. О чем?

Когда она улетает? Ведь она улетает, это о ней говорила хозяйка дома. «Если мне повезет, я могу еще застать ее у Колчановых. Или в аэропорту». Только бы не спугнуть, не оттолкнуть как-нибудь. Далась ему эта охота! Теперь они вместе сидели бы у стола или добирались в аэропорт и по дороге по-настоящему познакомились.

К девяти часам он вернулся к большому озеру, где попусту отсидел зарю, и уже побрел было за дратхааром, обсохшим и повеселевшим, по дороге к городу, но увидел петляющую по лугам навстречу ему черную «Волгу». Быстрота, с какой неслась машина, и то, что она появилась раньше оговоренных десяти часов, настораживали.

— Петр Саввич говорит, ваше начальство прилетает, — сказал шофер.

Разогнав машину в обратный путь по удивительно гладкой луговой дороге, он спросил:

— Небось и не стреляли?.. Ясно, весна. Тут бы салаш хороший, чучела или пару подсадных, а так что. Вам бы с Петром Саввичем, он-то места знает.

Замедлив ход у отлогого спуска к реке, волнисто придавливая понтоны и мягко шлепая колесами по дощатому настилу наплавного моста, «Волга» резво выскочила к началу крутого склона холма на другой стороне и зигзагами стала подниматься, оставляя то справа, то слева стоящую на краю склона многоярусную колокольню. Берег у воды был уставлен лодками, и Лютров до тех пор мог видеть их лежбище, пока дорога не перевалила через холм и не показались первые, совсем деревенские дома окраины города. С этой стороны он выглядел деревней — старой, глухой и сонной: ни нового дома, ни яркой вывески, если не считать куска оберточной бумаги с написанными вкось и вкривь красными буквами: «Веселаи ребята». И только мощенная крупным булыжником улица намекала на бытность Перекатов заштатным уездным городишком.

Чем ближе подъезжали они к дому Колчановых, тем сильнее не терпелось Лютрову узнать, там ли еще Валерия или ушла. И когда улетает ее самолет. Спросить

у шофера. Нет, еще ославишь. Шут его знает, как тут расценивают такие вопросы.

Сразу же после прихода в дом Лютров отметил, что у дверей нет ни плаща, ни чемодана, а затем никак не мог перебить хозяйкины расспросы об охоте, набраться духу спросить, где Валерия.

Помогла Марья Васильевна.

— Чай горячий... Мы перед вами с Валерой пили. Да о вас говорили.

— Вот как.

— «Я, — говорит, — уже познакомилась с ним». — «Вот, — говорю, — выходи за такого, он тебя никому в обиду не даст...» Она у меня от ухажеров пряталась, проходу девке не дают. И чего привязались?

— Это вы про нее говорили, что к матери собирается?

— Так сегодня и улетает... «Нужна, — говорит, — я ему».

— Когда же ее самолет? — неловко перебил хозяйку Лютров.

— В четыре, что ли. Или в пять. «Пойду, — говорит, — к девочкам на работу, а оттуда на самолет».

— Ну, спасибо вам за привет, за угощенье... Побегу. Не поминайте лихом.

— И вы нас не забывайте, — сказала Марья Васильевна и, не отпуская руки Лютрова, просто сказала: — Девушка она хорошая.

— Ваша правда. Случится быть в Энске, заходите. Адрес и телефон я Петру Саввичу оставлю. До свидания.

Даже не верится — «Молодой гвардии» пятьдесят лет. Но это действительно так.

Настоящие произведения не стареют. Романы, поэмы, стихи, если, конечно, они сохраняют неповторимые приметы своего времени, приметы истории, а не являются теми модными скорострелками, что выпаливают у нас иногда и не очень молодые литераторы, — такие книги живут вечно. «Мать» Максима Горького, «Как закалялась сталь» Островского, «Молодая гвардия» Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Полевого... Да разве перечислишь весь этот

Самолет прибыл только после полудня. Кроме представителей завода двигателей и нескольких механиков, вместе с Даниловым и Гаем прилетел один из замов главного, тучный Разумихин, о котором в КБ сложилось мнение как о человеке умном, несомненно правой руке Старика, но «не разумеющем политесу» в обхождении. Разумихин помнил Лютрова по работе на С-04, они часто встречались в ту пору, и теперь, по прошествии многих лет, эта встреча и тон, в каком велась беседа, были отмечены налетом сообщничества, предполагающего, будто они знают друг о друге много больше, чем это может прийти в голову окружающим.

— Молодчина, — булькающим басом повторил Разумихин, хлопая Лютрова по плечу. — И вы не лыком шиты, не растерялись, так его разэтак! Кто штурман? Ты? Голова шурупит... Ну пойдем глядеть. Поглядим, поматерим двигателистов да будем решать, как дальше жить.

Гай держался на шаг позади начальства, наклонившись к своему земляку Косте Караушу, выслушивая подробности полета, наверняка обращенных Костей в не очень длинный анекдот.

Высокий узкоплечий Данилов долго не отпускал ладони Лютрова, как всегда, без тени улыбки высказал свои соображения:

— У меня было время узнать кое-что об этой полосе и рассмотреть ее с воздуха. Минимум необходимой длины для С-44, но не это самое страшное, скажу вам по секрету. Толщина бетона не должна была выдержать машину. Вас выручил лессовый грунт.

Дождавшись своего времени, Гай взял Лютрова под

золотой фонд боевого духа, героической летописи молодежи нашей страны, отдающей свое сердце, свою жизнь, свою вечную молодость становлению нашей Родины?!

Пусть на страницах журнала все чаще и чаще появляются подобные произведения, пусть, как и раньше, властвуют прекрасные идеи советского патриотизма, могучий дух интернационализма и, проверенной десятилетиями, все более крепнущей дружбы народов нашей Родины — доброго маяка, указывающего пути жизни для всех народов планеты.

Новых успехов, новых вершин «Молодой гвардии»! Пусть она всегда будет молода!

Анатолий СОФРОНОВ

руку и, принудив его поотстать от всех, негромко спросил:

— Данилов сказал тебе о «девятке»?

— Нет.

— Он назначил тебя на доводку С-14. Перегонишь этот дормез и принимайся за дело.

Это было самым неожиданным из всего, что он услышал.

После катастрофы «семерки» на коллегии министерства разбирался вопрос о целесообразности дальнейших испытаний С-14, высказывались сомнения о верности самой «идеологии» конструкции, которая-де не радует пока ожидаемыми летно-техническими данными. Возобновление работы после длительного запрета значило, во-первых, что Соколову не просто было убедить коллегию дать «добро» на доводку самолета; во-вторых, от результатов испытаний «девятки» зависит не только авторитет КБ Соколова, но, что на порядок важнее, сроки запуска в серию первого сверхзвукового самолета подобного класса. Неудача перечеркнет труд тысяч людей, вынудит начать разработку проекта машины заново, а для этого нужно время.

Если в такой ситуации Данилов назначил ведущим летчиком С-14 Лютрова, а не того же Долотова, обладающего несомненно бóльшим опытом работы на машине, то причиной тому или какие-то особые соображения начальника отдела летных испытаний, или не обошлось без доброжелателей.

— Ты руку приложил? — спросил Лютров Гая.

— Бог с тобой, Леша! Ни сном ни духом! — ореховые глаза Гая погрустнели. — Ты что, не знаешь Данилова? Он то едва шевелится, шага не ступит без «расширенного заседания», а то вдруг бац — «примите к сведению, Донат Кузьмич»... Кстати, а почему бы и нет?

На недолгом совещании перед отлетом Разумихин объявил, что все присутствующие, в том числе «эти, трамтарарам, бракоделы-двигателисты», пришли к заключению, что после установки нового стыковочного хомута машину надлежит перегнать на аэродром базирования и поставить для смены двигателей. А поскольку у экипажа нет возражений, командиру корабля предоставляется право определить время отлета после окончания ремонтных работ.

Сразу же после совещания Разумихин, Данилов, Гай

и несколько представителей завода отправились к ожидавшему их ИЛ-14.

Во все времена были люди, принимавшие на свои плечи такое бремя ответственности, которое оставляло позади опасения за собственную жизнь. Военные хроники берегут многие примеры, когда распоряжающийся боем человек забывает о себе, осознанно преступая черту самосохранения, понимая, насколько важнее исход сражения в сравнении с его собственной жизнью.

Лютров не мог не понимать, что ему поручили именно такую работу. Не потому, что С-14 более грозил его жизни, чем все самолеты, которые он испытывал до сих пор. На его плечах впервые оказалась не только ноша летчика-испытателя, но и нелегкий груз неудач, проклятием преследующих машину. Вместо того чтобы высвободить КБ для следующего шага вперед, С-14 загораживает продвижение вперед, заставляет топтаться на месте серийный завод, лишенный возможности собирать стоящие на стапелях машины без тех доработок, которые должны быть испытаны на «девятке».

Обо всем этом думал Лютров и на стоянке С-44, где под бдительным оком Углина и Тасманова работали механики, и по пути в здание управления полетами, где нужно было сделать заявку на вылет, и в комнате синоптиков, где ему давали прогнозы погоды на завтра.

Чтобы попасть в гостиницу, ему нужно было пройти через зал ожидания аэропорта: гостиница стояла по другую сторону вокзальной площади.

Народу в зале ожидания было немного. У двойных стеклянных дверей выхода на привокзальную площадь Лютров столкнулся с ребятами из экипажа.

— Леша, перекусить не желаешь? — спросил Карауш.

— Вы ужинать? А куда?

— Здесь на втором этаже классный ресторан! Шашлык, цыплята, телятина... Почти как в Одессе.

— Хорошо, я только загляну в гостиницу, вымоюсь.

— Вылет на когда? — спросил Саетгиреев.

— На завтра, если все будет в порядке.

— По холодку?.. А то полоса в обрез, — сказал Чернорай.

— Полосу отремонтируют, я узнавал.

— Ну, мы пошли, — сказал Карауш.

Они двинулись к широкой ажурной лестнице на второй этаж, а Лютров, шагнув было к выходу, почувствовал

на руке выше локтя чьи-то цепкие пальцы. Еще не разглядев, кто это, услышал:

— Проводите меня в камеру хранения, а?

— Валерия!

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — Лютров немного растерялся и не сразу понял, о чем она просит. — Куда вас проводить?

— В камеру хранения, я чемодан возьму.

— Это где?

— Вот там, через площадь. Я боюсь, там парень... Владька. Он вообразил, что может... командовать. Не хочет, видите ли, чтобы я улетала... А я к маме.

Она смотрела то на Лютрова, то на трех парней, мирно стоявших на углу небольшого зарешеченного здания камеры хранения. Один из троих, маленький, лохматый и горбящийся в блатной манере, бренчал на гитаре, что-то напевал. Двое других с нарочитой ленцой поглядывали по сторонам.

— Эти? — спросил Лютров.

— Ага. Проводите? Я только возьму и обратно... А то самолет через сорок минут.

— Кто же они вам?

— Так... никто. Бывшие друзья.

— А получше в этом городе не нашлось?

Она виновато улыбнулась и отрицательно покачала головой, все плотнее сжимая его руку.

Они прошли через площадь. У входа в камеру хранения Лютров вспомнил, что в последний раз дрался двадцать лет назад, и теперь прикидывал, кого следует уложить первым, если эта троица выкажет кулачные намерения. Решил — гитариста, такие бьют в спину и не всегда кулаками. Валерия торопливо отдала служительнице камеры хранения бляшку, висевшую у нее на пальце, Лютров взял чемодан, уже знакомый, синий в белую клетку, и они направились в обратный путь. Троица стояла лицом к ним, дружно засунув руки в карманы, гитара висела за спиной музыканта. Круглоголовый парень, в черно-красной капроновой куртке, сизых брюках и аляповатых башмаках на толстой подошве что-то говорил, не глядя на друзей. Музыкант, сощурившись, смотрел на Лютрова ничего не выражающим бараньим взглядом и отрицательно покачивал головой.

— Ага, боятся, — шепнула Валерия, — и Владька тоже.

— Какой это?

— В куртке... Он у них хороводит. А этот, с гитарой, Митрофан, противный, как жаба.

Они вошли в зал, девушка выбрала место поближе к трем, старательно потевшим в новеньких мундирах, сержантам кавказского вида, увлеченно игравшим в нарды, и облегченно выдохнула:

— Ух... Вот спасибо вам!

— Не за что, — ответил Лютров, вглядываясь в побледневшее от волнения лицо девушки.

Теперь он мог рассмотреть ее. Он не помнил, чтобы ему доводилось видеть столь же законченно прекрасное лицо. «Господи, да откуда ты такая?» — говорил себе Лютров, не решаясь ни уйти, ни остаться.

Она, видимо, заметила его удивление и его растерянность и улыбнулась — впервые для него — дружески.

— Вы летчик? — она посмотрела на его кожаную куртку. — Мне тетя Маша говорила. А я не с вами полечу?

— На нашем самолете не возят пассажиров. Да и не попадете вы с нами в Энск.

— Откуда вы знаете, что я в Энск?

— Тетя Маша говорила.

Вот и первая шутка. Невесть какая, но была достаточной, чтобы их рассмешить. Лютров присел в кресло рядом.

— Я знаю. Вы прилетели на том, на большом?

— Да.

— А когда обратно?

— Может быть, завтра.

— Тогда не уходите, а? Пока я сяду в самолет? Тут хоть и милиция, а я все равно боюсь... Вам не трудно?

— Что вы! Но чем просто так сидеть, пойдемте ужинать.

— А я успею?.. Правда, я сегодня еще и не обедала. Вообще все кувырком. Ночевала у тети Маши, днем просидела у девочек на работе. Никак не могла дождаться вечера.

Они поднялись в полупустой зал ресторана и присели у окна на летное поле, отсюда можно было видеть в конце ряда ЛИ-2 их С-44.

Она проследила за его взглядом, спросила:

— Ваш?

— Да. Нравится?

— Ну и самолетище! Я таких и не видела... Ой, а мы не прозеваем здесь?

— Нет, наверно... Скажите, пожалуйста, посадки у вас объявляются? — спросил он у подошедшей официантки.

— Обязательно. По радио. Что будем заказывать?

Лютров посмотрел на Валерию.

— Мне... все равно, чего-нибудь.

Он заказал что быстрее можно подать и съесть — котлеты по-киевски, бисквиты и кофе.

— Знаете, я впервые в ресторане.

— Немного потеряли.

— Нет, я потому... Вам со мною неловко, наверно?

— Неловко? Поглядите на моих друзей. Вон в уголке... Разве не видно, что они умирают от зависти?

— От зависти?

— Конечно. Да и не только они. Разве у кого-нибудь еще есть такая красивая спутница?

— А вы их позовите к нам.

— Не хочу.

Ее рассмешило выражение, с каким сказал это Лютров.

В это же самое время Костя Карауш встал и с независимым видом вышел из ресторана.

— А что вы скажете им про меня? Скажите, что мы старые знакомые, ладно?

— Я так и решил. Что вы собираетесь делать в Энске?

— Работать. Я чертежница. До осени поработаю, а потом попытаюсь еще раз поступить в институт. В вечерний.

— Вы уже бывали в Энске?

— Да. Я там часто бываю. Даже целое лето жила, когда отчим уехал. Он и сейчас в отъезде, работает на Севере. Приедет через год... Маме одной скучно.

— Вы бы вместе жили.

— А бабушка? Ей дом жалко. И не хочет она совсем. Когда я как следует устроюсь, я ее к себе заберу. Знаете, какая она хорошая... Я ведь без отца росла, возле нее. Невезучая, да?

— Почему? Я тоже рос без отца, видите, какой вырос.

— Ага, — сказала она и опять засмеялась. Но неожиданно смолкла.

За стулом Лютрова остановился Костя Карауш. То, что

у него кто-то за спиной, Лютров понял по веселому недоумению на лице Валерии.

Выждав, когда за столом замолчали, а Лютров повернул к нему голову, Костя склонился, как метрдотель на дипломатическом приеме, и, все еще держа руки за спиной, проговорил:

— Прошу прощения... Несколько мужчин, пожелавших остаться неизвестными, просили передать вашей спутнице... Вы позволите?

— Мы позволим, Валера?

— Позволим!

— В таком разе прошу! — Костя вытянул руку.

— Ой!

В руках у него покачивалось несколько длинноногих красных тюльпанов.

— Ой, спасибо!.. Откуда они?

Костя сделал вид, что открывать тайну ему нельзя, приложил руку к сердцу и, очень довольный исходом миссии, отошел.

— Какой он потешный, этот ваш друг!

— Ага. Одессит, веселый.

— А вы где живете?

— В Энске.

— Ой, вдруг встретимся!

Лютров написал на листке блокнота номер своего телефона и протянул ей.

— Это на случай, если вам опять понадобится провожатый.

— Я и так позвоню. Правда, у мамы нет телефона, но я из автомата, хорошо?

— Лишь бы было слышно.

— Знаете, хорошо все-таки, что я вас увидела. Мне теперь даже смешно, что я боялась, пряталась.

— Ну и слава богу. Я тоже очень рад, что увидел вас.

Пока они сидели за столом и потом, когда он провожал ее к старому, порядком обтертому ЛИ-2 и стоял у трапа в общей очереди, чувствуя безбоязненные прикосновения совсем освоившейся с ним девушки, Лютров проникся уже совсем родственной причастностью к ее отъезду, о чем-то тревожился, а в момент, когда она, еще не протянув руки за чемоданом, вопросительно поглядела на него, испытал такое сильное желание обнять ее, наговорить каких-то благодарных слов, что едва принудил себя отдать ей вещи, и при этом был так растерян, что не слы-

шал сказанного ею на прощанье. А когда увидел ее шагающей вверх по трапу, еще более обшарпанному, чем старенький самолет, перебирающей ногами в черных туфлях, мучительно ждал, что она повернется на прощанье, кивнет ему, но она не повернулась и не кивнула.

Вылетали они в конце следующего дня. Тасманов заправил самолет минимумом топлива, и они поднялись, не пробежав и двух третей взлетной полосы, окатив Перекаты неслыханным здесь ревом двигателей, и резво пошли вверх, оставляя за собой четыре едва приметных дымных следа.

— Надеюсь, еще не капает, уважаемый Иосаф Иванович? — спросил Костя Карауш.

Каждый из экипажа невольно улыбнулся: всем в голову пришло одно и то же, но глагол истины послушен или детям, или юмористам.

Когда легли на курс, Лютров повернулся к Чернораю:

— Слава, возьми управление.

— Понял, командир.

Скинув шлем, Лютров привалился к спинке катапультного кресла и прикрыл глаза, повинуясь желанию заново пережить в воображении две встречи с Валерией, собрать воедино все, что успел увидеть и узнать об этой девушке с византийскими глазами.

Он не мог заставить себя поверить, что она надумает ему позвонить. Это немыслимо. У девушек ее возраста не может быть ничего общего с тридцативосьмилетним мужчиной. Но ведь бывают чудеса? Гай, например... Ведь никому не кажется странным, что, несмотря на различие в возрасте, они живут дружно и счастливо?

Привалившись к спинке кресла, Лютров шаг за шагом вспоминал минувшие два дня и невесело улыбался про себя: нужно было потерять пятьдесят тонн горючего, сделать вынужденную посадку, рискуя развалить машину, чтобы встретить бывшего курсанта, благодарного ему за то, что он так и не научил его летать, познакомиться с его непростой женой, провести пустую зарю на охоте, растревожиться судьбой совсем уж незнакомого ему человека — Ирины Ярской, всполошившей в нем все давнее и недавнее, и наконец увидеть Валерию, с ее незащищен-

ностью, доверчивостью к нему, с ее немыслимыми глазами, такую легкую и непрочную среди всего прочного, сработанного на жизнь, что было в доме Колчанова.

Было тягостно от простой, до боли ясной мысли, что по своей вине, по душевному невежеству разминулся где-то в прошлом с такой же, теперь бесконечно далекой от него девушкой.

На женщин, которых знал Лютров в далеком и не очень далеком прошлом, при всей корректности отношений с ними, он глядел сквозь дымку известной простоты, чтобы не сказать больше. И не только потому, что в среде курсантов, а потом и женатых друзей в разговорах о женщинах присутствовал налет пренебрежительности, не потому, что связи с женщинами принято было скрывать как нечто дурное и стыдное, а потому еще, что это дурное и стыдное считалось таким и теми женщинами, которых он знал.

Заканчивая училище, он познакомился и недолго дружил с работницей типографии военного городка. Звали ее мудрено: Радиолиной. Жила она у старой тетки. Дом их стоял далеко на окраине города, над глухим оврагом. Радиолине страшно было возвращаться туда после работы одной, особенно в ранние осенние вечера. Потом ему казалось, что именно поэтому она выбрала его, рослого и сильного.

В замкнутом мирке училища изо дня в день видишь одни и те же лица. Видели друг друга и они. Сначала в каком-то коридоре неловко пытались уступить друг другу дорогу, улыбнулись. Потом просто отмечали про себя, что вон-де идет она, он, переглядывались, где-то разговорились, стали здороваться, случайно встретились в городе, было занятно встретить друг друга на улице, в непривычном месте. Наконец, на правах добрых знакомых сидели рядом на собраниях, болтали не к месту, ходили в кино — в училище и в городе, ели мороженое, первое послевоенное лакомство, которое можно было купить на улице. Осенью он часто провожал ее. Сначала до калитки дома, потом до крыльца. Там и поцеловались. Она относилась к нему с подкупающей доверчивостью, их отношения, насколько он мог судить, были чистыми, хорошими. Случалось, он с нетерпением ждал вечера, чтобы встретить и проводить ее домой. Было приятно обнимать ее, она не противилась.

Он стал бывать у нее дома, пить чай вместе со смешливой старушкой, ее теткой.

В начале зимы его зачислили в рабочую бригаду, нужно было установить дюжину столбов электропередачи, освещали новый тир. Лютрова послали крепить изоляторы. Дело пустяковое: просверлить коловоротом три дырки да закрутить скобы с насаженными на них белыми чашками.

Это был последний столб рядом с подстанцией на первом этаже жилого дома. Лютров вскарабкался на него уже в темноте, свет из окон позволял закончить работу. Устраиваясь поудобнее на монтерских «когтях», он заметил в освещенном окне второго этажа знакомого преподавателя — невысокого, полнеющего весельчака с неистребимым румянцем на холеных щечках, с маленькими усиками, которые он то сбривал, то отращивал вновь. Сейчас они лишь слегка отросли и были так ровно подстрижены, что казались нарисованными. Лютров упрекнул себя в подглядывании и принялся было за дело, но отворилась блеснувшая белилами дверь, и он невольно покосился в окно. Вошла женщина. Пока она пересекала комнату, он узнал Радиолину.

Офицер поднялся из-за стола, не останавливаясь, прошел мимо нее, запер дверь. Радиолина прислонилась спиной к стене и, как показалось Лютрову, с заинтересованной улыбкой следила за офицером. Она не сменила позы и когда он подошел к ней, положил руки ей на плечи, потянул к себе, чтобы поцеловать. Все с той же улыбкой, к которой словно бы и не прикасались, она глядела, вскинув голову, на его руку, когда он, чуть отступив, потянулся к выключателю.

А Лютрова обуял страх разоблачителя.

Обдирая руки и скользя «когтями», он слез со столба и посмотрел наверх. Квадрат окна стал черным.

И все-таки не то, что он увидел и узнал, было самым скверным, а то, что он ничем не выказал, что знает о ее посещении квартиры женатого офицера, и по-прежнему провожал ее до дому, а когда там однажды не оказалось тетки, посчитал себя вправе решиться на то, чего раньше не посмел бы сделать.

Все, что произошло тогда между ними, было и не могло не быть мерзко и пошло непередаваемо: и потому, что она была близка не с ним одним, и потому, что происхо-

дящее не могло быть описано иначе, чем только языком дурным и стыдным. Самым же ужасающе стыдным для него было то, что она была его первой женщиной. Ему и теперь еще становилось не по себе, когда он вспоминал полутьму жарко натопленной комнаты и себя с ней.

Но у человека нельзя отнять человеческое. Несмотря ни на что, в Лютрове неистребимо жило затаившееся в глубине памяти другое событие, почти совсем лишенное деталей, оно все чаще приходило на ум как смутное подозрение об ином влечении к женщине, где не чувственность, а властное чувство восторга определяет стремление прикоснуться, приласкать, защитить ее.

Ощущение родственности доверившейся жизни, приобщение к дыханию восхищенного тобой существа и еще что-то неожиданное и тревожное, но в ту пору так и не разгаданное оставила после себя эта девушка.

Он хорошо помнил осень на Волге, город Балаково, госпиталь, где больше года пробыл брат Никита после тяжелого ранения, и ее имя — Оленька. Она говорила, что в семье ее зовут Алешкой.

Тогда Лютров навестил брата, выходившего к нему за ворота уже без посторонней помощи, опираясь на большую дубовую палку, витиевато изрезанную каким-то солдатом-умельцем.

Там, у ворот госпиталя, Лютров и увидел ее. Она тоже приходила навещать кого-то из своих родных. Он не помнил, как они познакомились и какие слова помогли им так неожиданно довериться друг другу. Оставшиеся два дня его отпуска они не разлучались, он и эта девушка из Балакова. Последнее, что осталось в его памяти, были ее печальные и растерянные глаза, ее взгляд, каким она провожала его на пристани.

Такой он и запомнил ее, девушку из Балакова.

Прохаживаясь по холодным палубам большого теплохода, плывшего вниз по реке, он воображал, какими будут ее письма, что он станет отвечать на них, и непривычные, никому не сказанные слова уже просились быть произнесенными, он даже немного сдерживал их, чтобы не давать им воли. Свой адрес, простой и короткий, он сказал ей у пристани, она не ответила тем же, а только кивала, кивала на его просьбу писать. Но так и не написала...

А другие? Те, что были потом, когда он стал вполне

самостоятельным человеком и мог соблазнительно щедро расплачиваться в ресторане?

Спутницы этой поры совсем не были похожи на Оленьку-Алешку и ничего не могли прибавить к тому, что тебе было известно. Ни прибавить, ни убавить. Настолько ничего, что даже имена их вспоминаются не вдруг. Как звали ту артистку, с которой тебя познакомили в день авиации?.. Она напоминала некую разновидность дикой кошки с долгим и гладким телом, чьи неторопливые движения отмечены грациозной целесообразностью, скрытой силой и уверенностью в себе. В фигуре ничего выступающего, в одежде ничего лишнего. Чаще всего на ней было ненавязчиво облегающее вязаное платье цвета первых весенних листьев, такая же шапочка детским чепцом, аккуратно прикрывающая уши и волосы до последней пряди и придающая матово-смуглому лицу ту меру инфантильности, которая если и не молодит, то выдает склонности. Ее глаза казались темно-серыми до тех пор, пока она не поворачивала их в сторону. Тогда в глубине зрачков рождался густой зеленый тон, словно рассыпанная по кругу райка зеленая пыльца становилась плотнее, как голубизна стекла при взгляде на торец. Ее губы, безупречно выкрашенные в густо-морковный цвет, какой идет к определенному оттенку зеленого, очень выразительны, но подвижность делает их неуловимыми в очертаниях. Они соблазнительны, но слишком опытны. Женщин с таким ртом не пугает откровенность за гранью пристойного, они умны, наблюдательны, неболтливы, догадливы и умеют взять все до предела от дарованной внешности. И вообще все, что можно взять. Ее заботила лишь наследственная склонность к полноте да боязнь огласки... Она выбрала странное место для свиданий: он ждал ее под мостом, у пригородных касс. Она приходила туда во второй половине дня, шла пешком от своего дома и без конца оглядывалась... Это и называлось любовью.

Санин был терпимее, его веселые, все понимающие глаза умели видеть в женщинах не более того, что им нравилось в себе, а потому они считали Сергея очень интересным мужчиной, несмотря на следы ожогов на скулах и подбородке. Все скабрезное, походя адресованное женщинам и женскому, вызывало в нем приступы раздражения.

— Наследие кабацкого мира мещан, нравственный маразм, духовная суть подонков, — часто ругался он. —

И почему так: в куче мужики говорят не о девушках и женщинах, а «про баб»? Ведь наедине с ними самая глухая душа отыскивает красивые слова? Недотепы.

К Лютрову наклонился Чернорай.

— Леша! Иду на четвертый разворот. Сам сажать будешь?

— Да.

— Что за девушка была с тобой? — спросил Костя Карауш, когда Лютров застегнул шлем.

— Что, хороша?

— Все они в девках хороши! — отозвался Чернорай.

Поглядев на лицо второго летчика, Лютров улыбнулся: жена Чернорая имела обыкновение публично напоминать о своих законных правах на его внимание, в чем хоть и была не одинока, но беспардонность применяемых ею методов выводила из себя Чернорая.

— И где ты ее откопал? — не унимался Костя. — Хоть бы научил, как это делается.

— Тебя научишь. А за цветы спасибо. Ты это лихо придумал.

— Идея Булатбека, ему и кланяйся.

— Но доставал-то ты, — Саетгиреев и смотрел на Лютрова, и говорил так, словно оправдывался.

— Да, Костя, где достал-то? Я там даже ландышей не видел.

— Ха! Аэропорт все-таки. Зашел к ребятам в летную комнату, так и так, говорю, провожаем девушку, нужен букет. А там как раз ИЛ-14 из Астрахани прилетел.

— Слава, выпускай шасси.

— Понял. Шасси выпущены.

— Давай закрылки.

Через минуту С-44, рокоча колесами, вольно катил по длиннейшей полосе аэродрома.

К концу мая, с увеличением светлого времени суток, установилась стеклянно-ясная погода, и летно-испытательная база грохотала так, как на этом свете грохочут только аэродромы.

Со времени возвращения из командировки Лютров все-

го второй раз появлялся на базе, в начале месяца и вот теперь. Все это время он пробыл в КБ, работал на тренажере, помогая разработчикам уточнять «идеологию» будущей автоматики на управлении «девятки». На аэродром его вызвал Гай-Самари: утверждалась программа первого вылета С-441, и Лютрову, как одному из членов методсовета, надлежало быть на заседании.

Он представлял себе, в каком состоянии сейчас, да и все эти дни находится Чернорай. С-441 была не только первой его опытной машиной, которую он поведет с самого начала испытаний; это был комфортабельнейший пассажирский лайнер, каких еще мало знала мировая авиация. Создание машин класса С-441 хоть и признавалось в принципе возможным, представлялось специалистам проблемой с сотней неизвестных, «слишком большим шагом, который нельзя сделать, не разорвав брюки», по выражению популярного западного авиационного журнала. И вот до первого вылета этого лайнера оставались считанные дни, и если погода продержится, то где-нибудь в середине июня Слава Чернорай отпразднует «свой день».

Когда-то такой машиной для Лютрова был С-04, и она очень долго после первого вылета вела себя безукоризненно. До тех пор, пока в полете целевого назначения спущенная с крайнего пилона ракета не повредила гидравлику выпуска шасси, из-за чего стойка правой ноги подломилась на пробежке после посадки. Последние триста-четыреста метров машина была неуправляема. Сорвавшись с полосы и надломив правое крыло, они с Сергеем Саниным едва не свернули себе шеи.

— Ты понял что-нибудь? — спросил Лютров, выбравшись из самолета.

— Чудак! Понял, что мы с тобой беседуем, а в остальном всегда можно разобраться.

В другой раз их выручил паренек-электрик из отдела экспериментального оборудования. Шасси не хотело выходить дальше чем до половины пути. Они носились над летным полем, пока было горючее, и Лютров был уверен, что сажать придется «на брюхо». А в это время тот самый паренек-электрик прибежал к Данилову со схемой электрооборудования самолета и предложил остроумнейший вариант аварийного выпуска, для которого нужно было отключить от питания почти все бортовые системы. Решение было основано на его собственных предположе-

ниях о причине невыхода шасси, и паренек оказался прав. Проделав все предложенные с земли манипуляции, Лютров не без радостного удивления воспринял вспыхнувший зеленый огонь сигнала: «Шасси выпущено».

Как почти все машины Старика, С-04 стояла на вооружении вот уже несколько лет. КБ Соколова умеет делать машины надолго. Но всему свой черед: недалеко то время, когда на смену С-04 придет второй год «пробующий голос» С-224.

Шагая вдоль линии ангаров к зданию летной части, Лютров видел, как садится на малую полосу и тут же взлетает истребитель-бесхвостка. Видимо, снимались посадочные характеристики. Кто на самолете? Гай-Самари? А может, Витюлька Извольский, которого Гай недавно выпустил и очень старательно готовил к испытаниям на штопор?

На ближней стоянке, в двухстах метрах от окон здания летной части, механики гоняли все четыре турбовинтовых двигателя С-440. Дождевая лужица на бетоне под винтами растекалась и дрожала, охваченная мелкой концентрической рябью. А еще дальше, по ту сторону рулежной полосы, у нового С-224 осатанело срывались на форсаж два мощных спаренных двигателя. Этот всепогодный многоцелевой перехватчик в прошлом году поднимал Борис Долотов и уже облетали Лютров, Чернорай и недавно зачисленный на фирму Федя Радов.

Когда Старик снял Долотова с С-14 за самовольный выход «за звук», ожидали, что последуют какие-то еще более суровые меры, говорили даже, что главный вообще собирается отказаться от услуг Долотова, но он не только не отказался, но и ничего не имел против, когда Данилов давал Соколову подготовленный им приказ о назначении Долотова ведущим летчиком на С-224. Прав был «корифей»: «мальчишка» заставит уважать себя, хотя, кроме нешуточного выговора, ничем еще не отличен.

Взрывная струя С-224 рикошетила от отбойного щита, неслась вверх, насыщая бледную голубизну неба легкой дымной вуалью. От рева дрожала земля, Лютров чувствовал эту дрожь через подошвы ботинок, видел, как мелко поблескивали стекла на ангарных воротах.

Беззвучные в этом грохоте, по площадке катили тучные топливозаправщики, автомобили с пусковыми генераторами, заправщики жидкого кислорода. Дважды мимо

Лютрова пронесся красно-белый РАФ Наденьки, единственной девушки на всю шоферскую братию аэродрома. Летом в клетчатой мальчишеской рубашке, зимой в старенькой меховой летной куртке и вязаной шапочке, девушка-шофер обречена была выслушивать бесконечные шутливые заигрывания летчиков, пока доставляла их от парашютной к стоянке самолетов и обратно. Наденька никогда не отзывалась на реплики такого толка и лишь косила на болтунов строгими серыми глазами. Единственный, кто повергал ее в забавную растерянность, заставлял краснеть и отвечать невпопад, был Гай-Самари.

Впрочем, не только ее. Наделенный изысканной вежливостью, неизменно в белоснежной сорочке и безукоризненно отглаженном костюме, Гай выглядел «аристократом» даже среди самых молодых и самых модных щеголей летного состава. Его появление в конструкторских отделах фирмы вызывало заметное оживление среди женской части сотрудников.

— Девочки, кто это? — невольно восклицала какая-нибудь вчерашняя студентка.

— Гай-Самари, старший летчик-испытатель. Или, ежели по-заграничному, шеф-пилот, — отвечали посвященные.

Иногда прибавляли:

— Соколов к нему слабость питает.

— Похож на итальянского графа. И фамилия какая-то... — размышляла вслух вчерашняя студентка.

И если мужчины иронически интересовались, откуда у нее познания об итальянской аристократии, то женщины молчали, им казалось, что сравнение вполне подходящее.

В КБ его ценили (и не только Старик) не за впечатляющую внешность, а за недюжинную пытливость, за аналитический ум, за редкую способность докопаться до причин самых непредвиденных отклонений, отрицательно влияющих на поведение опытной машины. Никто лучше Гая не мог обосновать психологически неизбежные действия человека за штурвалом в самых запутанных происшествиях, потому он и был постоянным членом всех аварийных комиссий.

Минувшим летом с серийного завода пришло сообщение о непонятной склонности некоторых из выпускаемых истребителей вибрировать на больших высотах. На заводе чуть ли не вслух говорили о каких-то темных дефек-

тах в аэродинамической компоновке самолета. Когда об этом сказали Старику, он насмешливо хмыкнул и велел послать на завод Гая.

— Донат разберется.

Он сделал несколько полетов, но они не принесли разгадки. Предложенный для проверки самолет отлично вел себя до высоты 12 тысяч метров, но стоило затем включить двигатель на форсажный режим, и машину начинало «знобить». Дефект обнаруживал себя только в разреженной атмосфере, но откуда исходит вибрация? По нескольку раз в день Гай сажал машину с чувством человека, который ничего не может прибавить к уже известному. Подрулив к стоянке после очередного полета, он принялся под насмешливыми взглядами заводских летчиков с пристрастием осматривать закрылки, лючки, каждый стык обшивки, пока не добрался до выхлопного отверстия двигателя. И тут нужно было быть Гаем, чтобы отыскать едва приметные глазу следы наклепов в том месте, где тронутая цветами побежалости жаропрочная сталь выхлопной камеры прижималась к обрезу обшивки фюзеляжа. Гай запросил рабочие чертежи и убедился, что на них указан лишь максимально допустимый зазор между несущей большие вибрационные нагрузки выхлопной камерой и кромкой фюзеляжа, а на заводе умели работать и подгоняли фюзеляж едва не вплотную к двигателю.

Зазор увеличили до максимально допустимого, и после следующего полета Гай возвращался, по его словам, «как после свидания с девушкой, которую ты очень ждал».

Его сдержанности, такту, умению вести себя можно было позавидовать. «Воспитанный человек должен уметь слушать», — говорил он и делал это как никто. Обращался ли к нему моторист на стоянке, старая уборщица летных апартаментов Глафира Пантелеевна или один из заместителей Старика, глаза Гая излучали на собеседника столько участливого внимания, готовности помочь, что самый мнительный человек уходил с уверенностью в расположении к нему шеф-пилота известной фирмы.

— Ты родился дипломатом, Гай, — говорил ему Костя Карауш, его земляк.

— Я рос в Одессе, Костик, — тонко улыбаясь, отвечал Гай.

— Я тоже, — с кислой миной парировал Карауш, да-

вая понять, что не все обаятельные мужчины вскормлены Одессой.

Что касается происхождения, то родословная Гая не поддавалась расшифровке. По воспитанию он был типичным русским парнем, разве что красив был не по-здешнему, чем и озадачивал навязчивое пристрастие некоторых определять по внешности национальную принадлежность. Как-то в непринужденной беседе с молодящейся дамой из КБ Гай остроумно заметил, что принадлежность к нации определяет не прадед по материнской линии, а врожденная способность думать и говорить на языке народа, среди которого ты родился и вырос. Фамилия, порода, кровь — это мистика; всякое стремление к обособленности на этом основании или глупо, или подозрительно.

— А все-таки кем вы себя чувствуете? — не сдавалась дама-физиономистка.

— Зулусом, — не очень вежливо ответил Гай и заторопился куда-то.

— Юмор какой-то, — растерянно улыбнулась дама.

— Юмор — это когда смешно и тому, над кем смеются, — глубокомысленно пояснил Костя Карауш, — а сатира — это когда ему уже не смешно.

— Да? — сказала дама, ничего не разобрав.

— Не иначе, — подтвердил Костя.

А когда дама ушла, добавил:

— Дура. Ей хочется видеть в Гае «восточного человека», милого ее склонностям.

У Гая были иссиня-черные волосы, заиндевевшие мазками седых прядей, зачесанных от висков за уши; лоснившиеся от старательного бритья сизые щеки, всегда гостеприимно распахнутые глаза цвета орехового комля, решительный нос, размашистая походка и широкая душа, раскрытая для всякого доброго человека. Все в нем бросалось в глаза, все было незаурядным. Он напоминал людей искусства — актеров, художников, в традиционном представлении о людях свободных профессий.

Рассказывая о себе в тоне печальной иронии, Гай говорил, что его мама преподавала музыку. Он запомнил это потому, что «ученики приходили к ним в комнату и давили гаммы, как клопов». Может быть, это помогло им, и они стали Рихтерами и Гилельсами, но когда теперь он слышит пианино, у него отваливается нижняя

челюсть, а шея и щеки покрываются красными пятнами.

Его жизнь укладывалась в анкету с той легкостью, с какой она заполняется у тех, кто не знает темных пятен в своем прошлом, кто, не мудрствуя, старательно идет по однажды избранной дороге. С восьмого класса перешел в спецшколу ВВС, оттуда в летное училище, потом служба в воинских частях на востоке. Школу летчиков-испытателей закончил одновременно с заочным факультетом МАИ и после назначения на фирму Соколова сменил ушедшего на пенсию начальника летной службы Тримана, знаменитого авиатора тридцатых годов, ровесника Чкалову, Громову, Спирину. Слабость Старика к Гаю выказывалась в том, что он назначал его на самые сложные заказы, на испытания экспериментальных образцов тех самолетов, которые несли в себе наибольшие надежды КБ. Говорили, что Гай был единственным из летчиков за всю историю фирмы, которого Старик называл по имени, в то время как всех других сухо величал по имени-отчеству. И не чудачества ради, а дабы не отличать от тех работников, на которых простиралась не знающая компромиссов десница Главного. Ведущие инженеры из бригады тяжелых машин слышали, как на вопрос директора серийного завода, кто такой Гай-Самари и почему именно его присылают поднимать головной экземпляр запущенного в серию С-44, Старик сердито ответил:

— То есть как кто такой? Летчик. Божьей милостью.

До той минуты, когда Гай сшиб своей «Волгой» студентку-выпускницу медицинского института, рискованно перебегавшую улицу, он был непременным участником холостяцкого времяпрепровождения в компании с Лютровым и Саниным. Памятное происшествие повлекло за собой непредвиденные последствия, развивавшиеся с быстротой и поворотами в стиле новелл О'Генри.

Не дожидаясь, пока прохожие накостыляют ему за содеянное или подоспеет милиция, Гай мигом отвез пострадавшую в травматологическое отделение ближайшей больницы, благо она находилась неподалеку, и в первые дни просиживал у ее больничной кровати на втором этаже столько, сколько было позволено, а затем и того больше.

На базе уже ползли слухи о «трагическом» происшествии, и Юзефович ждал только официальной бумаги, чтобы приняться за Гая, но это было крупное дело, суля-

щее соразмерные неприятности в случае неудачи, и Юзефович выжидал.

Движимый состраданием к земляку, Костя Карауш спросил Гая, будучи с ним на борту С-44 в одном из долгих полетов:

— Что это за история с пешеходом, Гай? Ты сбил кого-то?

— Да, Костик, — улыбнулся Гай. — Это оказалась моя жена.

Больше Костя ни о чем не спрашивал, он ничего не понимал: у Гая никогда не было жены.

А произошло вот что.

К концу пребывания в травматологическом отделении, когда привели в порядок раздробленные пятки девушки, ее ждала еще одна неожиданность: неудачливый шофер предложил ей стать его женой. Надо полагать, едва подлечившаяся студентка почувствовала себя в состоянии шока второй раз, иначе трудно объяснить ее согласие. Золотоволосая медичка знала о своем женихе не более того, что можно увидеть в ее положении. Но что-то успела разглядеть, хоть и была почти вдвое моложе своего жениха. Наверно, не только его умение носить костюмы с непринужденностью манекенщика, но и ту самую живую душу, что сама по себе сказывается в человеке и зовется обаянием.

Она говорила Лютрову, что влюбилась в Гая уже постфактум, выигрыш выпал при игре втемную. Впрочем, они разделили его поровну — жили на редкость дружно и как-то легко, необременительно друг для друга, точно два хороших человека знали, были уверены, что встретятся, будут любить друг друга и что это в порядке вещей. С тех пор, со времени их необычного знакомства, прошло более трех лет, а чуть пополневшая жена Гая, уже врач-педиатр, все еще глядела на мужа как на обретенное чудо, словно не решалась до конца поверить, что оно принадлежит ей.

Когда Лютров заходил к Гаю, жившему в одном доме с ним, а это случалось часто после гибели Сергея Санина, и они, послушные привычке, заводили профессиональные разговоры, она никогда не прерывала их, находила себе какое-нибудь дело в затененном углу большой комнаты, старалась как можно «меньше присутствовать» и украдкой поглядывала на них через плечо. Хотела она того или

нет, все в ее облике выражало обезоруживающе стыдливую девическую привязанность к мужу. И для этого ее чувства все на свете, казалось, было пустяками, кроме того, что Гай жив, Гай здоров, Гай курит, Гай смеется, кроме того, что он рядом.

Она удивительно легко и быстро нашла общий язык со всеми друзьями Гая и была пленительна как раз своей непосредственностью, открытостью, умением принимать человека таким, какой он есть, — редкое свойство красивой женщины.

Если верить многодетному Козлевичу, а он считал, что знает толк в докторах, то жена Гая ко всему прочему была еще и отличным детским врачом, готовым приехать по первому звонку, днем и ночью, если у кого-нибудь из сорванцов Козлевича появилась сыпь на животике или синяк на затылке.

— А-ты можешь а-поверить мне, — говорил, слегка заикаясь, Козлевич какому-нибудь коллеге-отцу, — лучше жены а-Доната никто тебе не поможет.

Союз двух счастливых людей, мужчины и женщины, выпадал из стойкого представления Лютрова о хлопотности семейной жизни. Если бы он не знал Гая, то решил бы, что его дурачат. В такие минуты Лютров считал, что не женат и не живет такой же привлекательной жизнью лишь потому, что подобное совпадение счастливых случайностей — редкость, а он не одарен ни обаянием Гая, ни его удачливостью. Но теперь, вернувшись из Перекатов, Лютров начинал подозревать, что по-настоящему никогда не пытался определить, почему все-таки вот такая семейная жизнь заказана для него. И вспоминал голос Валерии: «Я позвоню вам, из автомата только...» — счастье представлялось ему и близким и невозможным.

У подъезда летной части Лютров столкнулся с Володей Рукановым, ведущим инженером истребителя-бесхвостки. Неулыбчивый ведущий Гая-Самари отличался неколебимой серьезностью, холодной и способной охладить всякую попытку к легкомыслию, как если бы к этому его обязывала принадлежность к когорте людей, обремененных ответственностью за скверные порядки в этом мире.

Блеснув ограненными стеклами очков с золотыми дужками, он посмотрел на Лютрова так, словно определял, готов ли тот слушать или ему еще подождать.

— К концу дня приедет Николай Сергеевич. Есть распоряжение собрать летный состав в его кабинете.

Руканов сделал паузу и добавил:

— Ему сообщили, что Боровский обвинил службу летных испытаний в катастрофе «семерки», не менее того... Коль скоро потребовалось вмешательство Главного конструктора, особое мнение Боровского может дорого ему обойтись, не так ли?

«А тебе-то с какой стороны это важит?» — подумал Лютров, так ничего и не ответив Руканову.

Методсовет перед первым вылетом, в сущности, необходимая формальность — так считали многие молодые летчики.

Внешне как будто все так и было. Ведущие конструкторы различных самолетных систем вкупе с представителями фирм-смежников вслух докладывают о том, что куда продуманней изложено в соответствующих документах, — о готовности систем и изделий к первому испытанию в воздухе. На стенах зала заседаний висели раскрашенные схемы, диаграммы, таблицы. Выступающие знакомили остальных присутствующих с принципами обеспечения надежности работы изделий, с резервированием возможных отказов дублирующими устройствами, с методами проведенных наземных или летно-лабораторных испытаний всего, что входит в жизнеобеспечение самолета. И на этот раз, как и обычно перед первым вылетом, вопросов почти не было. Следуя привычному порядку, председатель спросил командира о готовности экипажа, зачитал короткую записку о рекомендуемых метеорологических условиях и пожелал успеха всем присутствующим.

Но пустая трата времени на подобных методсоветах была лишь кажущейся. Лютров знал, как важно для летчика до конца поверить в готовность машины, и не по документам, а на этом столь представительном «конклаве», обладающем пропастью знаний и опыта по каждому освещаемому докладчиками вопросу; как важно для летчика их молчаливое согласие с докладчиками. Это не просто их согласие, это молчание тех, кто может подняться, подойти к схеме и своей эрудицией перечеркнуть поспешные заключения, высказать полновесное сомнение в правильности предпосылок для успокоительного вывода. Это молчание успокаивает любое тревожно стучащее сердце. И потому внешне театрализованное, обреченное якобы на

сонливую бездеятельность совещание, по существу, имеет значение той главной подписи, которая как будто ничего не меняет в существе дела, но подтверждает подлинность документа.

Когда почти все разошлись, Лютров подошел к Чернораю.

— Голова кругом, а?

— Не говори, Леша. Уж скорей бы вылет! Чувствуешь себя как в лифте, который никак не остановится...

Освободившись, Лютров направился в комнату отдыха летчиков, чувствуя, что соскучился по лицам ребят за время командировки и работы в КБ, по стуку бильярдных шаров, по вечным перепалкам круглолицего холеного Козлевича с Костей Караушем, по мальчишескому смеху Витюльки Извольского. И даже хмурый Борис Долотов являл собою какую-то часть привычной картины жизни летной службы базы, без него тоже чего-то не хватало.

Комната отдыха — залитое светом помещение с огромными, во всю стену, окнами, формой напоминало половину шестиугольника, средняя грань которого выходила на летное поле. В центре стоял бильярд, слева от входа — два шахматных столика, затем круглый, прочно сработанный стол для домино. Стулья, диваны, столики со многими отечественными и зарубежными журналами стояли у боковых стен. На низких подоконниках ярко пестрели выпуски экспресс-информации, толстые справочники, каждый вечер убираемые Глафирой Пантелеевной в стеклянный шкаф у задней стены. Иногда в компанию деловых изданий попадал завезенный из заграничной поездки рекламный журнал с не очень одетыми красотками, восседающими за рулем спортивных автомобилей, катеров, яхт; рекламные проспекты авиационных выставок, все с теми же стереотипными улыбками безымянных девиц, как если бы присутствие их загорелых телес превратилось в некую форму благословения прогрессу.

Единственный портрет, висевший рядом с большой, в половину задней стены картой страны, изображал Николая Сергеевича Соколова.

Портрет был скверным. В генеральской форме с регалиями Старик выглядел нарочито благолепно, каким он никогда не бывал в жизни, как никогда в жизни не был военным, в чем нетрудно было удостовериться по старомодным овальным очкам, они-то были всегдашними, сросшимися с гражданским обликом Главного.

Как правило, в комнате было тихо, как в холле санатория, но при нелетной погоде, в дни собраний, иногда по утрам, когда в ней оказывалось много народу, становилось шумно, клацали костяшки домино, возбужденно травил «правдивые истории» Костя Карауш, обменивались новостями вернувшиеся из командировки, обсуждались летные происшествия. Но прояснялось небо, в диспетчерской трезвонили телефонами ведущие инженеры, и комната отдыха с разбросанными на подоконниках брошюрами снова пустела.

И на этот раз в кресле у залитого солнцем среднего окна сидел, откинув голову на спинку, один Гай-Самари. Он, видимо, только что вылез из своего «малыша», у висков еще не рассосались красные пятна от зажимов защитного шлема.

— Привет, боярин! Один?

— А-а, Лешенька! Дорогой мой!

Придержав в своей руке руку Лютрова, он качнул головой в сторону самолетной стоянки, где черно-оранжевый тягач подкатывал к отбойному щиту истребитель-бесхвостку.

— Я с утра на «малыше». Не мог быть на методсовете.

— Видел.

Сердечно поздравляю «Молодую гвардию» со славным пятидесятилетием.

В давнее время, работая помполитом по комсомолу в одной из МТС на Северном Кавказе, я написал и в сентябрьском номере журнала «Молодая гвардия» за 1934 год опубликовал большой очерк «Записки политотдельца». С тех пор я не раз печатался на страницах журнала. Мне кажется, и я могу считать себя молодогвардейцем, одним из многочисленных авторов популярного и любимого журнала.

Конечно, журнал «Молодая гвардия» должен больше печатать произведений о современности. Но нельзя забывать и героическую историю. Это вполне закономерно. И, мне кажется, наряду с произведениями о наших днях следовало бы создать художественную летопись об историческом прошлом комсомола. Только надо писать правду, не приукрашивать события, не преуменьшать трудностей. Такая летопись поможет нашему нынешнему молодому поколению добиться еще больших успехов во имя и на благо нашей великой коммунистической Родины.

Федор НАСЕДКИН

— Ну и как, глядится?

Зная пристрастие Гая к истребителям, Лютров пошутил:

— Разве это ероплан? Крыла чуть-чуть, горючего два ведра, а хвоста и совсем нет.

— Так зато научная вещь, начисто лишена чувства юмора.

— Пробовал шутить?

— Искушался.

— Извольского выпустил на нем?

— Давно. Уже готовится к полетам на штопор! Ты знаешь, у него идет на «малыше»: каждый полет как наглядное пособие — чисто, грамотно.

— К осени освободится?

— Витюлька?

— Да.

— Непременно. Программа на двенадцать полетов.

Разговору мешал нарастающий, секущий звук турбовинтовых двигателей С-440.

— «Корифей» намыливается? — спросил Лютров.

— Он.

— Надолго?

— Нет, здесь в зоне.

— Тебе твой ведущий ничего не говорил о приезде Старика?

— Нет. По какому случаю?

— Я потому и спросил, надолго ли полет у Боровского. Помнишь, на совещании у Данилова «корифей» разыграл негодование, раздухарился из-за чепуховой неточности в составлении программы испытаний этого своего корабля, связал ошибку с катастрофой «семерки» и выдал все вместе за принципы постановки испытательной работы на базе?

— Ну! Я еще подумал, что примерно так же фабрикуются теоретические предпосылки для правительственных переворотов в банановых республиках... И кажется, Данилов пожаловался Старику?

— После истории с Чернораем Данилов не посчитался со скверным настроением Боровского...

— И поехал к Старику.

— И поехал к Старику.

— Допек «корифей» Данилова, да и свидетелей много было. Так что Старик?

— Его ждут сегодня на базе. Решил поговорить разом со всеми.

— Читай: с Боровским, — Гай жестом отстранил всякие предположения о каких-то иных целях Главного. — Главный отвинтит ему уши. Юзефовича не знобит?

— Ну, если уж Володя Руканов озабочен, суди сам. С него-то какой спрос?..

— Никакого. Но милый Володя себе на уме. Уж он-то настроится на нужную волну. В его тактических методах продвижения по службе должное место занимает умение блюсти реноме вышестоящих товарищей. Усек?.. Не собственный престиж, а «ихний», и он делает это с рвением и тактом хорошего дворецкого. Это не дешевый подхалимаж, когда какой-нибудь Юзефович изгибается до хруста в позвонках, а стратегия. Володя никогда не скажет болвану, что он болван, не встанет и не уйдет из зала, когда на трибуне битый час «докладает» тот же Юзефович, как это третьеводни проделал Долотов, а вслед за ним начальник бригады прочности Буним Лейбович. Руканов не прост, Лешенька! Он врос в дело, как хорошо подогнанная пружина. Если ты услышишь от него нечто определенное, можешь быть спокоен, тебе выдали результаты трижды проверенного... Он пришел в авиацию не ваньку валять, он знает дело, он понял, что Старик любит работников. Кто из ведущих может похвастаться тремя вызовами в КБ для сугубо конфиденциальных бесед? Кстати, Володя ни словом не обмолвился не только о вызовах к Главному, но и о предмете разговора. Казалось бы, слухи о внимании Старика ему же на пользу? Ан нет, он тоньше, ему не нужно дешевой популярности. Достаточно того, что о нем прослышал Главный со товарищи. К тому же он знает, как трудно обрести безусловное доверие Деда и как легко его потерять. Но, что ни говори, для руководителя базы, для первого зама Старика и даже для министра Володя — наиболее предпочтительный вариант. Я не из тех, кто с чистой совестью бросит в человека камень только за то, что он хочет сделать карьеру...

Слушая Гая, Лютров мысленно сравнивал его наблюдения со своими.

Уравновешенная порядочность Володи Руканова, тихая склонность оставаться в стороне от всего, что не безусловно или может дурно повлиять на его репутацию толкового инженера, скрывали какую-то чуждую русскому характеру черту. Что похвального в том, что Володя никогда

не воевал с начальством, да и вообще никак не высказывал своего отношения к драке, предпочитая в лучшем случае «при том присутствовать»? Настоящее дело не оставляет времени для «делания карьеры».

— Боровский тоже на свой манер фрукт, но — работник! — продолжил Гай-Самари. — И с отличным послужным списком, за что ему да простится грех гордыни. Ведь куражится-то из опасения остаться в стороне от больших дел, от настоящей работы. Ну, есть, есть у человека эдакое... Но брось на одну чашу весов эту пакость, а на другую положи летный талант «корифея». Слон и моська.

— Стремление «делового человека» заполучить право руководить, наставлять, командовать из убежденности в своем призвании к этому и добиваться пусть громкой, но трудной работы — не одно и то же.

— Володя очень способный инженер...

— Донат Кузьмич! — прервал Гая диспетчер. — Вас к телефону. Секретарь Добротворского.

— Понял, иду. Уже беспокоятся, чтобы я вас, позвонков, не растерял до приезда Деда.

Гай вышел.

«Нельзя бросать камни в человека только за то, что он хочет сделать карьеру». А ты либерал, Гай!..

«Сколько их, которые хотят? Когда он ее сделает, будет поздно, — подумал Лютров. — А сейчас ты даешь его сомнительным поползновениям эдакое оправдание... Боже, сколько проходимцев самых различных разновидностей рождено желанием преуспеть! И как доверчивы мы, как веруем в нравственную самодостаточность общества, в его иммунитет против жуликов, а они живут, паразитируют, покупают машины, строят дачки. И даже когда мы хватаем их за руки, стыдно бывает не им, а нам...»

Лютров много читал и любил книги, но принадлежал к тем людям, которых формирует не написанное, а уроки жизни. Только сопоставляя прочитанное с собственным опытом, он или принимал или не принимал книжные премудрости.

— Все правильно, — сказал Гай-Самари, входя к Лютрову, — сейчас говорил с Даниловым. Просит сажать всех, кто в зоне, вызывать, кто отдыхает, и никого не отпускать с работы.

— Слухи подтвердились?

— Если Володя сказал, это уже не слухи. Едет. Зна-

ешь, я боюсь Старика. А, что там я: когда он разговаривает с инженерами в КБ, у тех дрожат руки и мозги перестают работать. Почему? Никто не знает. Ведь он ни разу не злоупотребил властью. В чем дело, Леша?

— Не его боишься, а самого себя рядом с ним. Так и кажется, что ему видна вся твоя глупость. Это и есть самое страшное. Для меня, во всяком случае.

— Ты, пожалуй, прав. Когда Долотов выскочил за звук на С-14, помнишь?.. Он вызвал его к себе, а заодно и меня. «Ну, — говорю, — Боря, сейчас из тебя вытряхнут твои партизанские способы доводить машины». — «Бить будет?» — спрашивает и криво улыбается. Да ведь вижу: улыбается-то звуку своего вопроса, а не сути. Идет как на растерзание. И я, глядя на него, начинаю верить: вот войдем сейчас к Старику и получим полновесные затрещины. Зашли. Сели. У него генерал, Данилов, какие-то ученые мужи из летного института. «Извините, — говорит, — мне надо вот с этими разгильдяями словом перекинуться». Те вышли. Сидим. У меня левая нога трясется, так я ее рукой прижимаю. Гляжу, Долотов поднимается. Голова опущена, лицо белое. «Я больше не буду». — «Господи, — думаю, — что он говорит!» Старик встал, подошел к нему и то с одной стороны в лицо заглянет, то с другой. И молчит. Наконец положил руку на загривок, тряхнул, похлопал, прическу ему пригладил. «Иди», — говорит. И все. Боря — пулей в дверь. А Старик глядит ему вслед. «Хорошие люди у нас, Донат, а? Не бывает лучше. Но выговор ты ему, подлецу, напиши. За моей подписью. Он на меня не обидится, а другим наука. Другие-то могут оказаться невезучими».

— Кстати, это произошло как раз, когда ему нужно было уехать. Я о Долотове.

— Думаешь, не простое совпадение?

— Трудно сказать. После его сумасшедшего полета машину поставили на нивелировку, стали снимать двигатели, вот он и освободился. Кажется, это было в феврале?

— Вроде так. У него ежегодные поездки на восток, наверно, какой-нибудь дружеский сабантуй, а? Говорили еще, что не то жена, не то теща кому-то в жилетку плакалась. Ты не видел ее, Борькину жену? Тоненькая, глазки растопыренные, пальчики прозрачные, когда подает, брать боязно. Чуть что — в краску. Ей бы белый передничек да в школу, в седьмой класс. Не верится, что она

женщина. Ну да ладно. Твои-то дела как, что с «девяткой»?

— На тренажере все получается.

— И много нового?

— Демпферы рысканья, тангажа, а главное, автомат дополнительных усилий на штурвале.

— На строгие режимы?

— Да.

— Будешь уточнять, когда и как он должен срабатывать?

— Да у них все подобрано предположительно.

— Человек предполагает, а бог располагает. В экипаже-то знаешь кто?

— Да. Извольский, Козлевич, Карауш?

Гай кивнул. Он не сказал: «Знаешь, кто за Санина?», но каждый раз, когда он видел чью-либо фамилию в графе «Штурман-испытатель», которого записывают третьим в полетном листе, ему, как и Лютрову, казалось, что человек этот занимает место Сергея Санина. Вот и сейчас они вместе вспомнили об этом и замолчали, глядя, как заруливает на С-440 посаженный раньше времени Боровский.

Минуту они наблюдали, как спускается по приставной лестнице многочисленный экипаж подрулившего самолета.

— А, товарищ Лютров! Приветствую будущего командира! Здорово, Леша! Где пропал?

Это зашел летавший с Боровским Костя Карауш, одетый в серый комбинезон, на котором было расстегнуто едва ли не все, что возможно расстегнуть, так что коричневая исподняя рубаха просматривалась до пояса. Защитный шлем он держал за ремешки, как котелок.

— Гай, чего это нас посадили? Дед собирает? Зачем? Серьезно? — Костя присвистнул. — Ну, отцы-командиры, я вам не завидую. Так просто Дед не приедет, он вам пыжа воткнет. Мне? А я чего? Я — беспартийный.

— Нет, Леша, ты видел эту казанскую сироту?

Главный подъехал к административному корпусу на своем допотопном ЗИЛе, покойном и прочном, как старое кресло. Он неуклюже вынес из машины тучнеющее тело, освобожденно выпрямился и оглядел встречающих — Добротворского, Данилова и стоящего в стороне от них Иоса-

фа Углина, бывшего ведущего инженера «семерки», одетого в варварски поношенный селедочно-серый костюм.

Видимо, так и не вспомнив, кто это, Соколов изумленно поверх очков поглядел на ведущего и ему первому протянул руку.

Главный был стар и по-стариковски суров, однако разговаривал неожиданным для его вида молодым ироническим баском, обладал цепкой памятью и неслабеющим трудолюбием. Каждое появление Соколова на базе воспринималось окружающими как подтверждение принадлежности знаменитого имени живому человеку, строившему летательные аппараты, когда еще не многим было знакомо слово «авиация». В день его шестидесятилетия одна солидная газета писала: «В этом человеке очень ярко воплотился русский инженерный гений, духовная сущность которого неотделима от подвижнического служения народу, от сыновней любви к Родине и осознанного долга споспешествовать ее славе». И это было правдой. Его ум пестовал самолетостроение почти от его истоков до сверхзвуковых кораблей; о творческой интуиции Главного, академических знаниях, умении найти лучшее из сотен возможных решений рассказывали в стиле анекдотов об остроумии Пушкина.

Все это и только это давало ему непререкаемое право управлять работой одного из крупнейших в стране конструкторских бюро.

Смолоду неказистое, к старости лицо его оплыло глубокими складками; белые, коротко остриженные волосы не скрывали неправильной формы шишковатую голову; одряхлевшие, сурово нависшие веки затенили нетерпеливые глаза-льдинки, всевидящие, всепонимающие. Создавалось впечатление, будто Старик давно и прочно огрубел, отстранился от живого пульса дней, от необходимости общаться с окружающими, но как только он начинал говорить, обманчивое впечатление исчезало мгновенно. Властный низкий голос, то насмешливый, то пытливый, недвусмысленно выдавал великолепного собеседника, не терпящего бесед применительно к его возрасту. Все в поведении и одежде было без позы, без претензий. Носил двубортные пиджаки, сорочки без галстуков, но застегнутые на все пуговицы, зимой — дубленое полупальто, треух, легкие войлочные ботинки. Глядя на него, трудно было поверить, что не только самолеты, но и КБ, аэро-

дром, подъездные дороги, жилые кварталы фирмы назывались его именем, хотя никто никакими указами этих названий не присваивал. Из-за внешней непрезентабельности он легко терялся на людях, подчас попадая в курьезные истории.

Так рассказывали, что как-то в конце рабочего дня, когда в сборочном зале завода было нелюдно, Старик рассматривал многощелевые закрылки поставленного в ангар С-44. На крыле несколько работниц торопились окончить клейку лоскутов ткани к элеронам. К утру намечалась наземная отработка управления, а потому работа была срочная. Вид лысого старика в плохоньких очках вывел из равновесия одну из женщин. Что пришло ей в голову, бог весть. Скорее всего, как всякая женщина, она чувствовала себя неловко, будучи обозреваема снизу.

— Что уставился, старый хрен! — напустилась она на главного. — Стал и стоить, будто дело делаить! А ну уматывай!..

Узнавшие главного дергали подругу за халат, перепуганно шептали:

— Замолчи! Чего мелешь?.. Вот дура...

Это был едва ли не единственный случай, когда на Старика прикрикнули; ни один человек в здравом уме не решился бы на такое.

Главного легко угадывали по манере отрешенно опускать голову при ходьбе, закладывать руки за спину и потешно взбрыкивать ногами, когда на пути попадался камешек. Чем больше он был озадачен, тем дальше зафутболивал всяческую нечисть из-под ног.

Впервые встречаясь с человеком, он величал его только по имени-отчеству, однако всем сослуживцам, и новым и знакомым, мужчинам и женщинам, говорил «ты», и это не выглядело невежливо, никто и не рассчитывал на иное обращение, настолько естественно было оно для его лет.

Иногда кто-нибудь из молодых инженеров, следуя моде демонстрировать «широту взглядов», небрежно ронял замечание о старческой немощи главного, о том, что Старик уже «не тот», а если и продолжает руководить фирмой, то номинально, гонорис кауза, так сказать, вроде почетного президента. Такие высказывания в кругу старых работников базы оборачивались для «смельчака» тем же, чем обернулась попытка забросать грязью Вольтера на известном рисунке Домье: хулитель оказывался по колено в грязи. «Смельчак» быстро трезвел, понимая, что сморо-

зил глупость. Одному из таких верхоглядов, носившему стриженую бороду и читавшему Агату Кристи в подлинниках, Костя Карауш сказал:

— Никогда и никому, кроме мамы, не доказывай, что ты вундеркинд.

Едва Старик скрылся за двойными дверьми с надписью золотом по небесно-голубому «Главный конструктор», как в диспетчерской длинно зазвонил телефон.

— Николай Сергеевич приглашает летный состав.

Лютров вошел последним, вслед за Витюлькой Извольским. Все старались сесть подальше, стулья возле большого, как бильярд, стола, где сидел Старик, исподлобья оглядывая входивших, трусливо пустовали. Лишь и. о. начальника летного комплекса Нестор Юзефович одиноко восседал одесную начальства, с подобострастной строгостью оглядывая каждого входящего, словно тот должен был делать это как-то иначе. Между Гаем и Саетгиреевым, опустив голову и теребя брелок на связке автомобильных ключей, сидел начальник отдела испытаний Данилов. Под его пальцами то и дело поблескивал стилизованный под древнюю монету кружочек металла с чеканной головкой женщины — работа грузинских мастеров.

Минуту в большом кабинете, приветливо залитом лучами закатного солнца, было тихо. Забывшись, Старик чертил что-то на большом листе бумаги, подперев левой рукой тяжелую голову.

— Все? — спросил он.

Ему никто не ответил, даже Юзефович; скажешь «все», ан какой-нибудь подлец и подведет.

Старик переводил глаза с одного лица на другое, покручивая в руках пестрый карандаш. И неловкое молчание, и причина, ради которой они собрались, и то, что предстояло услышать, было настолько чуждо человеческой величине Главного, что Лютрову стало стыдно за глупую амбицию Боровского. Для Юзефовича подобные истории были вполне в масштабе его личности, он жил за ними, как за дымовой завесой, чтобы не дать разглядеть подчиненным собственное ничтожество. И сейчас, как губка, напитывался сдавленной атмосферой скандала, освященного участием Главного. Одно это сознание, что Старик, верша прецедент, участвует в привычных Юзефовичу делах, было невыносимо. Хотелось, чтобы Дед вдруг закричал, обозвал всех последними словами, чтобы рухнуло

подленькое довольство Юзефовича и ему подобных, развеялось мнимое значение происходящего.

И Старик словно угадал мысли Лютрова.

— Ты! — высокий голос прозвучал как удар гонга.

Карандаш в руках главного нацелился в грудь Гая.

— Что скажешь о катастрофе «семерки»?

— Я?.. — Гай растерянно поднялся, машинально проверил, на месте ли кроваво-красный галстук. — Мне... известны выводы аварийной комиссии.

— Мне тоже, — перебил его Старик. — Я хочу знать, считаешь ли ты эти выводы обоснованными.

— У меня нет оснований ставить под сомнение документы комиссии, — Гай наконец понял, чего от него хотят.

Старик нетерпеливо махнул рукой, садись, мол, и протянул карандаш в сторону Вячеслава Чернорая.

— Ты?

— Считаю заключение комиссии вполне убедительным, — мешковатый и широкоплечий, он переступил с ноги на ногу и сел.

— Ты?

— А чего я, умнее других? — Долотов покосился на «корифея».

— Ты?.. Ты?.. Ты?..

Последним поднялся Лютров.

— Под заключением комиссии стоит моя подпись.

Старик кивнул, подводя черту, и замолчал. Заметно было, что в этой части собеседования он и не ожидал иного результата.

Неопрошенным оставался один Боровский. Главный или не хотел к нему обращаться, или еще не решил, как за это взяться. Он встал из-за стола, несколько раз прошелся от угла до угла стены, закинув руки назад и разглядывая паркет. Пнуть ногой было нечего. Создавалось впечатление, что только поэтому он стал продвигаться вдоль кабинета. Но, дойдя до Боровского, остановился.

Тот медленно поднялся, оказавшись на голову выше Старика.

— Ну? Скажи ты, — тихо произнес главный.

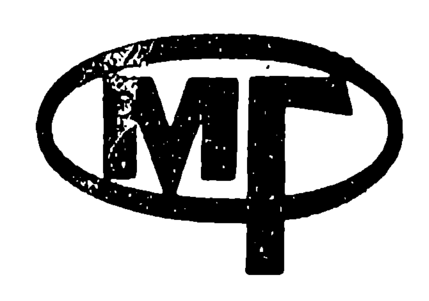
Крупное лицо «корифея» в редких рябинах на лбу и плоских щеках стало серым. Он либо впал в прострацию, либо решил молча принять кару. Юзефович за спиной Старика укоризненно покачал головой, но скоро застыл под уничтожающим взглядом Гая.

— Молчишь, сучий сын! — фальцетом взвизгнул Старик и от волнения пожевал губами. — Счастлив твой бог, что молчишь!

Вернувшись в кресло за столом, он некоторое время барабанил пальцами по стеклу на зеленом сукне.

— Запомните, никто не мог прямо или косвенно способствовать несчастью. Никто не мог и предвидеть его. Ни вы, ни я. Знаю, более опытный летчик справился бы. Но это не выход, и я не виню Димова. Когда не удается с достаточной убедительностью сослаться на несовершенство какой-либо самолетной системы как на причину катастрофы, причастным и непричастным к расследованию овладевает соблазн предполагать криминал в действиях летчика; мертвые сраму не имут и возразить не могут, а техника не терпит неосведомленности, неосторожных выводов. Человек же для всякого дурака достаточно изученная и порочная система. Дурак ставит человека на порядок ниже автоматических устройств, это модно. Если дурак образован, то обязательно моден. Но посади дурака в полностью автоматизированный самолет в качестве пассажира, он сбежит из него в салон ЛИ-2, откуда при желании нетрудно разглядеть человека за штурвалом... Да, специфика аэродинамической компоновки тяжелых сверхзвуковых машин требует новых решений в цепи управления: в строгих режимах летчик не может полагаться на свою реакцию. В сжатых до долей секунды отрезках времени человек не способен мгновенно перерабатывать получаемую информацию; он, как теперь говорят,

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

На страницах журнала «Молодая гвардия» выступали многие выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского правительства. В их ряду почетное место занимает Надежда Константиновна Крупская. В 1925 году в № 1 была опубликована ее статья «О ленинском воспитании». Приводим несколько отрывков из этой статьи.

Н. Крупская

О ЛЕНИНСКОМ ВОСПИТАНИИ

Ленин был марксист. Он был учеником Маркса. Тщательно изучал все произведения Маркса и Энгельса, он постоянно возвращался к этому, — не то, что раз когда-то прочитал, — а постоянно возвращался к чтению произведений Маркса и Энгельса и постоянно черпал в них новые и новые подходы к жизни, вдумывался в каждое их слово. Маркс изучал те законы, на основании которых развивается человеческое общество,

---

всего лишь одноканальная счетно-решающая система, склонная к ошибкам в отборе и оценке сигналов. И будь хоть трижды чудо-летчиком, все равно не сможешь определить поведение самолета своей задницей. Но это не значит, что человек непригоден больше для управления современными машинами, нужно лишь вовремя переориентировать его способности. Мы же, конструкторы, не всегда, к несчастью, достаточно оперативно предугадываем и разрабатываем то, что нужно дать в помощь летчику... Вот о чем говорит катастрофа «семерки», а не о слабости Димова и не о пороках испытательской практики. Автоматические устройства по мере развития авиации должны восполнять то, чего человек лишен в силу своей природы. Заменить же его удастся, когда соберут дубликат конструкции мира. Это справка для дураков...

Старик закашлялся и разом сник, изнемогая от удушья. А когда кашель оставил его, он долго сидел отдуваясь, пузыря щеки.

— Нам предстоит разработать принципиально новую систему управления... многократно резервированную, достаточно сложную в коммуникационном отношении, наконец, конструктивно сложную из-за большого количества исполнительных устройств для обеспечения безопасности

он осветил эти законы. Когда мы говорим о явлениях природы, всякому ясно, что тут необходимо знать природу — законы химических и физических явлений — и по мере того, как люди больше и больше улавливают, изучают эти законы, они получают все большую власть над природой. Изучать законы природы для того, чтобы одолевать природу — это настолько общее место, что не приходится об этом и говорить. Но то же самое относится и к жизни человеческого общества. Общество развивается на основании определенных законов. Есть определенная связь явлений, есть определенный закон развития. Чтобы овладеть движением, чтобы направить революционное движение в настоящее русло, чтобы добиться победы, необходимо знать все законы, на основании которых развивается человеческое общество. Владимир Ильич говорил о необходимости научиться понимать «революционную диалектику» Маркса.

...Но не только теорию марксизма знал Владимир Ильич. Он изучал все особенности русских конкретных условий, продумал, как приложить марксистскую революционную теорию к жизни. Вооружившись революционной теорией, он смог найти именно те пути, которые необходимы были для того, чтобы пролетариат смог победить. Но не в личных свойствах Владимира Ильича разгадка того, что он внес сознательность в движение, помог российскому про-

---

полета. Кроме прочего, важнейшим критерием качества новой системы управления является величина запаздывания отклонения рулей по усилиям на органах управления. Думаю, через месяц, много, полтора, начнем устанавливать на «девятку» новые, более эффективные демпферы тангажа, затем автомат дополнительных усилий, который потребует серьезных полетов по доводке. Кто из летчиков назначен на «девятку»?

— Лютров, — подсказал Данилов.

Сощурившись, Старик посмотрел на Лютрова и тихо улыбнулся.

— А вторым?

— Вторым Извольский.

— Ты, что ли? — Старик смотрел на Витюльку, откровенно улыбаясь.

— Я.

— Не боишься, что пришибет?

— Не, он смирный.

В комнате приятно дохнуло весельем. Старик хохотал, пока не закашлялся.

— Вот и все, — сказал он, пряча платок в карман. —

летариату победить капитализм в России, — это произошло от того, что Владимир Ильич сумел воспользоваться этой революционной теорией.

Вам, товарищи, придется разрешать много вопросов, которые перед вами поставят последующие годы. Мы живем в эпоху революционную, и перед вами будут вставать чрезвычайно трудные вопросы. Если хотите, чтобы революционное движение шло по правильному пути, вам необходимо вооружиться этой революционной марксистской теорией...

...я скажу несколько слов о той преданности революционному делу, которая характерна была для Владимира Ильича. В его книжке «Что делать?» он пишет о том, к чему должен быть готов революционер. Он пишет о том, что первые годы, вот эти годы, когда только что нарождалось движение, должны быть годами громадной выдержки, должны быть годами незаметной работы, которая потом учтется, что вначале работа по существу не видна, незаметна. Революционер должен быть готов к ведению этой незаметной, черновой, повседневной работы. Эта мысль Владимира Ильича подчеркивалась несколько раз. Он говорит, что надо быть готовым ко всякой черной, ко всякой незаметной работе, но в то же время должно быть готовым и к величайшим подвигам, величайшему героизму... Эта оценка Владимира Ильича дает ясное представление о том, каков должен быть ленинец.

Все, что касается «семерки». С-14 — первая машина с таким весом и такими летными данными. Первая! Это следует уяснить тем, — он посмотрел в сторону Боровского,— кто пытается давать безответственно субъективные толкования происшедшему несчастью, — он минуту помолчал, оглядывая лица летчиков. — Неужели вы... могли предположить, что я могу вот так просто простить человеку, хоть в малой степени виновному в гибели людей? Я приехал не для того, чтобы наказывать за чванство, спесь и всякое дерьмо. Но мне не безразлично, что вы думаете обо мне... и как расходуете энергию своих нервов, и, наконец, что думаете о тех, с кем работаете. А потому предупреждаю: противопоставляющих интересы собственной персоны интересам дела выгоню за ворота. Надеюсь, в моих словах нет неясных мест. Вы свободны.

Продолжение следует

Геннадий **ГОЦ**

Биография Геннадия Гоца тесно связана с комсомолом. Он был среди тех, кто первым начал осваивать целину, работал на Севере...

Стихи, которые мы публикуем, написаны в разные годы. Это страницы из рабочих блокнотов комсомольского вожака.

АГРОНОМЫ

Когда тяжелой бронзой на полях
Могучий хлеб,
когда в пути колонны,
Когда веселье свадеб в деревнях
И шелестят победные знамена,
Я вижу их в обветренных плащах, —
Их лица загорелые знакомы,
С заботами земными на плечах
Целинные шагают агрономы...

Глаза безмолвье белое слепит.
Что слышишь ты, какие видишь знаки,
Кто версты твои вымерял в степи,
Кто лютых вьюг пересчитал атаки?
На что посмел дерзнуть ты, агроном?!
Здесь пальцы обломали аксакалы...
Здесь хлещут вихри черные с песком,
В степи ночами рыщут, как шакалы.

Здесь год пройдет, и два пройдет, и пять —
Не раз стоять у выжженного поля,
Чтоб, зубы сжав, все снова начинать.
И лишь глазам
опять темнеть от боли.
Вновь колдовать ночами над зерном,
Склоняться к борозде в немой тревоге.
Зовет весна... Целинный агроном
С рассвета до темна — всегда в дороге.

Распахнута земля во все концы.
Они идут упорны,
терпеливы —
Земные витязи. Степные мудрецы.
За их плечами колосятся нивы.

НЕ ГЛЫБЫ МРАМОРА...

Не глыбы мрамора поставили...
Мы в зной кромешный и в пургу
Здесь молодость свою оставили,
На этом жестком берегу.

Здесь будут годы перекатами,
Как море хлебное, шуметь.
Хочу, чтоб навсегда солдатами
Товарищи остались впредь.

А сердце не изменит памяти,
Как новой радостной весне,
Года, вы в ней ничто не сгладите,
И жить минувшему во мне.

Не глыбы мрамора поставили...
Мы в зной целинный и в пургу
Здесь молодость свою оставили,
На этом жестком берегу.

КАРАЖАР

Сколько раз я к тебе приходил, Каражар,
Полуночною мглой без дороги...
Край нехоженых троп, ты меня поражал
Не убранством красивым и строгим.
Нет ни скал, ни лесов в этой желтой
тиши,
Вяжет петли Нура среди плесов,

Бесконечно рыжеют вокруг камыши,
Да блестят серебристые росы.

Но со всполохом первых лучей оживет
Этот мир в предрассветной прохладе,
Как по струнам смычки,
птиц стремителен лет,
Крыльев свист над озерною гладью!

Отзывается утро на дальней косе,
Чем-то давним повеет, былинным —
То ли хором тревожным крикливых гусей,
То ли светлой тоской журавлиной...

Как найти мне дорогу, нащупать версту
В солонцах, побелевших от жара?
Я иду по земле. Я ищу красоту
В неприметных чертах Каражара.

АРКТИКА

Где океан студеный
В землю уперся льдиной
И в рафинада горы
Пурга спрессовала снег,
Лечат бока стальные
Ледовые бригантины,
Суровые бригантины,
На время прервавшие бег.

Льда бирюзовые плиты
Режут электропилы,
И в малахитовых гранях
Мерзлого моря пласты.
Стоит ледокол «Челюскин» —
Братишка того ветерана,
И как лемеха ждут пашни,
Ждут новых морей винты.

В Тикси — свои законы:
Здесь не знакомятся дважды,
Двери друзьям открыты,
Многоязычна речь...
Пристань первопроходцев,
Какой мореход отважный
Назвал это место ласково —
Бухта Счастливых Встреч?

Безмолвны дорожные знаки —
Черные змеи трещин.
Гусеницы сверкают,
Кроша синеватый лед.
Живет океан под нами.
Через пролом зловещий,
Послушный руке бывалой,
Упрямо идет вездеход.

Площадки полярных стартов
На куполе Шара стылом...
Твои сыновья, Россия, —
Наследники дерзких идей.
Невиданного сцепленья
Неуемная сила
В трос единый скрутила
Море, пургу, людей.

◆

Д. СОКОЛОВА,
ученый секретарь Музея
Н. Островского в Москве

«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

(ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА)

«Молодая гвардия» для меня родное имя. Она ввела меня в литературу, и с ней я никогда не порву родственных, тесных связей.

Николай Островский

Сорок лет назад, в 1932 году, в четвертом номере журнала «Молодая гвардия» была напечатана первая глава романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

В этом номере рядом с именами известных писателей и поэтов — А. Фадеевым, М. Залкой, Бруно Ясенским, Вилли Бределем, В. Гусевым, А. Безыменским, А. Сурковым, Н. Асеевым — появилось имя молодого автора Николая Островского.

Тридцатые годы, в которые Островский вошел в советскую литературу, ознаменовались историческими победами социализма в СССР. Строительство новых городов, крупных промышленных предприятий, коллективизация сельского хозяйства вовлекли в созидательную работу миллионы советских людей. Первая пятилетка преобразила лицо нашей страны.

С величайшим энтузиазмом строила советская молодежь Днепрогэс, Магнитострой, Уралмаш, Кузбасс, Березники и многие другие промышленные гиганты.

В борьбе за социализм закалялись характеры советских людей, вырабатывалось новое отношение к труду. В советской действительности появился новый человек. О нем надо было рассказать.

Центральной проблемой для нашей литературы становится проблема раскрытия моральных качеств коммуниста-творца. К этой теме обратилось большинство писателей. В произведениях М. Шолохова, А. Фадеева, Л. Леонова, Ф. Гладкова и многих других были созданы впечатляющие образы коммунистов. Но молодежь ждала своего юного героя, который жил бы и работал рядом с ней.

Николай Островский решает эту сложную проблему, он создает в романе «Как закалялась сталь» образ положительного героя нашего времени. Павел Корчагин, посвятивший свою жизнь самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества, борьбе за коммунизм, с его несгибаемым характером привлекает читателей своей нравственной чистотой, верой в светлое будущее человечества.

В галерее художественных образов, созданных советскими писателями, образ Павла Корчагина сразу же занял исключительное место. Молодежь каждого подрастающего поколения считает Павла Корчагина своим современником, учится у него жить по-коммунистически.

Александр Фадеев писал Островскому:

«Роман понравился мне многими сторонами: прежде всего глубоко понятой и прочувствованной партийностью... новым видением и чувствованием мира, выраженным главным образом в центральном герое Павле Корчагине... Мне кажется, что во всей современной литературе нет пока что другого такого же пленительного по своей чистоте и в то же время такого жизненного образа...»

Если мы откроем пожелтевший от времени журнал № 4 за 1932 год на двадцать седьмой странице, то увидим крупный заголовок — «Как закалялась сталь», а под этим заголовком не текст романа, а сначала «Письмо от автора» и его автобиографию.

«Когда я принялся писать мою книгу, я думал написать ее в форме воспомнинаний, записей целого ряда фактов. Но встреча с товарищем Костровым * в бытность его редактором «Молодой гвардии», который предложил написать в форме повести или романа историю рабочих подростков и юношей, их детство, труд и затем участие в борьбе своего класса, изменили это намерение.

Я попытался облечь в литературную форму действительные факты...»

Николай Островский послал это письмо только для сведения редакции и был недоволен, что его опубликовали. Но нам кажется, что редакция поступила правильно, познакомив читателей с необычной героической судьбой своего автора и историей создания романа.

Далее шла краткая автобиография.

---

* С Костровым Островский встретился в 1928 году в Сочи во время лечения. Тогда он вынашивал замысел своего романа и советовался с Костровым, со своими друзьями — старыми большевиками — Жигаревой, Малышевым, Чернокозовым, Феденевым.

«Родился в 1904 году, в рабочей семье. По найму работать стал с двенадцати лет. Образование низшее. По профессии — помощник электромонтера. В комсомол вступил в 1919 году, в партию — в 1924 году. Участвовал в гражданской войне. С 1915 по 1919 год работал по найму: кубовщиком, рабочим материальных складов, подручным кочегаром на электростанции и т. д. В 1921 году работал в киевских главных мастерских. В 1922 году участвовал в ударном строительстве по постройке железнодорожной ветки для подвоза дров, где тяжело заболел, простудившись и поймав тиф. По выздоровлении, с начала 1923 года был снят с производства по состоянию здоровья и послан на другую работу в пограничье. В 1923 году был военным комиссаром батальона ВВО «Березлов». Последующие годы вел руководящую комсомольскую работу в районном и окружном масштабе.

В 1927 году с совершенно разрушенным здоровьем, искалеченный тяжелыми годами борьбы, был отозван в распоряжение ЦК Украины. Было сделано все, чтобы вылечить меня и возвратить на работу, но это до сих пор не удалось. Будучи оторван от организационной работы, стал «агитпропщиком», вел марксистские кружки, обучал молодых членов партии. Будучи прикован к постели, выдержал еще один удар — ослеп. Оставил кружки. Последний год посвятил работе над книгой. Физически потерял почти все, остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу. Работа над книгой — попытка передать былое литературным языком. Никогда раньше не писал. Член ВКП(б), партбилет № 0285973. Николай Алексеевич Островский».

Сам Николай Островский не мог принести рукопись в редакцию «Молодой гвардии». Он передал ее старому большевику Феденеву Иннокентию Павловичу (по роману Леденев). С Феденевым Островский встретился в 1926 году во время лечения в Крыму, в санатории «Мойнаки». С тех пор и началась их дружба. Еще тогда, слушая яркие, образные рассказы Николая Островского о гражданской войне, о стройке, Иннокентий Павлович советовал ему написать книгу для молодежи.

«Готовился я к работе несколько лет, — рассказывал однажды Н. Островский молодым писателям. — Болезнь дала мне много свободного времени, которого я раньше совершенно не имел. И я жадно и ненасытно утолял свой голод на художественную книгу. За период болезни я смог проработать первый курс комвуза... Без этой большой и глубокой подготовки невозможно было бы писать».

И вот через пять лет Феденев принес в редакцию «Молодой гвардии» рукопись, передал ее заместителю ответственного редактора журнала М. Колосову.

«Я прочитал рукопись в тот же день не отрываясь, — говорил потом М. Колосов. — Повествование захватило меня с первых глав. Меня обрадовало умение автора живописать человеческий характер в конкретной обстановке».

Вскоре М. Колосов приехал к Николаю Островскому, который жил тогда в одном из старых московских переулков со странным названием — Мертвый (теперь переулок Николая Островского), — в многонаселенной, шумной квартире.

В небольшой комнате, на железной узкой кровати лежал молодой человек в военной гимнастерке, закрытый до пояса серым солдатским одеялом. Темные живые глаза казались зрячими, пышные волосы обрамляли бледное, худое лицо с чудесной белозубой улыбкой.

Николай Островский поразил М. Колосова своей политической зрелостью, знанием литературы, своим оптимистическим отношением к жизни.

Здесь, в этой комнате, молодой коммунист Островский совершил подвиг — создал первую часть романа «Как закалялась сталь».

Старый ветеран партии Феденев говорил о своем воспитаннике:

«Жизнь Островского в Москве является одной из самых ярких страниц борьбы большевика, преодолевающего невероятные трудности на пути к победе. В эти годы родился Павел Корчагин».

Вначале Н. Островский, охваченный творческим порывом, сам записывал тщательно отработанные в устных рассказах главы и фрагменты. Строчки получались кривые, буквы сливались. В одну из бессонных ночей он придумал приспособление — в картонной папке на лицевой стороне были вырезаны полосы шириной в строку. В папку вкладывалась пачка бумаги — 20—30 листов.

Писал Островский по ночам, когда было тихо. Строчки получались прямые. Но стали болеть руки, пришлось перейти к диктовке.

Первую часть романа переписывали и писали под диктовку родные писателя и соседка по квартире Г. Алексеева.

В марте к Николаю Островскому приехала Анна Караваева, ответственный редактор журнала «Молодая гвардия», сообщила, что рукопись принята и будет печататься. Так началась замечательная дружба первых редакторов романа «Как закалялась сталь» с Островским и продолжалась до конца его жизни.

Анна Караваева и Марк Колосов, встречаясь с Островским, обсуждали вопросы, волновавшие

молодого писателя, говорили о типичности образа Павла Корчагина, о стиле, языке, композиции романа.

Первая часть романа «Как закалялась сталь» была опубликована в журнале «Молодая гвардия» в № 4—9, а в декабре была издана отдельной книжкой.

Это первое издание в скромной коленкоровой обложке, на которой изображены веточка и серебристый штык, быстро разошлось, и книга зажила своей удивительной жизнью. Получив авторские экземпляры, Николай Алексеевич продиктовал надписи на книгах для своих родных и близких друзей. На книге, подаренной Феденеву, была сделана такая надпись: «Феденеву Иннокентию Павловичу, моему другу, в память неразрывного единства старой и молодой гвардии нашей партии.

Тебе, кого уважаю и люблю.

22 декабря 1932 г. Н. Островский».

Дружба писателя с И. П. Феденевым и другими старыми большевиками — А. А. Жигиревой, Х. П. Чернокозовым, М. Я. Пуринь, Г. И. Петровским и другими сыграла огромную роль в жизни и творчестве Островского. С ними он встретился в трудный период борьбы за возвращение в строй. У них учился молодой коммунист мужеству, стойкости и беззаветной преданности партии, Родине. Островский говорил:

«Для меня лично жизнь старых большевиков служит маяком, освещающим путь моей жизни».

В 1934 году в № 1—5 журнала «Молодая гвардия» была опубликована вторая часть романа «Как закалялась сталь». В июле роман вышел отдельной книгой.

«В «Молодой гвардии» меня окружили атмосферой содействия. Книга 28 марта прошла в Доме писателя просмотр и заслужила теплый отзыв. Жизнь для меня открылась во всю ширь, я стал бойцом действующим», — говорил потом Островский.

Полный текст романа был выпущен издательством «Молодая гвардия» в 1935 году. В это издание Николай Островский внес много существенных поправок.

В следующем, 1936 году вышло 36 изданий романа. Книгу издали в Чехословакии и Японии, готовили к изданию в Англии и Голландии.

Появление романа «Как закалялась сталь» сразу же вызвало широчайший отклик читателей. В адрес журнала «Молодая гвардия» и к автору хлынул поток писем. Только за 1935 год Николай Островский получил их 5136.

«Тысячи этих писем, бережно разложенных в папки, — самое дорогое мое сокровище», — часто повторял писатель.

Многие читательские письма были опубликованы в журнале «Молодая гвардия». Люди разных поколений писали о романе как о «глубоко партийном произведении», отмечали его «правдивость в изображении нового человека», называли роман ценным вкладом в историю русской революции. Книгу обсуждали на фабриках, заводах, в воинских частях, в учебных заведениях.

Читатели не только писали Николаю Островскому, но и часто приезжали к нему. «Стремительный человеческий конвейер — комсомольская молодежь, знатные люди заводов и шахт, героические строители нашего счастья, зажигали во мне, казалось, затухающий огонь», — писал Н. Островский.

В «Молодой гвардии» систематически печатались критические статьи, рецензии на роман, переписка Николая Островского с комсомольскими работниками.

В 1934 году в журнале была напечатана статья самого Н. Островского «За чистоту языка».

В 1935 году в № 4 редакция напечатала портрет Николая Островского в разделе «Молодогвардейский дневник», перепечатала из газеты «Правда» от 17 марта 1935 года статью М. Кольцова «Мужество». В предисловии к этой статье было сказано: «Каждый день почта доставляет автору и редакции письма комсомольцев, коммунистов, красноармейцев, студентов, прочитавших книгу «Как закалялась сталь».

Только наши литературно-художественные журналы никак не отозвались на это значительное литературное явление...»

В связи с награждением Н. Островского орденом Ленина в журнале № 10 1935 года было опубликовано постановление о награждении и приветствие редакции «Молодой гвардии» Николаю Островскому.

А в 1936 году (№ 1) Н. Островский еще раз выступил в журнале — была в сокращенном виде опубликована его речь на собрании партактива в Сочи: «Каким должен быть писатель Советской страны».

Вся творческая жизнь Николая Островского была органически связана с «Молодой гвардией», с молодогвардейцами.

Прошло 40 лет со дня начала публикации романа «Как закалялась сталь».

Сейчас книгу читают миллионы людей в СССР и за рубежом.

В Советском Союзе «Как закалялась сталь» выходила 400 раз на 60 языках. За рубежом книга издана в 42 странах на 50 языках, ее читают на всех континентах нашей планеты. Перешагнув рубежи Советской страны, эта легендарная книга сразу же стала боевым оружием в борьбе за идеи

коммунизма, за дружбу между народами. Роман «Как закалялась сталь» бережно хранят и передают из поколения в поколение.

В московском Музее Николая Островского хранятся экземпляры романа, ставшие реликвиями. Они присланы с фронтов Великой Отечественной войны, из целинных совхозов, со строек, из зарубежных стран.

На титульном листе одной из таких книг написано:

«Мы, воины-комсомольцы, читали ее перед последним наступлением наших войск. Образ пламенного патриота звал нас вперед, к полному разгрому ненавистного врага, к победе. Смело ринулись мы в бой, нас не удержала ни широкая река Одер, ни ураганный огонь вражеской артиллерии. То дело, в борьбе за которое сгорел Островский, мы отстояли от проклятых немецко-фашистских орд (подписи).

6 мая 1945 г. г. Росток. Германия».

Члены комитета Союза трудящейся молодежи Вьетнама подарили Музею Н. Островского красную тетрадь, принадлежащую молодому патриоту из Южного Вьетнама. В эту тетрадь вьетнамский воин переписал от руки роман «Как закалялась сталь», предпослав ему такое предисловие: «Мы познакомим вас с книгой Николая Островского «Как закалялась сталь», которая стала спутником советской молодежи. Она вдохновляет миллионы советских юношей и девушек в борьбе за мир. Мы надеемся, что книга «Как закалялась сталь» будет для всех вьетнамских юношей и девушек ярким примером и хорошим другом и поможет нам в борьбе за освобождение Юга и в строительстве социализма на Севере, она поможет нам в борьбе за объединение страны».

Десять лет тетрадь путешествовала вместе с молодым патриотом по джунглям, селам и городам, по окопам, укрепленным районам, полям сражений Южного Вьетнама.

На книге «Как закалялась сталь», переданной в музей комсомольской организацией отряда космонавтов, оставил надпись летчик-космонавт Владимир Комаров:

«Вся жизнь и творчество Николая Островского — это подвиг во имя светлого будущего.

Герои его книг всегда будут вдохновлять молодежь на славные патриотические дела.

С вечным уважением

летчик-космонавт СССР — В. Комаров».

Генерал Людвиг Свобода сказал о Николае Островском:

«Книгу я читал вскоре после войны. Образ Павла Корчагина и ряд других действующих лиц, созданных в его произведениях, являются и сейчас вдохновляющим примером прежде всего для молодежи,

примером моральной чистоты, мужества и твердой воли преодолевать все препятствия».

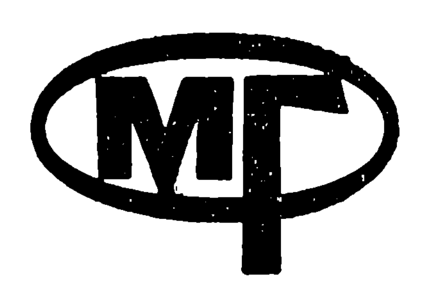
В 1966 году Николаю Островскому, первому из советских писателей, была присуждена литературная премия Ленинского комсомола. В постановлении IX пленума ЦК ВЛКСМ по этому поводу сказано:

«Присудить премию Ленинского комсомола выдающемуся советскому писателю, Островскому Николаю Алексеевичу, автору бессмертных книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», которые стали боевым оружием комсомола в воспитании миллионов молодых советских патриотов, достойной смены старшим поколениям коммунистов».

В музее хранятся диплом и нагрудный знак лауреата премии Ленинского комсомола, вечно юного Николая Островского.

◆

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

Паралич приковал Николая Островского к постели. Уже шесть лет как он потерял способность двигаться и видеть. Но писатель-коммунист не пал духом. Окруженный заботой партии и комсомола, он продолжает оружием художественного слова бороться за дело коммунизма.

16 мая 1935 года весь состав бюро Сочинского горкома ВКП(б) пришел на квартиру к Островскому и заслушал отчет о его творческой деятельности.

Протокол этого необычного заседания был опубликован в 7-м номере «Молодой гвардии» за 1935 год. Мы перепечатываем этот протокол с незначительными сокращениями.

Гутман (секретарь горкома). Слово для творческого отчета имеет тов. Николай Островский.

Островский. Товарищи, роман «Как закалялась сталь» — это мой ответ на призыв секретаря ЦК ВЛКСМ товарища Косарева к советским писателям создать образ молодого революционера нашей эпохи. Если мы возьмем мировую литературу от средних веков до наших дней, то увидим, что шедевры ее посвящены истории молодого человека правящих классов. Как ярко, с какой силой гении буржуазной литературы показали образ молодого человека своего класса, его жизнь, формирование, стремления, страсти! С какой силой они показали, как он учился достигать славы, как, принимая богатства отцов, он умножал их, совершенствуя технику выкачивания крови из рабочего класса!

Дело чести советских писателей — создать в своих книгах образ молодого революционера нашей эпохи, эпохи пролетарской революции. Кто должен быть героем этих книг? Молодежь, которая боролась вместе с отцами за Советскую власть, а теперь строит социализм. Люди прекрасные, мужественные, героические. Таких образов (я говорю об образе молодого человека) в нашей литературе мало. Наша жизнь героичнее наших книг.

Как я стал писателем? Болезнь вывела меня из строя. Я не мог быть среди вас, перестал двигаться, видеть. Жизнь поставила передо мною задачу овладеть новым оружием, могущим вернуть меня в ряды наступающего по всему фронту пролетариата. Писать можно, не видя и не двигаясь.

О чем писать? Товарищи мне сказали: «Пиши о том, что сам видел, переживал. Пиши о тех, кого знаешь, о среде, из которой сам вышел. О тех, кто под знаменами партии боролся за власть Советов». С этого я начал. Это — основная тема книги «Как закалялась сталь». Над этой книгой я работал четыре года (1930—1934). Молодежь тепло встретила книгу, и это является наибольшей радостью моей жизни.

Я считаю необходимым остановиться на следующем. В печати нередко появляются

статьи, рассматривающие мой роман «Как закалялась сталь» как автобиографический документ, то есть как историю жизни Николая Островского. Это, конечно, не совсем верно. Роман мой — прежде всего художественное произведение, и в нем я использовал свое право на вымысел. В основу романа положено немало фактического материала. Но назвать эту вещь документом нельзя. Это роман, а не биография, скажем, комсомольца Островского. Должен сказать об этом, так как иначе меня могут упрекнуть в отсутствии большевистской скромности.

В настоящее время я работаю над романом «Рожденные бурей». Этот роман посвящен борьбе украинского пролетариата и крестьянства против польского фашизма. Время действия — конец 1918 и начало 1919 г. Я ставлю себе задачей показать нашей молодежи лицо врага. Ведь уже выросло поколение, родившееся после Октября. Это поколение не видело в глаза ни помещика, ни фабриканта, ни жандарма, тех, кто залил кровью трудового народа поля Галиции и Украины.

В своей новой книге я показываю этих палачей, рассказываю о том, что отошло в прошлое. Я делаю это для того, чтобы в предстоящих боях, если нам их навяжут, ни у кого из молодежи не дрогнула рука. Я пишу для той молодежи, что поднимется на защиту рубежей своего социалистического Отечества и сметет огнем и сталью всех, кто попытается перейти эти рубежи.

Работа над книгой осложняется тем, что «Рожденные бурей» являются политическим романом. Сложная политическая ситуация на Украине и Польше в период 1918—1919 годов, когда республика была в огне, в тысячеверстных фронтах, требует глубокой и четкой разработки. Это большой труд, требующий ознакомления с историческими документами эпохи гражданской войны.

Живя в Сочи, я, к сожалению, не могу использовать всего этого подсобного материала, хранящегося в центральных архивах. Пока работаю за счет того небольшого, что имею, что было прочитано много ранее.

Роман я закончу картиной разгрома белополяков под Киевом, изгнанием их из Крыма.

Книгу завершит победный марш 1-й Конной армии. Правда, тогда паны уцелели. Они сами называют это «чудом на Висле». Мы, большевики, знаем, что чудес не бывает. И если паны попытаются вновь заварить кашу, то, мы твердо убеждены, второго чуда не будет.

Мою работу я, как полагается, строю по плану. Правда, пятилетки у меня нет — я не рискую на столь долгий срок. Я планирую свою жизнь на год. До конца года я закончу первую часть нового романа. Затем должен сделать по поручению Детгиза книгу для детей «Детство Павки». Это будет дополнение к роману «Как закалялась сталь». Я с удовольствием буду писать эту книгу для малышей. Они ведь так обижены невниманием к их запросам.

Как вы знаете, есть постановление ЦК ЛКСМ Украины о создании звукового кинофильма по роману «Как закалялась сталь». На днях ко мне приезжает бригада «Украинфильма» для совместной работы над сценарием.

Я сделаю все, чтобы моя годовая программа была выполнена. Новый роман будет печататься в журнале «Молодая гвардия». Это он ввел меня в литературу. Он все время оказывает мне большую творческую помощь.

Хочу сказать о большом товарищеском внимании, оказываемом мне партией и комсомолом. Мне созданы все условия для работы. Все это рождает новые силы. Ощущаешь, что вошел в строй в полном смысле этого слова. Я могу сказать про себя, что я счастливый человек. Хотя врачи и думают, что я скоро пойду в «бессрочный отпуск», но они и пять лет назад говорили то же самое, а Островский не только прожил эти пять лет, но и еще собирается прожить не меньше трех лет...

Белоусов (зам. секретаря ГК ВКП(б)). Ясно, их сроки оппортунистические!

Островский. Не учли качества материала. Это бывает. Я получаю сотни писем от комсомольских организаций страны с призывом к борьбе. Эти письма зажигают меня. Тогда я считаю преступлением прожить бездеятельно хотя бы один день.

Мой рабочий день — десять часов в сутки. Я должен спешить жить. Все. Жду вопросов.

Порхович. Какую вы читаете литературу?

Островский. Бывают периоды особо интенсивного наступления на творческом фронте, и тогда вся мысль отдается творчеству. Бывают недели, когда я не читаю ничего, кроме газет, но когда все накопившееся переведено на бумагу, тогда получается наоборот. Все журналы, какие только есть, я получаю. Регулярно читаю «Большевик», наши критические журналы. Затем из художественной литературы я читаю каждую новую книгу, которая так или иначе становится известной в стране. Всю художественную литературу прочесть невозможно.

Перед тем как начать писать новый роман, восемь месяцев были отданы на учебу. В течение этих восьми месяцев я прочитал основные произведения мировой художественной литературы. Такие книги, как «Война и мир», «Анна Каренина» и целый ряд других, читались мною много раз.

Феклисенко (культпроп ГК ВКП(б)). Какую помощь может оказать наша партийная и комсомольская организация в сборе материалов, необходимых для нового романа?

Островский. Помощь может оказать парткабинет, подобрав для меня все нужное мне для нового романа.

Гутман. Что дал тебе съезд писателей?

Островский. Съезд писателей дал мне программу действия. Особенно речи А. М. Горького и тов. Жданова. Двадцать дней назад я получил стенографический отчет съезда, и этот отчет вновь будет детально проработан.

Кирюшкин. Не возьмешься ли ты сколотить вокруг газеты «Сочинская правда» группу литераторов и начинающих?

Островский. Я это сделаю, а вот вы бы ввели маленькую литературную полоску в газете, тогда мы группу сколотим.

Малышев. Помимо бытовых и материальных вопросов, с которыми обстоит бла-

гополучно, чего тебе еще недостает, чтобы создать еще лучшую обстановку?

Островский. Все обстоит благополучно, как говорят, «на все сто процентов». Недостает лишь здоровья, которого комитет партии, к сожалению, дать не может. Настроение у меня хорошее, голова светлая, я счастливый человек, и я не выдумываю этого.

Гутман. Довольно вопросов. Давайте перейдем к выступлениям. Кто будет говорить?

Феклисенко. Островский не совсем прав, когда говорит, что помощь ему может оказать только парткабинет. Можно будет организовать ряд встреч с товарищами, участниками боев Красной Армии с белополяками. На наших стройках, в наших санаториях, куда стекаются десятки тысяч ударников со всех концов страны, наверно, найдутся люди, способные дать нужный материал для романа. Нужно, чтобы тов. Островский предъявил конкретные требования в этом отношении, а парткабинет через парторганизации и комсомол предприятий совместно с санаторием сумеет нужных людей найти и организовать встречу их с Николаем.

Белоусов. Книгу Островского читают сотни тысяч людей. Это показывает, что творчество тов. Островского на верном пути, понятно, близко миллионным массам трудящихся. Я проводил экскурсию партийного актива по заданию городского комитета партии. Читали твою рукопись «Рожденные бурей». Наша экскурсия показала, какой огромный интерес проявляется к этой новой книге. Мне даже пришлось с одним парторгом поругаться за то, что он хотел стянуть рукопись, чтоб дочитать ее, так как я не мог ее ему и другим товарищам дать.

Я должен прямо сказать: второе произведение выше, чем первое. Это говорит о дальнейшем художественном росте пролетарского писателя Николая Островского. Однако то, что делает Николай, работая все больше и больше, не считаясь со временем, есть явное преступление. Мы этого одобрить не можем, должны запретить ему работать свыше нормального времени.

Лобода. Тов. Белоусов прав: по шестнадцати часов в сутки работать не годится, так себя перегружать нельзя.

Островский. Сейчас я работаю десять часов.

Малышев. Я считаю, что у Николая надо наладить «охрану труда». Я лично против того, чтобы сюда ходили по три-четыре делегации в день.

Островский (смеется). Тогда получится, что я оторвался от масс.

Немцова. Роман тов. Островского «Как закалялась сталь» произвел большое впечатление, но плохо то, что экземпляров этой книги у нас не хватает.

«Рожденные бурей» вызвали громадный интерес. Читают это произведение не только у нас в Сочи. Наш инструктор тов. Васильченко посылает газету «Сочинская правда» в Ленинград к брату в Красную Армию, и там среди комсостава и красноармейцев его также читают с огромным увлечением.

Я теперь хочу сказать о том, что Николаю надо регламентировать свое время, с ним я уже по этому поводу говорила и еще раз говорю — так перегружать себя нельзя. Ост-

ровскому надо отдохнуть. Необходимо, чтобы он взял себе отпуск на месяц.

Кирюшкин. Новое произведение тов. Островского «Рожденные бурей», отрывки из которого мы печатаем сейчас в газете «Сочинская правда», производит огромное впечатление. Персонажи яркие, живые, правдивые...

Нам часто звонят в редакцию и спрашивают, когда будет продолжение романа Островского. Я не раз наблюдал очереди у киосков за газетами, в которых печатались главы этого романа.

Последнее замечание — нам нужна помощь Островского в организации наших местных литераторов. Надо объединить их вокруг газеты. Здесь необходима консультация Островского.

Горина (издательство «Молодая гвардия»). Роман тов. Островского «Как закалялась сталь» после напечатания в журнале «Молодая гвардия» правился малоквалифицированными людьми. Они вычеркивали из романа многие прекрасные страницы, резали книгу кто как хотел. Такое отношение к литературе не может пройти бесследно, и люди должны понести за это ответственность. Тираж двух изданий романа, которые мы выпускаем в этом году, равняется 120 тысячам экземпляров. Все неправильно выкинутые места в новых изданиях будут восстановлены.

Гутман. ...Тов. Николай Островский, творческий отчет которого мы слушали и обсудили на заседании нашего бюро горкома партии, это образец именно тех настоящих кадров, которые не боятся трудностей, а, наоборот, их преодолевают.

Активный участник гражданской войны, старый комсомолец, отважный буденновец, Николай Островский в результате контузии и перенесенных тяжелых потрясений серьезно заболевает, теряет зрение, теряет способность двигаться... Прикованный к постели, неподвижный, он выбывает из строя строителей социалистического общества. Но ненадолго. Николай скроен из особого материала. Николай мобилизует всю свою большевистскую волю. Он мужественно переносит невыносимые мучения. Николай вырывается из сковавшего его железного кольца.

Николай делает в новых условиях, исключительно трудных, свою жизнь полезной. Островский, вооруженный страстным большевистским желанием вернуться в строй бойцов, строителей бесклассового социалистического общества, берется за перо, становится советским писателем. Сам прошедший славный путь первых строителей комсомола, он начинает писать книгу о рождении и росте комсомола.

Четыре года упорной работы. Николай создает глубокое, правдивое, высокоидейное художественное произведение «Как закалялась сталь». Островский, в прошлом активный боец 1-й Конной армии, вырастает в активного организатора переделки сознания людей в духе социализма. Воспитанный Ленинским комсомолом, Николай не сдается на волю стихии, которую он бессилен физически побороть. Николай не приходит в уныние, не отступает. Николай — большевик.

«Шлепнуть себя каждый дурак сумеет всегда и во вся-

кое время. Это самый трусливый и легкий выход из положения. Трудно жить — шлепайся! А ты пробовал эту жизнь победить? А ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца? А ты забыл, как под Новоград-Волынском семнадцать раз в день в атаку ходили и взяли-таки наперекор всему? Спрячь револьвер и никогда никому об этом не рассказывай! Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной». Так устами Павки Корчагина, героя книги «Как закалялась сталь», говорит Островский.

Прикованный к кровати, Островский вырастает в крупного «инженера человеческих душ», становится доподлинным мастером борьбы за советскую культуру. Островский зажигает сотни тысяч молодых сердец пламенным огнем советского патриотизма, горячей любовью к нашей великой Родине, огненной ненавистью к нашим классовым врагам, к врагам нашего пролетарского Отечества.

Страницами романа «Как закалялась сталь» Островский крепит оборону наших красных рубежей. В этом прежде всего сила писателя-большевика Николая Островского. Островский со свойственной большевику страстностью любит нашу жизнь. Каждый миг жизни должен быть отдан великому делу — борьбе за освобождение человечества. Островский пишет:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Книга Островского «Как закалялась сталь» горячо воспринята, особенно рабочей молодежью, комсомолией. Десятки и сотни волнующих писем, получаемых Николаем из Хабаровска и Минска, Ленинграда и Закавказья, из всех уголков нашей великой страны, много говорят о борьбе.

Комсомольский актив Ленинградского завода имени Кулакова, прочтя бодрую, зажигательную книгу, пишет Николаю:

«...Твоя книга, тов. Островский, вдохновляет, призывает нас на выполнение задач, поставленных перед нами партией. Новые задачи требуют от нас содержательной, упорной, кропотливой работы. Мы ценим героику гражданской войны. Мы все хотим жить и бороться, как Павел Корчагин...»

Книга Николая по-большевистски воспитывает, зовет к борьбе, закаляет бойцов. Красноармейцы дивизии имени железного Феликса Дзержинского прислали тов. Островскому следующее письмо:

«Бойцы и командиры нашей части разбирали твою книгу «Как закалялась сталь».

Твоя книга — образец героической борьбы за Октябрь, за Советскую власть, за генеральную линию нашей партии, против врагов рабочего класса. Павел Корчагин — сильная натура, воспитанная большевистской партией. В твоем лице мы увидели тысячи, миллионы славных сынов, выращенных партией и комсомолом.

Мы гордимся твоей книгой.

Ждем от тебя еще литературных трудов, предназначенных для воспитания молодого поколения и передачи богатого революционного опыта. Прими от нас лучшие пожелания как в работе, так и в здоровье. Шлем тебе наш боевой красноармейский привет».

Мужество Николая заражает комсомольцев, молодых рабочих, красноармейцев. Только в нашей стране могут жить и работать такие товарищи, как Островский. Мужество Островского перерастает в героизм.

В «Комсомольскую правду» группа красноармейцев-комсомольцев прислала дышащее пламенным братским чувством письмо:

«Мы, группа комсомольцев-коммунистов, бойцов ОКДВА, прочли изумительную книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Эта книга согрела нас своим теплом, своей исключительной любовью и преданностью делу победы социализма в нашей стране...

Трудно нам сейчас передать ту исключительную нашу любовь и признательность дорогому товарищу Николаю Островскому за его книгу. Его рассказ будет для нас лучшим образцом большевистского геройства и любви к нашей социалистической Родине. Неоценимая заслуга тов. Островского как человека нового типа, воспитанного партией, заключается в том, что он на своем личном примере разрешил вопрос о том, как жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой, как сделать ее полезной.

Островский проявил исключительное мужество и заслуженно завоевал имя героя нашей социалистической Родины. Мы просим через тов. Косарева ходатайствовать перед ЦИК Союза ССР о награждении тов. Островского орденом за активное участие в борьбе против контрреволюции, за власть Советов, за активную комсомольскую работу и, наконец, за исключительную книгу, которая является олицетворением мужества и геройства комсомольца-бойца за бесклассовое, социалистическое общество».

Тов. Островский на заседании бюро сегодня в своем отчете подчеркнул, что он считает себя счастливым человеком. Он глубоко прав. Разве есть высшее счастье, чем активно участвовать как «инженер человеческих душ» в закалке, в воспитании людей, кадров, достойных нашей великой эпохи?

В своей новой книге «Рожденные бурей», пять глав которой Островским уже написаны, он поднимается на дальнейшую, высшую ступень как советский писатель. Мы должны помочь Николаю как можно скорее и лучше закончить эту новую книгу, обещающую быть еще более ценной, чем «Как закалялась сталь».

Наша сочинская партийная организация гордится тем, что Островский работает и творит среди нас, что он член нашей партийной семьи. Но это нас ко многому обязывает. Мы должны нашего Николая окружить исключительно теплым, партийным, чутким вниманием. Это дело нашей партийной чести.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Бюро Сочинского горкома ВКП(б) по творческому отчету тов. Островского Николая, члена ВКП(б) с 1924 г.

1. Бюро горкома констатирует высокоидейный уровень творчества большевика-писателя Островского. Политическая заостренность и целеустремленность произведения «Как закалялась сталь» поставили книгу на одно из первых мест в советской художественной литературе о комсомоле.

В своем первом романе Островский создал правдивые художественные образы комсомольцев-борцов. Его герои служат замечательным примером для молодого поколения нашей эпохи. Вся книга тов. Островского глубоко партийная. В этом ее политический смысл и художественная ценность.

Комсомолец Павка, созданный Островским, является любимым другом и образцом для нашей советской молодежи. В книге «Как закалялась сталь» претворен в жизнь призыв секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Косарева к советской литературе о создании молодого героя нашей замечательной эпохи.

2. Бюро горкома с большим удовлетворением констатирует, что большевик Островский с неослабеваемой энергией работает над своими произведениями. Готовые пять глав романа «Рожденные бурей» обещают новую победу в творчестве тов. Островского.

Сложная тема, выбранная автором (классовая борьба в Польше и Украине в 1918—1919 гг.), требует глубочайшего изучения материалов, знанием которых тов. Островский сейчас не обладает.

В целях обеспечения дальнейшей продуктивности работы Николая Островского над новым романом бюро горкома постановляет:

1. Одобрить представленный тов. Островским план его творческой работы в 1935 г.

а) окончание книги «Рожденные бурей»;

б) произведение «Детство Павки Корчагина».

2. Созвать городское партийное собрание для обсуждения доклада о творчестве тов. Островского.

3. Обеспечить тов. Островского нужными материалами для его литературного творчества (ответственные Малышев и Вахольдер).

4. Просить крайком партии обеспечить тов. Островского диктофоном, при котором продуктивность работы значительно увеличится при меньшей затрате физических сил.

5. Разрешение всех материально-бытовых вопросов, обеспечивающих нормальные условия работы тов. Островского, поручить тов. Гутману.

6. Организацию медицинской помощи и наблюдение возложить на члена бюро горкома тов. Лобода.

7. Обязать тов. Островского взять месячный отпуск; после отпуска дать партийное поручение — общее руководство литкружком рабочей молодежи.

«Молодая гвардия», 1935, № 7

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет:

наградить орденом Ленина писателя Островского Николая Алексеевича, бывшего активного комсомольца, героического участника гражданской войны, потерявшего в борьбе за Советскую власть здоровье, самоотверженно продолжающего оружием художественного слова борьбу за дело социализма, автора талантливого произведения «Как закалялась сталь».

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР Г. ПЕТРОВСКИЙ

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР И. АКУЛОВ

Москва, Кремль, 1 октября 1935 г.

«Молодая гвардия», 1935, № 10

Н. А. ОСТРОВСКОМУ

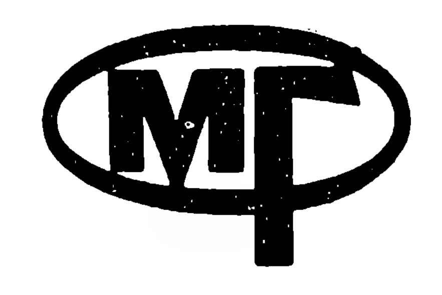
Дорогой Николай!

Сердечно поздравляем тебя с высшей из наград — орденом Ленина. Вместе со всеми твоими друзьями — а их в нашей стране миллионы, — рады за тебя, гордимся тобой. Желаем тебе долгой плодотворной жизни на благо нашей социалистической Родины.

Редакция и сотрудники журнала «Молодая гвардия»

«Молодая гвардия», 1935, № 10

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

М. Калинин

СЛАВНЫЙ ПУТЬ КОМСОМОЛА

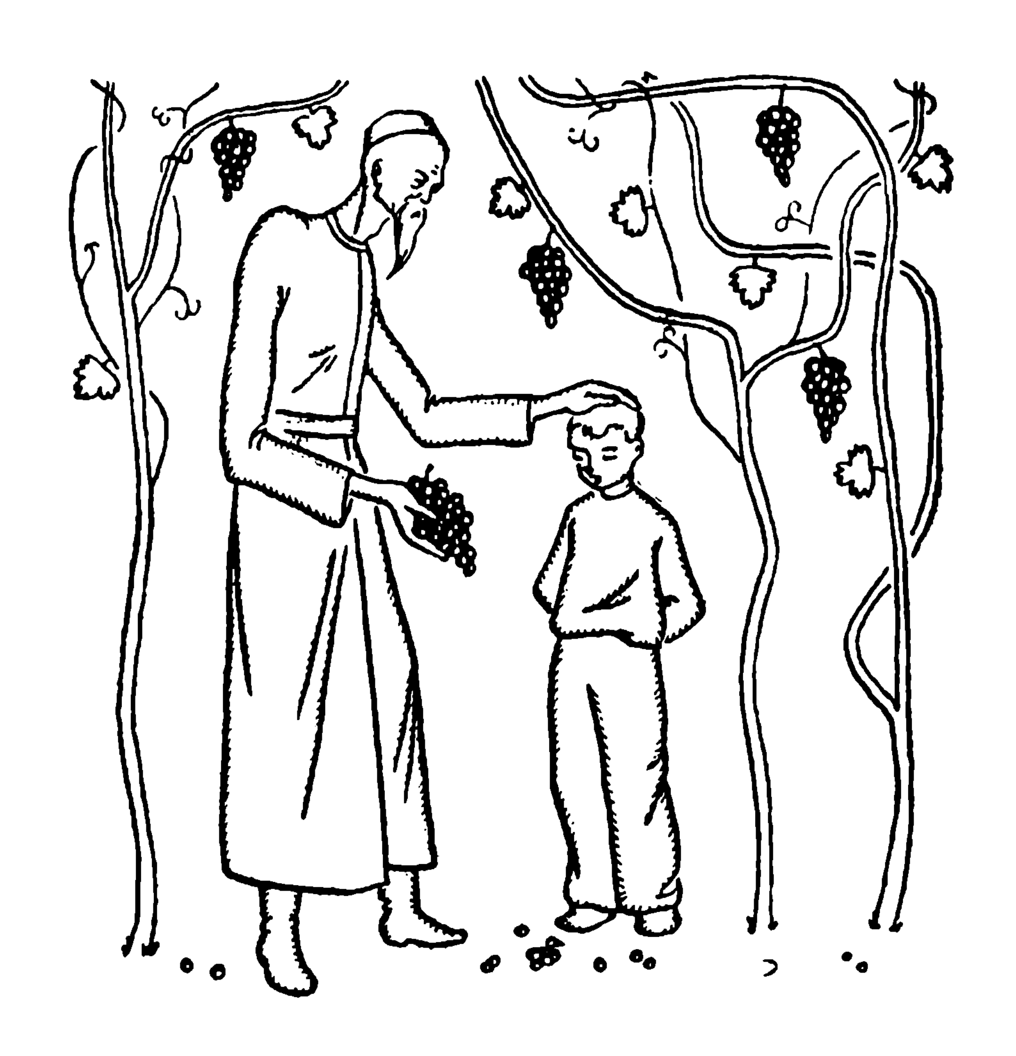
(ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ)

История ВЛКСМ сравнительно коротка, но она насыщена богатым содержанием, ибо каждое начинание партии с энтузиазмом подхватывалось комсомолом. Да иначе и быть не может, потому что дело Коммунистической партии есть дело комсомола. Партия не только ценит, но и любит комсомол, как свое прекрасное будущее, как то молодое, которому историей предназначено продолжать революционные традиции большевизма в рядах Коммунистической партии.

«Молодая гвардия», 1938, № 4

Ульмас
УМАРБЕКОВ

ЧАРАС

РАССКАЗ

Первые лучи солнца, словно чуткие пальцы, коснулись неслышно стены дома, скользнули по сонным окнам. Мне не хотелось нарушать утреннюю тишину, и я постарался не скрипнуть калиткой, выходя на улицу. Я бесшумно ступал по влажному асфальту — под утро, видно, прошел дождь, и с крыш еще слетали редкие капли. Пряный осенний воздух, чистый после дождя и звонкий, казалось, сохранял в себе шлепки дождевых капель. Вставая, я убеждал себя, что сегодня обязательно пораньше надо успеть на работу и разобрать накопившиеся за время моего отъезда дела, но сейчас я радовался утру и не торопился.

Я свернул за угол своего дома, на улицу, куда выходил мой небольшой сад, и увидел возле дувала мальчугана

лет восьми в больших, видно, отцовских галошах на босу ногу. Он весело поглядывал на меня острыми черными глазенками из-под большой лохматой ушанки и уплетал что-то с великим усердием. Заметив, что дувал в этом месте просел — видно, дожди поработали над ним — и легко можно рукой дотянуться до черных ароматных гроздьев, я понял все и усмехнулся.

— Что это ты ешь такое вкусное, ашна? — спросил я, поравнявшись с мальчишкой.

— Виноград, — объяснил он серьезно и внимательно еще раз оглядел меня из-под своей мохнатой шапки. Кажется, внешность моя не вызывала подозрений, он полез за пазуху и вытащил тяжелую гроздь влажного, налившегося черным соком чараса.

— Возьмите, ака, мне не жалко, у меня еще много, — мальчишка улыбнулся до самых ушей синими то ли от холода, то ли от виноградного сока губами. — Берите же... — он протянул мне гроздь, сам кинул в рот несколько ягод и аппетитно зачмокал.

Я приложил руку к груди — поблагодарил — и зашагал своей дорогой, но когда отошел уже далеко, вдруг пожалел, что отказался от угощения. Чуть вяжущий вкус прохладных ягод, который я вдруг явственно ощутил во рту, напомнил давно позабытое...

Наш кишлак был большим садом, и назвали его люди, не мудрствуя лукаво, Каттабаг, что и значило «большой сад».

Обширный участок, примыкавший к поселку, отведен был под виноградники. Считалось, что он огорожен — от кишлака его отделял глинобитный дувал, невысокий и местами уже развалившийся... И каждому прохожему видно было, как отсвечивают на солнце великолепные

Ульмасу Умарбекову тридцать восемь лет. Печататься он начал десять лет назад, и сейчас имя его хорошо известно в Узбекистане. Особенно популярны среди молодежи его повести «Пустыня», «У кого нет забот», «Дитя войны», «Месть». В них писатель воспевает романтику труда и революционной борьбы.

В 1969 году в Ташкенте был издан роман У. Умарбекова «Зеленая звезда» («Человеком быть трудно») о современной студенческой молодежи. Он был удостоен литературной премии комсомола Узбекистана. В этом году роман «Зеленая звезда» выходит на русском языке в издательстве «Молодая гвардия».

гроздья разных цветов и оттенков, и редко кто не останавливался полюбоваться их красотой.

Что же говорить о нас, кишлачных мальчишках. Дома у каждого вдосталь было и янтарных «дамских пальчиков», и розового «буаки», но все равно мы как зачарованные бродили вокруг этого виноградного царства.

Обычно гроздья прикрыты листьями, здесь же листьев почти не было; виноград свешивался с шестов и подпорок, был весь на виду, пронизанный солнцем, яркий — желтый, розовый, черный... будто выставленный напоказ, чтобы подразнить нас, мальчишек.

И вот пришел день, мы решились. По дороге из школы отдали сумки малышам, притаились у дувала и, когда улица опустела, махнули в сад... Вот это был виноград! Мы рвали его руками, ловили ртом, совали за пазуху, в тюбетейки и карманы и, конечно, не видели, что еще больше роняем на землю и топчем...

Мы собирались уже уносить ноги, когда вдруг совсем рядом послышался голос:

— Э-эй, кто там, а? Покажись!

Приятелей моих словно ветром сдуло, а я то ли от испуга, то ли потому, что слишком много набрал винограда и боялся уронить гроздья на землю, не мог двинуться с места. Помню, от страха зажмурил глаза и так и стоял, только сердчишко бешено колотилось. Сколько я времени простоял, не знаю, но, открыв глаза, увидел перед собой высокого старика в светлом халате, перехваченном в поясе синим кушаком. На ногах у старика были мягкие красные сапоги. Не знаю почему, но именно сапоги напугали меня до ужаса, я задрожал, судорожно всхлипывая.

— Не бойся, сынок, — тихо сказал старик и провел шершавой ладонью по моему лбу и волосам. — Захотелось винограду — приходи ко мне, я тебе сам нарву...

От неожиданных слов и ласкового голоса я расплакался еще горше. Оттопыренная на животе рубаха вылезла из штанов, и виноград посыпался на землю. Старик будто не заметил этого. Улыбаясь, гладил меня по голове и утешал:

— Вот дурачок, нашел отчего плакать! Ну ладно, сорвали несколько кистей... Ты глянь, погляди на сад! Видал когда-нибудь такой виноград?

И он взял меня за руку и повел в гущу сада. А там с бесконечно длинных, очищенных от коры шестов свисали огромные кисти черного чараса...

— Нравится, а? — спросил старик и, убедившись, что слезы мои высохли, тихо засмеялся. Узкая белая борода его мерно колыхалась на груди, глаза смотрели тепло, и весь он, в солнечных пятнах, казался мне волшебником из старой сказки. Глядя на доброго старика, я совсем успокоился и, осмелев, кивнул головой.

— Ну что ж, если нравится, могу угостить.

Из крепкого кожаного чехла у пояса он достал нож, начал срезать черные гроздья и складывать их в полу своего халата, которую придерживал другой рукой. Скоро класть было уже некуда.

— Бери, сынок. И друзей угостить не забудь.

Я насовал виноград под рубашку и бросился к калитке, забыв даже поблагодарить садовника. Выскочил на улицу, перевел дух и оглянулся: старик стоял на том же месте и глядел мне вслед. Кажется, он улыбался...

Больше мы с приятелями не лазили через забор, но сделались частыми гостями садовника. Всей компанией мы помогали старику ухаживать за лозами, а он угощал нас плодами своего удивительного сада. Потом мои родители переехали в город, и я все реже вспоминал родной кишлак, старых друзей и доброго старика в халате и красных сапогах.

И вот сегодня... Этот мальчишка с перемазанными соком губами растревожил что-то в моей душе.

Несколько дней я не находил себе места и наконец понял: не будет мне покоя, пока не побываю в родных местах. В следующее воскресенье я сел в поезд и поехал в Каттабаг.

«Как там теперь, сохранился ли тот сад, жив ли старый садовник?» — думал я, трясясь в маленьком скрипучем автобусе.

С твоих страниц сошли в объятья муз,
Согретые всегда душевным светом,
Прозаики большие
И к тому ж —
Хорошие и разные поэты.

Полсотни лет — нелегких и крутых —
Прошли в борьбе за ленинское дело.
Здесь столько возмужало молодых
И столько стариков помолодело!

Владимир ФИРСОВ

И вот снова передо мной моя родина, мой Каттабаг. Конечно, все здесь было уже не так, как в дни моего детства: новые дома, новые улицы, двухэтажная школа.

Я пошел вдоль реки, огибающей кишлак. Постоял немного на пустынном берегу, посмотрел и с таким ощущением, будто потерял здесь что-то, тронулся дальше. Поднялся на пригорок — и сердце мое радостно дрогнуло... На прежнем месте я увидел знакомый дувал — он как будто сделался еще ниже, но зато не было нигде провалов и по всей длине его обмазала чья-то заботливая рука. А за ним...

До края земли, казалось, уходили вдаль белые подпорки из тала, и, словно выставленные напоказ, красовались огромные, отсвечивающие на солнце гроздья.

У дувала, побросав портфели, играли в орехи ребятишки. Я подозвал старшего.

— Слушай-ка, приятель, не знаешь, дедушка садовник здесь сейчас?

Мальчишка глянул отчужденно.

— А вы кто будете?

— Я? Да вот, просто узнать хотел...

— Нету дедушки садовника...

Я постоял у дувала, глядя на ребят, на знакомую калитку...

— Эге-гей, ребята!

Я повернулся на голос. В саду, за низким глинобитным дувалом стоял, улыбаясь, высокий парень в светлом халате, перехваченном в поясе синим кушаком, в мягких красных сапогах. Рукой он придерживал полу халата, и там, переливаясь на солнце, влажно поблескивал великолепный чарас. Мальчишки мигом расхватали виноград и тут же принялись его уплетать. Губы у них сделались синими... А высокий парень в светлом халате ушел так же неожиданно, как и возник.

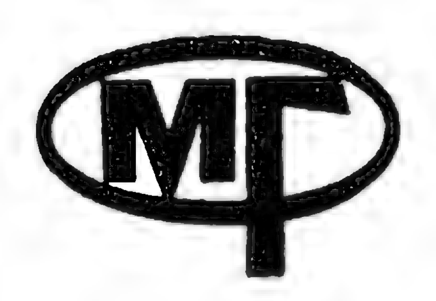
— Кто это? — снова спросил я старшего мальчика.

— Это садовник, — уже приветливее сообщил он. — Того старого дедушки внук.

Я подошел поближе к калитке и со щемящей светлой грустью глянул в сад. Там от лозы к лозе переходил неслышными шагами высокий парень в светлом халате и мягких красных сапогах.

Авторизованный перевод с узбекского С. Шевелева

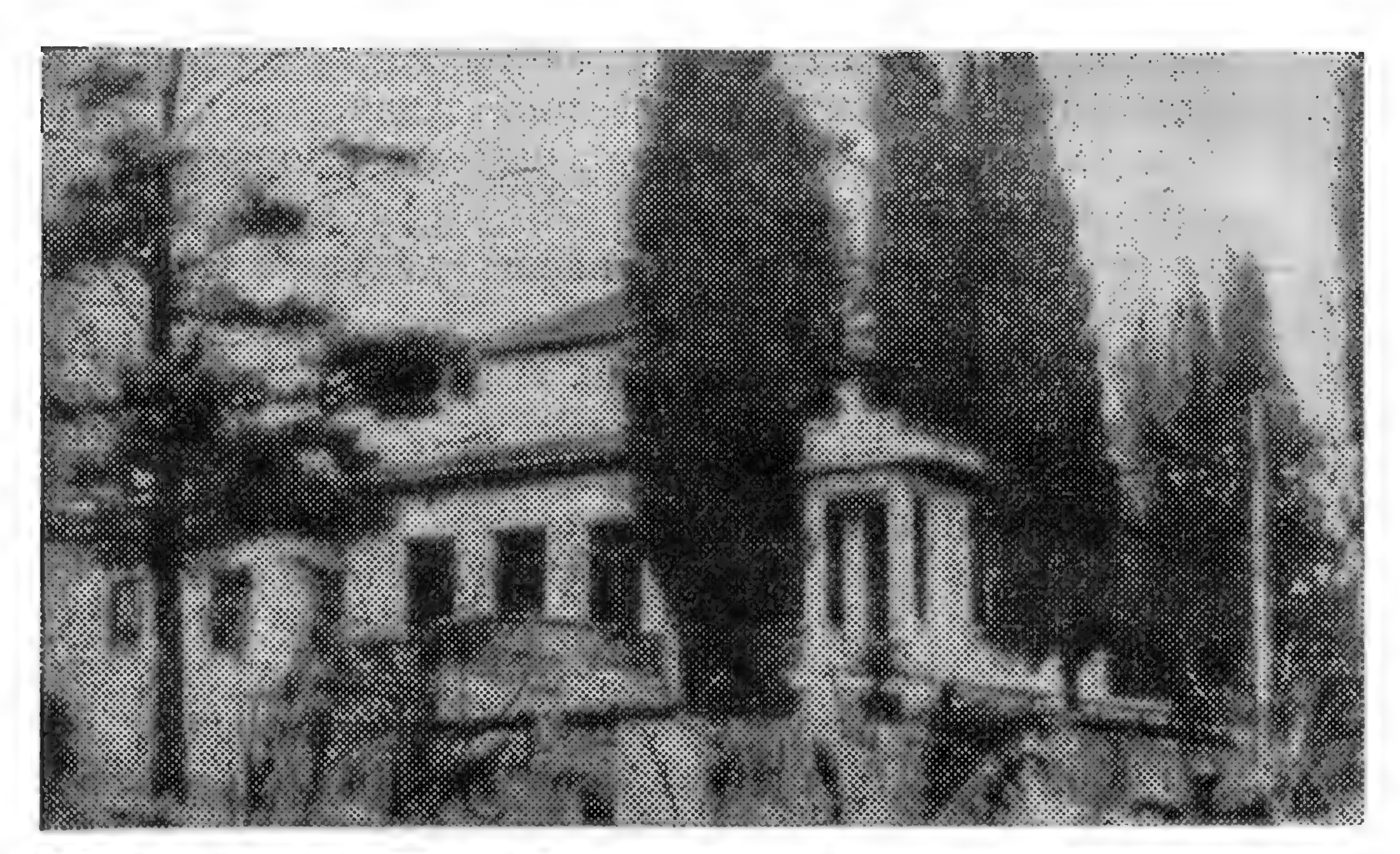
ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

Вскоре после смерти Николая Островского «Молодая гвардия» в № 4 за 1937 год поместила воспроизводимые нами фотоснимки. Редакция журнала сопроводила их следующей подписью:

«Литературная комиссия ЦК ВЛКСМ и Союза советских писателей закончила прием литературного и мемориального наследства писателя-орденоносца Н. А. Островского. Среди этих материалов находятся рукописи романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», индивидуальные и коллективные письма читателей и много папок с газетными вырезками.

Первого мая в доме Н. А. Островского в Сочи откроется музей.

В кабинете писателя посетитель увидит его рабочую библиотеку, насчитывающую несколько сот томов, издания его произведений на языках народов СССР и иностранных. В музее будут храниться письма читателей к своему любимому писателю, личные документы Н. Островского, траурные ленты от венков, возложенных на его гроб. Будет создан отдел «Герои книги «Как закалялась сталь» с портретами людей, описанных автором, и рассказами об их судьбе.

На снимках: (слева вверху) дом Н. А. Островского в Сочи, построенный по специальному решению ВЦИК; (внизу) комната в новом доме; (справа вверху) дом на Ореховой улице, в котором написана 2-я книга «Как закалялась сталь»; (внизу) Н. А. Островский в кругу семьи (мать, жена, сестра, брат)».

Н. Островский

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПИСАТЕЛЬ НАШЕЙ СТРАНЫ

Из речи на собрании партактива Сочи

Товарищи! Второй раз я встречаюсь с вами, моими соратниками, с активом Сочинской партийной организации, членами которой мы состоим. Крепко жму ваши руки, друзья! *(Аплодисменты.)*

Товарищи, я слышал много прекрасных слов, обращенных ко мне. В ответ я могу сказать лишь одно: высокая награда правительства, почетный знак нашей республики — орден Ленина, прикрепленный к груди бойца, — обязывает его не только не сдавать занятых позиций, но и победно двигаться вперед.

Товарищи, мы с вами живем в великую эпоху. Мы, представители нового поколения человечества, поколения большевиков, поднявших знамя восстания в царской России, создали из этой каторжной России замечательное пролетарское государство. Изгнав поработителей из страны, мы все свои силы, всю страсть отдали мирному труду.

Страна возродилась, стала могущественной. Мы высоко подняли знамя культуры, и все сокровища, созданные гением человека, сделали достоянием всего трудового народа. Ранее они были доступны только правящей верхушке, богачам-одиночкам. Кто нам укажет еще такую страну, где бы культура во всей многогранности была поднята на столь небывалую высоту? Нам нелегко досталась эта победа. Все пришлось строить заново. Старый мир оставил нам жуткое наследство: безграмотность, нищету, разруху, вырождение забитых царизмом национальных меньшинств. Одичавший классовый враг, видя свою гибель, всеми гнусными способами пытался вредить нашему великому делу. Но ничто не может остановить могучего шествия освобожденного народа к новой прекрасной жизни! И сегодня даже заклятые враги наши признают огромный рост культуры и народного богатства в нашей стране.

Перед нами, писателями, «инженерами человеческих душ», стоит задача огромного значения: показать в художественных образах все величие происходящего. Кому же, как не нам, участникам и свидетелям великой революции, это сделать? Я хочу сказать о том, каким должен быть писатель Советской страны.

Это прежде всего строитель социализма, а не равнодушный «созерцатель». Это боец. Боец, учитель, трибун. Человек с большой буквы. Это несомненно. Ведь каждый из нас должен учить не только своим словом, но и всей своей жизнью, поведением.

Мы знаем, что в период борьбы и трудностей всегда найдутся люди с мелкой, заячьей душонкой, которые не способны к борьбе. Они путаются меж ногами, мешая наступлению. Волна революции сметает их в сторону. Мы, писатели, должны показать уродливые фигуры предателей и двурушников, агентов классового врага, а также трусов, паникеров, сброшенных революцией в помойную яму истории.

Это надо сделать, потому

что враг еще не добит. Разгромленный, он заполз в щели. Пусть молодежь знает отвратительное лицо этих отщепенцев. Наша жизнь дает нам, писателям, богатейший материал и для создания прекрасного образа честного труженика-энтузиаста. Сколько героических людей вырастила наша страна, где каждый может стать знатным человеком, потому что труд у нас стал делом чести, доблести, славы и геройства! Каждый день приносит нам новые и новые факты трудового героизма освобожденного народа, впервые познавшего радость труда для себя, для своего счастья.

Писателям остается лишь отобразить это так же ярко, как ярка наша жизнь. Мы, писатели, не имеем права отставать от жизни. Вот почему мы должны работать на полную мощность, то есть с напряжением всех духовных творческих сил, чтобы наш изумительный читатель получал книги, достойные его...

Меня часто спрашивают, как я стал писателем. Этого я не знаю. Но как я стал большевиком, это я хорошо знаю! *(Аплодисменты.)*

Кончая речь, я хочу рассказать вам о далеких детских годах, об одном эпизоде, который отчасти ответит на оба эти вопроса.

Помню, мне было тогда двенадцать лет. Я работал мальчиком в кухне станционного буфета. Почти ребенок, я познал на своей спине уже всю тяжесть каторжного труда при капитализме. Я принес с трудом добытую книгу — роман какого-то французского буржуазного писаки. В этой книге, я прекрасно помню, был выведен самодур граф, который от безделья издевался над своим лакеем, изощряясь в этом как только мог, — щелкал его неожиданно по носу или кричал на него вдруг так, что у того подгибались со страху колени.

Читаю я про все эти штучки своей старушке матери, и стало мне невмоготу. И вот, когда граф ударил лакея по носу так, что тот уронил на пол поднос, — я, полный бешенства, начал крыть по-своему.

Правда, при этом французский изящный стиль полетел к черту, и книга заговорила рабочим языком: «Тогда лакей обернулся до етого графа да как двинет его по сопатке! И то не раз, а два, так что у графа аж в очах засветило...» — «Погодь, погодь! — вскрикнула мать. — Да где же это видано, чтобы графьев по морде били?!» Кровь хлынула мне к лицу: «Так ему и надо, подлюге проклятому! Пущай не бьет рабочего человека!» — «Да где ж это видано? Не поверю. Дай сюда книжку! — говорит мать. — Нет там этого!» Я с бешенством бросаю книжку на пол и кричу: «А если и нет, то зря! Я б ему, негодяю, все ребра переломал бы» *(Бурные аплодисменты.)*

Вот, товарищи, еще ребенком, читая подобные рассказы, я мечтал о таком лакее, который даст сдачи графу. Может быть, это и было начало моей писательской карьеры, правда, не совсем удачное. Но сейчас я уже повысил свою квалификацию! *(Смех.)*

Товарищи, я кончаю свою речь. Мы с вами скоро встретимся. Это будет ваша встреча с моей новой книгой. Крепко жму ваши руки!..

«Молодая гвардия», 1936, № 1

Виктор СОКОЛОВ

«...ЗАНЕСТИ В СПИСОК НАВЕЧНО»

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ *

Мне хочется жить так, чтобы не голая просека прошла за мной, а живой человеческий след, по которому бы шли люди...

Из дневника
Володи Грибиниченко

СТРАНИЦА ПЕРВАЯ

На моем рабочем столе гора писем. От комсорга цеха Николая Винниченко, от машиниста крана Тони Толдановой, от разливщика Николая Свиргунца, от учителей, соучеников, соседей...

Одному он помог устроиться на завод, овладеть профессией металлурга, о другом позаботился, чтобы повысили разряд, в третьем открыл талант певца, заставил человека поверить в свои способности, уговорил его выйти на клубную сцену, четвертому помог учиться в вечерней школе, доставал ему учебники, а пятого хотя и с трудом, но убедил-таки, что спорт — это и есть тот эликсир жизни, который помогает «лет до ста расти нам без старости».

Для всех он был удивительно щедр на тепло своей прекрасной души...

Эти письма-воспоминания нельзя читать равнодушно. Сколько в них человеческой боли, вызванной горькой утратой, и сколько гордости за народ, у которого есть такие сыновья!

Но давайте вернемся к этим берущим за душу строчкам немного позже. А сейчас отправимся в рабочий поселок Новые Планы на окраине Макеевки, где на улице Парижской коммуны вросла в землю по самые окна старенькая хатенка. Отсюда и начнем путешествие в детство Володи Грибиниченко.

---

* Печатается с сокращениями. Отдельной книгой выходит в Политиздате.

Их было двое — Володя и Раечка. Сынишке только что минуло два года, а дочурке — того меньше, едва топать по хате научилась. Подхватит Варвара обоих на руки, выйдет за калитку и стоит, улыбаясь людям голубыми глазами: смотрите, дескать, какая я богатая, сколько счастья послала мне судьба...

А в конце улицы уже виднеется знакомая фигура Кирилла — с работы возвращается муж. Вот он не спеша подошел к ней, взял малышей и, усадив их на свои широкие теплые ладони, высоко поднял над собой. Так и во двор вошел — с поднятыми к небу руками, а на ладонях, словно птенцы в гнездах, — довольные малыши.

А Варвара — птицей в хату, ужин готовить хозяину. Вынесла миску горячего борща, поставила на стол под шелковицей. А так как у Кирилла завтра выходной, то и чарку налила. Ест Кирилл борщ, рассказывает заводские новости, тешится с детьми.

Наступил вечер, скатилось за террикон соседней шахты остуженное донецкими ветрами солнце. Уснули ребятишки. А под открытыми настежь окнами все шепчет что-то свое старая развесистая шелковица — может, сказку рассказывает малышам?

Время от времени небо над шелковицей малиново вспыхивает — это пустили на заводе новую плавку...

Доносятся сюда с заводского двора и несмолкающие паровозные гудки. И Кириллу кажется, что в этом звонком разноголосом хоре он слышит голос и своей чумазой «кукушки». С лоснящимися задымленными боками и алыми колесами неутомимо снует она по густому сплетению заводских путей — то вытягивает из мартена состав с изложницами, то подхватывает длинную цепочку платформ с порожняком и спешит с ними в цех, под новую плавку...

Так было и в тот июньский субботний вечер, в канун великой народной беды. Спали дети, улыбаясь своим незамысловатым снам, жарко вспыхивало небо над заводом. А они, Кирилл с Варварой, еще долго сидели на лавочке под шелковицей, делились впечатлениями дня, обдумывали нехитрые проблемы своего семейного житья-бытья, мечтали о том времени, когда вырастут дети, а они, Кирилл и Варвара, будут сидеть вот так же около хаты и качать на коленях голосистых внуков. Они не знали, что где-то там, у границы родной земли, уже расчехлены жерла пушек, что лягут спать они под шепот шелковицы, а проснутся под грохот войны...

Фронт все ближе подбирался к городу, началась эвакуация. С металлургического днем и ночью уходили эшелоны с оборудованием — на восток, на восток. Один из последних эшелонов должен был повести Кирилл Грибиниченко. И не знали ни он сам, ни его молодая жена, ни маленькие дети, что горячий осколок чужого металла оборвет на полпути рейс машиниста...

И вот уже словно вымер растерзанный оккупантами город. Не вспыхивает небо над мартенами, не перекликаются гудками паровозы на заводском дворе. Только зловеще топает за воротами кованый сапог чужеземца, и каждый шаг его смертной тревогой отдается в сердце матери...

Дни и ночи дрожит Варвара над малышами, не отваживаясь выглянуть за порог. Но дети просят есть, мерзнут в нетопленной хате, — а куда идти, что делать, где искать спасения?

На счастье заглянула в хату соседка.

— Вот что, Варвара. Смастерил мой старик тележку, по селам пойдем, авось продуктов каких наменяем — может, и ты с нами? Оставляй своих галчат на моих, мой-то постарше, да и айда, а то голод не тетка...

Запряглись с соседкой в тачку и пошли — от села до села. Возвращаясь назад, ночью на какой-то степной станции набрели на пустой железнодорожный состав. Спросили у машиниста, куда едет, ответил — на Донбасс, побросали свои мешки в вагон, поехали.

В Красноармейске поезд остановился. Вдруг — облава. Немцы и полицаи ворвались в теплушку, мешки с наменянным вышвырнули, а людей закрыли в вагоне — и в Германию...

Металась Варвара по темной тюрьме на колесах. Ночью, изранив до крови руки, выбила доску в двери и на ходу выбросилась из вагона...

Домой вернулась ни с чем, полуживая, и как дотянула до весны — теперь уже и сама не знает. А едва пригрело весеннее солнце, посадила детей в тачку — и снова по селам. Менять уже нечего было, остался только чайник и одна — на троих — ложка. Когда удавалось чем-нибудь разжиться, детей по очереди кормила из одной ложки.

СТРАНИЦА ВТОРАЯ

В Макеевку вернулись после освобождения города. Но с тачкой Варвара и теперь не расставалась, подвозила хлеб к магазину: время было трудное, разруха, с транспортом туго. А потом осталась при том же магазине сторожем.

Дети подросли, пошли в школу. Одежки — только и того, что на них. Скажет, бывало, Володе: «Не ходи, сынок, сегодня в школу, я тебе хоть сорочку постираю». Нет, все равно убежит...

А как-то прибежал домой — радостный такой, довольный: «Смотри, мама, что у меня есть — ботинки новые, во! В школе дали!»

И видели бы вы, как он берег эти ботинки!

Получала мать в то время по карточкам килограмм хлеба. Четыреста граммов на себя и по триста — на детей. Принесет ту спасительную буханку домой, разрежет пополам и скорей в школу. Самой есть хочется до темноты в глазах, а удержится, не отщипнет ни крошки...

Четыре года бегали дети в школу вместе. А когда Володя перешел в шестой, а Рая — в пятый, новое горе пришло в хату под старой шелковицей. Заболела дочка, и как ни билась над ней мать, как ни старались врачи — все напрасно...

Серый ковыль шелестел вокруг свежей могилы, а над ней в немой скорби стояла седая женщина. А как-то сразу повзрослевший Володя, глотая слезы, целовал ее руки и повторял:

— Не плачьте, мама, не плачьте... Вот скоро вырасту, помощником буду... И за отца, и за Раю... Слышите, мама, не плачьте...

В школу теперь Володя ходил один. За это печальное лето он

вытянулся, повзрослел. И все отчетливее в его характере проступали черты Кирилла. «Вылитый отец», — говорили люди. Такой же скупой на слово, такой же упрямый и напористый: задумает что сделать — не отступится.

Попадется, бывало, трудная задачка на домашнее задание — бьется он над ней, и так ее крутит и этак, даже матери жалко его станет. Уйдет она сторожить, сидит ночью у дверей магазина и все думает, как же ее, эту задачку треклятую, решить?

Но вот прибегает сын на следующий день из школы и от радости даже светится весь:

— Вышло, мама! Решил!

Да, характером сын рос в отца, а вот лицом больше на мать похож. И глаза такие же, и такие же широкие и длинные, с крутым изломом брови.

Я прощаюсь с Варварой Александровной и шагаю той же самой дорогой, которой в детстве Володя бегал в школу, — улицей Парижской коммуны, потом Первомайской.

На фасаде уже знакомого мне здания, со всех сторон окруженного тонкими остролистыми ясенями, самодельная, видно, написанная самими учениками — черной тушью на белом картоне — табличка: «Школа борется за право носить имя Володи Грибиниченко».

Прозвенел звонок, один из последних в эту весну. Через несколько дней еще одна стайка орлят, почувствовав за плечами надежные крылья, навсегда вылетит из ворот школы. И так из года в год. Входят в двери школы маленькими несмышленышами, выходят в водоворот жизни с бесценной ношей за плечами — мудростью доброй человеческой науки.

И нет большей печали для учителя, как узнать потом, что тот, над чьими тетрадками он просидел столько бессонных ночей, кому отдал столько сил и души, оказался пустоцветом. И нет большего счастья для учителя, как нежданно, через много лет услышать про своего воспитанника доброе слово в народе.

Передо мною два письма.

Пишет ЮЛИЯ ПЕТРОВНА НЕСТЕРОВА: «Я учила Володю один год. Вот каким остался он в моей памяти: маленький, худенький, бледный. Волосы светло-русые, а глаза — голубые-голубые, умные. Одет он был в темный простенький костюмчик, на ногах — кирзовые сапожки. Всегда с пионерским галстуком, всегда аккуратный, подтянутый. Особенно запомнились его тетради с ровным, четким почерком, без единой помарки.

Характером был очень спокойный, уравновешенный и дружил с такими же учениками. Лучшим его другом был Коля Живченко, который жил по соседству. Отцы у обоих погибли на войне, жилось в то трудное послевоенное время нелегко, и это, очевидно, еще сильнее роднило мальчишек.

Несмотря на слабое здоровье, Володя посещал школу каждый день, без единого прогула, и учился хорошо — на четверки и пятерки».

А вот письмо ЕВДОКИИ ИГНАТЬЕВНЫ БРУСИЛОВОЙ: «Вообще Володя был необычайно застенчивым, как девочка. Недаром даже

тогда, когда он уже стал взрослым, соседи любовно называли его «красной девицей». Вот и случалось частенько так, что нарушает дисциплину в классе один, а краснеет, смотришь, другой — Володя...

Мягкий сердцем, честный и уравновешенный, он пользовался уважением всех — и учеников, и учителей. И не было в школе человека, который посмел бы обидеть его. И не удивительно, что ребята ежегодно избирали его своим звеньевым.

В то время наша школа сажала сад, тот самый, который сейчас, опадая к ногам детей тяжелыми розовощекими яблоками и желтыми медовыми грушами, стал одним из лучших в области.

И вот вспоминается такой случай. Нашему классу поручили посадить розы вокруг оранжереи. А земля там, как оказалось, чрезвычайно твердая, каменистая, да еще и сильно утоптанная. Словом, копать было тяжело, и кое-кто из учеников начал отлынивать. Заметив это, Володя подошел ко мне:

— Разрешите, Евдокия Игнатьевна, участок под розы вскопать нашему звену...

До крови намозолили ребята руки, а участок все же вскопали! И надо было видеть, как заботливо ухаживало звено за своим цветником!

Весной следующего года нам надо было привести в порядок территорию вокруг водного бассейна. И снова самый тяжелый участок взяло на себя звено Володи. Участок, который сначала был отведен восьмому классу. Увидев, как некоторые верзилы из восьмого — уже усы пробиваются на губах! — неохотно берутся за лопаты, Володя, всегда такой спокойный, сдержанный, презрительно улыбнулся.

— Евдокия Игнатьевна, отдайте этим парубкам нашу делянку. Земля здесь мягче, как раз по их силам, да и копать уже мало осталось...

В то время Володя особенно подружился с Юрой Гудимом. Дружба была — водой не разлить. Вместе ходили в школу, вместе выполняли домашние задания — у Юры или у Володи. Смастерили киноаппарат и, к бурной радости мальчишек всей улицы, демонстрировали «настоящие» детские фильмы. Устраивали — «для домашнего употребления», как они говорили, — концерты художественной самодеятельности. Володя хорошо и с удовольствием пел и танцевал.

Летом излюбленным местом ребят была глубокая балка, начинавшаяся сразу же за околицей. Склоны балки очень крутые, и за это ребята называли ее цирком. Особенно любили они устраивать тут «мотогонки». Конечно, никаких машин у них не было, мчались они по крутым склонам оврага на своих двоих. Но когда человеку тринадцать лет, он способен вообразить себя кем угодно...

Но лето было не только временем забав. Трудно было тогда, после войны, многие отцы не вернулись с фронта, и часть домашних забот легла на плечи детей. Володю с друзьями нередко видели на терриконе соседней шахты «Бутовка», они собирали уголь и дрова: «Зима идет, а топить нечем».

Окончив семилетку, Володя пошел в металлургический техникум. С того времени, хоть мы и жили в одном поселке, я много лет не видала его. Встретила лишь за год до его гибели, да и то случайно, в трамвае. Передо мной стоял высокий и стройный, атле-

тически сложенный юноша... Ничего не осталось в его внешности от того щуплого, бледного, болезненного мальчика, который с парусиновой сумкой через плечо бегал когда-то в школу».

...Давно ли волновала до слез юное сердце судьба Ивана-Подолана, Юрзы-Мурзы и стрельца-молодца? И вот уже его любимые герои, вместе с Катигорошком и Царевной-лягушкой, доживают свой век где-то в ящике на чердаке, рядом с зачитанным до дыр букварем, а на полке стоят книги о тех, чья жизнь была во сто крат увлекательнее и красивее сказки. О тех, кто был рожден великой бурей, кто в жарких битвах за счастье людей закалялся, как сталь...

Годы сменяли годы, менялись привязанности и увлечения.

Самым сильным стал для подростка спорт. Володя твердо решил стать волевым, сильным, закаленным. Серьезное увлечение спортом объяснял он еще и так: «Здоровье у матери слабое, я, выходит, должен кормильцем стать, а какой из меня, слабосильного, может выйти кормилец?»

Решив так, он выкапывает во дворе два столба и соединяет их железным стержнем — турник...

Сначала получалось не очень, мешком болтался под перекладиной. Но отступать было не в его правилах. И вот уже, отчаянно рванувшись в махе, он выполняет склепку, переполняя завистью души соседских мальчишек. И вот уже он крутит «солнце»: оборот, еще оборот, еще...

— Кто следующий? — довольно улыбается, подталкивает одного из зрителей-одногодков к перекладине: — А ну пробуй...

Мальчишка, как еще недавно и сам «тренер», мешком висит на турнике, потом кое-как начинает раскачиваться, но руки вдруг отрываются — и Володя подхватывает начинающего спортсмена.

— Ну и руки, Володя, у тебя! В следующий раз хватай полегче...

Эти руки успеют сделать еще много хорошего.

Борясь с бешеным водоворотом, они вынесут из воды тонущего человека...

Они крепко и легко, словно на железных пружинах, будут подбрасывать над головой стокилограммовую штангу, принося желанную победу своей заводской команде...

Они крыльями поплывут над сценой, когда выйдет Володя в ослепительном свете рампы на свой коронный танец, и стены заводского Дворца культуры задрожат от аплодисментов...

Они будут рисовать, и мечта стать художником окажется настолько сильной, что Володя даже выпишет книги по живописи...

Мы снова сидим с Варварой Александровной в ее новой квартире на улице Ленина, листаем семейный альбом.

В разливочном пролете мартена. Прикрыв рукой лицо, сын пристально всматривается сквозь стекла в кипящую струю металла, льющегося из ковша...

В красном уголке цеха. Только что избранный комсорг смены ведет свое первое комсомольское собрание...

На улице родного поселка, с повязкой народного дружинника...

На подмостках спортивного зала, со штангой...

На сцене заводского клуба, в вихре стремительного украинского гопака...

На отдыхе в Одессе...

Снимки любительские, сделанные друзьями наспех и неумело. Да разве думали они, нацеливая на него объектив фотоаппарата, что снимают человека, чья жизнь, оборвавшись на двадцать четвертом году, окажется на поверку стоящей иных пятидесяти прожитых лет?..

Варвара Александровна достает конверт, в котором хранит его документы.

Свидетельство о награждении нагрудным знаком отличника социалистического соревнования...

Билет члена Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов...

Удостоверение члена добровольного спортивного общества...

Билет члена ДОСААФ...

Билет читателя заводской библиотеки...

Мандат делегата общезаводской партийной конференции...

— А вот и диплом об окончании техникума... Проходил Володя семь лет в школу, я и говорю ему: «Сынок, давай-ка подумаем, как нам дальше жить... Заработки мои, сам знаешь, небогатые, дальше учить тебя не могу...»

Ушел в город. Вечером вернулся — веселый, возбужденный. «Мама, видел объявление, принимают в металлургический техникум. Решено: поступаю!»

Вспоминаю сейчас то время — и смех, и горе...

Часов у нас тогда не было, а Володю будить надо рано. Открою глаза в темноте, выгляну в окно, не зажегся ли у кого огонек? Да, кажется, уже пора... Подхватится он и бежит... А в техникуме — сторож. «Ты чего прилетел ни свет ни заря? Ну ладно, располагайся вон там на столе, да поспи еще».

Но самая большая беда с одежкой была. Фуфайка да плохонькие штаны — и все... Так он подхватится пораньше, ботинки начистит, брюки нагладит, да пониже штанины опускает, чтобы сбитые каблуки не так видно было... Все мечтал: «Вот если бы вы, мама, купили мне такой свитер, как у одного нашего студента! Знаете, вязаный, серый, теплый, воротник под самое горло...»

Получил он первую стипендию, добавили мы к ней еще немного, пошли на толкучку — в магазинах тогда добра этого не было — и купили часы-ходики и свитер — такой, как хотел. Много было радости. Все четыре зимы бегал в нем в техникум, еще и на завод потом надевал...

СТРАНИЦА ТРЕТЬЯ

С комсоргом цеха Николаем Винниченко мы поднялись на переходной мост, соединяющий Кировскую сторону с центром города, и перед глазами открылась широкая и величественная, такая знакомая мне с юных лет панорама завода.

Макеевский металлургический завод...

На много километров с юга на север протянулись высокие корпуса, похожие на многотрубные корабли, в топках которых никогда не гаснет огонь. И когда, салютуя людям густым звездо-

падом, в ковши хлынет плавка, багряное зарево освещает полнеба.

Я люблю это торжественное, всегда по-новому волнующее событие — выпуск плавки. И всегда любуюсь людьми, которым досталась эта нелегкая, но завидная доля — всю жизнь стоять лицом к огню...

Нет, это не так легко и просто — иметь дело с многотонными кирпичными котлами, наполненными бурлящим железным кипятком. Тут нужны люди, сильные духом, крепкой, как сама сталь, закалки.

Впервые я пришел сюда в тридцать девятом, прямо из техникума. Быстро летит время! Кажется, это было так недавно — с часами в руках ходил я вокруг дышащей огнем печи — то спускался в разливочную канаву, то снова поднимался на рабочую площадку мартена и, фиксируя каждую операцию, заполнял паспорт первой в своей жизни плавки.

И вот уже около печей хозяйничают люди, которые в том году родились. Нет, мое поколение еще не ушло на отдых, оно еще в расцвете сил, оно еще много выплавит стали, но смена уже пришла...

В завкоме комсомола я познакомился с одним из тех, кто родился в тридцать девятом — со сталеваром Виктором Никитенко. Смотрел на своего тезку, говорил с ним и... никак не мог представить его около печи в роли всесильного повелителя огня. Слишком уж молодым и хрупким казался мне этот русый сероглазый паренек, с нежным, чуть подрумяненным пламенем мартена лицом и маленькими руками. И все-таки это был тот самый Никитенко, вместе с которым Владимир Холявко на двухсоттонной печи дал за год пятьсот пятьдесят тысяч тонн стали. Такого мировая металлургия еще не знала, и накануне нашего знакомства на завод пришла весть о том, что Владимир Холявко получил звание Героя Социалистического Труда, а Виктор Никитенко награжден орденом Ленина.

Спрашиваю у Виктора, знал ли он Володю Грибиниченко.

А как же, отвечает, знал хорошо. И ровесники и однокашники.

И когда заводской гудок сводил их около проходной, они обменивались приветствиями:

— Ну как, Витя, сегодня снова скоростную дашь?

— А посуда в срок будет? Сваришь, а разливать не во что.

Виктор поднимался по ступенькам вверх, к печной площадке, Владимир шагал в разливочный.

Это большое и сложное хозяйство — разливочный пролет мартеновского цеха.

Налево, на возвышении, длинная шеренга печей. Сталевары досыта «накормили» их ломом, «напоили» расплавленным чугуном, и они, гудя от напряжения, старательно переваривают «пищу». В чугунные чаши медленно стекают тоненькие струйки шлака.

Справа — цепочка приземистых железнодорожных платформ, на которых черными прямоугольниками выстроились высокие изложницы. Над ними гигантской грушей навис ковш — ослепительным солнечным светом залит цеховой пролет, — сталь идет по изложницам.

Полыхают печи, заливисто звенят краны, четкой дробью перекликаются пневматические молотки, выгрызая из пустых ковшей шлаковые наросты. Человеческого голоса здесь не слышно, люди переговариваются выразительным, только им самим понятным языком жестов.

Человек, который пришел сюда впервые, может подумать, что он попал в царство хаоса. В действительности же каждое движение и механизма и человека здесь подчинено четкому производственному ритму, от которого зависит половина успеха сталевара.

...Вот плавка готова. Она прошла по графику, очередная проба, сданная на анализ в экспресс-лабораторию, показала, что металл полностью отвечает заказу, и на подмостках мартена царит веселое настроение. Но когда подошла минута плавку выпускать, оказалось, что ковш еще не подан. И бегает сталевар вокруг печи, нервничает, поглядывая то на часы, то вниз, в разливочный пролет. Приподнятого настроения как не бывало. Еще бы! Передержать плавку в печи — это, во-первых, выдать брак, а во-вторых, сорвать график работы агрегата.

Но подать своевременно ковш под плавку — это только полдела, вернее, только начало дела. Плавку еще нужно расфасовать по изложницам, и тут наступает время демонстрировать виртуозную технику машинистам кранов, разливщикам, их подручным. Одно неточное движение многотонного крана, одно неточное движение разливщика или подручного — и металл пошел мимо сифона, разливаясь огненным половодьем по цеху.

А когда плавка разлита и длинная цепочка горячих чугунных сотов поползла из цеха — немедленно готовь все хозяйство под новую. Очищай ковш от шлака, заменяй стопоры и «стаканы». И делай это опять-таки с максимальным усердием и вниманием. Малейшая небрежность, особенно со стороны старшего ковшевого или установщика стопора, обязательно обернется дефектным слитком, браком на прокатных станах. А еще надо проследить, чтобы путейцы не задерживали подачу шлаковых чаш. Бывает и так: начальник смены и мастер производства неудачно составят график выпуска стали, и она выдается одновременно из двух печей.

Все должен предусмотреть мастер разливки.

...Такие дни, как тот, когда Володя впервые с дипломом техника-сталевара в кармане шел в цех, запоминаются на всю жизнь.

В отделе кадров заводоуправления предложили:

— В новый мартеновский на разливку согласен?

Минутку подумал:

— Сначала пойду посмотрю, потолкаюсь среди людей...

У самого цеха его обогнала, по-разбойничьи свистнув, чумазая «кукушка», тащившая в разливочный пролет вереницу платформ с изложницами, — это было похоже на огромную обойму, еще не набитую патронами.

И вдруг подумалось об отце...

Когда-то вот так же, как и этот незнакомый машинист, что улыбнулся из окна паровозной будки, отец подавал под разливку составы с изложницами, а потом отвозил их в соседний корпус, где слитки «раздевали».

И Володя, думая о своем, медленно, вслед за составом, вошел в литейный пролет. Вошел, да там и остался...

На следующий день у разливщика Егора Овчинникова появился

новый подручный — веселый и расторопный паренек с русой непокорной шевелюрой и голубыми, как небо, глазами. «На поэта Есенина похож», — говорили заводские девчата...

Диплом техника давал ему право на место мастера. Но, кроме диплома, нужны навыки, опыт. А их, по сути, у него еще не было. И Володя прекрасно это понимал.

Значит, решил он про себя, для начала — в подручные, овладевать искусством разливки с азов. Так надежней. Ложку, когда берется проба из ковша, тоже надо уметь держать в руках, чтобы потом и сам сумел научить новичка, когда придет в бригаду, ибо дело, казалось бы, и простое, а беды наделать можно.

Понравился Егору Ильичу подручный — скромный, серьезный, смышленый. Если чего-нибудь не понимает — обязательно подойдет спросит и не отстанет, пока ему все до точки не растолкуешь.

Со временем, когда Володя уже сам стал разливщиком и, вызвав Егора Ильича на соревнование, победил его, а на груди юноши появился значок отличника социалистического соревнования, Овчинников с притворной серьезностью погрозил ему пальцем:

— Знал бы — молчал бы! А то вишь какой — залез в душу, выведал все «секреты фирмы», а вот — благодарность...

А через некоторое время — Володя уже подменял мастера — Егор Ильич принес ему в цех аккуратно сложенный лист бумаги — рекомендацию в партию...

Гагарин...

В тот день, когда радио разнесло самую первую весть о космическом полете, Володя работал в утренней смене. Что тут было! Люди обнимались, поздравляли друг друга — в космосе наш, советский, самый первый из всех землян!

И только Володя молчал. И это было удивительно. Молчал человек, который так бурно реагировал на любое событие, так горячо восхищался всем, что было в жизни красивого и героического...

Молча пришел домой. Взглянула мать и даже отодвинулась от него удивленно: ну прямо на себя непохож...

Вспомнились первые дни работы сына на заводе. Вышла она както вечером за калитку, смотрит: идет Володька улицей, такой важный. Неужели, думает мать, выпил, не дай бог? С ним такого раньше никогда не случалось.

А он подошел и — весь такой радостный-радостный! — протягивает ей сверток.

— Это вам, Варвара Александровна, от рабочего класса. На платье.

Потом достал из кармана деньги.

— А это на харчи.

Взяла она деньги, а руки дрожат, к горлу клубок подкатился, слова сказать не может...

Никто не знал, что в тот апрельский день из Макеевки ушло письмо в учреждение, которое ведало делами космических полетов. Двадцатидвухлетний мастер мартена, спортсмен и книголюб, обращался с просьбой испытать его «на предмет использования в межпланетных полетах». Про себя писал кратко: «Работаю на металлургическом заводе, имею среднее техническое образование. Физически абсолютно здоров, с детства занимаюсь спортом».

Да, мать не ошиблась. В тот весенний день, двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года, сын действительно

пришел с работы не совсем таким, каким ушел утром из дома. Полет человека в космос заставил как-то иначе посмотреть и на окружающий мир, и на самого себя...

Ответа из Москвы не было, но Володя не унывал: он был не из тех, кто падает духом. Нет — значит, не подошла твоя очередь. Значит, продолжай разливать металл. А еще руководи комсомольской организацией смены, комсорг ты молодой, тебя только что избрали, вот и давай, как сказал поэт, «твори, выдумывай, пробуй».

А еще крути на турнике «солнце» и поднимай штангу.

А еще не забывай, что ты председатель культкомиссии цеха, художник стенгазеты, агитатор, дружинник...

А еще надо готовиться в институт...

А еще на столе у тебя недочитанная книга.

Вот, кажется, и все...

Как все? А ты забыл, что тебя ждет танцевальный кружок, что сегодня последняя репетиция перед концертом в подшефном колхозе?

...Тоня Толданова, машинист электрокрана, рассказывает:

— Впервые я увидела Володю, когда он, скромный и застенчивый паренек, пришел к нам в коллектив художественной самодеятельности. Ваня Шилов — это наш баянист — спросил:

— Что, парень, умеешь?

Володя улыбнулся, сказал:

— Танцевать...

И вот плавно льются звуки баяна. Ваня играет «Ритмический вальс». Все смотрят, как Володя легко и красиво «отчеркивает» каждый такт. Было в каждом его движении и жесте что-то такое, чем люди невольно восхищались, — обостренное чувство музыки, что ли...

Прошел год. Володя подобрал себе партнеров, разучивал вместе с ними новые танцы.

Помню такой случай. Идем мы вдвоем с работы. Ночь, темно. Вдруг Володя останавливается:

— Стой! Вспомнил!

Я сначала даже растерялась, думала, что он забыл что-нибудь по смене передать, а когда увидела, что он старательно «отрабатывает» движения какого-то танца, рассмеялась.

А он:

— Это я чтобы не забыть. А завтра хлопцам покажу...

Позднее Тоня напишет: «Он любил жизнь. И жил не только для себя. Он жил для людей, для общества и в этом находил свое личное счастье».

Дойдя с Николаем Винниченко до конца пешеходного моста, я снова окидываю взглядом широкую и величественную панораму родного завода, всю в голубых, синих, розовых дымках и слепящих заревах.

И, словно угадав, о чем я думаю, Николай нарушает молчание:

— Шли мы со второй смены поздно вечером домой. За нашими спинами — по небу сполохи плавок. Вдруг Володя спросил: «Ты любишь стихи?»

И прочитал:

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?..

Дальше, как известно, в стихах говорится о том, что лирический герой взял бы с собой и любовь, и расстояния, и друга верного, и врага, «чтоб в минуту скверную по-земному с ним враждовать». Словом, взял бы все земное...

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня...

Володе это стихотворение нравилось потому, что у него была такая же натура, как и у героя стихотворения, — закончил Николай. — Он любил жизнь и стремился, чтоб каждая минута была заполнена до отказа...

СТРАНИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

Солдат демобилизовался.

Солдат возвратился в цех, из которого три года назад пошел на военную службу.

Но немало уплыло за это время воды в реках и стали из мартена, и, куда ни глянет солдат, кругом новые люди.

Начальник разливки сказал:

— Пойдешь вторым подручным в бригаду Грибиниченко. Знаешь такого?

— Нет.

— Иди знакомься.

И вот они стоят друг против друга — демобилизованный солдат и бригадир разливки. Улыбаясь, словно старому знакомому, бригадир протягивает руку:

— Владимир Грибиниченко.

— Николай Свиргунец...

На следующий день Николай вышел на работу.

В обеденный перерыв пошли в столовую.

— Что будем есть? — спросил бригадир. — Котлеты, колбасу, рыбу?

Но Николай только отрицательно покачал головой:

— Не могу... Приказали врачи хотя бы с полгода не употреблять ни жирного, ни соленого, ни кислого...

— Так что же тогда тебе можно?

— Вот если бы молоко было...

Владимир отправился к заведующему столовой. Молоко в то время привозили в цех только как спецпитание для людей,

занятых на вредных работах, и достать лишнюю бутылку не всегда было можно. Но Владимир вернулся от заведующего довольный:

— Договорился, чтобы для тебя ежедневно оставляли...

Через несколько дней у Николая был день рождения. Полез он накануне в карман, а там всего гривенник. Небольшие солдатские сбережения кончились, перевод от родителей не приходил, а получку еще не получал. Вздохнул Николай, купил пачку махорочных — самых дешевых — сигарет, булочку и пошел в ночную смену...

И был необычайно удивлен и тронут, когда в нарядной Владимир — и откуда он узнал? — подошел к нему и крепко пожал руку:

— Поздравляю, именинник. Ну, давай уши...

Николай достал махорочные, закурил. Владимир взял у него пачку, покрутил в руках:

— Цена четыре копейки. Да... Что же ты, всегда эти дешевые куришь?

Николай смутился:

— Да, знаешь... привык я к ним в армии.

Владимир пристально посмотрел ему в глаза.

— Не темни, друг. Говори откровенно: нет денег?

Подручный кивнул головой:

— Нет...

— Тогда вот что, — Владимир полез в карман, — возьми вот это и купи что-нибудь поесть и приличных папирос. А после смены что-нибудь придумаем.

После рабочего дня он пошел в цеховой комитет, взял в долг денег и принес Николаю.

Шло время. Как-то Николая вызвал начальник разливки:

— Приходил ко мне Грибиниченко. Сказал, что работаешь ты честно, старательно, и просил повысить тебе разряд. А заодно поставить первым подручным. Так что поздравляю, солдат, с повышением по службе...

...Опираясь на твердые крюки крана, многотонный ковш, наполненный вровень с краями железным варевом, сначала пополз вверх, под свод цеха, потом неторопливо поплыл к разливочной площадке. И пока он добирался сюда, первый подручный, привычным движением опуская электрическую лампочку на длинном шнуре то в одну, то в другую изложницу, еще раз проверил, достаточно ли они чистые, хорошо ли смазаны. Следя за каждым жестом разливщика, машинист крана навел отверстие ковша на центральный сифон. Владимир сильно, но осторожно нажал на ручку стопора, и в центровик сначала тоненькой струйкой, а потом на полный ход полилась сталь, заполняя одновременно восемь чугунных посудин.

Разлили первый круг, время брать пробу. В ковш после выпуска плавки из печи бросают раскислители, чтобы металл получился точно такой марки, какая заказана. И нужно проверять, однородный ли он в ковше. Владимир снова немножечко поднял стопор, а подручный ухватил черпак за длинную ручку и ловко подставил его под тоненькую струйку стали.

Второй круг разливал уже Николай. Сжав рукоятку стопора, он не спускал глаз с искрящейся металлической струи, которая звонко текла в центровик. А бригадир стоял рядом и поучительным тоном,

растягивая слова и повторяя некоторые из них, как это делал преподаватель спецкурса в техникуме, говорил:

— А разливать металл, товарищ Свиргунец, надо так, чтобы не было заворотов и подкипов. Завороты и подкипы, это надо хорошо помнить, отрицательно сказываются на качестве слитков. Понимаете? На качестве слитков. Если слиток подкипает, нужно уменьшить струю до образования коврика, а при появлении заворотов нужно лучше прожечь кислородом «стакан»...

Это Володя умел — с озорным блеском в глазах говорить серьезные вещи...

Как-то на комсомольском собрании смены зашла речь об учебе молодежи. Поводом послужил серьезный сигнал — кое-кто из молодых рабочих бросил и вечернюю школу. Свой поступок они объясняли просто: «А зачем мне учиться? Вот работаю простым подручным, а получаю не меньше, чем некоторые инженеры и техники». Кстати, такого же мнения был и Николай, у которого за плечами было всего семь классов.

И вот, когда уже шли домой, Володя, словно продолжая начатый на собрании разговор, сказал с нескрываемой иронией:

— Да-а, хорошо было в недалеком прошлом сталевару — не надо было засорять голову разными науками. Приходил на работу, брал в руки железный костыль, приподнимал крышку окна, заглядывал в печь — вот и вся была механизация. А теперь понавыдумали разных приборов да автоматов — спасения нет... Так что хочешь не хочешь, а учиться надо: со свидетельством об окончании семилетки скоро в мартене делать будет нечего. Такие-то дела, и ты, брат, над этим кре-епко подумай...

...Вечерняя школа-десятилетка стоит среди молодого сквера. Весною в сквере цветет акация, поют соловьи, и тогда двадцати-тридцатилетним школьникам приходится туго... А сейчас осень, моросит дождик, притихшие клены равнодушно сбрасывают с себя желтые лапчатые листья.

Николай вышел из школы последним. Шел медленно, как ходят очень усталые люди. Он действительно устал. Что ни говорите, отработал смену в стоголосой суматохе литейного пролета, а потом сидел за тесной ученической партой... Прийти бы сейчас домой, и растянуться на кровати во всю длину, и уснуть до самого утра...

Но спать он не имеет права. Ему, ученику восьмого класса вечерней школы, еще надо сделать уроки. Завтра не будет времени. Завтра генеральная репетиция перед выступлением на избирательном участке. Танцевальный коллектив подготовил новую программу, а он — Николай Свиргунец — конферансье.

«А все этот Володька, — улыбается про себя Николай. — И сам не имеет покоя, и другим не дает».

К участию в художественной самодеятельности Володя приохочивал его давно, но Николай всячески отнекивался:

— Ни петь, ни танцевать не умею, никакими талантами бог не наградил, и вообще отстань ты от меня с этим делом, мне и так хоть разорвись... И работа, и учеба.

А как-то пришел Николай в заводской клуб на самодеятельный концерт. Устроился поудобней, приготовился смотреть и слушать. Вдруг подбегает Володя:

— Слушай, горим! Заболел наш конферансье, вести концерт некому. Будь другом, выручи...

Пораженный Николай широко открыл глаза:

— Я?..
— Ты.
— Сдурел?

Володя, смеясь, потащил его:

— Не бойся, это совсем просто. Вот, скажем, дошла очередь до меня. Ты выходишь на сцену и произносишь: «Выступает известный макеевский факир...» — и дальше в том же роде... Но шутки шутками, а концерт срывается. Кроме тебя, некому...

И пошел Николай в артисты.

«А все этот неугомонный Володька!» — снова усмехается про себя Николай и думает о том, как же все-таки хорошо жить на свете, когда рядом с тобой настоящий друг...

СТРАНИЦА ПЯТАЯ

Одесса плавилась под солнцем.

Каждый день в одно и то же время на берегу появлялся худощавый, средних лет человек с аквалангом за спиной и подводным ружьем в руках. Когда Володе через некоторое время назвали его имя, он ахнул: это был известный всему миру физик.

Докурив папиросу, ученый надевал маску и шел под воду, на охоту. И хотя не было случая, чтобы он вышел на берег с рыбой, Володя ему завидовал. Вот это вещь — акваланг! Нет, он обязательно приобретет его! До чего же, можно представить себе, это интересно — путешествие в подводное царство!

Не раз порывался попросить у подводного охотника акваланг хоть на несколько минут, да так и не отважился. Вот и сейчас физик вышел из воды, снял маску, вкусно закурил, над тихой водой поплыли синие колечки дыма.

Володя дотянулся до альбома и коробки с красками. На белом листе появился первый рисунок: человек с аквалангом за спиной идет в море. Потом второй: человек в окружении удивительного подводного мира. Заинтересованный невиданным существом, кружит около него косяк серебристых рыб. У самого лица проплывает черепаха. Из каменной пещеры, замаскировавшись зелеными водорослями, хищно выглядывает осьминог. А это кто выплывает из глубины? А-а, сама морская царевна. Девушка с длинной косой и белыми, как лебединые крылья, руками...

И третий рисунок: морская царевна, уже с аквалангом за спиной, выходит из воды. Коса у нее уложена как у Лили, цвет волос как у Лили и глаза как у Лили — в них голубеет морская глубина...

Вечером он писал:

«...Ты знаешь, Лиль, я начинаю завидовать бездельникам. Удивлена? Это открытие я сделал вчера вечером, когда бродил по городу. Представляешь, после нашей заводской бучи никаких забот, ходи себе преспокойненько, разглядывай афиши и рекламы, залитые огнями. И сколько хочешь раздумывай над жизнью. А как это, наверное, стоит иногда делать! О чем только не передумал! Сделал тысячу всяких открытий. Но свои открытия я БРИЗу не доверю. Только тебе...

...Нет, серьезно. В чем состоит жизнь? Учишься, работаешь. Со смены на ходу перекусишь — и в клуб на репетицию. Завтра — тренировка по штанге. Послезавтра — собрание... И так день за днем. А время идет. Не заметил, как и до «четвертной» подобрался. И кому все это нужно? Как ты думаешь?

Мне. Вот мое первое открытие. Да, да, Лиль, мне...»

На минутку представил: вдруг все отпало. Сегодня после смены ему не бежать стремглав на репетицию, завтра не нужно идти в спортзал, послезавтра — на собрание... И так день за днем. Чем бы жил?

«Каждый человек, если он действительно живет и работает честно, в какой-то мере первопроходчик в новое, свое. Вся его работа, результаты его труда — это, согласись, кирпичик будущего. А будущее — это люди. Ведь вот кто-то когда-то первым ударил камнем о камень, высек такое чудо — огонь. Невозможно представить себе нашу жизнь без огня...»

Утром по радио передавали: Виктор Никитенко сварил скоростную плавку. Молодец! Вот он и сейчас, наверное, колдует около печи — то поддает газу, то совсем перекрывает его, то подбрасывает раскислителей...

На первой печи готовятся применить новинку — продувать ванну кислородом. Это большое дело, продолжительность плавок значительно сократится. Следовательно, есть над чем задуматься и разливщикам. Нужны ковши большей емкости, нужно немедленно отремонтировать пятый кран — он уже не всегда охотно поддается управлению, и работать на нем трудно. А такие операции, как очистку шлаковых чаш, замену стопоров, набивку «стаканов» тоже следует значительно ускорить, иначе подведем сталеваров.

Взгляд упал на рисунок, сделанный днем: из воды выходит морская царевна. А коса у нее уложена короной, как у Лили, цвет волос как у Лили, глаза как у Лили. Она шутливо грозит ему пальцем и шепчет тоже голосом Лили: оставь ты хоть здесь свои производственные дела, не думай о них. Что тебе, больше всех нужно? Ты не директор завода, не начальник цеха, ты всего лишь разливщик.

«Нет, ты, Лилечка, не возражай. Это очень серьезно. Человек оставляет, обязательно оставляет свой след на земле...

Представь себе, пуля убила молодого солдата. Одного. Однако в итоге она убила и его будущих детей. И детей этих детей. Одна маленькая пуля — девять граммов свинца! — сделала целую просеку в человечестве.

Мне хочется жить так, чтобы не голая просека прошла за мной, а живой человеческий след, по которому бы шли люди...

И еще открытие. Бездельники, лодыри — это пули, которые делают пустые просеки...»

СТРАНИЦА ШЕСТАЯ

«...Комсомольского активиста часто сравнивают с полным сосудом, откуда каждый может черпать знания, опыт, задор, человечность. Словом, все мое — людям. Но ведь важно, чтобы сосуд оставался полным, наполнялся с такой же быстротой, с какой

отдаешь. Я чувствую, что не успеваю этого делать. И я боюсь: а не настанет ли такой момент, когда в сосуде покажется дно? Когда мне уже не с чем будет идти к людям. Нельзя учить других, не учась самому. Не овладевая теми сокровищами мировой культуры, без знания которых, как говорил Владимир Ильич Ленин, нельзя стать настоящим коммунистом.

Как успеть и работать и овладевать этими сокровищами? Зашел я как-то в завком комсомола и услышал, как Толя Анушкевич спорит с кем-то, и мелькают в споре имена: Твардовский, Леонов, Василий Федоров, Олесь Гончар... И я подумал: доведись мне попасть на такой спор — что бы я делал? Скорее всего смолчал бы. И так стало неловко, словно был в чем-то перед ребятами виноват...»

«...Вчера был на семинаре в горкоме комсомола, и никогда не забуду, наверное, той боли и стыда, которые испытал, услышав в коридоре этакий «разнос на басах». Больно и стыдно было и за себя, что приходится слушать, и за того, на кого кричали, и больше всего за того, кто кричал. Ведь перед ним был человек, товарищ. Если мы хотим, чтобы нас уважали, мы должны уважать других. Вежливость никогда не противоречила принципиальности и требовательности, зато за грубостью всегда идет самовлюбленность, хамское отношение к людям, их нуждам и заботам».

«Будущее, — сегодня вычитал я у Владимира Маяковского, — примет всех, у кого найдется хотя бы одна черта, роднящая с коллективом коммуны, — радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью».

«...Куча комсомольских билетов. Взмыленный от усердия секретарь комитета. Измученная ожиданием очередь. Секретарь, торопливо заглядывая в билет:

— Поздравляю, Галя!

Пожимает руку и — следующему:

— Поздравляю, Коля!

— А я не Коля, я Иван...

Неудобно секретарю, неудобно Коле-Ивану, у которого теперь есть билет, но после такого «приема» нет никакого желания появляться когда-нибудь в райкоме. Правда, бывает, что он снова приходит — после утери билета. Члены бюро сурово выговаривают: комсомольский билет надо беречь, это же святыня. Коля-Иван сокрушенно вздыхает, а сам думает: «Святыня? Да разве же святыню так вручают!..»

Нет, я вручал бы комсомольские билеты иначе — в торжественной обстановке, у памятника борцам за Советскую власть. Чтоб тут и проникновенная напутственная речь старого коммуниста, и знамена, и оркестр, и революционные марши, и все то, что так возвышает и окрыляет душу...»

«...Принесли «Комсомольскую правду». В ней опубликованы ответы читателей на анкету: «Что вы думаете о своем поколении?» Особенно понравилось мне письмо Николая Артамонова, бетонщика из Сталинграда:

«Революция продолжается. В труде, в быту, везде идет великая ломка характеров, когда в людях — в миллионных массах — отметается все ложное, старое и утверждается прекрасное.

Каждому времени соответствуют свои герои. Нашему — тоже. Они есть. Они рядом. Наш труд будничен. Он может показаться даже незначительным — ведь то, что мы делаем, так просто, так

понятно. Но от этого он не становится менее величественным и ценным. И нам всем надо понимать это уже сейчас. Ибо нельзя сделать великое, не сознавая его величия. Как часто мне хочется крикнуть: «Люди! Домна, построенная вами, — подвиг! Земля, вспаханная вами, — подвиг! Дом, воздвигнутый вами, — подвиг!»

...В детстве я хотел быть художником, в юности — поэтом, теперь — просто полезным своей Родине. Моя жизнь, вся как есть, до последней секунды отмеренного мне срока, отдана ей, людям...

Мне бывает трудно, особенно когда видишь людей, строящих счастье на кошельке. Порой думаю: почему я, не меньше других желающий пользоваться благами жизни, иду простым рабочим? И отвечаю себе: потому что я измеряю свою жизнь не мелкими удовольствиями, а радостью от принесенной мною пользы. Родине нужны бетонщики — иду бетонщиком, нужны землекопы — иду землекопом. И я делаю это не для рекламы, не для того, чтобы говорили: смотрите, какой хороший! Нет, просто я не могу иначе. Только так живу, надеюсь, радуюсь. Только так умею находить счастье...»

Удивительное дело: читаю это письмо, а у самого такое чувство, словно это я сам его написал...»

Это строчки из его дневников.

* * *

Была весна, был первый день мая. Был праздник в природе и праздник в сердцах людей...

Утром сошлись на площади возле главной конторы, выстроились в колонны и с флагами и транспарантами двинулись в центр города.

Текла под ноги широкая лента асфальта. Слева, за высокой стеной, перекликались металлическими голосами заводские корпуса — работяга-завод и в праздничный день не знал отдыха. Справа, за изгородями старой колонии, салютовали людям первой зеленью и первым весенним цветом деревья. Светило солнце, звенел смех, играла музыка... Из-под горячих пальцев баяниста вырвалась мелодия танца, и кто-то, обхватив Володю за плечи, вытолкнул на середину живого человеческого круга. Он нырнул было в свою шеренгу, но в него уже вцепились четыре девичьи руки и снова вытянули на середину круга. Одна из девчат тут же растаяла в толпе, а другая задорно взмахнула перед его лицом платочком:

Ой, дождик идет,
Лавочку намочит,
Пришел милый, да не мой —
Голову морочит...

И Володя легко пошел по кругу.

...Через мост, который, пересекая улицу, соединяет завод со шлаковой горой, проползла цепочка чугунных чаш, белых от жара. Заняв «исходную позицию», состав остановился, и из передней чаши, словно магма из кратера вулкана, хлынули под откос белые огненные потоки. Если бы была ночь, алое зарево над шлаковой горой видел бы весь Донбасс, от меловых круч Донца до приазовских степей.

А колонна прошла под мостом, поднялась на Московскую улицу,

повернула на проспект Ленина, где перед высоким обелиском героям войны стояла кумачовая трибуна. И это было так хорошо — плечом к плечу со своими товарищами пройти мимо праздничной трибуны, чувствуя себя живой и неотъемлемой частью всемирной армии трудящихся.

Я внимательно всматриваюсь в тот весенний день, уже далеко отодвинутый от нас непрерывным бегом времени, и вдруг вижу Володю таким, каким выхватил его из бурного первомайского водоворота объектив любительского фотоаппарата.

С непокрытой головой, засунув руки в карманы пиджака, стоит он у тротуара, а взгляд его больших, немножко прищуренных глаз где-то далеко-далеко...

О чем он думал в то утро, за пять дней до гибели?

А потом еще был майский вечер...

В палисадниках густым цветом клубилась черемуха, в белом ее прибое, взявшись за руки, они медленно шли по вечерней улице.

...На травы, на спящие уличные клены упали холодные предрассветные росы, и он нежно подхватил ее на руки и легко, словно невесомую, понес к дому. У калитки так же легко поставил на землю. Лиля улыбнулась, взяла его за руку:

— Когда же мы увидимся? Хочу видеть тебя каждую минуту — и сегодня, и завтра, и всю жизнь...

Двое стояли под ночным небом.

Двое молчали...

СТРАНИЦА СЕДЬМАЯ

Войдя в раздевалку, Михаил Глуховаря, машинист завалочного крана, удивился: до начала работы не оставалось и получаса, а Володя еще был тут, в душевой. Низко наклонившись, он медленно зашнуровывал ботинки.

Михаил подошел ближе, запустил пальцы в его буйную шевелюру!

— Опаздываешь, товарищ мастер! Начальство должно быть на месте первым.

Володя поднял голову, как-то виновато улыбнулся, потом быстро поднялся и, на ходу застегивая спецовку, выбежал.

В нарядной уже была вся смена. В конце небольшого помещения, в углу, ожесточенно стуча костяшками, «забивали козла» доминошники. В другом углу, слева от входа, за своим столиком сидели мастера первого и второго блока печей Вениамин Лавров и Михаил Бабенко. График-задание на смену мастера — так повелось издавна — зачитывали по очереди. Сегодня была очередь мастера третьего блока Владимира Грибиниченко. И потому, как только он занял свое место за столиком, послышалось шутливо-знакомое:

— Запевай, Володя!

Володя достал из кармана блокнот.

Одиннадцать печей в новом мартене, и одиннадцать граф в блокноте у мастера...

Но вот уже разливщики и последней, одиннадцатой, прячут в карман листки, на которых записали свою программу действий на смену.

— Все ясно?

— Все!

— Вопросов нет?

— Нет!

— Тогда все по местам...

Дымя папиросами, разливщики и их подручные заспешили из нарядной.

Вспоминая, как развертывались события той роковой ночи, с пятого на шестое мая, Михаил Бабенко пишет:

«На какие-то две-три минуты мы остались в нарядной втроем: Володя, Вениамин и я. Обменялись замечаниями относительно положения в разливочном пролете, конкретно договорились, кому с чего начинать, и вышли из нарядной.

Первым нас оставил Лавров, поскольку наши рабочие площадки расположены вдоль цеха и первой от нарядной была площадка Вениамина. Володя подтолкнул его локтем:

— Ну, как говорит моя соседка-старушка, с богом, Параска. Желаю вам закончить смену так, чтобы удостоиться лаврового венка, товарищ Лавров!

Подошли к моей рабочей площадке.

— Ну, пока, батя!

Володя в шутку часто называл меня «батей», это была «месть» за мое «сынок».

Улыбнулся и пошел дальше, немножко вразвалку, но очень легко.

И разве, глядя ему вслед, мог я подумать в ту минуту, что вижу его в последний раз, что Володя «запевал» сегодня на наряде тоже в последний раз...

...Я не успел еще обойти свой участок, когда до меня докатилась страшная весть. Я бросился к месту катастрофы, но было уже поздно...»

* * *

...По крутой лестнице Володя поднялся на разливочную площадку, что узкой лентой тянется вдоль цеха. Около девятой печи шла разливка. Здесь уже заполнили сталью изложницы первого круга, и, перейдя на второй, разливщик с подручным готовились, как всегда в таких случаях, брать пробу. Все как будто было в порядке, все шло как следует. Мастер пошел дальше...

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как неожиданно за его спиной, над разливочным пролетом вспыхнуло ослепительное зарево. Володя оглянулся. На месте, где только что, отбирая пробу, стояли разливщики, в густом клубе дыма и огня лежал человек... Лежал человек, а по нему бил раскаленный густой металлический град...

Оттолкнув к стенке, в безопасное место, контролера ОТК, шедшую сзади, Володя кинулся в огонь...

По голове, по спине, по рукам ударили тяжелые капли раскаленного металла, едким дымом перехватило горло. Нечем дышать, ничего не видно... Володя одной рукой плотней прикрывает лицо, другую протягивает вперед. Где ты, друг?.. Только бы скорее вытащить, откатить, вырвать живым из огня!..

Факелом вспыхивает на Володе легкая хлопчатобумажная спецовка.

Наконец он нащупывает рукой лежащего человека, который словно прикипел к рифленой железной площадке. Он хватает его за пылающую одежду и изо всех сил тянет на себя. Еще немного, вон туда, до стенки, до окна, там уже не достанут раскаленные градины, там — спасение...

...Он уже не чувствует боли — просто неимоверно тяжелым и расслабленным стало собственное тело. И, собрав последние силы, он подтягивает разливщика к спасительному окну.

Сколько прошло времени?

Может, минута. Может, и того меньше...

Пришел в себя машинист крана, растерявшийся на какое-то мгновение. Отвел в сторону ковш. Кто-то дотянулся до рукоятки стопора и прикрыл сталевыпускной стакан.

И тогда все бросились к месту, где случилось несчастье, и увидели: на площадке, усеянной угасающими стальными градинами, лежит Володя Грибиниченко...

Позднее заводские специалисты восстановят все подробности случившегося. И станет ясным: пытаясь оторвать затвор стопора от прикипевшего к нему стакана, разливщик поднял затвор выше, чем следовало. Подручный не смог удержать ложку, она перевернулась вверх дном, и металл пошел во все стороны... Подручный, насмерть перепуганный, спрятался за колонной. Он не видел ни того, как загорелась на разливщике одежда и тот упал, накрытый огненной шрапнелью, ни того, как Володя Грибиниченко бросился к пострадавшему на помощь...

«Когда мы сгоряча, — продолжает Михаил Сидорович, — попробовали взять Володю на руки, чтобы отнести в медпункт, оказалось, что этого нельзя сделать без носилок: все тело его было сплошной ожог. Ремешок от часов обуглился, стекло растрескалось и выпало, стрелки замерли на двадцати трех часах двадцати минутах... Кто-то в суматохе сказал: «А что делать с часами?» Володя открыл глаза и спокойно ответил: «На лешего они нужны?» — и этими словами вывел нас из оцепенения...»

В медпункте сестра предложила ему выпить спирту (при тяже-

Горячо поздравляю «Молодую гвардию», всех ее читателей с полувековым юбилеем. Мы гордимся, что несгибаемый дух революционной романтики живет на страницах вашего журнала и вдохновляет молодежь на героические свершения в коммунистическом строительстве.

Исмаил ШИХЛЫ

г. Баку

лых травмах или ожогах это всегда рекомендуется). Володя пошевелил запекшимися губами и сконфуженно ответил: «Валя, ты же знаешь, что я не пью...»

А потом была ночь — долгая, как вечность. И для Володи, и для его друзей...

Всю ночь в больнице звонили телефоны — друзья и даже те, кто до той поры его вовсе не знал, справлялись, как он себя чувствует. Не нужна ли какая помощь? Врачи сказали: обожжено девяносто восемь процентов поверхности тела... Надежд на то, что выживет, мало.

...А он лежал в это время на берегу моря, под нестерпимо палящим одесским солнцем. Лежал и смотрел, как выплывает из воды морская царевна. Коса у нее уложена короной, как у Лили, и цвет волос, как у Лили, и глаза, как у Лили. Вот сейчас он всыплет морской царевне! Как условились? Пока не сдашь экзамены, за калитку не выйдешь... Нет, Лилечка, не возражай, это очень серьезно — экзамены. На аттестат зрелости. Или уже в институт? Подожди, а в какой институт ты решила пойти? Ага, вспомнил, в медицинский... Нечем дышать. Нет силы пошевелиться... Пить, как страшно хочется пить!..

А Лиля уже склонилась над ним, осторожно приподнимает его голову:

— Вот водичка. Попей, Володя.

— Спасибо, Лиля...

— Меня зовут Верой, — склонилась над ним медсестра.

Он припадает горящими губами к холодному стеклу и пьет, пьет, пьет...

А потом снова падает на горячий песок...

...Друзей по смене пустили в палату. Увидел своих — улыбается:

— Ребята, гантели мне принесли? Обязательно принесите, а то как же я буду тут без зарядки... И бритву тоже, а то зарасту, как Тарзан...

Привезли Варвару Александровну.

— Сынок мой, единственный мой...

Володя с трудом поднял руку, провел по седой, как крыло голубя, голове матери:

— Не плачьте, мама... Слышите, не плачьте... Не пройдет и месяца — снова танцевать буду! Вот только жалко — до концерта, наверно, не успею выписаться.

Он такой у нее, он такой... И сам не печалился никогда, и ей не давал...

Сидели как-то вечерней порой во дворе, смотрели на свою убогую халупу и советовались, что с ней делать. Поставленная еще «при царе Горохе», она уже совсем никудышная стала. Вот мать и говорит:

— Ничего мы с ней не сделаем, сынок, проси на заводе квартиру, записывайся на очередь.

Записался. И вот настал долгожданный день. Побежал сын на завод. Вернулся веселый, взволнованный.

— Что, дали, сынок?

— Нет, не дали, мама...

— А чего же тебе весело?

— Да, понимаете, мама... Отдал я свою очередь одному человеку из нашего цеха. У нас вот — хоть какая-нибудь хата есть,

а он с детьми в подвале мается. Мама, видели бы вы, как он был рад, как был счастлив!..

...Володя снова улыбнулся, прижал к груди ее седую голову:

— Не плачьте, мама... Я поднимусь... Обязательно поднимусь...

А уже шел последний его час...

Хоронили Володю девятого мая. В день, когда люди всей земли чтят светлую память тех, кто не пришел с войны, кто, спасая товарищей, закрывал своим телом амбразуры вражеских дотов, и падал в горящих самолетах на головы ненавистных пришельцев, и принимал нечеловеческие муки в гестаповских застенках — только бы в добре и славе жила родная земля, и голубела мирными рассветами, и поднимала бы к высокому солнцу своих окрыленных детей...

Высоким курганом легли на могилу цветы.

А вокруг в молчании еще долго стояли его друзья. Люди суровой профессии, они не плакали. Они молча склонили головы над курганом из красных роз, прощаясь с тем, кто в час своего самого главного в жизни испытания поступил так, как только и мог поступить сын той великой и самоотверженной когорты тружеников земли, имя которой — рабочий класс...

ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ КОМИТЕТА ЛКСМУ МАКЕЕВСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА ИМЕНИ КИРОВА

«Слушали: информацию секретаря комсомольской организации мартеновского цеха № 1 Николая Винниченко о героическом подвиге комсорга смены Владимира Грибиниченко.

Мастер разливочного пролета Владимир Грибиниченко в ночь с 5 на 6 мая, находясь на работе, совершил героический подвиг — в трудовых буднях повторил легендарный подвиг Александра Матросова. Спасая жизнь товарищей, он бросился под раскаленную струю металла и погиб.

Постановили: 1. Занести навечно в список комсомольской организации завода Грибиниченко Владимира Кирилловича.

2. Секретарю комсомольского бюро мартеновского цеха № 1 тов. Винниченко оставить на учете в цеховой организации члена ВЛКСМ Грибиниченко Владимира Кирилловича».

Перевел с украинского А. Доценко

НАВСТРЕЧУ
50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ ● МАЙ ● 1972

ТОВАРИЩ

В 1940 ГОДУ ТРУДЯЩИЕСЯ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, ЭСТОНИИ В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ВОССТАНОВИЛИ СОВЕТСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ; НА ОСНОВЕ СВОБОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ НАРОДОВ ЛАТВИЙСКАЯ, ЛИТОВСКАЯ И ЭСТОНСКАЯ СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ ВОШЛИ В СОЮЗ ССР.

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик».

21 июля 1972 года литовский народ отметит 32-летие с того дня, когда Литва стала Советской Социалистической Республикой и вошла в Союз ССР.

...Летом 1940 года антифашистское движение трудящихся, всех демократических сил Литвы под руководством Коммунистической партии пре-

РАВНАЯ

вратилось в огромную силу, сумевшую свергнуть ненавистный фашистский режим.

В Декларации о государственной власти в Литве, принятой 21 июля 1940 года народным сеймом Литовской республики, говорилось, что преступный и равнодушный к истинным интересам народа сметоновский режим завел страну в тупик в области и внутренней и внешней политики. Жизненные интересы трудящихся приносились в жертву корыстным интересам кучки богачей и эксплуататоров. Единственным уделом трудового люда города и деревни были безработица, неуверенность в завтрашнем дне, голод, нужда и национальное неравенство.

Многие годы литовский народ томился под гнетом реакционного режима. Сметоновская клика держала трудящихся в тисках бесправия и произвола: они были лишены элементарной свободы, не могли иметь своих политических, профессиональных и культурных организаций, каждое независимое слово, свободная мысль подавлялись немедленно и беспощадно.

Интересы литовского наро-

да требовали постоянного и теснейшего единения и дружбы с Советским Союзом, говорилось в Декларации. Однако Сметона и его приспешники проводили враждебную к СССР политику. Они ставили Литву в полуколониальную зависимость от отдельных капиталистических хищников, нанося тем самым огромный вред литовскому народу и подготовляя Литву как плацдарм для нападения на СССР.

СРЕДИ РАВНЫХ

Литовский народ не мог дольше терпеть внутреннего произвола и внешнеполитического предательства. В едином порыве он сверг ненавистное ему правительство и открыл тем самым путь к свободным выборам в народный сейм, представлявший интересы трудового народа.

Народный сейм провозгласил установление Советской власти на всей территории Литвы. Литва была объявлена Советской Социалистической Республикой. «Отныне, — отмечалось в Декларации, — вся власть в Литовской ССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся».

В тот же день, 21 июля, сейм принял Декларацию о вступлении Литовской республики в состав СССР.

«Народный сейм Литвы уверен, что только вхождение в состав Союза Советских Социалистических Республик обеспечит подлинный суверенитет Литовского государства, подлинный подъем промышленности и сельского хозяйства, подлинный расцвет национальной культуры, подлинное развитие материальных и духовных сил народа».

За годы Советской власти Литва превратилась в край развитой промышленности, крупного механизированного сельского хозяйства, высокой культуры.

Большая поддержка, которую оказывали молодой республике государство, братские народы СССР, помогла трудящимся Литвы в кратчайший срок восстановить разрушенные войной предприятия и широким фронтом приступить к индустриализации. В послевоенные годы было построено более 190 крупных предприятий, возникли совершенно новые отрасли промышленности — машино- и приборостроение, электротехническая, радиотехническая и химическая промышленность, значительно выросла традиционная для Литвы легкая и пищевая промышленность. Сегодня Советская Литва выпускает сложнейшие станки, электромоторы, турбины, морские суда, электронные счетные машины, искусственное волокно, химические удобрения, цемент... Сооружены Каунасская гидроэлектростанция на Нямунасе и тепловая ГРЭС в Электренае. Производство электроэнергии более чем в 90 раз превысило довоенный уровень.

Индустриализация оказала огромное влияние на всю жизнь республики. Создались условия для рационального использования трудовых ресурсов. Исчез призрак безрабо-

тицы, долгие годы преследовавший трудящихся Литвы. Вырос рабочий класс, выросли многочисленные кадры технической интеллигенции.

Коллективизация открыла новую страницу в жизни крестьян. На селе утверждались социалистические производственные отношения, все более крепли начала коллективизма, братской взаимопомощи, в колхозное село пришел свет культуры.

Лучшим доказательством экономической мощи края служит национальный доход.

В довоенной Литве (за исключением отторгнутых Вильнюсского и Клайпедского краев) национальный доход составлял 630 миллионов рублей. Сейчас он вырос более чем в шесть раз. Большая часть национального дохода направляется в область потребления. Реальные доходы населения начиная с 1964 года ежегодно увеличиваются на шесть-семь процентов.

Развитие народного хозяйства Литвы свободно от всякой стихийности. Оно направляется продуманно, по-научному, с учетом географических, социальных, экономических условий края и перспектив дальнейшего роста.

Литва смотрит в будущее. Уже разработана схема развития и размещения производительных сил республики до 1980 года. Четвертое десятилетие Советской Литвы будет периодом дальнейшего развития ее экономики и культуры, роста благосостояния всех ее жителей.

Под руководством Коммунистической партии, вместе со всеми братскими народами страны литовский народ уверенно идет по указанному Лениным пути к коммунизму.

300 тысяч юношей и девушек Литвы участвуют в Ленинском зачете «Решения XXIV съезда КПСС — в жизнь!». Свыше семи тысяч молодых производственников досрочно выполнили план первого года пятилетки, 67 тысяч стали ударниками коммунистического труда. Три миллиона рублей — таков вклад в «Комсомольский фонд экономии» молодых рационализаторов республики, которые разработали семь тысяч рационализаторских предложений.

Каждый четвертый комсомолец выступил на прошедших отчетно-выборных собраниях комсомольских организаций Литвы. Активно, с большой заинтересованностью обсуждали комсомольцы свое участие в выполнении заданий пятилетки. В Вильнюсе, Каунасе, Паневежисе, Шяуляе и других городах подхвачена инициатива ленинградцев «Задание пятидневки — за четыре дня» и красноярцев «От каждого — высшую производительность труда». Комсомольские организации и молодежные коллективы колхоза «Микичяй», вильнюсского завода «Эльфа», фабрики «Спарта» и другие разработали конкретные и реальные планы выполнения заданий пятилетки.

Своими вожаками комсомольцы избрали около 20 тысяч лучших молодых рабочих, колхозников, специалистов. Среди секретарей первичных организаций предприятий, колхозов, строек более половины — коммунисты.

Комсомольско - молодежная бригада Цецилии Руджянскайте Шяуляйского телевизорного завода занесена в Книгу почета ЦК ВЛКСМ за успехи в социалистическом соревновании в честь XXIV съезда КПСС. В этой бригаде все рабочие — ударники коммунистического труда, каждый из них освоил по две-три смежные специальности.

«К завтрашнему дню готовиться сегодня!» — таков лозунг комсомольцев веломоторного завода «Вайрас». На специальных курсах рабочие, мастера анализируют чертежи и технологию новых изделий, выпуск которых начнется в будущем году. Около 100 рабочих мест стали образцовыми с точки зрения научной организации труда.

Сельская молодежь Литвы овладевает техническими специальностями. В Кельмеском районе за последнее время около 90 юношей и девушек получили специальность механизатора на курсах, 350 направлены на учебу в сельские профессионально-технические училища. В 25 кружках повысил свою квалификацию каждый третий молодой механизатор. Теперь в колхозе «Гегужес пирмои», например, механизаторы высшей квалификации составляют более 80 процентов.

30 комсомольцев торговой фирмы «Рута» в Клайпеде участвуют в конкурсе на лучшего молодого продавца. Здесь создано три комсомольско-молодежных коллектива, которые соревнуются за перевыполнение плана товарооборота, высокую культуру обслуживания покупателей.

Развивая шефство над сферой обслуживания и торговлей, комсомольские организации, молодежные коллективы Клайпеды внедряют прогрессивные формы торговли, проводят выставки-продажи, конференции покупателей, организуют доставки товаров на дом, прием предварительных заказов. При городском управлении торговли создан совет молодых специалистов.

3400 комсомольских организаций республики участвуют в распространении книг на общественных началах. Комитеты комсомола создали советы друзей книг, проводят городские и районные слеты общественных распространителей. В республике работают 11 книжных магазинов на общественных началах, 86 киосков, тысячи общественных распространителей. Начиная с нынешнего года в Литве регулярно будет проводиться Неделя молодежной книги.

15 студенческих строительных отрядов — около 300 студентов — хорошо поработали в минувшем году на стройках ГДР, Венгрии, Болгарии, Польши, Чехословакии. Столько же студентов из братских социалистических стран побывало в лагерях труда и отдыха в Электренае, Друскенинкае, Ширвинтае.

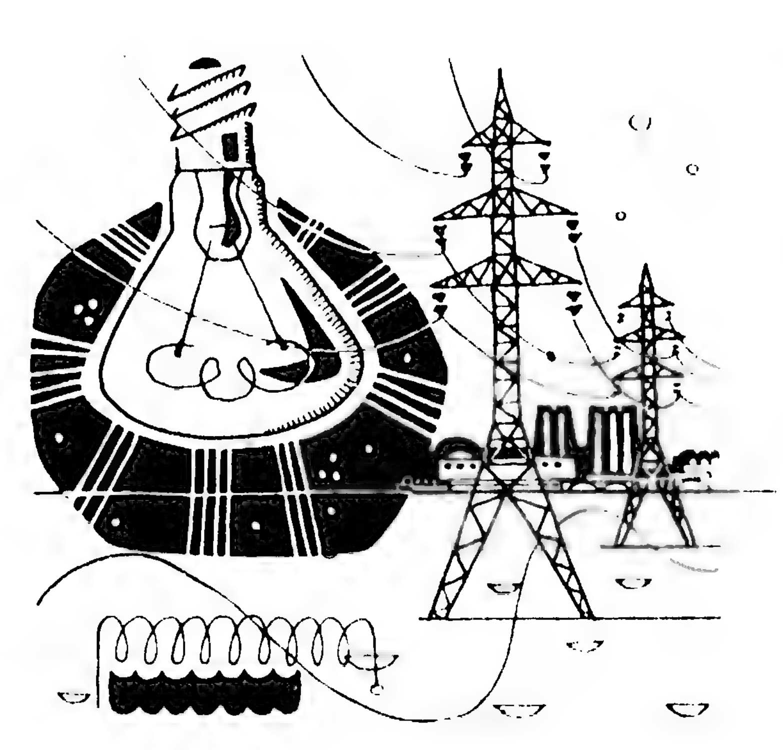
ДЕВЯТАЯ СТАРТОВАЛА

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЛАНОВОЙ КОМИССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ЛИТОВСКОЙ ССР ИОНАС ВЕЦКА БЕСЕДУЕТ С ЖУРНАЛИСТОМ АРТУРАСОМ ГЕДРАЙТИСОМ.

— XXIV съезд КПСС утвердил Директивы по развитию народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Какие основные задачи будет решать в этой пятилетке наша республика?

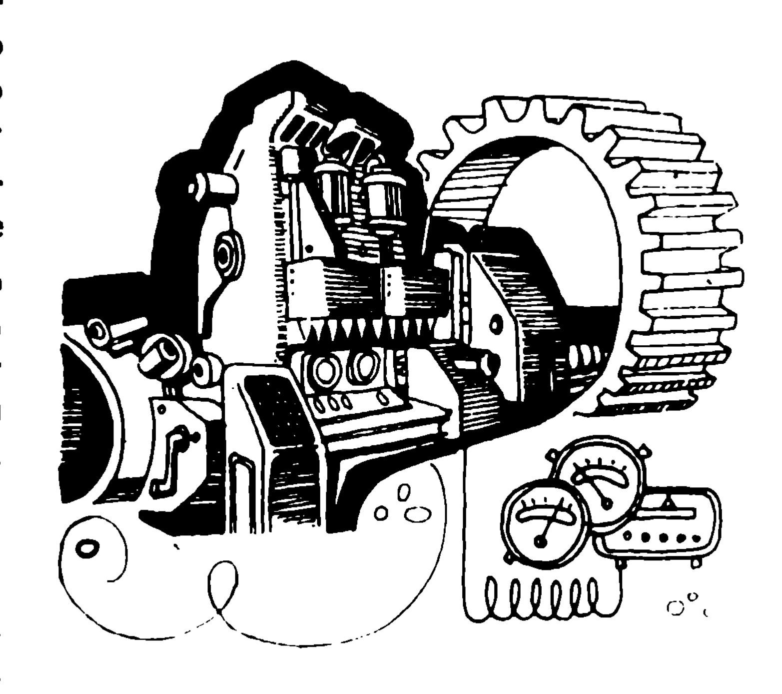
— Трудно в нескольких фразах ответить на такой обширный вопрос... Коротко эти задачи можно было бы охарактеризовать так: всесторонняя интенсификация производства и увеличение его экономической эффективности за счет постоянного повышения производительности труда, а также дальнейшее укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Иными словами, необходимо добиваться, чтобы те же заводы производили как можно больше продукции, чтобы на тех же полях вырастали обильнейшие урожаи. Все это позволит значительно повысить благосостояние народа. Более быстрыми темпами, чем в минувшей пятилетке, будет развиваться сфера обслуживания населения: мы будем строить больше учреждений здравоохранения, просвещения, культуры, жилых домов, расширять торговлю, бытовое обслуживание. Как известно, партия и правительство в последнее время уделяют этим проблемам особое внимание.

— В минувшей пятилетке в Литве построено двадцать семь промышленных предприятий. Каковы важнейшие стройки девятой пятилетки? Какую новую продукцию мы начнем выпускать?

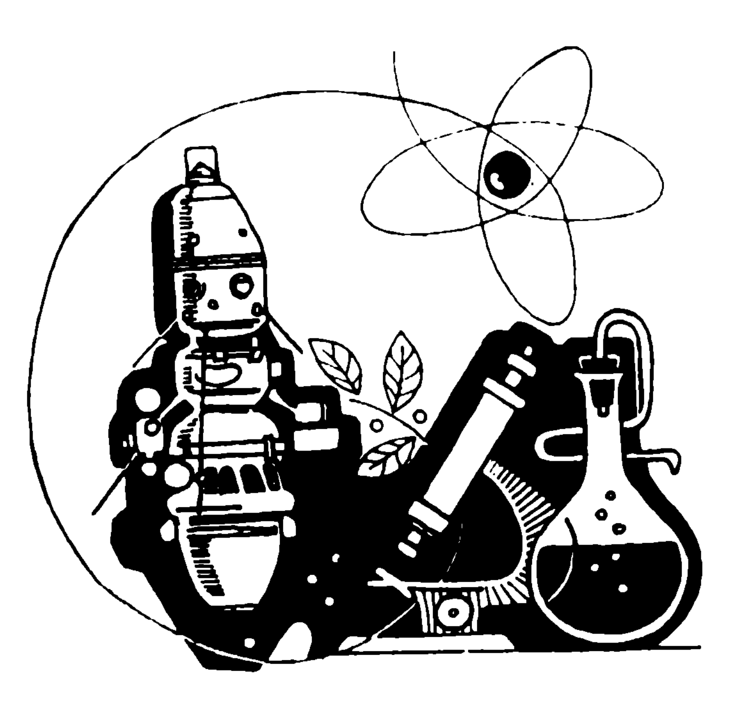

— В девятой пятилетке производство будет увеличиваться не столько за счет строительства новых заводов, сколько за счет более экономичного использования и расширения существующих мощностей, замены оборудования более производительным. Нам предстоит закончить наши крупные стройки — Литовскую ГРЭС, Вильнюсский завод топливной аппаратуры, Паневежский автокомпрессорный и завод точной механики, Григишский опытный бумажный комбинат и другие. Вас, насколько я понимаю, интересуют новостройки.

Главнейшая из них — строительство нефтеперерабатывающего предприятия в Мажейкяе. С его сооружением в Литве возникнет новая отрасль промышленности — нефтеперерабатывающая. После пуска на полную мощность завод будет перерабатывать за год миллионы тонн нефти. В Капсукасе начнется сооружение завода объемной пряжи, в Игналинском районе — завод дренажных труб. Крупные заводы нерудных строительных материалов — в Ионавском, Тракайском и Каунасском районах. Итак, промышленные предприятия разместятся по всей республике.

Оберегая лес, мы будем искать заменители древесины. Будут выпускаться совершенно новые строительные и отделочные материалы: стекломозаичные плитки, стеклорубероид, доломитовые и керамические отделочные плитки... Многим эти названия почти ничего не говорят. Но поверьте, это прочные и красивые изделия. Хотелось бы еще сказать, что сельское хозяйство будет получать новые удобрения, изготовленные в республике, — аммиачную селитру. Жители — новые изделия легкой промышленности и бытовой химии.

— Что нового получит в девятой пятилетке литовская молодежь? И заодно — каковы обязанности молодежи в выполнении пятилетнего плана?

— Условия, полностью позволяющие развивать свои способности и добиваться намеченной цели, — все для молодежи. А специально... В Вильнюсе, за Антакальнисом, вырастут студенческие городки Государственного университета и Вильнюсского инженерно-строительного института. Расширится учебно-лабораторная база Вильнюсского и Шяуляйского педагогических институтов. Вырастут новые корпуса в городке Каунасской сельскохозяйственной академии. Мы построим новые средние, средние специальные школы и техникумы. Молодежь пригласят новые дворцы спорта, дома культуры, стадионы, кафе...

Разумеется, успешное выполнение этих планов во многом будет зависеть от усилий, трудолюбия самой молодежи. Молодежь хорошо поработала, выполняя план минувшей, восьмой, пятилетки, — ее ждут новые дела и замыслы в девятой.

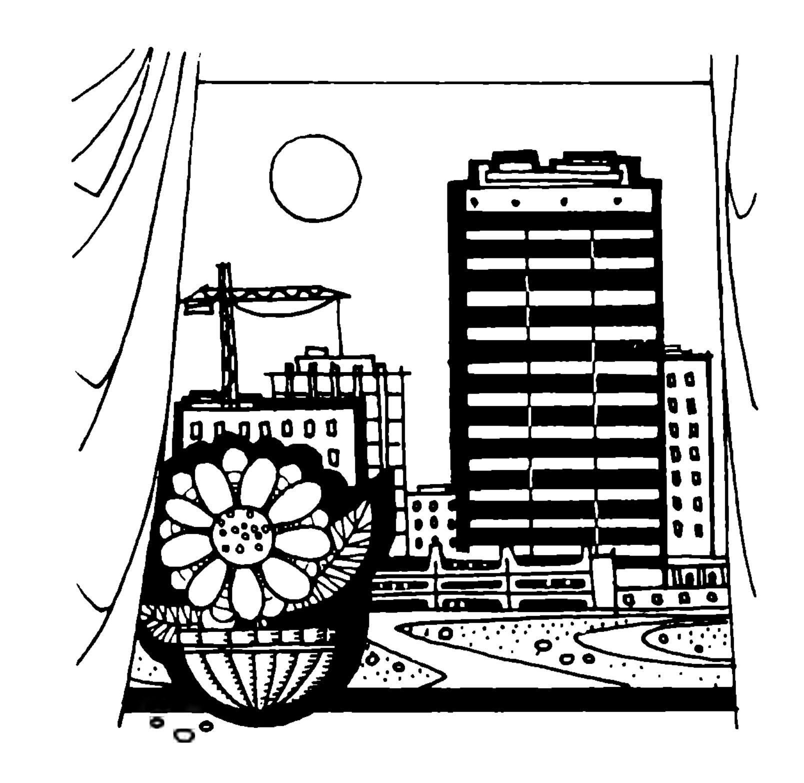
— Хотелось бы услышать ваше мнение еще по одному актуальному вопросу: количество сельских жителей и впредь будет уменьшаться, а объем сельскохозяйственной продукции должен расти. Как удастся совместить это?

— Успешно совмещать и разрешить эту проблему можно, лишь укрепляя и расширяя материально-техническую базу сельского хозяйства, повышая производительность труда, то есть все более индустриализируя сельскохозяйственное производство. Поэтому мы и впредь будем мелиорировать поля, строить механизированные животноводческие и другие хозяйственные объекты, применять больше минеральных удобрений. Село будет получать больше более мощных тракторов и автомашин, комбайнов и другой техники. Очень важно, чтобы сельская молодежь научилась управлять ею. Удержать на селе необходимое количество молодежи нетрудно. Будут всемерно улучшаться культурные и бытовые условия, значительно расширится строительство жилых домов, уменьшится число хуторов. За пять лет в республике не останется дворов, куда не доходило бы электричество. Сельскому населению поступит значительно больше легковых машин.

— Вы отметили, что сельская молодежь должна научиться управлять новой техникой. Селу потребуется все больше механизаторов и рабочих других массовых квалификаций. Как хорошо подготовить их?

— И это предусмотрено в проекте пятилетнего плана. В настоящее время в Литве механизаторов и других квалифицированных рабочих для села готовят девятнадцать сельских профессионально-технических училищ. В будущем построят еще пять таких училищ, а также расширят действующие. В конце пятилетки они выпустят тысячи квалифицированных рабочих. Следует отметить, что часть из них вместе со специальностью получит и среднее образование. Это очень важно: в механизированном и автоматизированном сельском хозяйстве будущего должны работать

не только высококвалифицированные, но и всесторонне образованные, любящие свое дело рабочие.

— Говоря о человеке-творце, очевидно, важно не забывать, что современная научно-техническая революция — дело не только ученых. Ее успех будет зависеть от общих усилий, в том числе и молодежи. Какие качества должна особенно стараться воспитывать в себе молодежь, дабы оправдать возлагаемые на нее надежды?

— Научно-техническая революция — одна из основных задач девятой пятилетки. В развитии науки, создании новой техники особенно активно должна участвовать молодежь. От молодежи ждут новых изобретений, рацпредложений, умелого хозяйствования, более производительного труда. Стремление повышать свое образование, любознательность, упорство, нежелание довольствоваться достигнутым, творческая жилка — это часть требований, которые ставит перед молодежью сама жизнь. И не только перед интеллигенцией, но и перед рабочими, колхозниками. Мне хочется отметить следующее: для того чтобы успешно шагать по пути прогресса, необходимо не только ускоренными темпами развивать науку, технику, но и как можно быстрее внедрять новейшие достижения в производство. Республике требуется все больше ученых самой высокой квалификации. И об этом подумали при составлении плана. В новой пятилетке намечено принять в аспирантуру значительно больше людей, чем в минувшей.

— Молодежь всегда интересуют новые специальности. Это понятно. В девятой пятилетке появятся новые специальности?

— Ну, кажется, выбирать молодежи есть из чего. В высших учебных заведениях Советской Литвы сейчас обучают ста тридцати и в средних специальных — около ста шестидесяти специальностям. Примерно так же будут обстоять дела и в ближайшие годы. Правда, будем расширять стационарное (дневное) обучение. Будет совершенствоваться система приема в вузы, улучшаться профессиональная ориентация. В профессионально-технических училищах готовят квалифицированных рабочих примерно шестидесяти специальностей.

А сейчас — непосредственно на ваш вопрос. Новое в нашей республике в эту пятилетку — специалисты и квалифицированные рабочие нефтеперерабатывающей промышленности.

— Что предполагается предпринять, чтобы вся продукция радовала потребителя? Правда, в последние годы десяткам изделий республики присвоен государственный знак качества. Однако все еще есть изделия и устаревших образцов, и низкого качества...

— Государственный знак качества присвоен более чем шестидесяти изделиям республики. Это поистине отличные товары, которые, как говорится, сами себя хвалят. Но есть еще и такие, которые портят настроение потребителю. Об этом немало думали.

В новой пятилетке принимаются конкретные меры по улучшению качества. Основная мера такова: если завод реализует свою продукцию, не соответствующую стандартам, полученная за нее прибыль будет отдана государству и не включена в доходы завода. Это строгая, но необходимая мера. Она заставит халатных руководителей предприятий позаботиться о марке своей продукции.

Девятая пятилетка стартовала. Пользуясь случаем, желаю читателям журнала, всей молодежи наилучших успехов в выполнении нового пятилетнего плана.

— МНЕ ВСЕГДА приятно обратиться к молодежи, потому что мне уже за пятьдесят, и я, пожалуй, большую часть своей жизни прожил, а в молодежи я вижу будущее своей республики, будущее своей страны. Молодежи предстоит продолжить наше дело, продолжить нашу революцию.

Я вижу, какие гигантские изменения произошли в нашей республике за тридцать два года Советской власти. Они коснулись всех областей человеческой жизни: и материальной и духовной. Литва, бывшая когда-то аграрной страной, стала теперь индуст-

Симонас Ионович ДУЛЬСКИС,
директор совхоза «Вилькия»
Каунасского района Литовской ССР:

риально-аграрной республикой. Изменилась и жизнь каждого литовца. Мне сейчас даже трудно представить, кем был бы я, если бы не Советская власть.

Мой отец был крестьянин-бедняк. В 1925 году, когда мне было шесть лет, отец купил десять маргов (это чуть больше пяти гектаров) земли. Буржуазное литовское правительство всячески раздувало «демократическую» земельную реформу. А на самом деле незначительной части безземельного и малоземельного крестьянства были выделены мелкие наделы на худших землях за большой выкуп. Мой отец и был одним из таких крестьян... Между прочим, за годы буржуазного господства 40 тысяч крестьянских хозяйств были проданы с молотка, а их владельцы — крестьяне — пущены по миру. Ведь за землю нужно было постоянно выплачивать проценты, которые росли и росли.

У нас была корова. Но я ни разу не пил молока, не ел сметаны и масла: все шло на продажу, чтобы рассчитаться с банком.

В девять лет я пошел в школу. Учился и помогал дома по хозяйству, а летом нанимался пасти скот у кулаков. Так я закончил четыре класса. На этом и кончилось мое образование, о большем не могли мечтать ни я, ни мои сверстники. Скот я продолжал пасти и после «окончания» школы, а когда подрос, стал наниматься батраком к тем же кулакам, а затем сделался строителем — строил для богатеев хутора.

До лета сорокового года я ходил в домотканой одежде, полотно для которой ткала мать из отходов льноволокна. Теперь такую одежду можно увидеть только в музеях. А какая была обувь? Клумпес — деревянные башмаки, их и сейчас можно купить, но только в магазинах, где продают... сувениры... Свой первый настоящий костюм и ботинки я смог купить только при Советской власти.

Жизнь крестьян была необычайно тяжелой. Многие разорившиеся крестьяне вынуждены были эмигрировать за границу: в Канаду, Латинскую Америку, Австралию. За двадцать лет,

начиная с 1919 года, из Литвы эмигрировало около 100 тысяч человек, в основном сельских жителей. В те годы даже буржуазные исследователи вынуждены были признать, что крестьяне живут в страшной нищете, в антисанитарных условиях, что они безграмотны, им недоступна культура, а крестьянская молодежь не имеет никакой перспективы.

В середине июня 1940 года трудящиеся Литвы под руководством Коммунистической партии свергли фашистское правительство. Народный сейм провозгласил в Литве Советскую власть.

«ЛЮБИТЕ РОДНУЮ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!»

А еще через две недели Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу литовского правительства и принял республику в состав Советского Союза.

Промышленные предприятия, банки, транспорт, которые раньше принадлежали литовской буржуазии либо иностранному капиталу, теперь перешли в собственность народа. Резко изменилась жизнь в литовской деревне. Вся земля, ее недра, леса, воды теперь принадлежат нам. Более 75 тысяч бывших батраков, безземельных и малоземельных крестьян наконец получили землю. Новоселам был предоставлен долгосрочный кредит на покупку скота, сельскохозяйственного оборудования, удобрений. Стали создаваться машинно-тракторные станции, совхозы. Мы постоянно ощущали помощь братских советских республик. В Литву присылались тракторы, комбайны и другая техника.

В сороковом году я вступил в комсомол и стал работать секретарем в сельсовете. Но наша счастливая жизнь длилась недолго — фашистские полчища вторглись на советскую землю. Вместе с другими беженцами, среди которых было много литовских комсомольцев, я оказался в Татарии. Должен сказать, что в то время я почти не знал русского языка и мне было трудно объясняться с людьми. И все же везде, несмотря на тяжелое время, я встречал самое радушное и доброе отношение к себе.

Мы, здоровые молодые парни, рвались на фронт. В сентябре 1941 года наша просьба была удовлетворена — нас зачислили добровольцами в Красную Армию. Я попал в Латышскую дивизию. Вместе с ней я был под Москвой. В конце декабря в одном из боев был тяжело ранен...

В госпитале я пробыл до конца апреля 1942 года. За это время один раненый парень, украинец — он лежал рядом со мной, — научил меня читать по-русски. Букварем служили газеты. Выписался я из госпиталя, имея вторую группу инвалидности. Полгода понадобилось мне, чтобы окрепнуть. К этому времени была сформирована Литовская дивизия, в декабре 1942 года я был зачислен в один из ее батальонов.

13 июля 1944 года Красная Армия освободила от фашистов Вильнюс. Я был демобилизован и назначен секретарем Шакейского уездного комитета комсомола. Моя судьба в годы войны — это судьба одного человека. Но ведь в те годы десятки тысяч литовцев встали на защиту Страны Советов. Многие из них сражались в рядах Красной Армии, боролись против оккупантов в тылу врага. Кому, например, не известно имя славной дочери литовского народа, комсомолки, партизанки, Героя Советского Союза Марите Мельникайте, отдавшей свою жизнь за свободу родной страны...

...В 1945 году я стал членом Коммунистической партии. Учился, закончил среднюю школу, заочный зоотехнический техникум. Работал на партийной и советской работе, а в феврале 1959 года стал директором совхоза.

Я скажу и, видимо, не открою этим тайны, что если бы наш народ после войны вынужден был опираться лишь на собственные силы, то страшные раны, нанесенные литовской земле фашистскими оккупантами, удалось бы залечить лишь через многие десятилетия. Братская, именно братская, бескорыстная помощь всех советских республик позволила Литве в короткий срок восстановить свое хозяйство.

Эта помощь проявилась на первый взгляд даже в мелочах. Наш совхоз до 1952 года был полеводческим, но мы занимались и мясо-молочным животноводством, выращивали сахарную свеклу. А с 1952 года решили заняться звероводством. Из Татарии нам прислали 150 серебристо-черных лисиц, из Латвии — 150 голубых песцов, а из Москвы — 300 норок. Для непосвященного человека — это мелочь. Но вот уже в прошлом году мы продали государству 4 тысячи лисиц, 6 тысяч песцов и 23 тысячи норок! За 20 лет наш совхоз стал крупным звероводческим предприятием. А что бы мы делали, получив этих первых, непривычных для нас зверей, если бы к нам не приезжали специалисты, не обучали уходу за ними?

В минувшем году совхоз получил 760 тысяч рублей прибыли — больше, чем любое другое хозяйство в республике. Поэтому и заработки в совхозе хорошие. В прошлом году на одного работника совхоза в среднем приходилось по пять с половиной

ЭСТАФЕТА КОМСОМОЛЬСКИХ ДЕЛ

320 килограммов ягод и 105 килограммов грибов собрала и сдала минувшей осенью ученица Марцинконской средней школы Варенского района А. Людите. Сельские школьники республики организовали большой поход за дарами леса. Марцинконская школа направила на сбор лесного урожая 180 школьников. Они собрали более семи тонн грибов и тонну ягод.

Комитеты комсомола многих средних школ республики создали секторы профориентации. В средней школе № 8 города Шяуляя такие секторы созданы в каждом классе. Здесь часто проводятся встречи с людьми разных профессий, передовиками производства предприятий города, организуются экскурсии на заводы. Установлены тесные связи с комсомольскими организациями профтехучилищ.

рублей в день, а в этом году будет около шести. Будет обязательно, потому что заработки наших работников увеличиваются из года в год.

Наш совхоз поддерживает постоянную связь со звероводами Белоруссии, Латвии, Эстонии. С Калининградским зверосовхозом у нас договор о социалистическом соревновании. Мы делились с калининградцами кормами для зверей, семенами многолетних трав, ездим друг к другу обмениваться опытом.

В совхозе имеется средняя школа, есть профтехучилище по подготовке механизаторов широкого профиля.

Большую помощь в работе совхоза нам, коммунистам, оказывает комсомольская организация. Хорошо работает комсомольско-молодежная звероводческая бригада. В ней только девушки. В этом году создали еще одну комсомольско-молодежную бригаду строителей, в ней будут только юноши. Комсомольцы проводят субботники, во время летних школьных каникул создают полеводческие производственно-ученические бригады, организуют проводы ребят в армию, переписываются с ними, высылают им газеты и журналы на литовском языке. Немалая заслуга наших комсомольцев и в том, что наша самодеятельность завоевала первое место в районном смотре. Есть в нашем Доме культуры и эстрадный ансамбль, и хор, и этнографическая танцевально-вокальная группа. Есть, конечно, в совхозе и спортивные секции.

Рассказывая о совхозе, я хотел показать наши успехи, нашу жизнь, показать хотя бы немногое из того, что дала нам Советская власть.

Кроме военных наград, я имею награды за трудовые успехи — орден Ленина, орден Октябрьской Революции. Мыслимое ли дело, чтобы сын крестьянина-бедняка в буржуазной Литве имел правительственные награды? Тогда не было наград для простых смертных, да еще за крестьянский труд!

И, обращаясь к вам, молодым, я хочу сказать: любите родную Советскую власть, берегите и укрепляйте ее. Все, что мы имеем, чем мы гордимся, дала нам Советская власть.

Рассказ записал В. ЧУДАКОВ

ЭСТАФЕТА КОМСОМОЛЬСКИХ ДЕЛ

Во время летних каникул 1500 старших школьников города работали на заводах и фабриках, знакомились с производством.

Выбрать профессию школьникам республики помогают общественный институт и 11 кабинетов профориентации.

Молодежная газета «Комъяунимо тиеса» организовала республиканский политический клуб «У Ильичева костра». Первое его заседание состоялось в Разливе, под Ленинградом, куда выехали молодые передовики производства республики, лучше других сдавшие Ленинский зачет. Здесь, возле костра у ленинского шалаша, состоялся взволнованный и приподнятый разговор о высокой гражданской ответственности молодого поколения, о том, что значит жить по-ленински.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

РЯДОВОЙ СОЛДАТ

Поговорим о рядовом солдате.

Говорят: плох тот солдат, который не стремится стать генералом.

Я бы сказал: плох тот генерал, который не был солдатом.

У меня есть друг, который не желает быть никем другим, только самим собой. Наше знакомство очень давнее. С довоенного времени. Со школьной скамьи.

Однажды учитель сказал моему другу: «Сынок, ты бы подтянулся еще немного и был бы первым учеником в классе. Что тебе стоит, ты ведь такой способный!»

Мой друг, может, и хотел быть первым в классе. Но не мог. У него не было ни одного учебника. Учился по одолженным чужим книгам. Но учился не хуже владельцев этих книг. Мы предложили ему вступить в подпольную комсомольскую организацию школы. Нас было около десяти.

«Мой отец рабочий, — сказал он, — и старый революционер. Он работал вместе с Винцасом Капсукасом. Поработаю и я». И вступил без колебаний.

Мы, помнится, хотели взвалить на новичка какие-то обязанности. Он словно топором отрубил: «Можете поручать мне что угодно. Все сделаю. Организую тайные собрания. Буду распространять нелегальную литературу. Наконец, пойду на баррикады. Буду делать все. Но «начальником» не стану. Не мое ремесло. Мой отец рядовой рабочий и рядовой революционер. Буду и я рядовым...» И был хорошим, надежным, преданным борцом.

Уже на школьной скамье мы кое-что пописывали, кое-что пытались печатать. Один мечтал стать Майронисом. Другой — Пушкиным. Третий — Гёте. Начал пописывать и он. Мы, как и многие молодые люди, писали обо всем мире. Мой друг писал о своем дворе. О дворе, в котором деревянная покосившаяся лачуга заменяла ему заколдованный и овеянный легендами замок, сторожевой пес — льва из джунглей, полосатый кот — тигра, а чумазые ребятишки, катающие яички по желобку, разыгрывающие кривым ножичком в песке своеобразную лотерею или скручивающие из конского волоса леску, заменяли рыцарей и других благородных обитателей этого деревянного замка. Он так сумел расширить свой небольшой двор и окутать таким таинственным, романтическим покровом, такой поэтической атмосферой, что редактор «Мокелейвю варпай» («Колокола учащихся»), добрый и душевный человек, помнится, прочитал его первые опусы, эскизики и другие написанные

на школьной тетрадке в линейку небольшие рассказы и был порядком удивлен.

— Из этого парня, — сказал редактор, — наверняка выйдет писатель.

И действительно вышел.

Этот редактор был его крестным — напечатал его первый небольшой эскизик и дал ему нынешний псевдоним — и выпустил начинающего писателя одного двора в жизнь.

Впоследствии этот его рассказ о небольшом дворе расширялся и вырос в довольно крупную книгу. Здесь двор уже назывался Жалякальнисом, в котором рыцари его детства и другие сказочные герои торжественно подметают улицы.

Люди долго строили догадки, ища в этой крупной книге элементы романа, необычный сюжет, глубокий подтекст. А это, оказывается, все тот же его рассказ о своем небольшом дворе.

Когда землю сотряс гром орудий, учительница нашей школы Саломея Нерис писала:

Колышутся по ровному полю
Серые шинели.
Дорога гудит. Там шагает
Мой рядовой.

Она писала и о своем бывшем ученике, который в колонне солдат по гудящей дороге долго-долго колыхался перед глазами.

Если кто считает, что на передовой жареные голуби летают, тот сильно ошибается. Не жареные голуби, а мины и другие «деликатесы». И если какая сядет на голову, то с головой непременно приходится распроститься. И не на время, а навсегда.

Напробовался этих «жареных голубей» и других фронтовых «деликатесов» мой друг, рядовой солдат, в ту зиму 1942 года, когда с боем пришлось брать обледенелые высоты, на которых закрепился враг, когда автоматом приходилось прореживать вражеские ряды, когда зачастую голод приходилось утолять горстью снега, а не коркой хлеба. Уж кто-кто, а мой друг наверняка знает вкус фронтовых «жареных голубей». Но когда он попытался поделиться своим опытом «фронтовой работы» с читателем, все получилось очень просто и даже весело. Солдат написал о войне по-солдатски.

Несколько лет назад вышла его книга покрупнее — «Для кого взойдет солнце». Снова все стали искать в ней роман, эпос, летопись. Словом, ни больше ни меньше, чем новую «Войну и мир». А нашли все тот же рассказ о небольшом дворе, действующие лица которого уже носят серые шинели, стреляют по врагу, страдают и радуются, выпивают рюмочку и закусывают пропахшим порохом солдатским хлебом.

Он не лезет в чужой двор. Ему достаточно и своего небольшого двора, в котором живет сказка его детства. (Я понимаю, почему он все еще столько внимания уделяет детям — пишет рассказы, работает в детском журнале. Мир его маленьких героев — это тот же небольшой двор, где жила его сказка. А маленькие жители этого двора — он сам — герой сказки этого двора.) Важно не то, что он никуда не выходит с этого двора и умещается в рамках своего первого рассказа. Важно другое: он видит в небольшом своем дворе то, чего никто другой в нем не увидел бы.

Александр ХАРЬКОВСКИЙ

ПРЕЗИДЕНТ ИЗ ДЕРЕВНИ ТАТТОНИС

Есть незаметные на первый взгляд факты, в которых, словно солнце в капле, отразилась целая эпоха.

На столе президента Академии наук Литовской ССР Героя Социалистического Труда Юозаса Матулиса лежит книга «Теория и практика блестящих гальванопокрытий». Рядом — ее английский перевод: работа литовского ученого вышла в США после публикации ее в Вильнюсе. Еще бы, ведь Литва — крупнейший в мире центр, где исследуют электроосаждение металлов.

А ведь недавно в этих краях вообще не было никакой науки. Еще в 1832 году по «высочайшему повелению» был закрыт старейший в Европе Вильнюсский университет, и запрет оставался в силе вплоть до Октябрьской революции. Трижды Советская власть возрождала науку в Литве — в 1919, 1940 и 1945 годах. Трудный путь проделала республика, прежде чем ее наука получила мировое признание. И это, быть может, особенно заметно на судьбе капитана литовских ученых Юозаса Матулиса.

Если бы родителям Юозаса, крестьянам из села Таттонис, сказали некогда, кем станет их сын, они бы только плечами пожали: невозможно, невероятно — слишком хорошо они знали, каков удел бедняка. Два гектара земли не могли прокормить семью, и двенадцатилетнего Юозаса отправили «в люди». Вначале он был учеником ювелира, затем чернорабочим на строительстве телеграфных линий. Днем работал, ночью сидел над книгами. Только в 23 года он сдал экзамены за седьмой класс... Но в 30 лет он уже закончил естественно-математический факультет Каунасского университета. А через несколько лет «великовозрастный студент» стал самым молодым в Литве докто-

---

Его глаз очень наблюдателен. Он разглядит в этом дворике или в характере его скромного обитателя такую деталь, которую другой глаз не заметит вовсе. А это для писателя главное. И еще, конечно, любовь к человеку. К простому обитателю этого небольшого двора. А в любви этой у моего друга нет недостатка. Любви рядового к рядовому. И это поистине прекрасно.

Что ж, старый мой друг, ты долго избегал высоких обязанностей, нерядовой славы и стола президиума, но сегодня ты никуда от нас не убежишь, нигде не спрячешься. Сегодня особый день. Хотелось бы, чтобы мы с тобой выпили горчащее вино свершений. Из одного бокала. Если бы был жив третий друг нашей юности, он в эту минуту тоже был бы с нами. Его, увы, уже нет. И нам остается лишь вспомнить его за скромным столом. Такими его строками:

Пройдет буря. Умолкнет гром
пушек.

ром наук. Его первый труд «Коллоидно-химические основы фотоанизотропии» получил восторженный отклик в СССР и за рубежом. Это насторожило фашистское правительство Сметоны: прогрессивному ученому, любимцу революционного студенчества отказали в профессорском звании.

В 1940 году народ установил в Литве Советскую власть. Юозас Матулис встречает ее с восторгом. Вместе со своими единомышленниками он создает республиканскую Академию наук. 11 июня 1941 года академика Ю. Матулиса назначили директором нового Института химии, а через две недели в город вошли фашисты...

Для литовского народа и его науки наступили мрачные дни. Немецкие танки окружили здание одного из институтов и расстреляли его в упор. Профессора университета были брошены в концлагерь, а ценное оборудование вывезено в Германию.

Ученые возвращались в Литву на пепелище. Саперы разминировали два полуразрушенных здания с книгами — все, что осталось от республиканской академии. Убытки, нанесенные фашистами литовской науке, составляли 110 миллионов рублей. Президент Академии наук Литовской ССР Ю. Матулис выдвинул план: воссоздать республиканский штаб науки на новой основе. Довоенная академия имела в основном гуманитарный характер. В пору восстановления народного хозяйства главный упор делался на развитие прикладных наук. Но, решая практические задачи, Ю. Матулис нацеливал ученых на исследование кардинальных проблем. Пройдут годы, и Юозас Матулис отметит вынужденный универсализм молодой академии, когда приходилось заниматься всем — и строительством электростанций на Немане, и составлением кадастра земель. Но уже тогда, в конце сороковых, он разрабатывал систему внедрения научных идей в жизнь, ориентировал ученых на связь с огромным конвейером производства.

Родился Институт физики и математики. Открытие доктором наук Ю. К. Пожелой и его коллегами так называемых «горячих электронов» получило мировой резонанс. Монография этого института была издана у нас в стране и за рубежом. Возродил-

---

За столом соберутся старые
боевые товарищи.
И только тогда мучительно
почувствуем,
Что стол такой широкий, а нас
так мало.

Очень жаль. Но — увы...

Сегодня я имею право сообщить и другим, что моему другу юности Казизу Марукасу, настоящее имя которого Мариенас Красаускас, вручена премия Ленинского комсомола.

Знаю, даже в такой день ты торчишь с удочкой в руке на озере. Другие тебя, может, и не найдут. А я непременно найду. Ибо хорошо знаю каждое даже самое укромное местечко, где ты рыбачишь. Кстати, три вещи ты умел держать в руке: винтовку, перо и удочку. А разве это мало? Дай бог каждому. Можешь, если хочешь, и дальше оставаться рядовым. Но позволь, дружище, сегодня одно слово — солдат — написать с большой буквы. От души поздравляю тебя, рядовой Солдат...

ся руководимый Ю. Матулисом Институт химии и химической технологии. И ученые Литвы взялись за решение труднейшей задачи века.

...Металл, неразрывно связанный с прогрессом человечества. Металл — символ прочности и стойкости. Но он же и символ трудности, сопутствующей его обработке. Металл не горит, но убытки от коррозии составляют миллиарды рублей в год. Каждая восьмая домна и мартеновская печь в мире работают, в сущности, на коррозию.

Когда Юозас Матулис занялся проблемой защиты от коррозии, он уже знал: кардинальное средство против «болезни металла» существует. Если детали не прокатывать, а получать осаждением металла из раствора, можно получить изделие с полированной, не боящейся коррозии поверхностью. Просто? Да, по идее. Но в электролитической ванне проходят такие сложные процессы, что управлять ими до сих пор никак не удавалось. С чего начать?

Перед академиком открывалось два пути. Потратить годы, создавая теорию процесса. Но как в это время помогать практикам? Заняться практическими проблемами? Но без теории разрешить их невозможно. Итак, научный поиск, ведущий к теории, и рекомендации металлургам по мере продвижения вперед.

Матулис стал изучать хромирование. Этот процесс возвращает в строй тысячи изношенных моторов, как бы дает вторую жизнь металлу. Но хромирование — сложный и капризный процесс, в ванне протекают сотни быстрых реакций. Как управлять ими?

На стол ученого ложились сотни графиков и таблиц, результаты многих экспериментов. Экспериментаторы пробовали все: изменяли модификации кислоты, плотности тока, вводили специальные добавки. А Юозас Матулис, словно радист, сквозь шум и треск помех отыскивающий единственную нужную волну, просматривал и анализировал данные, нащупывал ту самую волну, которая позволила бы управлять процессом.

Задача оказалась очень сложной. Сейчас многое уже решено, на пути коррозии создана глубокоэшелонированная оборона.

Но это только начало пути. Цель Ю. Матулиса более далекая: он хочет создавать новые, еще неведомые металлы из атомов и молекул, так же как строители из готовых блоков собирают дома. Только его детали невидимы, а строительная площадка — электролитическая ванна. И вот появляются особые вещества — пассиваторы и блескообразователи, с помощью которых Юозас Матулис создает блестящие поверхности, конструирует новые сплавы. Уже созданы блескообразователи для блестящего меднения, никелирования, лужения, цинкования и серебрения. И когда запорожский завод «Коммунар» занялся созданием блестящих деталей для автомобилей, там обошлись без патента ФРГ, а обратились за помощью к Матулису. Новый метод дает 15 тысяч рублей экономии в год только на Рижском радиозаводе имени Попова. А широкое внедрение его в промышленность сулит десятки миллионов сэкономленных рублей...

Научный поиск продолжается. Капитан литовских ученых ведет его трудным путем — туда, где наука превращается в непосредственную производительную силу.

МЕДИУМ — ПОЛОВИНА ПУТИ

ФЕВРАЛЬ в Вильнюсе — обычно еще пора царствующей зимы. Старый четырехвековой дворик филологического факультета Государственного университета в такие дни выглядит задумчивым, будто погруженным в воспоминания о тех временах, когда здесь раздавались шаги знаменитого поэта XVII века К. Сарбевия, именем которого назван сам дворик, или о профессоре университета Лауринасе Стуоке-Гуцявичюсе, бывшем крепостном, который стал выдающимся архитектором, родоначальником классицизма в Литве, украсившим столицу республики великолепными зданиями...

Ежегодно в один из таких февральских дней дворик будто сбрасывает с себя сонный груз. От звуков оркестра вздрагивают арки и контрфорсы университетских зданий, раздаются молодые голоса.

...Сегодня здесь праздник. Третьекурсники двух факультетов — исторического и филологического — собрались, чтобы отметить медиум — середину студенческого пути. Это не только символический ритуал. Студенты стали «наполовину» историками, языковедами, литературоведами, учителями...

Развеваются флаги разных специальностей, один остроумнее другого: у литуанистов — Пегас, у будущих специалистов по французскому языку — Амур, у журналистов — огромная ручка... В середине дворика высится эмблема медиума — сова в студенческой шапке на открытой книге.

Вспыхивает традиционный костер — большой и жаркий, чтоб в нем сгорели все, даже самые «страшные», студенческие грехи, записанные на длинных-предлинных свитках. Деканы факультетов вручают третьекурсникам «половину диплома». И вот во дворике появляется гонец на белом коне: «Все на гору Гедиминаса!»

Загораются сотни факелов, и длинная вереница студентов направляется по площади Гедиминаса, мимо картинной галереи, к колыбели Вильнюса — замку Гедиминаса. Студенты собираются на вершине горы. С башни старинного замка, построенного в XIV—XV веках, к своим юным товарищам обращается продекан филологического факультета. Он желает всем «виновникам» медиума успешно взойти на свои вершины знаний и разнести негаснущие факелы науки по всем уголкам Литвы.

Этот своеобразный праздник как бы извещает о том, что в двери жизни, творчества, науки стучится новый отряд будущих специалистов.

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ ДРУЖБЫ

Электренай в официальных справочниках именуется поселком городского типа: в нем около восьми тысяч жителей. Но сами электренайцы придерживаются другого мнения. Разве это поселок, если в нем нет ни одного деревянного дома! В Электренае есть девятиэтажные здания, больница, поликлиника, средняя школа, детские сады и ясли, клуб, стадион, несколько кафе. Есть профессионально-техническая школа, вечерний энергетический техникум, учебный пункт Каунасского политехнического института. Нет, Электренай — город, самый молодой город республики. Жизнь этому городу дала электростанция: росла ГРЭС — рос и город.

В 1940 году, когда Литва стала советской республикой, все ее электростанции вырабатывали 80 миллионов киловатт-часов, а по производству электроэнергии и потреблению ее на одного жителя буржуазная Литва занимала предпоследнее место в Европе. А после войны в республике не осталось ни одной электростанции: гитлеровцы вывезли их оборудование в Германию, а сами станции разрушили. Всю энергетическую систему пришлось создавать заново. В Литве выросло несколько крупных тепловых и гидроэлектростанций. Но потребность в электроэнергии была так велика, что энергетические мощности республики надо было удваивать каждые четыре года.

18 апреля 1960 года Центральный Комитет Коммунистической партии Литвы и Совет Министров Литовской ССР постановили начать строительство крупнейшей в Прибалтике электростанции.

На том месте, где сейчас стоит Литовская ГРЭС имени В. И. Ленина и растет город энергетиков Электренай, были хутора. Сейчас эти хутора можно увидеть только на фотографиях.

Строительство Литовской ГРЭС велось рекордными темпами — так быстро в Советском Союзе не строилась ни одна тепловая электростанция. В конце мая 1960 года прибыли первые строители. Это был важнейший период в летописи Электреная. В Литве не было своих специалистов-энергетиков и строителей, которые могли бы строить тепловую электростанцию, мощностью равную мощности двух Днепрогэсов. Вспоминая о первых неделях строительства, бывший парторг стройки, а сейчас заместитель главного инженера и заместитель секретаря партийной организации Литовской ГРЭС Альгердас Лукашевичус говорил мне:

— Вся страна пришла нам на помощь. Мы тогда подсчитали, и оказалось, что на стройке работают люди двадцати трех национальностей почти из всех республик Советского Союза.

Стройка была объявлена Всесоюзной ударно-комсомольской. Потому-то и ехали сюда молодые строители по комсомольским путевкам из разных уголков страны...

Одобрить работу первичной комсомольской организации ордена Трудового Красного Знамени Литовской ГРЭС имени В. И. Ленина (секретарь товарищ С. Раманаускас) по интернациональному воспитанию молодежи.

Из постановления бюро ЦК ЛКСМ Литвы от 21 апреля 1971 года

Двести предприятий страны, десятки городов поставляли ГРЭС новейшее оборудование. Турбины и генератор дал Ленинград, трансформаторы — Запорожье, паровой котел — Таганрог, щиты управления — Минск и Житомир, электрические распределительные устройства — Москва... Более восьмисот монтажников и наладчиков из советских республик помогали электренайцам успешно завершить первый год девятой пятилетки.

С самого начала строительства ГРЭС надо было готовить специалистов-энергетиков, обучить рабочих обслуживать сложное оборудование. Учебной базы в республике не было, и посланцев из Литвы с радостью встретили на Северной ГРЭС в Азербайджане, на Приднепровской и Конаковской ГРЭС. Везде им был оказан теплый, радушный прием, учили всем тонкостям и хитростям энергетических специальностей.

— Специалистов готовили так, как будто готовили для себя, — говорил мне Альгердас Лукашевичус. — Такое отношение было и со стороны руководителей, и со стороны рабочих. Между «учениками» и «учителями» завязывалась тесная дружба.

Несколько раз в год группами по сто и более человек электренайцы выезжают к своим коллегам — на Березовскую (Белоруссия) и Молдавскую ГРЭС, на Бурштынскую (Украина) и Прибалтийскую (Эстония) ГРЭС. И везде эти встречи становятся праздниками дружбы: энергетики не только обмениваются опытом работы, но и устраивают спортивные состязания, выступают с концертами самодеятельности. А к электренайцам приезжают энергетики с Конаковской и Молдавской ГРЭС, с которыми рабочие Литовской электростанции заключили договор о социалистическом соревновании.

На Литовской ГРЭС настоящей школой воспитания молодежи стали интернациональные молодежные бригады. В труде крепла и развивалась дружба литовцев и русских, белорусов и украинцев... Хвалили за отличную работу или ругали за нарушение трудовой дисциплины того, кто это заслужил — будь он русский, литовец, белорус...

Об этом мне рассказывали Стасис Раманаускас, секретарь комитета комсомола, и Витаутас Янкунас, начальник дежурной смены, бригадир лучшей из интернациональных молодежных бригад, в которой бок о бок трудятся представители семи национальностей.

Из двухсот комсомольцев электростанции почти половина — ударники коммунистического труда, сорок пять борются за это почетное звание. Юношей и девушек сплачивает социалистическое соревнование — в него включились бригады, цехи, отдельные ком-

На пульте управления электростанции.

сомольцы. Каждый год комитет комсомола проводит конкурсы на лучшего машиниста, слесаря, токаря, начальника смены...

Летом прошлого года в Электренае был международный студенческий лагерь труда и отдыха «Скридис» («Полет»). Конечно, комитет комсомола ГРЭС установил со студентами контакт. И в том, что седьмой блок был сдан досрочно, есть доля участия студентов из Литвы, Польши, ГДР, Болгарии.

Молодежь Литовской ГРЭС интересуют дела комсомольцев на других электростанциях страны. На Украину, в Армению, в Белоруссию, в Ивановскую область полетели письма. В них электренайцы рассказывают о своем городе, о своей электростанции и просят рассказать об успехах молодежи, истории их родных мест, истории создания их электростанций.

К концу нынешнего года, досрочно, электренайцы хотят пустить последний — восьмой — блок. Мощность электростанции достигнет 1,8 миллиона киловатт. Литовская ГРЭС имени В. И. Ленина, электростанция дружбы, станет одной из крупнейших электростанций на северо-западе Советского Союза.

В. ГРИГОРЬЕВ
Фото А. ЕГОРОВА

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ—РАДОСТНЫХ И ОГОРЧИТЕЛЬНЫХ — ИЗ ЖИЗНИ СЕКРЕТАРЯ ЦЕХОВОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ЭТА СЛОЖНАЯ, СЛОЖНАЯ ЖИЗНЬ...

Вот уже четвертый год подряд обстоятельства складываются так, что каждые три-четыре месяца мне доводится встречаться с этой высокой порывистой девушкой. То на радиозаводе, то в лагере комсомольского актива, то на каком-нибудь совещании. По-моему, она доверяет мне, а я, в свою очередь, верю каждому ее слову, ибо уже не раз и не два убеждался в том, что нет в Вале Русаковой стремления к красному словцу и громкой фразе, что постоянно живет в ней этакий придирчивый контролер, равнозначно высвечивающий все хорошее и плохое.

И когда заходит спор о том, каким должен быть настоящий вожак молодежи, я тотчас же вспоминаю Валю Русакову. Мне очень важно знать, что она есть, что именно она ведет за собой большую комсомольскую организацию, что мы непременно встретимся, чтобы поговорить по душам.

Вот и сегодня сидим мы в комитете комсомола, перебирая события минувших месяцев. Многие фамилии, которые называет Валя, мне хорошо знакомы, иные же внове, и тогда она принимается рассказывать об этих людях, как всегда поражая меня своей осведомленностью и точностью характеристик. Секретарь крупнейшей на заводе комсомольской организации двадцать первого цеха, Валя чуть ли не о каждом из четырехсот своих товарищей говорит так, словно лично дружит с ним. Голос ее звучит внешне бесстрастно, но за ровностью тона улавливаются и гордость, и волнение, и негодование, и тревога.

О многом поведала она... В сущности, это был рассказ о сложностях жизни, таких на первый взгляд будничных и таких беспокойных. И мне представилось необходимым пересказать несколько эпизодов читателям.

КОМИТЕТ НА ДОМУ

Когда из года в год проводишь на заводе большую часть суток и тебе знакомо и близко здесь буквально все; больше того, когда ты имеешь к этому всему самое непосредственное отношение, както уж получается, что постоянно ощущаешь себя частью заводского механизма, без которой могут нарушиться важные связи. Ощущение это, видимо, обманчиво, ибо не было еще случая, чтобы от-

сутствие одного, даже очень нужного человека существенно повлияло на ход производства или на течение жизни коллектива. И все же беспокоишься, тревожишься, полагая, что в твое отсутствие непременно что-нибудь напутают и сделают не совсем так, как было задумано. Иному такое может показаться недоверием к товарищам, переоценкой собственных сил. Но это не так. Ощущение своей нужности, а иногда и незаменимости посещает, как правило, натуры цельные, увлекающиеся, если хотите, влюбленные в дело, которому они служат.

А Валя Русакова влюблена в свой завод, где начинала она рядовой монтажницей, в свой цех, в становлении которого принимала самое деятельное участие, в свою комсомольскую организацию, в которой прошла путь от групкомсорга до члена бюро заводского комитета.

И надо же было случиться, что болезнь подстерегла ее именно на пороге отчетно-выборных собраний. Слегла Валя, как говорится, основательно и по сей день ходит с трудом, едва ступая на больную ногу. «Растяжение», — говорили и говорят врачи, настаивая на постельном режиме. Сперва Валя добросовестно выполняла их указания, надеясь на быстрое излечение. Потом стала «наведываться» на завод. Приходила на минутку, но каждое такое посещение затягивалось на долгие часы. Ну а потом и вовсе вышла на работу, хотя было ясно, что не миновать новых процедур, что врачи все же настоят на своем и надолго уложат ее в постель.

Мы сговорились встретиться с самого утра, а свидеться удалось лишь к обеду. В тот день в заводской столовой готовилась выставка-конкурс «Все из яблок», на которой должны были продемонстрировать свое кулинарное искусство женщины цехов и отделов. И конечно же, им понадобилась помощь Вали. Не знаю, много ли приложила она труда, но столик с яствами двадцать первого цеха был великолепен.

Вернемся, однако, к тем дням накануне отчетно-выборных собраний, когда болезнь уложила Валю в постель. Гипсовая повязка сковывала ногу, но еще сильнее одолевали беспокойные мысли. Как там девочки? Ведь за месяц предстояло провести собрания в четырнадцати комсомольских группах, да еще подготовиться к цеховой конференции. А уж кому, как не Вале, было знать о том, что месяц этот во многом определяет успехи и неудачи грядущего года. Пройдут хорошо собрания — быть тогда доброму урожаю комсомольских дел. Если нет, если выльются они в пустые, равнодушные словопрения, без остроты и столкновения мнений, то прощай первенство на заводе, прощай напряженность в работе, приносящая столько забот, а вслед за ними и ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения.

Трудно, ох, как трудно, тревожиться в одиночестве! К счастью, оно не было долгим. Зазвонил телефон, захлопали входные двери.

— Валя, как оформить протокол?

— Валя, нужен твой совет!

— Валя, давай вместе составим отчет.

Валя, Валя, Валя... Комсомольская организация жила, действовала и нуждалась в своем бессменном вожаке. Порой у постели Русаковой собирался весь комитет комсомола, и тогда она, позабыв о болезни, спорила, доказывала, советовала, убеждала подруг, радуясь той обостренной ответственности, что угадывалась в них.

Одно за другим в группах проходили отчетно-выборные собрания. Проходили хорошо, с увлечением, комсомольцы намечали новые смелые рубежи. Все было как при ней, а может быть, даже лучше. И в Ленинский зачет цех вступил дружно, единодушно приняв содержательные личные комплексные планы.

Но вот — первый тревожный сигнал. За ним — второй... Вида Саурусявичюте и Вера Миколайтите категорически отказались вновь возглавить комсомольские группы: мы, мол, свое отработали, пусть теперь потрудятся другие...

Пожалуй, именно это и вынудило Валю Русакову прервать лечение. За пять дней до цеховой отчетно-выборной комсомольской конференции она с незакрытым бюллетенем вышла на работу.

ОБЕДНЕННОЕ СЧАСТЬЕ

Дни пролетели мгновением. А потом была конференция. Состоялась она в воскресенье в Доме культуры профсоюзов после полной трудовой недели. Явка делегатов не беспокоила Валю, хотя многие девушки живут за городом, — дисциплина в организации крепкая. Но сложится ли откровенный разговор? Твердо обещали выступить всего трое...

Не стану пересказывать хода конференции. Изложу лишь мнение о ней директора завода, который непременно участвует в форумах лучшей комсомольской организации предприятия:

— Хорошо! Глубоко и очень деловито! И активность просто завидная!

И все же, что стряслось с Саурусявичюте и Миколайтите?

Первая из них, бывший групорг лучшей комсомольской группы района, не явилась даже на конференцию. Неужто причиной этому замужество? Неужто не понимают, что сами обедняют свое счастье, замыкаясь в узких семейных рамках?

Нет. Русакова отгоняла от себя эти мысли. Ей казалось, что они как-то унижают ее подруг, с которыми «съедено немало комсомольского хлеба». Ведь Валентина Салинайте и Стасе Пурайте тоже вышли замуж, почти одновременно с Верой и Видой. Но не отшатнулись от комсомола, не вычеркнули себя из списков деятельных людей. Салинайте как была членом комитета, так и осталась. Пурайте — тоже член комитета и одновременно вожак одной из передовых групп цеха. Выйдя замуж, сказала: «Мой муж хочет познакомиться с коллективом». И познакомила. И стал он непременным участником всех цеховых радостей и забот...

В чем же все-таки дело? И сразу вспомнилась семья Васайтисов. Ионас — старший мастер цеха, член комитета с незапамятных времен. Возраст у него давно уже перевалил за комсомольский, а душа, пожалуй, моложе самых молодых. Девушки просто не представляют себе комитета без Ионаса, который возглавляет сектор по работе с молодежью, не состоящей в комсомоле. Тридцать два молодых человека пополнили за отчетный период первичную организацию цеха. Жена Ионаса долгое время руководила общеобразовательным советом. И в цехе всерьез горевали, когда покинула она коллектив, перейдя на другой участок.

Особенно был непонятен отход от комсомола Виды Саурусявичюте. Правда, у нее и прежде бывали срывы. То вдруг откажется выполнять поручение, то не явится на важное мероприятие, то затеет бессмысленный спор. Но потом, поостыв, она всегда энергично наверстывала упущенное. Живая, общительная, певунья, Вида легко находила общий язык с группой. И дела шли у нее весело, задорно. А как гордилась она, узнав, что ее комсомольская группа признана лучшей в районе по итогам соревнования в честь XXIV съезда КПСС...

Значит, все же замужество? И тут же другой вопрос — неприятный, колючий: «Сваливаешь все на замужество, а сама, выходит, хочешь остаться в стороне?»

Постепенно, трудно приходило к Вале сознание собственной вины. Замуж Вида вышла в августе, но еще задолго до этого события несколько раз срывались у нее с языка фразы о том, что замужество поставит точку на ее комсомольской биографии. Восприняли это в шутку, а оказалось всерьез... Значит, недостаточно знаем людей, значит, упускаем важное...

Уход Миколайтите Валя переживает меньше. Хотя и здесь явное упущение комитета. Ведь Вера сменила на посту групорга Янину Дайётайте — лучшего вожака комсомольской группы в республике. И стала эта группа за год весьма посредственной. Правда, можно было успокаивать себя тем, что народ в группе уже иной, но факт остается фактом — недоглядели, понадеялись на силу традиции, на саму Веру, которая так ничем и не проявила себя.

НОВЫЕ МАЛЕНЬКИЕ ДРУЗЬЯ

Как ни успешно прошла конференция, все же остался после нее у Вали осадок. Может, для других и незаметный, а для нее лично неприятный. Дело в том, что была нарушена одна многолетняя цеховая традиция. Зародилась она десять лет назад, когда комсомольская группа, которой руководила в то время сама Валя,

---

ПУНТАКАС

Пунтакас — один из самых больших гранитных валунов Литвы, памятник природы, входящий в ландшафтный заповедник Аникщяйского бора. Длина валуна 6,9 метра, ширина — 6,7 метра, высота — 5,7 метра, вес 265 тонн.

В старину валун считался священным, на нем сжигались жертвы, приносимые богам. По преданию, на нем был сожжен живым герой Пунтакас. С тех пор камень и называется его именем.

Пунтакас не только памятник природы. Это одновременно памятник выдающимся литовским летчикам Стяпонасу Дарюсу и Стасису Гиренасу, которые, совершив в 1933 году перелет через Атлантику на самолете «Литуаника», при невыясненных обстоятельствах погибли на тогдашней территории Германии в Сольдинском лесу (ны-

подружилась с ребятишками из Линксмакальнисской начальной школы.

Часто бывали друг у друга в гостях, отмечали вместе все праздники, шили малышам карнавальные костюмы и доставляли игрушки, рассказывали сказки. Ребятишки непременно поздравляли своих «коллективных мам» с днем Восьмого марта и, как правило, приезжали с теплыми словами на комсомольские конференции. А вот на этот раз их не было. Не позаботилась Вида Саурусявичюте, а Валя была больна.

Вместо Виды групоргом сейчас избрали Машу Рейниковайте, и все, конечно, наладится, но снова упущение, снова ослабло одно из звеньев.

Правда, круг маленьких друзей у комсомольской организации цеха расширился, и Валю радует та серьезность, с которой относятся к ним ее подруги. А было так. В газете «Социалистическая индустрия» появился снимок группы комсомолок двадцать первого цеха Каунасского радиозавода. Вскоре почта принесла на их имя письмо из Фрунзе. «Хотим с вами дружить», — писали ребята из школы № 61. Потом они прислали посылку с книгами, открытками, фотографиями «видов наших гор». В цехе сразу же оборудовали стенд «Ребята из Фрунзе рассказывают».

Завязалась переписка. Через некоторое время школьникам потребовались материалы для интернационального вечера, на котором они должны были представлять Литву. Они прислали длиннейший список необходимого, и просьбу их удалось выполнить полностью. Во Фрунзе отправили не только карты, национальные пояса, открытки и книги, но даже куклы в соответствующем одеянии...

...Знаю, что при следующей нашей встрече Валя поведает о новых своих заботах, и я снова уловлю неудовлетворенность в ее тоне. Видимо, именно в этой неудовлетворенности много и плодотворно работающего человека и заключено большое счастье служения людям.

Л. БАЛТКАЛЬНИС

не Мыслибож, Польша). За 35 часов 15 минут летчики пролетели без посадок 6411 километров (до Каунаса им оставалось 650 километров). По дальности полетов в то время Дарюс и Гиренас заняли второе место в мире.

Хотя официально сообщалось, что катастрофа была вызвана бурей и поломкой мотора, широко распространилась другая версия гибели летчиков: самолет сбили гитлеровцы. Они первыми побывали и на месте катастрофы, так что имели возможность уничтожить нежелательные следы.

В 1943 году в память погибших летчиков скульптор Б. Пундзюс втайне от гитлеровцев на плоской стороне гранитного валуна высек барельеф С. Дарюса и С. Гиренаса и их завещание литовскому народу, написанное перед полетом через Атлантику.

Балтика и Литва... Эти понятия словно синонимы, они неотделимы друг от друга. С древнейших времен литовский народ создавал поэтические легенды о неповторимой красоте приморского края, о сильных и мужественных людях, овеянных штормовыми ветрами Балтики. Предания о героических свершениях прибалтов тесно переплетаются с легендами о нежных, любящих сердцах обитателей морского царства. Обаятельная Юрате, задушевная Эгле, мужественная Неринга... Все эти образы получили отображение в творчестве литовских музыкантов и писателей, поэтов и художников. Они черпают темы из народных преданий и легенд, словно из чистого, неиссякаемого родника богатой фантазии и глубокой человеческой мудрости.

На тематической выставке «Наше море» в Вильнюсском Дворце художественных выставок мы вновь встретились и с героями древних преданий, и с нашими современниками.

МОЛОДЫЕ И МОРЕ

150 художников представили около 400 произведений. Это графика, и скульптура, и живопись, и прикладное искусство. Интересны работы мастеров старшего и среднего поколения, таких, как В. Мяцкявичюс, А. Гудайтис, Ю. Кедайнис, В. Юркунас, С. Вейверите, С. Джяукштас, Г. Петрова. Они составили основное ядро выставки. Но нам хотелось бы коснуться творчества молодых — тех художников, которым нет еще и тридцати пяти...

Голоса молодых звучат в полную силу. Знакомясь с их работами, мы можем говорить о том, что в среде молодежи уже формируются яркие творческие индивидуальности. Казалось бы, совсем недавно дебютировал Л. Тулейкис. Несколько лет назад он закончил художественный институт. Далее последовал напряженный труд, участие на республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках. Молодого художника волнуют темы борьбы и труда, он передает напряженный пульс современной действительности. Сегодня мы уже можем говорить об индивидуальном стиле Тулейкиса, его художественном методе. Фигурные композиции живописца экспрессивны, динамичны, глубоко эмоциональны. Художник избегает перспективы, пространства, он дает плоскостное решение, часто — условный фон. Всю эмоциональную нагрузку несут фигуры, выдвинутые на передний план. Главное в живописном почерке художника — насыщенная цветовая гамма, которая подобна щедрой россыпи драгоценных камней.

Динамично полотно «Паланга. 1941-й». В картине проходит тема борьбы с фашизмом, надвигающимся вместе с темными тучами со стороны моря, с запада. В левой части полотна — женская фигура, напряженная, как струна. В стремительном движении она вскинула руки к небу, взывая к возмездию. Этот образ — словно символический, скорбный лик Литвы. Естественно движение матери-Литвы защитить своих детей, изображенных здесь плотной группой справа. Они — у самого края картины,

а там, за пределами рамы, наша фантазия дополняет сцену, и мы видим этих людей жертвами Пирчюписа... Драматичность содержания картины органично сливается с цветовым ее решением. Темно-синее море, все в отблесках багрово-красного зарева пожарищ, крови человеческих жертв... Если «Паланга. 1941-й» — скорбный реквием, то натюрморт «Отпуск в Ниде» — это широкое окно в мир прекрасного. Спокойный, умиротворенный пейзаж, открывающийся за окном, горизонтальные линии лодок, морского берега, овеянного тишиной. Вдали — плавные, льющиеся линии золотистых дюн. «Внуки старых куршев» — философское размышление художника о преемственности традиций и постоянном обновлении жизни, о мудром спокойствии старости и любопытных глазах детства. «Дочь рыбака» — гимн солнцу и молодости. Картина, словно монолит прозрачного янтаря, излучает внутренний свет и ласковую теплоту.

В. Кисараускас, „Обед рыбаков".

Рядом с произведениями Л. Тулейкиса картины Г. Витартайте звучат камерно. Художница создает спокойные, уравновешенные композиции. Она оперирует большими цветовыми плоскостями. Так выполнена картина «Женщина и рыбы», вся пронизанная теплыми охристыми тонами, отблесками янтарного взморья. Кра-

сива по цвету «Лодка на воде»; художнице удалось передать романтическую настроенность, широкое дыхание спокойно отдыхающей Прибалтики.

В. Гурскис выступает в своих произведениях как поэт и романтик. Он любуется красотой природы, пишет «Этюд Древерны» широким мазком, увлеченно и импульсивно. Чуть намечены очертания огромных деревьев, в тени которых утонули маленькие домики. В этюдной незавершенности чувствуется тонкое понимание красоты, которая не поражает с первого взгляда, но таится где-то в глубине и раскрывается постепенно. По сравнению с этим этюдом В. Гурскиса его «Вечер в порту Древерны» — более завершенное произведение. Картина необычайно осязаема и предметна. По кромке лодок и судов пробегает цепочка света... Вода, как темно-синие чернила, густая и плотная.

Л. Тулейкис, „Дочь рыбака".

Л. Тулейкис, „Эстафета молодости".

Л. Гутаускас уводит зрителя в мир поэтических легенд. Свое большое полотно Гутаускас назвал «Мать-Эглес и Дрябуле». ...Песчаные дюны. Свинцово-синее небо. Мать-Эглес обнимает своих сыновей, прильнувших к ней. Их лица печальны, задумчивы. Но самая глубокая скорбь, страдание — в лице матери... Обратившись к народной легенде «Эгле — королева ужей», живописец передает тему извечной материнской любви, тему борьбы Добра и Зла, Света и Тьмы. Стиль художника, его пластический язык, сдержанные живописные средства выражают народный литовский характер, его стремление к неяркой красоте, полной глубокого своеобразного очарования.

Для литовской графики характерно философское осмысление событий, индивидуальные художественные концепции. Особенно у молодежи чувствуется стремление не только «рассказать» о жизни, о событиях, но вникнуть в самую суть явлений. Молодые графики вводят цветовое решение, экспериментируют в технике исполнения.

Однако, идя по этому пути, следует помнить о главном: гоняясь за сверхновшествами, нельзя утрачивать связи с глубокими традициями народного искусства.

Хорошо, что в работах некоторых молодых графиков, представленных на выставке, чувствуется явная преемственность традиций. Е. Кучайте («Отдых») избегает крупных черно-белых плоскостей, контрастов. Красивы листы И. Лабутите из цикла «Дея-

тели культуры Клайпедского края». Они богаты по фактуре, в них удачно использованы цветовые соотношения золотого и густо-коричневого тонов. Чем-то они напоминают кожаные переплеты старинных фолиантов. Достоинство этого цикла — умелое применение шрифта, что характерно для народной литовской графики. В. Иовайшене мягко и задушевно ведет неторопливое повествование о красоте родного края («Мелраге», «Нида», «Клайпеда»).

И. Катинене представила на выставку свои листы из цикла композиции на темы поэмы Миколайтиса Путинаса «Эгле и Жильвинас». Эти импровизации молодого графика отличаются фактурными поисками. В них введены цветовые акценты зеленого, красного, голубого тонов, и это придает листам элементы декоративности.

Когда мы говорим о творчестве молодых, ни в коем случае нельзя ставить точку, подводить черту. Можно лишь отметить характерные черты, особенности стиля, стремление художника работать в том или ином направлении. А впереди — поиски.

Г. БАЛЬЧЮНЕНЕ, старший научный сотрудник Художественного музея ЛССР

Статьи литовских журналистов перевела Р. Малханова

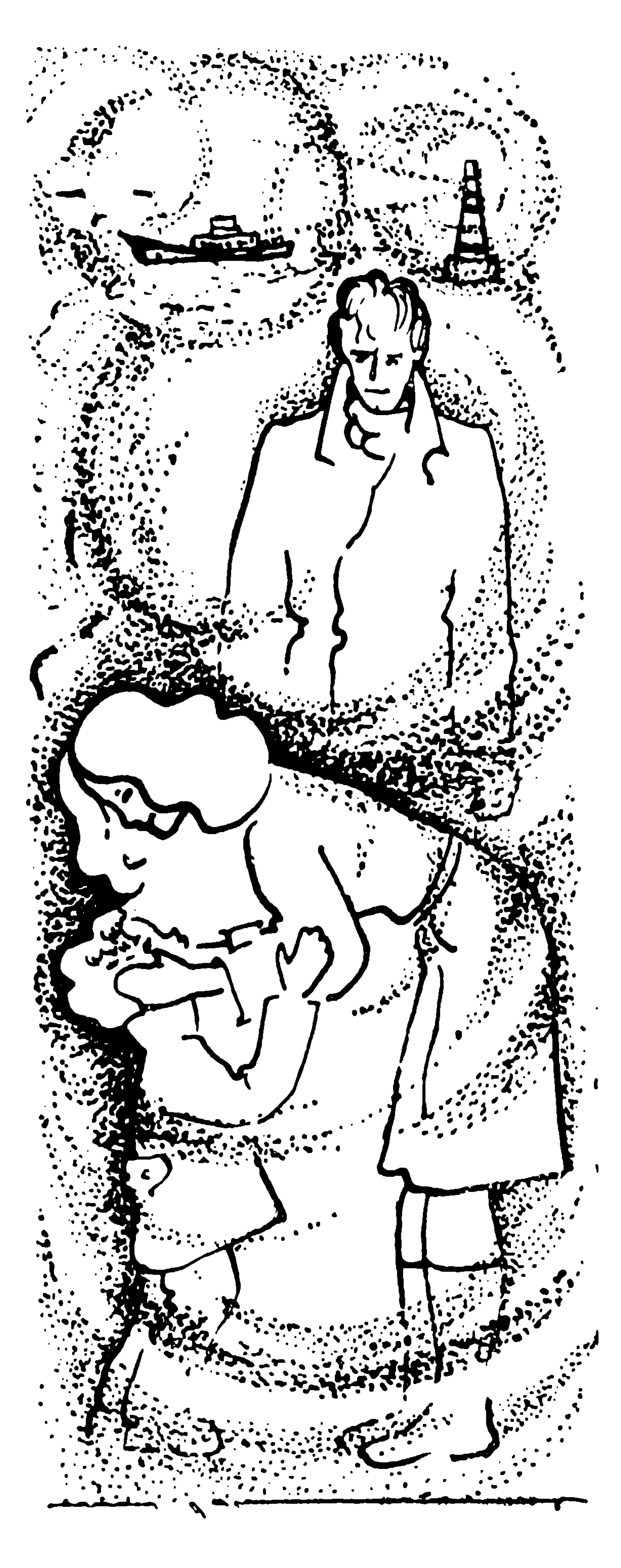
И. Чепонис, „Вильнюс".

Эдмундас **КРИПАЙТИС**

ТУМАН

РАССКАЗ

Воет и воет сирена на маяке. Ее мрачный вой сверлит уши, точит сердце и мозг, словно червь. Пип... пип... пип... и так без конца. Кажется, что ты становишься дырявым и прозрачным, как сито.

Умолкни хоть на минутку, сирена! Я усталый человек, усталый синоптик. Всю ночь бодрствовал и теперь хочу спать.

Пип... пип... пип...

Рассвирепев, я отворачиваюсь к окну и сжимаю кулаки... Нервы... Никуда не годные нервы! Нужно хорошенько выспаться...

Наше окно, моей и Альбинаса комнаты, смотрит в вечер, на огромную песчаную пустыню. Она тянется вправо, до желтых приморских дюн. Желтая и угрюмая, местами залитая водой, а на возвышенных местах кое-где поросшая высокой жесткой травой. В другой стороне пустыни каменный мол, длинный, до самого горизонта. Во время бури волны заливают его, устремляются на позеленевшие камни и бросаются на пустыню. Остается только несколько песчаных холмиков, торчащих из воды. И на эти маленькие острова прилетает множество белых, красивых, но противно кричащих чаек. Мо-

ря не видно — его закрывает мол, но чувствуешь его каждый день, каждый час, каждую минуту. Когда ветер с моря — а он редко дует в другом направлении, — сырость и холод пронизывают до самых костей, и мы никак не можем наглухо закрыть единственное окно.

Сегодня нет ветра — только туман.

Пип... пип... Совсем недалеко громко и нагло воет сирена, заглушая радиоприемник, убивая хорошее настроение после долгой ночной смены.

Мне нравится наша уютная, с «солидной» мебелью комната: софа, втиснутая в угол раскладушка, один целый, а другой разобранный радиоаппарат, который я уже неделю ремонтирую в свободное время. Нравится мне и унылое пространство за нашим окном — так Альбинас называет эту пустыню, все бесконечно дорого и мило, только умолкни, сирена! Заткни наконец свою глотку, ведьма!

Меня вновь охватывает глупая, нелепая злоба.

Наверное, опять нервы...

Я беру ведро, мокрой тряпкой вытираю ванну. На минуту забываю о докучливой сирене. Ее еще можно терпеть, если работать и не думать о ней. А теперь я иду спать. Натягиваю одеяло до самых ушей, а на голову кладу еще одну подушку...

Просыпаюсь я от резкого звонка. Лежу не двигаясь, а потом вскакиваю как ужаленный. Туман, кажется, рассеялся, но сирена все еще воет. Натягиваю брюки и, сунув ноги в ботинки, в одной майке иду открывать дверь.

На площадке стоит она, наша соседка Валентина.

— Добрый день, — говорит молодая женщина.

Она держит за руку своего взъерошенного шестилетнего сына Линаса и смотрит на меня серыми глазами. Взгляд у нее прямой, открытый и в то же время неуловимый, пугливый. Я никак не могу его понять.

Эдмундас Крипайтис родился в 1938 году в Клайпеде. Окончил экономический факультет Вильнюсского государственного университета. Первые рассказы появились в республиканской печати в 1963 году. В 1969 году в Литве вышла первая книга Э. Крипайтиса «Мгновения».

— Будьте добры, Гидас, присмотрите, если можете, за моим сокровищем. Я должна поехать в город и боюсь оставить его одного.

Мальчик уже привык ко мне, он смело переступает порог. Валентина уходит к себе и вскоре приносит ящик с игрушками Линаса. Она ставит его посреди комнаты. Я смотрю на ее изящные ноги, а когда она выпрямляется, взглядываю прямо в глаза. Неожиданно мою грудь пронзает острая боль, сначала с левой, а потом и с правой стороны. Почему справа? Там ведь нет сердца. Странно!

Кудрявый малыш раскидал по полу игрушки, фыркает, как машина, и разговаривает сам с собой, а я, двадцатичетырехлетний мужчина, высокий и тонкий, заросший светлыми космами (давно пора постричься!), стою в одной рубашке у окна и улыбаюсь. Я думаю об этой красивой женщине с серыми глазами. Глаза у нее большие, иногда серо-голубые, иногда зеленоватые, всегда полные светлых искр, которые сверкают под длинными ресницами, где-то в самой глубине глаз. Эти искры обманывают меня, волнуют, выводят из равновесия. У меня дрожат руки, колени, с каким-то странным удовольствием я чувствую в груди укол, болезненный и сладкий. Я трепещу, словно кролик, поднятый за уши над землей, а она спокойна, грустна, серьезна и совсем непонятна мне. У нее крупное, волевое лицо, яркие сочные губы. На плечи волнами падают длинные тяжелые и жесткие каштановые волосы. Их аромат я чувствую уже издали. Я боюсь только одного, чтобы она не заметила, как в ее присутствии я становлюсь невесомым, вздрагиваю от каждого дуновения, — в любой момент могу улететь. И я из последних сил изображаю человека, который познал в жизни все и поэтому ко всему равнодушен. Не знаю, удается ли мне ее обмануть.

Должно быть, прошло много времени. Линасу надоели игрушки, а мне книга, радио и безделье. Надев пальто, мы выходим во двор.

Маленький, быстрый, как мышонок, Линас с криком бежит по мокрому песку. А я шлепаю следом. Схватив обломок палки, мальчик подкрадывается к стае чаек, но те с криком взлетают... И Линас уже ищет камень. Мы пересекаем пустыню и поднимаемся в дюны. Море серое, туманное, горизонта не видно. Небо тоже серое. И вода серая. Куда-то исчезло огромное пространство, величе-

ственный вид и возвышающее, волнующее тебя чувство. Все очень просто. Ленивые волны, шурша, лижут бурый слежавшийся песок, выброшенные там и сям на берег почерневшие водоросли. Спустившись к воде, мы долго роемся в куче водорослей, ища янтарь. Найдя желтый камешек, Линас спрашивает у меня, янтарь ли это. Я отвечаю, что нет. Линас отворачивается, вертит камешек на ладони и кладет его в карман. Браво, Линас, ты правильно оцениваешь вещи, у тебя есть воля не считаться с чужим мнением. Если этот камень тебе нравится, разве важно, что он не янтарь?

Замерзнув, найдя лишь несколько микроскопических янтарных крупинок и покрасневшими руками засунув их в карман, мы возвращаемся домой. Я иду первым. Линас плетется позади, значительно отстав. Устал.

Ноги погружаются в сырой песок. Мы видим, что перед нашим домом стоит стройная тонкая женщина с сумкой через плечо. Это Валентина. Наверно, увидела нас еще издали, возвращаясь из города. Туман, словно прозрачная вуаль, округлил контуры ее фигуры, я не вижу лица Валентины, но знаю, что оно ясное и теплое. За моей спиной шагает усталый Линас, воет сирена маяка, а впереди, окутанная туманом, неясно виднеется фигура моей соседки Валентины, такая милая, хрупкая и неосязаемая. Я чувствую, как бьется сердце. Не замечая, ускоряю шаг. Наверно, мог бы и полететь. Мне кажется, я знаю, что значит быть счастливым. Пусть сверлит уши этот противный вой.

— Мама!

Линас опережает меня и с разбегу обнимает Валенти-

Горячо, сердечно поздравляю «Молодую гвардию» — славный журнал нашей молодежи — со вступлением в пору мудрости, солдатской готовности номер один — по-гвардейски служить завещанному Лениным великому делу: защищать свободу, счастье, человечество и беспощадно разить врагов коммунизма.

Виталий ЗАКРУТКИН

станица Кочетовская
Ростовской области

ну. Она обеими руками стискивает щеки сына, целует его в лоб, нос, а я стою рядом и глупо улыбаюсь, радуясь и грустя, чувствую некоторое разочарование, но все равно улыбаюсь.

Линас показывает найденные им сокровища: ровно стертые камешки, слоистые, красиво отполированные кусочки дерева, белые жемчужные раковины и трубки тростника. Нагнувшись, он растягивает резинки штанов, и оттуда высыпается целый клад. Когда он только успел все это собрать!

Браво, Линас!

Маленький мальчик и улыбающаяся юная женщина, окутанные серым туманом, радуются стертым морским камешкам, белым жемчужным раковинам и еще чему-то. А я стою рядом, и в моей груди ноет, должно быть, от этого проклятого воя сирены.

Уже темнеет. Впереди целый вечер, свободный и долгий. Я не знаю, чем заняться, чтобы забыть страшный вой сирены, эти высыпанные на землю камешки, стройные ноги молодой женщины. Она приглашает меня на обед, но я отвечаю, что еду в город. На самом деле я никуда не еду. В городе у меня нет никаких дел. Сегодня я не работаю.

В моей комнатке, в доме из красного кирпича, на пятом этаже, над картами торчит Альбинас. Время от времени звонит телефон. Люди из гавани, с аэродрома осведомляются о ветре и ожидаемой погоде, а за толстой стеной в радиоаппаратной монотонно трещит телетайп. Такой же самый аппарат работает где-то в Северной Атлантике, на судне, попавшем в туман. В его радиокаюте сидит веселый светловолосый парень, муж моей соседки. Он всегда улыбается, чему-то радуется, показывая свои белые ровные зубы, и, встряхивая головой, откидывает падающие на лоб волосы.

Сегодня я не работаю. Хорошо было бы перекусить.

...Волосы у Валентины каштановые, упругие и пахнущие на расстоянии. Глаза серые, спокойные, со светлыми искрами. Я мог бы зайти за книгой...

Воет и воет сирена на маяке... Я поем, почитаю и, может быть, пойду спать, а мог бы зайти за книгой. Светлые, милые искорки... И совсем рядом, за стеной...

Перевод с литовского Е. Борисовой-Ветровой

Э. СОКОЛОВА,

заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, кандидат философских наук

ЮБИЛЕЙ СОВЕТСКОЙ ПИОНЕРИИ

19 мая 1972 года — юбилей советской пионерии. Детская коммунистическая организация — почти ровесница Советскому государству.

Закрепление завоеваний революции партия всегда связывала с коммунистическим воспитанием народа, и прежде всего — молодого поколения. Раскрепощение человека, расцвет его способностей и всестороннее развитие возможны только через всеобщее образование. Поэтому в числе самых ранних советских декретов были законы об охране жизни и здоровья детей, о создании новой школы и новых типов детских учреждений. Этим объясняется то внимание, которое партия уделяла объединению молодежи и детей в добровольные самодеятельные коммунистические организации.

«...Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к... строительству коммунизма, — говорил В. И. Ленин в речи на III съезде РКСМ, — вы коммунистического общества не построите».

Шел пятый год революции. Только что закончилась гражданская война. Наступило время величайшей творческой работы миллионных масс трудящихся. Строилась новая жизнь. Энтузиазм взрослых увлекал и захватывал и детей. Они хотели быть рядом со старшими, жаждали участия в общем деле. В рядах комсомола, возникшего в 1918 году, было немало подростков 12—15 лет. В разных городах страны действовали детские коммунистические группы. Коммунистическая партия поручила РКСМ заняться объединением этих маленьких помощников революции. Сначала в Москве, а потом по всей стране собирали, сплачивали пролетарскую детвору лучшие представители комсомола.

Один из первых пионеров Красной Пресни в Москве, Борис Кудинов, рассказывает:

— Тринадцатого февраля 1922 года в клубе 16-й типографии собралось около 70 мальчишек, типографских учеников. Они шумели, перебегали с места на место, некоторые курили. Но вот на середину вышел вожатый. Во всем облике этого стройного высокого парня чувствовались спокойствие и решимость. Он поднял руку, и все постепенно умолкли. Говорил просто и увлеченно, рассказывал полуоборванным мальчишкам, кто и почему совершил революцию, что за люди коммунисты и комсомольцы, что могут сделать ребята, записавшиеся в пионеры, для новой жизни. Перед глазами всех возникла перспектива жизни яркой, необычайно привлекательной.

19 мая 1922 года II Всероссийская конференция РКСМ в своей резолюции записала: «Принимая во внимание настоятельную необходимость самоорганизации пролетарских детей, Всероссийская конференция поручает ЦК разобрать вопрос о детском движении. Учитывая опыт московской организации, конференция постановляет распространить этот опыт на тех же основаниях и на другие организации РКСМ».

Сначала их было немного, юных пионеров. Но из разрозненных групп стремительно вырастала большая организация. Уже в декабре 1922 года V съезд РКСМ оформил отдельные отряды всей страны в пионерскую организацию с едиными принципами построения и деятельности.

Все замечательные начинания красногалстучного племени за пятьдесят лет рождены потребностью ребят участвовать в делах народа, разделить со взрослыми все их большие заботы, жить теми интересами, которыми живет страна.

Юные пионеры оказались надежными помощниками в работе с беспризорниками. Пионерский клуб, пионерский лагерь стали первой ступенькой к нормальной жизни для многих лишенных крова и родителей подростков. Пионерские отряды помогали ликвидировать неграмотность: двенадцати-тринадцатилетние ребята терпеливо обучали взрослых грамоте, читали им газеты, создавали общественные библиотеки. В пятилетки страны внесла советская пионерия частицу своего труда, жар юных сердец. Плечом к плечу со взрослыми встали пионеры в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны. С новым горячим энтузиазмом в послевоенные годы взялись за восстановление разрушенного врагом. Новые пятилетки — новые пионерские дела: сбор металлического лома на строительство железной дороги Абакан — Тайшет, нефтепровода «Дружба», экспедиция «Заветам Ленина верны» и множество других начинаний, существом своим показывающих, что наша пионерия живет одним дыханием с великой коммунистической стройкой.

Миллионы и миллионы советских людей разных поколений с благодарностью вспоминают сегодня пионерское детство — в нем истоки их характера, взглядов, убеждений, отношения к жизни. Вот какие ответы получила газета «Комсомольская правда» на вопрос «Чем запомнились вам пионерские годы?».

«Было у нас какое-то обостренное любопытство к каждому событию в стране. Этот интерес с годами становился более сознательным, глубоким, активным, но начало его — там, в отряде». (ФИРС ШИШИГИН, народный артист СССР, главный режиссер Ярославского драматического театра.)

«Какое-то особое удовольствие чувствовать, как все вместе шагают в ногу, ладно, весело. Мне запомнилась навсегда эта ра-

дость общего переживания». (ГАЛИНА ТВЕРСКАЯ, инженер-технолог.)

«В работе над моделями (в пионерском кружке) впервые испытал радость точного знания... Пожалуй, это чувство и привело меня потом в университет, в аспирантуру». (МИХАИЛ СОКОЛОВ, кандидат физико-математических наук.)

Интерес к политической жизни, радость коллективной работы, рождение увлечения и даже выбор профессии — вот те замечательные ценности, которыми одаривает человека в детстве пионерская организация.

И есть еще одно главное, что воспитывается пионерской жизнью, — классовое восприятие окружающего, умение понимать интересы трудящихся и ненавидеть врагов социализма, мира и прогресса. Тот, кто прошел через пионерскую организацию, не только запомнил кумач знамени и галстука, он сохранил в своем сознании, в сердце нечто большее, приобщился к коммунистической идеологии.

На заре пионерского движения, видя, какое могучее влияние оказывает оно на детей, все, кто стоял у колыбели нашей организации, мечтали о том дне, когда пионером станет каждый советский ребенок. Н. К. Крупская говорила, что пионерское движение может и должно охватить всех детей нашей страны. Сегодня эта мечта воплощена в жизнь. Пионерская организация воспитывает детей продолжателями героических дел отцов, единомышленниками тех, кто совершил социалистическую революцию, кто защитил ее от фашистских орд, кто сегодня строит коммунизм.

С огромной энергией двадцатитрехмиллионная пионерия готовилась к своему 50-летию. В эти годы каждый из 180 тысяч пионерских отрядов делами старался оправдать боевой, задорный пионерский девиз «Всегда готов!». Пионер всегда готов быть помощником партии и комсомола, учиться на совесть, знать, любить и защищать свое великое Отечество — СССР, укреплять и развивать традиции своей организации, готовить из октябрят смену пионерам.

Это и стало содержанием Всесоюзного марша пионерских отрядов «Всегда готов!». Марш собрал воедино и продолжил все те направления, которые сложились в пионерской работе. Не переоценивая, можно сказать, что он представляет собой довольно обширную программу, рассчитанную на силы развитых, активных, любознательных современных ребят.

Как много могут, как много успевают сделать наши ребята! В дружинах действуют клубы любителей науки и техники, «малые Тимирязевки», отряды красных следопытов, «зеленые» и «голубые» патрули. Почти в каждой дружине теперь — музеи В. И. Ленина, боевой и трудовой славы; к юбилею составлены пионерские летописи. Во время каникул во все концы страны разъезжаются юные археологи, историки, геологи, собиратели народного фольклора, биологи... В походах открывают они для себя неповторимую красоту нашей жизни, знакомятся со славными революционными традициями народа, постигают величие и богатство природы, учатся понимать и беречь ее.

Пионеры страны хотят подарить детям Чукотки чудесный красавец дворец, построенный на заработанные сообща деньги. Их разделяют тысячи километров, но они тем не менее рядом, они в одной строительной бригаде — пионеры Украины и Грузии, Сред-

ней Азии и Прибалтики. Скоро зазеленеют молодые деревца «Шевченковского сада». Он раскинется на полуострове Мангышлак, где некогда томился в ссылке великий украинский поэт. «Шевченковский сад» — это подарок стране пионеров двух республик — Украины и Казахстана.

К пионерскому юбилею в городах и селах появятся новые памятники и мемориалы, прославляющие подвиги юных героев, украсятся новыми аллеями и цветниками улицы, носящие имя «пионерских». Миллионы тимуровцев по всей стране заботятся о ветеранах труда и войны. Это верное понимание и деятельное проявление у наших детей их сыновнего долга. Это залог того, что чувство благодарности к тем, кто самоотверженно отдавал себя служению Родине, передается в нашем обществе из поколения в поколение.

Юные ленинцы страны — наследники и продолжатели высоких традиций интернационализма и братской пролетарской солидарности. И мы знаем, с каким чутким вниманием ребята в красных галстуках прислушиваются к пульсу планеты. Их горячие симпатии безраздельно отданы тем, кто борется за свободу и независимость своей страны, за социальную справедливость, мир и прогресс.

Сильна и крепка дружба советских ребят с их ровесниками в странах социализма. Они проводят совместные соревнования, организуют лагеря, экспедиции. С каждым годом укрепляются связи советских пионеров с детскими прогрессивными организациями разных стран. Наши пионеры вместе с зарубежными друзьями сообща создают книгу «Пусть всегда будет солнце!». Эта книга станет ярким выражением стремления детей к миру, счастью, дружбе, а вместе с тем и обличительным документом, предъявленным детьми злейшему врагу человечности и прогресса — мировому империализму.

В укрепление международного братства и дружбы детей внесла немалый вклад пионерская организация СССР.

Однажды в Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации пришла группа сотрудников Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР: «Мы хотим сделать подарок пионерам — изготовить карту, которая расскажет всем, что это за страна Пионерия...»

А ведь, правда, — пионерия — это как целая страна. Если собрать воедино цифры и факты, которые характеризуют ее размеры, этапы пути, основные события и дела пионеров, — откроется захватывающая дух картина. Знаки-символы, обозначающие это, густо покроют всю территорию СССР. Дворцы пионеров, технические, юннатские и туристские станции, пионерские лагеря, детские железные дороги и пароходства, газеты, журналы, театры, библиотеки — все это Родина дала своим детям, пионерской организации.

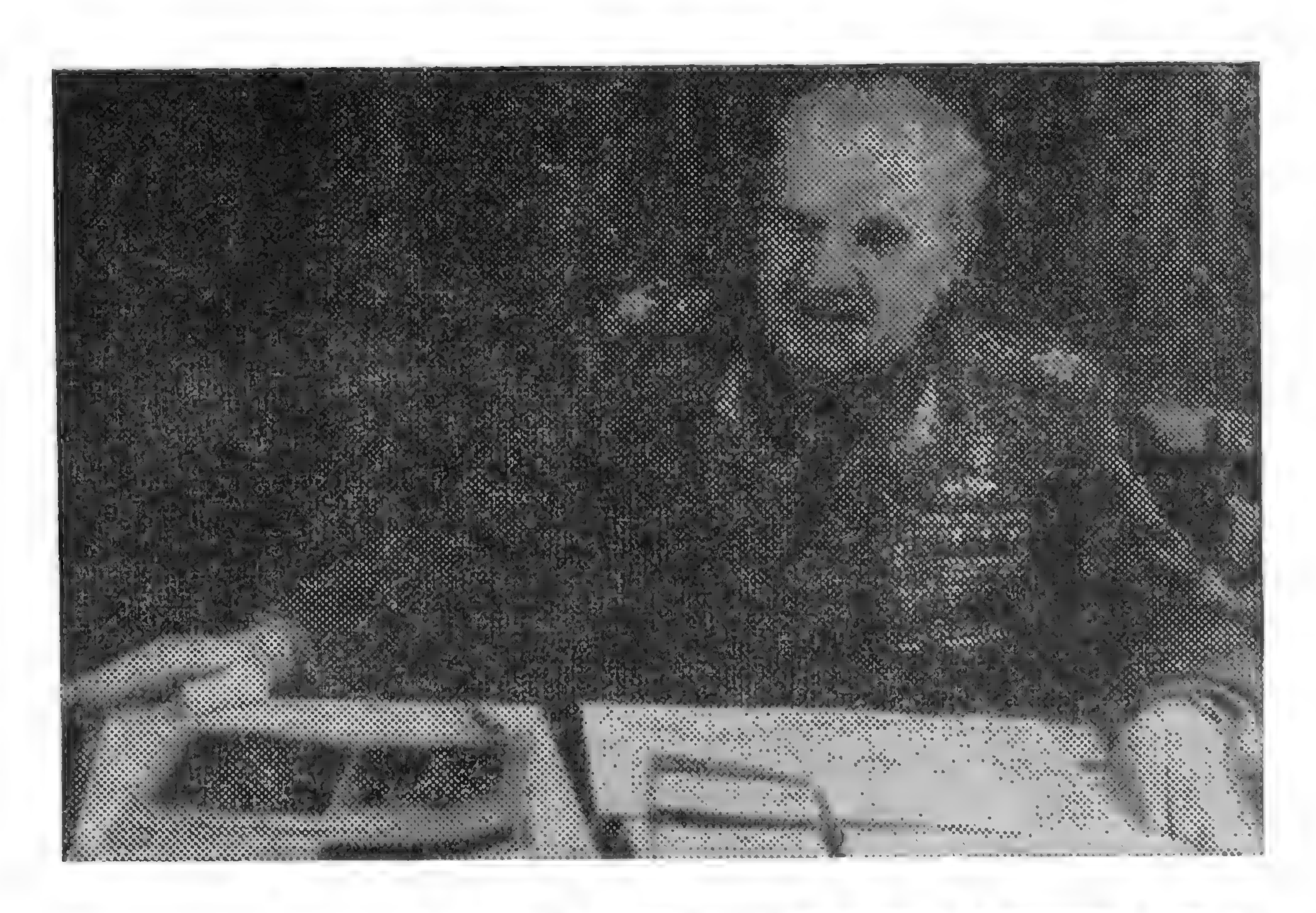
Но есть такое в заботе о детях, что уже никак на карте не изобразишь. Например, каждая школа, а следовательно, и каждая пионерская дружина имеют шефа — производственный коллектив. И в этом — органическая связь поколений. Я помню доменный цех Магнитогорского металлургического комбината. Коллектив этого цеха отвечает за пять подшефных школ и три детских сада. Забота о детях-школьниках — часть жизни доменщиков, важная часть партийной и комсомольской работы. Никогда не забуду, как седовласый парторг и юный секретарь комитета комсомола рассказы-

вали: «А мы нашим детям в кабинетах новое оборудование поставили... Вместе вечер трех поколений провели... Пропусков на комбинат добились, хотя не очень-то это разрешается...»

50 лет Ленинский комсомол с честью выполняет поручение партии. Он — повседневный вожак юных пионеров. В стране сотни тысяч вожатых дружин и отрядов. У вожатых, пришедших к пионерам из студенческих аудиторий, цехов, заводов, с колхозных полей и ферм, ребята учатся любить труд, науку, вместе с ними учатся жить и работать, воплощать в дела решения партии и Ленинского комсомола. Замечательная черта комсомольского характера — забота о своей смене, передача младшим своих знаний и опыта. Так, комсомольцы Научно-исследовательского института атомной энергии имени академика Курчатова уже несколько лет руководят школой юных математиков. В ней ежегодно занимаются около 300 школьников. Студенческие педагогические отряды будущих учителей Москвы и Ярославля успешно работают с подростками по месту жительства, своим педагогическим мастерством доказывая, что так называемых «трудных» детей не существует. Рабочие и молодые инженеры Нальчикского завода телемеханической аппаратуры в подшефной школе-интернате руководят всеми клубами и кружками. Мне вспоминается крепкий парень — шахтер, выступавший на слете вожатых Белоруссии. Семь лет он и его бригада отдают все свободное время ребятам, которые особенно нуждаются во внимании, отвлекают их от пустого времяпрепровождения, воспитывают в них качества настоящего человека. К юбилею пионерии все комсомольцы, участники Ленинского зачета, приготовили пионерам свои подарки: отремонтированы школы, построены спортивные площадки, оборудованы пионерские комнаты...

Праздник пионеров — праздник поистине всех поколений советских людей. Он подведет итог сделанному и одновременно станет стартом к новому движению вперед. XXIV съезд КПСС поставил задачу — улучшить дело воспитания всех советских людей и прежде всего молодежи, сделать еще более значительной роль комсомола, пионерской организации. Конкретные пути к этому намечены в постановлении ЦК КПСС «О 50-летии Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и задачах дальнейшего улучшения коммунистического воспитания детей». Постановление имеет историческое значение, оно с новой силой подчеркивает, что формирование юного поколения — общепартийная, общегосударственная задача, ответственный долг каждого коммуниста и комсомольца.

◆

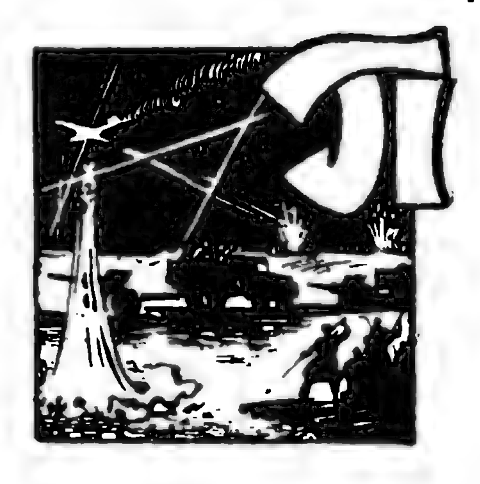
В. И. ЧУЙКОВ,
Маршал
Советского Союза

КРАХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Воспоминания

На главном направлении

1

Пятого июня 1944 года войска 8-й гвардейской армии были выведены с Днестровского плацдарма в резерв 3-го Украинского фронта. Перед армией не ставилось никаких задач, но она спешно пополнялась и довооружалась. О ее будущей задаче я мог только догадываться, но вот прошло некоторое время, и мне официально сообщили, что 8-я гвардейская переводится в состав Белорусского фронта.

Честь высокая. Но в армии лишь немногие знали о передислокации — это была очень серьезная военная тайна. Передислокация целой армии должна была произойти совершенно незаметно для противника и неожиданно.

На штаб армии ложилась огромная задача — подготовить и провести эту передислокацию, определить пути, маршруты, районы сосредоточения, распределить транспорт, наметить на новом месте расположение частей, складов боеприпасов, продовольственных складов.

В штабе у нас к этому времени свершились перемены. На место генерала А. Я. Владимирова был назначен Виталий Андреевич Белявский. Он работал до этого в штабе армии начальником оперативного отдела. В нашей армии это был самый молодой генерал. Ему не исполнилось и сорока лет. Его звали в шутку «юный генерал»: энергии — с преизбытком, хватало и старания, и тщательности в работе. Делал он все быстро, точно и аккуратно.

10 июня Белявского вызвали в Москву с полными данными о состоянии армии. В этот же день, сразу после его отъезда, был получен приказ о передислокации армии по железной дороге с южного фланга в центр советско-германского фронта. Планы переброски войск пришли в действие.

Погрузка войск была назначена на 6 часов утра 12 июня. Для проведения передислокации создали специальную оперативную группу во главе с моим заместителем генерал-лейтенантом М. П. Духановым.

По плану было решено, что я, член Военного совета генерал-майор Пронин Алексей Михайлович и командующий артиллерией генерал-лейтенант Пожарский Николай Митрофанович, убедившись, что погрузка и отправка эшелонов идут исправно, должны были выехать на машинах в штаб 1-го Белорусского фронта.

Наш отъезд назначался на 14 июня. Я вызвал водителя Каюма Калимуллина и приказал готовить машину к дальнему рейсу, бензину взять на тысячу километров.

Третья книга воспоминаний Маршала Советского Союза **В. И. Чуйкова** завершает эпопею о героическом пути 8-й гвардейской (бывшей 62-й Сталинградской) армии. Напомним читателям, что в первой книге — «Начало пути» (выходила отдельным изданием) — рассказывалось о беспримерной обороне Сталинграда воинами 62-й армии, о ходе всего Сталинградского сражения, а во второй — «Гвардейцы Сталинграда идут на запад» (публиковалась в нашем журнале в 1971 году, № 6, 8, 9) — о боях по освобождению Украины.

В июне 1944 года приказом Ставки Верховного Главнокомандующего 8-я гвардейская армия переводится в состав 1-го Белорусского фронта — на главное направление завершающего удара советских войск.

Армии, прославившей себя обороной Сталинграда, выпала высокая честь сражаться в составе группы войск, которым поручался последний удар по фашистскому государству и штурм столицы гитлеровского «третьего рейха».

— На тысячу? — переспросил Калимуллин.

В его голосе мне послышалось сомнение.

— На тысячу! — подтвердил я.

Калимуллин покачал головой.

— Я, конечно, выполню приказ... Только зря это, товарищ командующий! Мы можем заправиться и в пути... В Бердичеве, в Виннице, а то и в Житомире.

Можете представить мое удивление, и только ли удивление! Самая настоящая тревога охватила меня. Тайну из тайн — весь целиком путь передислокации армии — вот так запросто сообщает мне мой шофер.

Я поспешил его испытать: насколько он уверен в точности своей информации?

— Не придумывай своих маршрутов! — строго сказал я ему.— Выполняй приказ...

Каюм понимающе улыбнулся.

— Поедем, куда прикажете, товарищ командующий... Только мы знаем, куда ехать!

С «солдатским вестником» мне приходилось сталкиваться и ранее. Иной раз поражала его осведомленность. Здесь я всерьез обеспокоился. Если бы информация о нашей передислокации по железной дороге попала в руки врага, наша армия могла иметь большие неприятности, могла понести большие и ничем не оправданные потери. Вот что беспокоило меня и начальника особого отдела армии. Но тревога оказалась напрасной. «Солдатский вестник» не попал в руки врага. Где-то у незримой черты солдат замолкал, замолкал, если у него не было доверия к собеседнику. Впоследствии нам удалось установить, что противник ничего не знал о передислокации 8-й гвардейской армии.

Итак, мы покидаем Днестр.

Но это не простой переезд: миновал, стал историей еще один этап в жизни 8-й гвардейской армии. Вспоминались ожесточенные, кровопролитные бои, которыми начался наш путь по украинской земле, бои за безвестный дотоле поселок Голая Долина. Там мы только начинали, начинали обучаться наступательным боям, обогащая опыт обороны опытом штурма, броска, стремительного маневра и натиска.

Живо рисовала память ночной штурм Запорожья. Дерзкая была операция. И на старости лет ее участники будут вспоминать ночные всполохи артиллерийских залпов, пожары, колеблющимся красным огнем освещавшие путь штурмовым группам, ротам и целым дивизиям. Мрачный, туманный, угарный рассвет над городом... Кругом горело, чадило, рушилось. Бои на улицах проходили в столь стремительном темпе, что фашисты не успели взорвать город и Днепровскую плотину. Вперед граната, за ней в пролом очередь из автомата — по углам, по сторонам; еще граната, и наш солдат вскакивает в дот, в блиндаж или в дом, превращенный в крепость. В дыму и тумане он делается почти неуязвимым. И уже шли на подмогу, гремели гусеницами наши танки, на руках катились пушки и минометы. Полное и четкое взаимодействие давало поразительные результаты. А потом... Началась **знаменитая** теперь для историков **зима сорок третьего — сорок четвертого года.** Но тогда мы еще не знали этого, не знали, что этой зимой готовились силы для окончательной схватки с врагом, что наша промышленность дала фронту тысячи танков и самолетов.

Как слагалась обстановка на советско-германском фронте к тому времени, когда 8-я гвардейская получила приказ о передислокации в состав 1-го Белорусского фронта?

Безусловно, в какой-то степени сократилась общая протяженность линии фронта. Это влекло за собой свои особенности. Наша сторона имела возможность при наступлении достичь бо́льшей концентрации сил, но и обороняющиеся углубляли оборону, обильно насыщали ее бо́льшими огневыми средствами, людскими резервами. Наступление становилось более концентрированным, оборона — более плотной.

В этой обстановке каждое новое наступление требовало от нас повышенной маневренности, быстрого и незаметного сосредоточения значительно превосходящих сил на одном каком-то участке, столь быстрого, чтобы противник не успел совершить ответного маневра. В связи с этим повышалась значительно и роль фронтовой разведки и контрразведки.

Родина отдала фронту все, что могла. Это касалось и людских резервов, и технического оснащения. Промышленность работала на полную мощность, начали вводиться в строй предприятия и на освобожденной территории. Прошлогодние бои давали свои результаты. Пошли в дело и донецкий уголь, и криворожская руда, и никопольский марганец, и многое другое.

Перед летне-осенней кампанией сорок четвертого года линия фронта имела протяженность в 4450 километров, она все еще простиралась от Баренцева и до Черного моря. Стояли на этой линии фронта одна перед другой многомиллионные армии с таким техническим оснащением, которого еще не было в предыдущие войны.

Действующая Красная Армия насчитывала в своих рядах около шести с половиной миллионов человек. Ее огневая мощь приобрела чудовищную силу. Расчищая дорогу для наступления, готовы были открыть огонь более восьмидесяти тысяч орудий и минометов...

Я вспоминаю предвоенные учения в Киевском и Белорусском военных округах. Никто тогда, я смело это утверждаю, никто не мог предполагать, что могут быть введены в действие такие силы артиллерии.

Красная Армия имела около 8000 танков и самоходных орудий, силы авиации перевалили за 11 800 самолетов.

Несмотря на то, что немецким захватчикам удалось временно отторгнуть у нас огромные территории, уничтожить миллионы советских людей, несмотря на то, что на Гитлера фактически работала вся европейская промышленность, несмотря на все наши потери, на перебазирование промышленности в условиях военного времени, наш рабочий класс под руководством Коммунистической партии сумел выковать оружие победы и создал перевес в техническом оснащении нашей армии над армиями немецко-фашистского блока. Это было важнейшей победой советского народа. К штурму многочисленных вражеских укреплений, укреплений мощнейших, мы приходили не с голыми руками.

Сегодня многие западные военные историки, а также битые гитлеровские генералы на все лады твердят, что советское наступление сорок четвертого года проходило при огромном превосходстве советской стороны в технике и в людских резервах...

Огромного превосходства не было, было лишь некоторое пре-

восходство — Красная Армия била врага не числом, а умением. В операциях 1944 года советское командование дало примеры блестящего использования стратегических и оперативных резервов — в решающий момент сражения они всегда оказывались на главном направлении. Хотелось бы кое-что напомнить моим бывшим противникам, а ныне моим оппонентам в освещении некоторых фактов из истории мировой войны.

Наступление сорок первого года, внезапное и вероломное, попирающее все нормы международного права, велось при многократном превосходстве армии вторжения над Красной Армией. Гитлер в 1941 году создал многократное превосходство в артиллерии, в танках и самолетах на направлениях своих главных ударов. Его армия имела за собой двухлетнюю практику ведения маневренной войны.

Западные военные историки и гитлеровские генералы это превосходство относят за счет немецкого военного искусства, умения маневрировать войсками, умения концентрировать силы и средства наступления.

И вот все это превосходство рухнуло!

Наше превосходство было создано в невероятно трудных условиях, невероятными, поистине героическими усилиями всего советского народа и его Коммунистической партии. Кто только в сорок первом и в сорок втором годах не предсказывал краха советского строя! Не оправдались пророчества! Выдержал, выдюжил советский строй! Выставил на поля сражений в кульминационный момент войны превосходящие силы... В этом преимущества советской системы и гениальность советской стратегии, советской политики.

Против шести с половиной миллионов наших солдат к началу летне-осенней кампании 1944 года гитлеровская коалиция смогла выставить армию лишь в четыре миллиона. Остальные силы были разбиты и похоронены в сражениях на советско-германском фронте. Все-все было мобилизовано в Европе. Правда, еще огромной была техническая оснащенность. Гитлеровское командование сосредоточило на советско-германском фронте 49 тысяч орудий и минометов, свыше 5200 танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолетов.

Ясно, что с такими силами гитлеровская армия уже не могла предпринять сколь-нибудь серьезного наступления. История неумолимо перевела ее в положение армии обороняющейся. Оборона имеет свои характерные особенности. В обороне можно воевать меньшим числом, было бы умение.

Должен сказать несколько слов о немецком солдате и о младшем офицерском составе немецкой армии с чисто профессиональной стороны. Это был сильный противник, искусный, упорный. Так что нам предстояли огромные ратные усилия, чтобы реализовать полученное преимущество.

Линия фронта в то время образовывала в нашу сторону выступ севернее реки Припяти. Южнее реки Припяти мы вклинились глубоко в расположение врага. Северный выступ немцы называли «Белорусским балконом». Он прикрывал пути к Варшаве и по прямой — к Берлину.

На этом «балконе» немецкое командование могло накапливать силы для ударов по нашим войскам, нацеленным на Восточную Пруссию. Отсюда были вероятны удары во фланг и тыл нашим войскам на юго-западном направлении, в случае нашего

наступления на Львов и в Венгрию. Здесь располагались аэродромы, с которых гитлеровская авиация могла совершать налеты на Москву. Последние пригодные для этого аэродромы.

По директивам Ставки Верховного Главнокомандования 17 апреля прекратили наступательные действия и перешли к обороне 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты; 18 апреля — 2-й Прибалтийский фронт; 19 апреля — Ленинградский, 3-й Прибалтийский, 3-й и 2-й Белорусские фронты, а 6 мая перешли к обороне 2-й и 3-й Украинские фронты. Бои на западном берегу Днестра за плацдарм Пугачены — Шерпены, которые вела 8-я гвардейская армия, собственно говоря, были последними боями перед наступившей паузой на всем советско-германском фронте протяженностью свыше 4 тысяч километров, от Баренцева моря и до берега Черного моря в устье Днестра.

В сорок первом году фашистские войска вели наступление на всем протяжении фронта, летом сорок второго года полоса наступательных операций значительно сузилась. Гитлеровское командование смогло развернуть наступление лишь на юге страны, на Сталинград и Кавказ. В сорок третьем году полоса удара сузилась еще более — и он был отражен под Курском. На летнюю кампанию сорок четвертого года наступления фашистских войск не предвиделось. Армия агрессора, армия, предназначенная для вторжения, армия, привыкшая действовать на чужой территории, переходила к обороне. Теперь мы знаем из многих документов, что в сорок четвертом году все надежды Гитлера и его окружения сводились к возможности затянуть войну и найти выход из катастрофы в политическом плане.

Интересны в этом смысле некоторые ответы генерал-фельдмаршала В. Кейтеля на допросе, который проводила группа советских офицеров 17 июня 1945 года.

Вопрос. Когда вам, как начальнику штаба верховного главнокомандования, стало ясно, что война для Германии проиграна?

Ответ. Оценивая обстановку самым грубым образом, я могу сказать, что этот факт стал для меня ясным к лету 1944 года...

В. Кейтель добавляет: «С лета 1944 года я понял, что военные уже сказали свое слово и не могут оказать решающего воздействия — дело оставалось за политикой...»

Проще говоря, гитлеровское командование рассчитывало на возможность столкновения внутри антифашистской коалиции, на возможный ее раскол под воздействием каких-либо, может быть, и неожиданных обстоятельств.

Известно, что группа немецких генералов даже сделала попытку устранить Гитлера, чтобы облегчить определенным влиятельным кругам начать переговоры с союзниками о сепаратном мире. Именно этими мотивами и никакими иными объясняется июльский заговор против Гитлера и неудавшееся на него покушение. Подробности заговора стали известны после войны, но о самом факте покушения на Гитлера мы узнали некоторое время спустя после того, как взорвалась бомба в его бункере. Никто из нас тогда не считал, что устранение Гитлера принесет нам облегчение. Рассчитывать мы могли только на свои силы. В расчете на эти силы и планировалась кампания сорок четвертого года. Задача была ясной. Как можно скорее освободить все советские земли от захватчиков, освободить от фашистского ига миллионы советских людей, полностью разгромить агрессора. Мы тогда от-

лично понимали, что всякая затяжка действительно может сыграть на руку Гитлеру и его присным.

В первомайском приказе Верховного Главнокомандующего были достаточно полно сформулированы общие цели летне-осенней кампании сорок четвертого года. В приказе говорилось: «очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советсксго Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря, вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии».

Конкретизируя эти задачи, переводя их в военную плоскость, Ставка Верховного Главнокомандования разработала планы наступательных операций.

Как упоминалось выше, еще весной в связи с застоем на Западном фронте и продвижением вперед соседних фронтов создалось невыгодное для нас начертание линии фронта на Смоленско-Минском направлении. В нашу сторону вдавался выступ севернее реки Припяти. Именно здесь враг находился ближе всего к Москве. На первое место в летне-осенней кампании года выдвигалась задача разгромить крупнейшую группировку фашистских войск на «Белорусском балконе» — группы армий «Центр» и «Северная Украина».

В мою задачу не входит описание всех этапов сражения за Белоруссию. Я хотел бы отметить одну характерную особенность нашего нового широкого наступления. Удары наносились сразу на нескольких фронтах. Этим наше Верховное Главнокомандование лишало возможности гитлеровцев маневрировать и резервами и войсками, расположенными в обороне.

Наступившая пауза в конце апреля и начале мая была активно использована нашим командованием для подготовки наступления.

Грандиозные сражения лета сорок четвертого года начались 10 июня нашим наступлением на Ленинградском фронте. 21 июня перешел в наступление Карельский фронт, а 23 июня началось сражение за Белоруссию. В сражение час за часом вводились более и более крупные силы. Как враг ни уплотнял оборону, она прорывалась на всех направлениях.

Начал 1-й Прибалтийский фронт под командованием генерала И. Х. Баграмяна. Тут же двинулись войска 3-го Белорусского фронта — генерала И. Д. Черняховского и 2-го Белорусского фронта — генерала Г. Ф. Захарова. Действия сухопутных войск обоих фронтов поддерживали три воздушные армии генералов Н. Ф. Папивина, Т. Т. Хрюкина и К. А. Вершинина. В ожесточенных и массовых воздушных сражениях наши летчики завоевали господство в воздухе.

24 июня перешел в наступление 1-й Белорусский фронт под командованием генерала К. К. Рокоссовского. 29 июня К. К. Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Развернулись ожесточенные бои под Витебском, Оршей и Бобруйском, на переправах через Березину. Наступали войска четырех фронтов. Их наступление поддерживали несколько воздушных армий. Только в сражении под Бобруйском на переправе через Березину командарм 16-й воздушной армии генерал С. И. Руденко поднял в воздух 400 бомбардировщиков под прикрытием 126 истре-

бителей. Занималась заря полной и убедительнейшей победы над гитлеровской Германией...

4 июля завершился первый этап грандиозных сражений в Белоруссии. В центре советско-германского фронта наши войска создали прорыв протяженностью в 400 километров. Мы получали возможность стремительно продвигаться к границам нашей Родины.

Такова была в общих чертах обстановка в те дни, когда 8-я гвардейская армия влилась в состав 1-го Белорусского фронта, чтобы нарастить удар, который начался в 20-х числах июня.

2

Расстояние в 800 километров на машине было преодолено менее чем за двое суток. 15 июня член Военного совета армии А. М. Пронин, командующий артиллерией П. М. Пожарский и я прибыли в штаб фронта, расположенный в лесу западнее города Коростени.

В то время командующим фронтом, как я уже упоминал, был К. К. Рокоссовский, начальником штаба фронта — генерал М. С. Малинин. Рокоссовского в тот день в штабе фронта мы не застали, он выехал в войска на правое крыло фронта, севернее реки Припяти. Принял нас генерал М. С. Малинин, невысокий, круглолицый, степенный человек. Он ориентировал нас о ближайшей задаче и посоветовал, не дожидаясь командующего, выехать в район сосредоточения армии.

Поехали мы вдоль железной дороги Коростень — Сарны. Глухие, почти непроходимые леса. Резкая перемена после бескрайних украинских степей. Мне эти места были знакомы еще по довоенной службе. Каждая станция была превращена гитлеровцами в укрепления. Они расчистили вокруг станций леса, прорубили просеки, соорудили огневые точки — дерево-земляные и бетонные. Осесть они здесь надеялись надолго, но чувствовали себя неспокойно. Нам пояснили, что эти укрепления вокруг станций возводились против партизан. Возможно. Но эти укрепления располагались и с расчетом на оборону, на случай нашего наступления. С такого рода системой обороны по опорным пунктам мы уже встречались.

До станции Рафалувка, возле которой должен был обосноваться штаб армии, доехали благополучно, хотя вдоволь наглотались пыли в сыпучих песках, по которым проходила дорога. Вскоре встретили первый эшелон штаба армии. После разгрузки он быстро развернулся в лесу и приступил к работе.

Сразу же провели авиационную разведку района сосредоточения армии. Важно было быстро развести войска со станций выгрузки и надежно укрыть их.

Выгружались эшелоны на станциях Рафалувка, Галлы, Антонувка, Тутовичи, Сарны. Командиры соединений и частей получили указание: передвижение войск и техники производить только в ночное время, строго соблюдая меры маскировки. Штаб и начальник тыла должны были четко наладить службу регулирования. На перекрестках дорог выставлялись контрольные посты во главе с офицерами штаба армии с задачей следить на месте за дисциплиной

ночного марша. Войска располагались в лесу и тщательно маскировались. Запретили купание и стирку белья на открытых местах рек и озер. Следы гусениц по всему маршруту и в районе сосредоточения тщательно заметались. До особого распоряжения запретили всякую радиосвязь. Радиостанции опечатали. Разговоры по проводным средствам шифровались и кодировались.

Военный совет армии провел совещание с политработниками. На них ложилась огромная ответственность за самую разностороннюю подготовку личного состава армии к решению новых задач.

Политработник обязан был думать прежде всего о человеке, о солдате, о его моральной и нравственной подготовке к новым боям.

Командиры и политработники разъясняли бойцам обстановку, сложившуюся на советско-германском фронте, организовывали обмен боевым опытом, вели культурно-просветительную работу.

Передислокация нашей армии в направлении главного удара совпала с открытием второго фронта в Европе. 6 июня войска союзников высадились в Нормандии. Должен сказать, что это событие не произвело особо сильного впечатления на фронтовиков. Самое трудное было уже позади. Это понимал каждый. Я помню, как бойцы ждали открытия второго фронта осенью сорок второго года, когда фашистские армии рвались на Кавказ и на Волгу. Ждали открытия второго фронта и в страдное лето сорок третьего года, когда развертывалось сражение под Курском, и Гитлер под-

---

Не скрою, в день пятидесятилетия журнала, получившего огромную популярность у современной молодежи и вообще у отечественного читателя независимо от возраста, довольно приятно вспоминать, что твои собственные литературные шаги — это частица того, что составило первые шаги «Молодой гвардии». Именно она в самом первом своем номере поместила мои стихи, после печатала прозаические вещи, в 30-е годы — очерки. Так что моя литературная судьба в заметной степени молодогвардейская.

Я слежу по мере сил за нынешними номерами журнала и подмечаю, что требовательности тут можно б и добавить, особенно в выборе прозаических произведений. Надо, по-моему, решительно избегать авторов, идущих проторенными дорожками, повторяющих уже известное. Конечно, нынешний тираж журнала доказывает, что молодогвардейцы достигли немалого (напомню, что зачиналась «Молодая гвардия» десятитысячным тиражом), но тем более надлежит действовать требовательно и плодотворно.

Больших успехов моей родной «Молодой гвардии»!

Сергей МАЛАШКИН

брасывал в бой все новые и новые дивизии. Наша 8-я гвардейская армия в то лето штурмовала немецкие укрепления по Сев. Донцу, стучалась в ворота Донбасса. Мы видели, как гитлеровское командование вводит в бой новые резервы, и ждали... Вот, вот заговорят орудия на побережье Западной Европы...

Спору нет, лучше поздно, чем никогда. Несомненно, с первых же дней высадки десантов англо-американских войск во Франции положение гитлеровской Германии значительно усложнилось, но мы не должны были забывать, что в рядах наших союзников действовали и враждебные нам силы. Шла по крупному счету тайная дипломатическая игра между некоторыми представителями правящих кругов западных держав и гитлеровцами.

Каждый отчетливо сознавал, что теперь мы можем изгнать врага с нашей территории и закончить победоносно войну и без второго фронта. Но одно дело правящие круги различных стран, другое дело — солдат... Фронтовики с интересом и сочувствием следили за разгорающимися боями на побережье Нормандии. Каждый сознавал, что чем эффективнее будет наше наступление, тем легче будет нашим союзникам.

Особенно большая работа падала на всех при подготовке вливающегося в нашу армию пополнения. Политработники организовывали встречи молодежи с прославленными воинами, со знаменитыми снайперами, артиллеристами, пулеметчиками, танкистами. Молодежь с глубоким интересом слушала рассказы ветеранов о боях и подвигах, о битве за Сталинград, о боях на Украине, о повадках и хитростях врага, о его тактике, о слабых и сильных ее сторонах, училась выработанным и испытанным в боях приемам.

В массово-политической работе участвовали все офицеры, все бывалые воины — от солдата до генерала.

Особое внимание при обучении войск уделялось умению воевать в лесистой местности, умению в этой обстановке вести разведку, расчищать дороги и тропы от завалов, волчьих ям, от мин в самых неожиданных местах. Необходимо отметить, что к этому времени немецкое командование начало очень широко применять мины.

Мины в основе своей оружие, конечно, оборонительное. Мины и ранее применялись немцами. Но теперь, увидев, что неминуемо надвигается поражение, немецкие саперы ставили мины не только там, где они могли помешать наступлению. Ставились мины-ловушки на уничтожение живой силы и с более дальним расчетом — с расчетом на поражение мирного населения и после войны...

На Украине много было своих трудностей. Особенно ветеранам 8-й гвардейской армии запомнились бездорожье гнилой зимы сорок третьего — сорок четвертого года, причерноморские лиманы, которые пришлось форсировать в момент весеннего паводка. Но с обширными болотами, в особенности торфяными, там не приходилось сталкиваться. В болотистых лесах, прорезанных к тому же бесчисленными речушками с заболоченными берегами, военные действия требуют особых навыков. Надо было учиться прокладывать гати через топи, тщательно маскировать гнезда на деревьях для наблюдателей-разведчиков. Здесь мне отчасти пригодился опыт, который я приобрел во время войны с Финляндией.

Одновременно и разведка армии должна была работать с пол-

ной нагрузкой, без всякой скидки на новые условия. Мы должны были знать о противнике как можно больше.

47-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н. И. Гусева, 8-я гвардейская и 69-я под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи получили задачу прорвать оборону противника западнее Ковеля. Осуществив прорыв, общевойсковые армии должны были обеспечить ввод в сражение 2-й танковой армии генерала С. И. Богданова и 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седльце и на Люблин с последующим выходом на Вислу.

Ударной группировке противостояла со стороны немцев 4-я танковая армия группы армий «Северная Украина». Она состояла из 8-го и 42-го армейских и 56-го танкового корпусов. В начале июля фашисты без всякого нажима с нашей стороны оставили ковельский выступ, врезавшийся в глубину нашей обороны. Тем самым они уплотнили свой фронт.

Враг успел создать три полосы обороны. Первая, глубиной до шести километров, была оборудована траншеями полного профиля, соединенными ходами сообщения. Свой передний край противник прикрывал минными полями и проволочными заграждениями в два-три кола. В его руках находились высоты, некоторые из них господствовали над местностью и давали возможность просматривать наши позиции на значительную глубину. Высоты были подготовлены к круговой обороне и превращены в опорные пункты, связанные между собой системой огня. На флангах планируемого нами участка прорыва населенные пункты Мацеюв и Торговище враг тоже превратил в мощные опорные пункты. Фланкирующий огонь из них прикрывал подступы к вражескому переднему краю.

Вторую полосу обороны гитлеровцы создали по западному берегу реки Плыска, километрах в двенадцати от переднего края первой полосы. Здесь они отрыли одну, а местами две траншеи. Но главным препятствием для нас была сама река, хотя и небольшая, но с сильно заболоченной поймой.

Третья, армейская оборонительная полоса тянулась по западному берегу реки Западный Буг, в 35 километрах от второй. Она состояла из узлов сопротивления и опорных пунктов, внутри которых имелись траншеи. Дзоты находились во взаимной огневой связи. С фронта и флангов многие опорные пункты прикрывались заграждениями.

Таким образом, общая глубина подготовленной в инженерном отношении обороны противника достигала 50—60 километров. Кроме того, враг спешно строил еще один рубеж — по реке Висле. Однако у немецкого командования уже не было возможности держать войска на всех этих рубежах, тем более на висленском, удаленном более чем на 200 километров от переднего края. Вражеские войска занимали лишь главную и частично вторую полосу. Армейская полоса пустовала: предполагалось, что ее займут отходящие войска или подоспевшие резервы.

Цели немецко-фашистского командования были понятны: измотать и обескровить наступающие советские войска и остановить их продвижение на третьей полосе обороны, в крайнем случае на висленском рубеже. На большее немцам нельзя было рассчитывать: соотношение сил благодаря умелой перегруппировке войск

было создано в нашу пользу. Ударная группировка превосходила противостоящие немецкие войска по людям втрое, по артиллерии и танкам — в пять раз. 6-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта авиации Ф. П. Полынина располагала 1465 самолетами. Не просто было добиться такого перевеса в силах. Более тысячи орудий и минометов с боеприпасами были быстро и скрытно переброшены сюда с других участков фронта, подчас за сотни километров. Советское командование стремилось максимально использовать мобильность и маневренность артиллерии, мощь ее ударов, чтобы тем самым сберечь жизнь тысячам наших солдат.

Мы тщательно изучали район боевых действий 8-й гвардейской армии. Он был сложным и трудным для наступления. Лесисто-болотистая низменность, изрезанная бесчисленными ручьями и осушительными каналами, стесняла маневр. Нам предстояло форсировать Западный Буг, реку с извилистым руслом шириной до 80 метров и глубиной 2—4 метра. Трудности были на каждом шагу. Даже такая неприметная речка, как Плыска, могла доставить нам уйму хлопот своими болотистыми берегами. Дорог было мало, да и те главным образом грунтовые, с разбитыми мостами, с давно не обновлявшимися гатями и насыпями.

В ожидании приказа о наступлении войска армии находились в 120 километрах от переднего края. Здесь мы занимались боевой учебой и доукомплектованием.

Наконец пришла оперативная директива командующего фронтом. Она предписывала 8-й гвардейской армии прорвать оборону противника на участке Паридубы, Торговище и, уничтожив обороняющиеся вражеские части, к исходу первого дня операции овладеть рубежом Почапы — Хворостов — Хворостов Южный. На второй день мы должны были выйти на рубеж: Куснище Пулый — Любомль — Подставе. На третий день занять населенные пункты Гороховистско, Опалин, Голендры. На четвертый день форсировать Западный Буг, с тем чтобы в дальнейшем наступать в направлении Парчев, Лукув.

По достижении рубежа Городно — Машев (ориентировочно на второй день операции) планировался ввод 2-й танковой армии под командованием генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова.

Наступление поддерживается авиацией 6-й воздушной армии. Справа от нас наступала 47-я армия. Она должна прорвать оборону противника на участке в 5 километров. Слева на участке в 4 километра прорыв осуществляют войска 69-й армии.

8-я гвардейская действует в центре оперативного построения войск левого крыла 1-го Белорусского фронта и обеспечивает ввод в прорыв подвижной фронтовой группы — 2-й танковой армии.

На подготовку наступления дается восемь суток.

С начальниками родов войск, командирами корпусов и дивизий мы провели рекогносцировку участка прорыва. Многое надо было учесть, взвесить, проверить, прежде чем принять решение. Оно рождалось в результате усилий большого и дружного коллектива.

Что нас ожидало нового в тактике противника? К тому времени геббельсовская пропаганда шумно восхваляла так называемую «эластичную оборону». В этой обороне гитлеровское командова-

ние использовало высокую подвижность и маневренность своих войск.

Ее принцип строился на внезапности в смене действий. Сначала плановый отход, затем внезапный контрудар, подкрепленный подвижными резервами или частями, спешно переброшенными с другого участка фронта. Что такое «эластичная оборона», мы уже испытали на Днестровском плацдарме. На Днестре ни в штабе армии, ни в штабе фронта не ожидали, что жестоко потрепанные и разбитые гитлеровские войска способны организовать контрудар большой силы. Об этом я уже говорил в своей предыдущей книге. Бои за Днестровский плацдарм Пугачены — Шерпены нас многому научили.

Встреча с неразгаданным новым тактическим приемом врага всегда чревата тяжкими последствиями...

Ясно, что враг в новых условиях не будет цепляться за территорию. Возможно, почувствовав угрозу нашего наступления, немцы поспешат снова отойти на следующий рубеж, лишь бы сохранить свои силы. Леса и болота помогут им незаметно произвести маневр, организовать оборону и встретить неожиданным ударом наши наступающие войска.

Нет, нельзя допустить, чтобы противник обманул нас хитрым отходом и коварным контрударом. Нужно суметь разрубить «эластичную оборону» с наименьшими потерями. Но как это сделать?

Ведь и сейчас противник может спокойно допустить сосредоточение наших войск, а перед артподготовкой незаметно отойти. Мы израсходуем эшелоны боеприпасов, перепахивая покинутые окопы, а чуть двинется пехота вперед — враг с нового рубежа обрушит на нее заранее подготовленный огонь. В результате нам все придется начинать сначала: тратить время и сотни тысяч снарядов на новую артподготовку, переразвертывать войска из одного порядка в другой и т. д.

Но где же ключ к решению задачи?

Надо найти такой оперативно-тактический прием, который помог бы нанести по врагу неожиданный и мощный удар, удар, настолько ошеломляющий и сокрушительный, чтобы противник был разгромлен сразу и не успел оттянуть свои силы на новые рубежи.

Широко известен такой прием: для того чтобы уточнить группировку и силы противника, проводится разведка боем. Но иногда разведка боем поворачивалась нам во вред. Враг догадывался, что вслед за разведкой боем — через день, максимум через два — последует решительное наступление. За это время он успевал изменить свои боевые порядки, подтянуть резервы на угрожаемое направление или отходил из первых траншей, ускользая из-под удара.

После напряженных раздумий, после анализа собранных сведений о противнике стало созревать решение. Оно базировалось на приобретенном опыте. На юге, в боях на Украине мы однажды применили разведку боем, перерастающую в наступление. Сущность этого приема заключалась в следующем: разведку мы начинали не за день или два, а за два-три часа до наступления, чтобы немцы не успели изменить свои боевые порядки.

Такая разведка — с короткой, но мощной артиллерийской подготовкой — велась не на одном участке, а на всем фронте предстоящего наступления. Цепи стрелковых подразделений — по две-три роты от полка с танками при поддержке артиллерийского и

минометного огня — атакуют передний край противника. Если враг занимает основные позиции, то разведывательный эшелон в худшем для него случае будет остановлен перед передним краем неприятельской обороны. Зато в ходе боя наши артиллеристы уточняют огневую систему противника, чтобы часа через два уже наверняка провести артиллерийскую подготовку, уничтожая выявленные цели.

Если же противник, желая обмануть нас, оставит на первых позициях лишь подразделения прикрытия, а основные силы отведет в глубину своей обороны, наш разведывательный эшелон овладеет первыми траншеями и начнет продвигаться дальше, до основных вражеских позиций.

В том и другом варианте наши боеприпасы будут расходоваться по настоящим целям, а стрелковые части и танки в своем продвижении не будут встречать неожиданностей со стороны противника.

С разведывательным эшелоном и вслед за ним продвигаются все средства разведки и наблюдения, точно засекая расположение пехоты, артиллерийских и минометных батарей, места сосредоточения резервов. Командиры всех степеней со средствами связи, наблюдая, следуют за разведывательным эшелоном и готовы при необходимости в течение короткого времени организовать артиллерийскую подготовку и атаку основных позиций противника. Главные силы наступающих войск по сигналам командиров идут вперед, чтобы на своих направлениях развернуться в боевые порядки и атаковать врага. Образно говоря, поднятый кулак основных сил армии движется за подразделениями, ведущими разведку боем, и может в любой момент опуститься на голову неприятеля.

Такая тактика требует непрерывного наращивания мощи удара — привлечением свежих сил из глубины и непрерывным расширением полосы наступления. Это диктует соответствующее построение боевого порядка, который двигался бы за разведывательным эшелоном в полной боевой готовности и на соответствующем расстоянии.

3

Не скрою своих дум и волнений: первое наступление гвардейцев Сталинграда в составе войск нового фронта! Армия покрыла себя неувядаемой славой в боях за Сталинград, она с честью пронесла гвардейское знамя по украинской земле. Здесь, в Белоруссии, на главном направлении левого крыла 1-го Белорусского фронта она должна занять подобающее ей место без каких-либо ссылок на прошлые заслуги, мы не имели права уронить славу сталинградцев.

Пожалуй, у каждого человека в новой обстановке перед решением новых задач обостряется не только чувство ответственности, но и чувство собственного достоинства. Я не верю людям, которые, играя в показную скромность, говорят, что они в такие моменты не думают о себе, о своем самолюбии. Отсутствие чувства достоинства и гордости в боевом деле делает человека безраз-

личным и инертным. Мог ли я в новой обстановке быть равнодушным к боевой славе своих полков? Конечно, нет. В противном случае сдавай армию другому и подавай в отставку. Я верил, я знал: мы справимся, мы сможем поставить дело так, что полки и дивизии 8-й гвардейской и здесь приумножат славу своих знамен и будут служить примером для других соединений. Хотя это и не так-то просто на 1-м Белорусском, войска которого накопили большой опыт как оборонительных, так и наступательных боев. Штаб фронта — бывшего Донского — имел замечательную практику руководства крупными операциями. В свое время он организовал разгром окруженной группировки Паулюса, с честью провел Курскую битву, прославился во многих выдающихся операциях.

Итак, заканчивается подготовка к наступлению, идут последние дни, последние часы. Уже двинулись в широкое и мощное наступление войска соседнего 1-го Украинского фронта, на Рава-русском направлении. Уже его передовые отряды выходят на Западный Буг. Вступает в силу намеченное нашим Верховным Главнокомандованием взаимодействие фронтов. И наш черед...

Проведены в корпусах и дивизиях рекогносцировки, уточнены последние данные о противнике, известна обстановка. Настало время принять развернутое решение Военному совету армии и мне как командарму.

Своими действиями, в особенности разведкой боем, мы не должны пугать противника, чтобы он не покинул занимаемых позиций. В то же время наш удар должен быть решительным, должен наращиваться вводимыми непрерывно, без промедления силами из глубины наступления. Это требовало и соответствующего оперативного построения армии.

Прорвать оборону противника было решено во взаимодействии с частями 47-й и 69-й армий на участке Паридубы — Торговище и, уничтожив его противостоящие части, овладеть рубежом Волянщина — Окунин — Новоселки, где ввести в прорыв 11-й танковый корпус и стрелковые дивизии второго эшелона и, не прекращая наступления ночью, уничтожить резервы противника, овладеть районом Любомль и обеспечить ввод в прорыв 2-й танковой армии.

В дальнейшем предполагалось захватить переправы через Западный Буг, форсировать его и развивать наступление в общем направлении на Парчев, Лукув.

Несмотря на почтенный возраст, журнал молод, активен, задирист. Нужны творческие споры, только не скука. Желаю чтобы в разговоре журнала почаще участвовали авторы среднеазиатских республик.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

г. Алма-Ата

Несколько слов необходимо сказать о том, какими силами располагала в то время армия. В июне как уже упоминалось, пополнялся ее личный состав. Численность личного состава дивизий была доведена до 6700 человек. К началу операции армия имела 9 стрелковых дивизий. Кроме того, армия была усилена рядом танковых частей. Нам были приданы 11-я гвардейская танковая бригада, 34-й и 36-й гвардейские тяжелые танковые полки, 166-й инженерный танковый полк, 1061, 1087 и 1200-й самоходно-артиллерийские полки, всего 179 бронеединиц.

В распоряжении командующего артиллерией армии Н. М. Пожарского находилось 2231 орудие и миномет, 501 установка гвардейских минометных частей.

Продумано было и инженерное обеспечение. Нам придавались 41-я мотоинженерная бригада РГК (5 батальонов), 64-я инженерная саперная бригада (4 батальона), 85-й отдельный мотопонтонный батальон.

Для того чтобы отработать взаимодействие соединений и частей армии, мы за сутки до наступления разыграли на макете предстоящую операцию. Был подготовлен точный макет местности. На него нанесли всю оборону противника, места расположения его резервов, артиллерии, танков. В игре принимали участие командиры корпусов и дивизий, начальники родов войск и служб. На занятии присутствовали Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, Главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин, командующий 2-й танковой армией генерал-полковник С. И. Богданов.

Не обошлось без борьбы за намеченный нами план операции. Кое-кто из работников штаба фронта недоумевал, почему мы наметили более высокие темпы наступления, чем фронтовое командование. Мы пытались провести в жизнь новое, шли вопреки некоторым сложившимся традициям, привычным шаблонам. И ясно, что не все это сразу поняли и приняли.

Пытаюсь доказать преимущество предложенного нами способа. Разговор постепенно принимает форму спора. Мне помог командующий фронтом К. К. Рокоссовский. Он во всеуслышание заявил:

— Вы командарм, вы решаете, и вы будете отвечать за хорошее и плохое...

Это меня вполне устраивало.

Летчики не соглашались с тем, что я нацеливаю их не на передний край обороны противника, а на артиллерийские позиции, расположенные в глубине вражеской обороны.

Пришлось разъяснить, что вражеский передний край наши артиллеристы хорошо знают, что при нашей мощи огня там все будет разрушено и подавлено. В глубине же обороны противника артиллерия не может добиться той же эффективности, как авиация.

Летчики поняли, что от них требуется.

Военный совет, командиры и политработники готовили солдат к предстоящим действиям. Состоялись совещания бывалых воинов. Ветераны армии собирались в лесу, под открытым небом. Без длинных речей, коротко, по-деловому обсуждали они задачи солдат и сержантов, с тем чтобы после пойти в отделения, расчеты и побеседовать с каждым бойцом...

На Вислу

1

ночь на 14 июля 1944 года дивизии первого эшелона армии вышли на исходные позиции на участке прорыва. Впереди наших дивизий занимала эти позиции 60-я стрелковая дивизия 47-й армии, ранее державшая оборону на этом участке. Наши артиллеристы крайне осторожно, прямо-таки деликатно, вели пристрелку по обнаруженным огневым точкам врага. Мы старались не спугнуть противника, чтобы враг не оставил своих траншей без боя. И было похоже, что мы сумеем незаметно войти в соприкосновение с противником. Шла, как говорится, последняя доводка. Вот-вот грянет бой...

Поднявший меч от меча и погибнет! Не мы начинали эту опустошительную войну.

За несколько дней до наступления мне сообщили, что после ввода в прорыв 2-й танковой армии вслед за ними двинется 1-я Польская армия. Нам стало известно, что на командный пункт 8-й гвардейской армии 17 июля прибудет польское командование, чтобы посмотреть организацию прорыва обороны противника.

Выход Польской армии на поля сражений в составе нашего фронта был, несомненно, значительным событием военно-политического характера.

Командующий армией генерал-лейтенант Зигмунд Берлинг и его заместитель, член Военного совета армии Александр Завадский, в сопровождении офицеров штаба прибыли на наш командный пункт в ночь на 18 июля, за несколько часов до начала наступления. Они ехали проселочной дорогой, которая методически простреливалась немецкой артиллерией. Мы очень волновались за своих польских друзей. К счастью, все обошлось благополучно.

Легко представить нашу радость. Мы встретили дорогих гостей по-братски, торжественно, да еще и в часы, вообще торжественные для жизни фронтовиков, — в последние часы перед началом наступления.

Ночь выдалась на редкость тихая, глухая. Над болотами висел невысокий, но плотный туман. Он гасил все звуки. Изредка где-то далеко, за лесными массивами, утонувшими в полной темноте, вспыхивали зарницы и доносился гул взрывов. Это наши бомбардировщики наносили удары в глубоком тылу противника.

Польские товарищи засыпали нас вопросами. Чувствовалось, что они и сами рвутся в бой. Их можно было понять. Впереди пролегала польская граница. Недалеко был город Люблин, люблинская возвышенность, с которой, образно говоря, просматривалось будущее свободной Польши. За Люблином лежали родные польские села, деревни, города. А там недалеко и столица — Варшава. Исстрадавшийся польский народ ждал освободителей.

Близился поворотный момент в истории польского народа, близилось его вступление в новую эру.

А между тем под покровом ночи шла своя напряженная работа. Части дивизии первого эшелона сменяли последние части 60-й

стрелковой дивизии. Полки и батальоны выходили на исходные позиции.

Занялся ранний июльский рассвет. Сначала проступили из темноты верхушки могучих сосен, затем обрисовались зубчатые макушки еловых боров, ушла тьма из чащи, засверкали росистые поляны, поредел синеватый туман...

Командный пункт был размещен на высоте 202-й. К нему тянулись провода с передовых НП корпусов и дивизий. Проводная связь проходила, как нерв, по оси и направлениям намеченных ударов. Рации еще молчали, их час не настал.

Мы с Пожарским сверили часы еще с вечера. Я смотрел на минутную стрелку, затем на секундную. Пять часов тридцать минут...

Сразу заговорили орудия всех калибров. На один километр прорыва было сосредоточено местами свыше 200 стволов! Казалось, что земля поплыла под ногами.

Сначала слышался грохот разрывов. Этот гул нарастал по мере того, как включались главные калибры. Впереди, на позициях противника, все смешалось. Пыль, огонь, дым, фонтаны земли и болотистой жижи закрыли, затмили солнце. Утренний свет померк.

Потом уже стало известно, что за тридцать минут артиллерийского налета артиллерия армии выпустила 77 300 снарядов.

— Душа поет! — восклицал Пожарский. — Поклон, глубокий поклон нашим рабочим... Это настоящий огонь!

За огневым валом поднялись в атаку разведывательные отряды. В шесть часов с минутами по проводам уже шли сообщения, что передовые части за танками НПП и танками-тральщиками ворвались в первые траншеи, овладели передним краем вражеской обороны и господствующими высотами. Я отдал приказ о переходе в наступление главными силами армии.

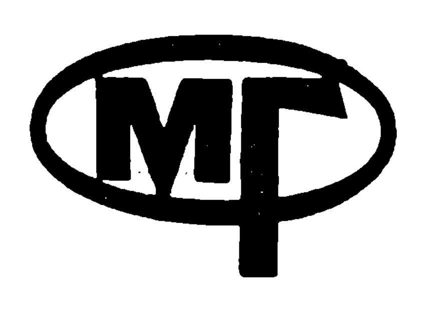
В шесть часов, может быть, с какими-нибудь минутами на мой передовой наблюдательный пункт прибыли командующий фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский и представитель Ставки Г. К. Жуков. С ними приехал и командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии В. И. Казаков, а также командующий 1-й Польской армией генерал-лейтенант Берлинг, член Военного совета армии генерал Александр Завадский и другие офицеры.

Об итогах говорить было пока еще рано. Поступали донесения об ожесточенных рукопашных схватках в уцелевших опорных пунктах обороны противника. Но главное — главное было достигнуто. Противник был «прихвачен» на месте, он не отошел за ночь с позиций, а это означало, что с минуты на минуту начнут поступать донесения о прорыве первой позиции.

В семь, может, в начале восьмого я смог доложить командующему фронтом и представителю Ставки, что первая позиция главной полосы обороны противника повсеместно прорвана. Главные силы армии вводились в бой без основной артиллерийской подготовки, без огневого вала. Этот метод прорыва обороны противника сэкономил государству многие сотни тысяч снарядов, сотни тонн авиабомб и горючего.

В бой с противником вошли главные силы дивизий первого эшелона. Противник попытался остановить их продвижение артиллерийским огнем. По его батареям тут же открыла огонь наша артиллерия, а затем обрушила бомбовые удары и наша авиация. В те-

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

Журнал «Молодая гвардия» был колыбелью многих литературных начинаний. В первый год своего существования журнал получил множество приветствий. И среди первых, кто посвятил свои стихи нашему изданию, был постоянный автор журнала Владимир Маяковский. В № 4—5 за 1923 год он опубликовал свое стихотворение, посвященное журналу.

Дело земли —
вертеться.
Литься —
дело вод.
Дело
молодых гвардейцев —
Бег,
галоп вперед.
Жизнь шажком
стара нам.
Бегом
под знаменем алым
Комсомольским
миллионным тараном
Вперед!
Но этого мало:
Полками
по полкам книжным,
Чтоб буквы
и то смяло,
Мысль засеем
и выжнем.
Вперед!
Но этого мало:
Через самую высочайшую
высь
Махни атакующим валом.
Новым чувствам мысль
будоражь!
Но и этого мало:
Ковром вселенную взвей,
Моль из вселенной выбей!
Вели
лететь левей
всей
вселенской
глыбе!

В. Маяковский

чение нескольких минут немецкая артиллерия была подавлена. То, что не могли сделать артиллеристы, доделали летчики.

Первым же броском наши войска углубились на несколько километров. К 17 часам наши части подошли к реке Плыска. Это уже была вторая полоса обороны противника. Здесь немецкое командование сделало еще одну попытку сдержать наше продвижение вперед. Но гвардейцы не остановились. 47-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника В. М. Шугаева с ходу форсировала болотистую речку и завязала бой на противоположном берегу. Вслед за ней вступила в бой на переправах 88-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Б. Н. Панкова. Одним полком она форсировала речку в районе Хворостова. Подошла к реке и 27-я гвардейская стрелковая дивизия генерала В. С. Глебова.

К концу дня наши войска вклинились во вторую полосу обороны врага.

11-й танковый корпус к этому времени занял исходное положение в районе Окунин и Новоселки, направив свою разведку на западный берег Плыски.

Авиасоединения 6-й воздушной армии продолжали наносить удары по боевым порядкам и пунктам управления противника в глубине его обороны. Всего летчики произвели 855 самолето-вылетов.

Польские товарищи пришли в восторг от всего увиденного. Нам с трудом удалось отговорить их от поездки в боевые порядки у горловины прорыва.

Бой не прекращался и ночью. Разведчики и артиллеристы выявляли огневые средства противника. Инженерные части строили мосты и переправы для танков и артиллерии. В темноте 88-я стрелковая дивизия полностью переправилась на западный берег Плыски.

Утром 19 июля вновь заговорила артиллерия армии. На этот раз хватило и двадцати минут артподготовки. Войска вновь пошли в атаку. К 11 часам 30 минутам они вышли на рубеж Городно — Машев.

Во второй половине дня двинулись танки. На этот раз 11-й танковый корпус, переправившись через Плыску, вошел в чистый прорыв с рубежа Скибы — Машев. Он рассек отступающие части противника и, обогнув город Любомль с севера, пошел по тылам врага. Корпус вместе с частями усиления двигался по двум маршрутам, имея боевой порядок в два эшелона.

На рубеже Куснище — Любомль 36-я и 65-я танковые бригады были остановлены противником. Тогда немедленно вступила в бой 20-я танковая бригада, шедшая до этого во втором эшелоне. Она обошла Любомль глубже с севера и устремилась на запад. Это решило судьбу Любомля. Вскоре 47-я гвардейская стрелковая дивизия во взаимодействии с 65-й танковой и 12-й мотострелковой бригадами овладела городом.

По ходу боя мы могли судить, что на основных рубежах сопротивление противника было сломлено. Внезапность удара и созданное превосходство в силах сыграли свою роль на всем фронте прорыва. На участках наступления 47-й и 69-й армий также был полный успех.

Лесом я переезжал с одного наблюдательного пункта на другой. На лесной дороге повстречался с обычной для тех дней процессией. Несколько наших автоматчиков сопровождали в тыл группу немецких военнопленных. Я не удержался, остановился возле колонны. Под рукой оказался и переводчик. Из немцев же. Говорил он на ломаном языке, с сильным акцентом, но легко понимал живую речь. Где, когда, для чего он выучил русский язык? Владел он языком разговорным, бытовым, стало быть, учил он его не для того, чтобы читать книги...

Военнопленные, конечно, догадались, что они встретились с генералом. Они подтянулись, сколь могли привели себя в порядок. Я обратился к переводчику.

— Спросите у своих, — сказал я ему, — кто-нибудь из вас может объяснить, что происходит?

Вопрос был переведен точно. Те, кто был постарше, закричали в ответ:

— Гитлеру капут! Капут!

Офицеры и солдаты помоложе помалкивали.

Пришлось повторить вопрос.

Они между собой посовещались. Переводчик передал ответ:

— Мы отступаем, господин генерал! Наши офицеры не знали, что на нас обрушатся такие силы...

Этот разговор с военнопленными подтвердил, что сила нашего удара оказалась для немецкого командования неожиданной. Я убедился, что психологически враг сломлен, что созданы главные предпосылки для развития наступления в нарастающем темпе.

По данным авиационной разведки, разбитые части отходили за Западный Буг, пытаясь зацепиться за новую линию обороны.

Перед нами вставала задача — преследуя противника, с ходу форсировать и этот водный рубеж, сбить врага с позиций и на западном берегу.

На рубеже Куснище — Любомль — Вишнев вошли в бой вторые эшелоны стрелковых корпусов. Они получили задачу — как можно быстрее выйти к Западному Бугу на широком фронте и с ходу форсировать реку. Наши стрелковые корпуса наступали в двухэшелонном построении боевых порядков.

С удовлетворением мы следили за действиями соседей. Они тоже успешно вели наступление и двигались вровень с нами.

Бои не прекращались и ночью. К утру 20 июля 65-я танковая бригада и части 57-й гвардейской стрелковой дивизии стремительным броском вышли на Западный Буг в районе Гущи. Используя броды, они форсировали реку. Подошедшая 47-я гвардейская стрелковая дивизия к 10 часам утра также переправилась на западный берег. Одновременно на рубеж реки подтянулись 39-я и 88-я дивизии 28-го гвардейского стрелкового корпуса. Форсировав реку в районе Гнищув — Сверже, они постепенно расширяли захваченные плацдармы.

Таким образом, к полудню 20 июля армия двумя корпусами форсировала Западный Буг на фронте до 15 километров. Продолжая развивать наступление на запад, войска одновременно наводили паромные переправы через реку.

2-я танковая армия — основная ударная и мобильная сила нашей группировки — в сражение еще не вводилась, хотя ее ввод планировался на второй день операции. Пока мы обходились силами 11-го танкового корпуса.

Утром 20 июля мы с начальником штаба В. А. Белявским выехали в расположение 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Ф. А. Глазунова. Штаб корпуса располагался неподалеку от Опалина. Части Глазунова во взаимодействии с 11-м танковым корпусом начали переправу через Западный Буг. С нами поехал и командующий 2-й танковой армией генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов. Он не расставался со мной с первого дня наступления. Его нетерпение было понятно, но и понятна его выдержка. Танковая армия сохранялась, она держалась наготове, как занесенный молот над наковальней. Нужно было устранить все лишнее, чтобы удар такого мощного соединения пришелся по обнаженным порядкам противника.

С восточного берега Буга по огневым точкам, по артиллерийским позициям противника била наша артиллерия. Пожарский успел подтянуть сюда и крупные калибры. Под прикрытием артиллерии, при поддержке с воздуха гвардейцы Глазунова и танкисты наладили переправу и расширяли плацдарм на западном берегу.

Мы пересекли государственную границу, которую враг вероломно нарушил три года тому назад. Торжественная минута, хотя пришла она и в будничной боевой обстановке. Чувствовалось, что здесь мы не остановимся даже для оперативной паузы, а погоним противника дальше на запад. Уже и не в бинокль, а невооруженным глазом просматривалась польская территория. Как мне понятно было волнение наших польских товарищей!

Немецкое командование прикладывало все усилия, чтобы задержать наше продвижение. По берегу Западного Буга шли оборонительные позиции. Там собирались отступающие немецкие части. Немецкое командование поспешило их усилить, перебросив с других участков фронта части 213-й пехотной дивизии, 489-й охранный батальон и 609-й мотобатальон. Свои контратаки противник сосредоточил против наших плацдармов на западном берегу. Особенно ожесточенные бои разгорелись около населенных пунктов Добрылев и Рудки. Пехота и танки противника несколько раз бросались в контратаки.

Но мы уже имели богатый опыт сочетания наступательных боев с обороной. Там, где гвардеец успевал закрепиться, контратакой его сбить было невозможно. На этот раз мы располагали и мощной танковой поддержкой. При отражении немецких танковых контратак особенно эффективно действовали тяжелые танки ИС, вооруженные 122-миллиметровой пушкой. Эта пушка имела большую дальность прямого выстрела. Ее мощный снаряд при большой начальной скорости прошивал насквозь броню немецких танков, даже броню «королевского тигра». Наши танкисты смело шли на сближение с противником, прокладывая путь вперед для стрелковых частей.

На западном берегу, уже на польской земле, в тот день отличились и артиллеристы. Мне доложили о подвиге орудийного расчета, которым командовал гвардии старший сержант Петр Швыряев из 88-й гвардейской стрелковой дивизии.

Немцы укрепились на опушке леса. В кустарнике они замаскировали три танка и несколько пулеметов, которые простреливали прилегающую местность. Выбить их оттуда было приказано орудийному расчету Петра Швыряева. В клубах пыли прямо на вражеские позиции помчался «додж» с прицепленным к нему 76-миллиметровым орудием.

Немцы не стреляли, очевидно, рассчитывали захватить машину в исправности, но они просчитались.

Водитель машины старший сержант Игорь Бакеркин на полном ходу выскочил на фланг немецкой позиции и с ходу развернул машину, артиллеристы отцепили орудие. Несколько секунд — и наводчик Мироненко открыл прицельный огонь. До немцев было всего 300—400 метров. Первые же снаряды подожгли один, а затем и второй танк. Третий сумел скрыться в лесу. Замолчали и вражеские пулеметы.

Грозное, нарастающее «ура» гвардейцев прокатилось над полем боя. Наши стрелки стремительно ринулись в атаку и ворвались во вражеские траншеи.

В те дни мне довелось встретиться с одним из героев наступления — комсомольским вожаком стрелкового батальона Максимом Цыркиным. Год назад молодой боец впервые участвовал в бою. На рыбачьем челноке он с товарищами переплыл Днепр, с автоматом в руках ворвался в немецкую траншею и несколь-

кими очередями уничтожил до десятка немецких солдат. Таким было начало боевого пути комсомольца Цыркина. Его полюбили в батальоне за дерзость и отвагу в бою, за живой и общительный характер. Он первым вызывался на любое трудное дело. Однажды он с несколькими смельчаками разгромил вражеский гарнизон на железнодорожном переезде. В другой раз, в разгар боя, Цыркин забрался на чердак дома и уничтожил вражеских пулеметчиков, преградивших своим огнем путь нашей пехоте.

Храброго солдата избрали комсоргом батальона. И тут со всей силой раскрылись его организаторские способности, талант воспитателя молодежи. Десятки молодых бойцов стали умелыми воинами, после того как с ними поработал Цыркин, ставший к этому времени младшим лейтенантом. По-прежнему в бою он находился там, где всего труднее и опаснее.

Так было и на этот раз. С раннего утра гвардии младший лейтенант Цыркин был уже в роте автоматчиков. Прочел бойцам сводку Совинформбюро, рассказал о наступлении наших войск в Белоруссии и Литве, напомнил бойцам, как нужно держаться в бою.

Когда подали сигнал атаки и вся рота дружно устремилась на высоту, Цыркин пошел в первой цепи. В это время, тяжело раненный, упал командир роты. Его заменил Цыркин (такой был приказ Военного совета армии: выбыл командир — политработник обязан вступить в командование и довести до конца выполнение боевой задачи).

Рота неудержимо двигалась вперед. Вот она уже во вражеских траншеях, быстро очистила их и прочно захватила рубеж.

Когда мы встретились, я от души поблагодарил комсорга за настойчивость и отвагу. Нас окружили солдаты, возбужденные и разгоряченные боем. Я решил поделиться с ними тем, что было продумано в эти дни.

Наступать нелегко. Противник не будет сидеть сложа руки. Он всеми средствами попытается задержать твое продвижение вперед. Но как бы трудно ни было — не ослабляй натиска, оставайся бодрым, мужественным и решительным, настойчиво продолжай выполнять поставленную задачу. Знай: если тебе тяжело, то неприятелю в несколько раз тяжелее. Ты наступаешь — у тебя в руках инициатива. А у кого инициатива — у того победа.

Противник перешел в контратаку — не робей. У тебя винтовка, граната, автомат или пулемет. Обрушивайся всей силой этого мощного оружия, об обороне не думай, а смело иди вперед в атаку, и противник погибнет или сдастся в плен.

Противник контратакует с танками — держи себя еще смелее, дерись злее и упорнее. Свой огонь направляй против пехоты врага, отсеки ее от танков и прижми к земле. Знай: ты контратаку отражаешь не один. Бок о бок с тобой действуют танкисты, артиллеристы и бронебойщики. Они с танками расправятся, а твое дело уничтожить пехоту противника.

Бывает и так: вражеским танкам удается подойти вплотную к позициям пехотинцев. У тебя есть гранаты, бутылки с горючей смесью или трофейные фаустпатроны. Обрушивай их на бронированного врага, вступай смелее в единоборство — и ты победишь. Идет танк через окоп — прижмись ко дну окопа. Как только танк перевалил через тебя — кидай в него гранаты.

Противник идет в контратаку на соседнее отделение — помогай

соседу огнем. Решительное продвижение вперед и огонь твоего оружия — лучшая помощь соседу.

Измотал и обескровил контратакующего противника — снова быстрей вперед. Смелой и решительной атакой скорей опрокинешь и уничтожишь врага...

Говорю, а сам наблюдаю за своими слушателями: ловят каждое слово, глаза блестят, позабыта усталость...

Отбивая контратаки противника и преодолевая его сопротивление, войска армии продолжали форсировать реку. К утру 21 июля и части 29-го гвардейского корпуса переправились через Западный Буг. Таким образом, река была форсирована во всей полосе наступления и всеми силами армии. Соседи не отстают от нас, они тоже ведут бои на западном берегу.

Третья, наиболее подготовленная полоса обороны противника фактически оказалась прорванной на всю глубину.

Наше наступление на полтора суток опережало запланированный фронтом темп наступления.

Командование фронта, учитывая сложившуюся обстановку, изменило направление нашего наступления. Теперь мы двигались не на Парчев и Луков, а на Люблин, Демблин, Гарволин. Встык между нашей армией и соседом справа на Парчев были направлены 11-й танковый корпус и 2-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Крюкова.

2

Переход государственной границы СССР с Польшей совершился на всем протяжении действий 8-й гвардейской армии и всей ударной группы левого крыла 1-го Белорусского фронта.

Он был ознаменован рядом важнейших исторических решений. 21 июля Крайова Рада Народова, высший орган власти народной Польши, издала декрет, который был опубликован в Хелме в первом номере вышедшей легально на польской земле газеты «Речь Посполита». Декрет объявлял о создании Польского комитета национального освобождения.

Ставка требовала стремительного развития наступления. Это диктовалось политической обстановкой и интересами польского народа.

Дорогие друзья! Позвольте и мне вплести мой глуховатый голос в хор добрых пожеланий журналу «Молодая гвардия».

Отрадно сознавать, что все 50 лет журнал был и остается молодым, полным духовной и интеллектуальной энергии, помощником партии в строительстве новой цивилизации, в развитии художественного самосознания народов, в воспитании свободного, сильного своей исторической правотой и гуманного человека-борца века коммунизма.

Утром 21 июля к нам на командный пункт прибыл командующий 1-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский. Прежде чем попасть сюда, ему пришлось немало поблуждать, так как КП армии успел за это время продвинуться далеко вперед.

Ознакомившись с ходом наступления, маршал признал действия гвардейцев отличными и тут же принял решение немедленно ввести в прорыв 2-ю танковую армию. Она получила задачу двигаться в направлении Люблин — Демблин — Прага, с тем чтобы обойти вражескую группировку и отрезать ей путь на запад.

Чтобы переправить танки через реку, были наведены три 60-тонных моста (до этого у нас уже имелось два 30-тонных и два 16-тонных моста) — понтонные парки, несмотря на загруженность дорог, продвигались вслед за боевыми порядками войск.

Пока наши стрелковые части продолжали с боями идти на запад, танкисты переправились через Западный Буг и утром 22 июля уже обогнали пехоту и устремились к Люблину. Я крепко пожал руку сияющему С. И. Богданову, пожелал успеха его войскам и заверил, что пехотинцы 8-й не отстанут от танкистов. На другой день 2-я танковая армия совместно с 28-м гвардейским стрелковым корпусом окружила город и начала бой с его гарнизоном.

23 июля, подъехав к окруженному городу, я узнал от командира 28-го гвардейского корпуса генерала А. И. Рыжова, что Богданов ранен. Он ехал на бронетранспортере за своими танками по северной окраине города и попал под пулю немецкого снайпера. Ему раздробило плечевую кость.

То, что Богданов оказался в пекле боя, для меня не было неожиданностью. Это в его характере: видеть все своими глазами и руководить войсками непосредственно на поле боя, а не из глубокого тыла.

Я не осуждал Богданова. Командир только тогда правильно оценит обстановку, особенно в современном высокоманевренном бою, когда будет чувствовать пульс боя. Что ж, иногда приходится и рисковать, но зато сохраняются жизни многих и многих солдат, и успех добывается меньшей кровью. Надо учитывать и огромное моральное значение поведения командира в бою. Бойцы, видя его в своей среде в самые напряженные минуты, проникаются большей уверенностью в победе. Такого командира солдаты любят, готовы прикрыть его своей грудью и идут за ним в самый яростный огонь, ибо видят, что он делит с ними все трудности.

Воспевая повседневную жизнь рабочих, крестьян, ученых, воинов армии и флота, журнал Ленинского комсомола донес до миллионного читателя немало отличных произведений.

Позвольте пожелать журналу и впредь сочетать взыскательность и чуткость в отборе произведений, чтобы полнее и ярче жили в них мужественные сердца сынов и дочерей народа, а отвага и смелость литераторов сочеталась бы органически с разведческой зоркостью ленинцев.

Григорий КОНОВАЛОВ

Я разыскал Семена Ильича в армейском госпитале севернее Люблина. Его собирались эвакуировать. Я спросил:

— Семен, как настроение?

Он отозвался довольно весело, хотя чувствовалось, что он испытывает жестокую боль:

— Ничего, Вася, скоро вернусь, и обязательно вместе пойдем на Берлин.

Месяца два спустя он действительно вернулся, и мы опять вместе двинулись вперед на Одер, а затем и на Берлин.

...Мне казалось, что уже ничто не сможет меня удивить — я видел облик фашизма, облик войны во многих проявлениях. Но, оказывается, я не видел самого страшного.

На юго-восточной окраине Люблина наши солдаты захватили фашистский концлагерь Майданек.

Теперь слово «Майданек» известно каждому. А тогда это было простым названием местности. Лагерь смерти... Нет, фабрика смерти! Организованная и построенная по последнему слову инженерной техники фабрика по уничтожению людей. Я опускаю все подробности, которые теперь широко описаны во многих документальных изданиях. Но скажу откровенно, когда мне все рассказали, когда я увидел фотографии, сделанные нашими офицерами, я не пошел туда... Миллионы сожженных в печах! Миллионы! Мужчины, женщины, дети, старики!.. Никого не щадили!

Дрогнуло у меня сердце. Какая сила могла теперь остановить руку советского воина-мстителя, когда он войдет на немецкую землю? А я обязан был остановить гнев моих солдат, обязан был притушить, подавить и свои собственные чувства. Народ не мог отвечать за злодеяния своих правителей, хотя и на него падала ответственность, что многие годы он терпел таких правителей.

Да, очень усложнилась задача для командного состава армии и в особенности для политработников! Вот где нужна была политработа. Внушить, объяснить... А как? Как объяснишь, если семьи многих и многих наших солдат были уничтожены, а некоторые, может быть, горели в этих самых печах! Мы боялись, что отныне никто не будет брать немецких солдат в плен...

Но истинные богатыри умеют сдерживать свой гнев, сильный духом не мстителен, он справедлив!

На другой же день после освобождения Майданека ко мне привели пленного немецкого офицера. Его взял в плен и привел командир пулеметного расчета 88-й гвардейской дивизии старший сержант Юхим Ременюк.

Удивительна судьба этого воина.

В 1941 году, как только началась война, Юхим ушел на фронт. С болью в сердце покидал он родные места. Воевал на Волге, участвовал во многих боях. От рядового бойца вырос до старшего сержанта, за доблесть и отвагу получил четыре высокие правительственные награды — ордена Красной Звезды и Славы, медали «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

Бывало, в час передышки говорил он друзьям:

— Вот придем в наши места, в гости приглашу. Там у меня жинка Яринка, дочка Оксана, старики — отец, мать. Хорошо у нас — пасека, лес, кругом привольно.

И вышло так, что часть, где служил Юхим, действительно попала в его родные места, и рота пошла в бой за его село. Юхим первым ворвался в село — и к своему двору. А его нет, двора-то.

Хаты тоже нет — одни развалины. Садик сожжен. Лишь одна старая яблоня стоит, а на ней — отец повешенный, возле яблони — мать убитая. Яринку и Оксану фашисты с собой угнали — рассказала об этом соседка, которой удалось спрятаться в погребе.

Солдаты узнали про горе Юхима и дали клятву — отомстить за его семью. И так нажали на гитлеровцев, что безостановочно гнали их километров двадцать. Юхим с того дня переродился. Суровый стал и слова «фашист» слышать не мог...

А вот привел пленного. Живого. Пальцем не тронул...

Форсированием Буга и освобождением Люблина завершился первый этап операции.

На занятом рубеже 8-я гвардейская армия по приказу фронта была остановлена на сутки с задачей подтянуть артиллерию, тылы, пополнить запасы горючего и боеприпасов.

2-я танковая армия передавала свои позиции 1-й Польской армии, которая сомкнулась с нашими частями в городе Люблине.

С выходом на Вислу 2-й танковой, 8-й гвардейской армий была нарушена связь и взаимодействие между группами немецких армий «Центр» и «Северная Украина».

Действия наших соседей севернее, захват 11-м танковым и 2-м гвардейским кавалерийским корпусами Парчева, Радзыни значительно ухудшили оперативную обстановку для брестской группировки противника.

Перед нами вырисовывалась новая задача — форсировать Вислу!

3

Прежде чем приступить к рассказу о форсировании Вислы, о преодолении самого значительного водного рубежа на польской земле, я обязан сказать несколько слов об обстановке, сложившейся на правом крыле 1-го Белорусского фронта, иначе события, последовавшие за выходом левого крыла фронта на Вислу, будут непонятны или даже неправильно истолкованы читателем.

В те же сроки, когда войска левого крыла выходили к Висле, назревал кризис и на Брестском направлении. Завершалось окружение брестской группировки врага. Севернее Бреста к Западному Бугу подходили 65-я и 28-я армии.

Возможность потери Бреста сильно беспокоила немецкое командование. Ведь это означало выход наших войск напрямую на Варшаву и обход Восточной Пруссии с юга. Немецкое командование попыталось задержать развитие нашего наступления под Брестом. Оно стянуло туда остатки 2-й и 9-й полевых армий. Словом, под Брестом, командование фронта не без оснований ожидало неприятностей значительно больших, чем сумел на деле подготовить противник.

Перебрасывались немцами и части для усиления обороны Праги, предместья Варшавы, куда продвигалась с боями 2-я танковая армия. Как уже говорилось, командующий 2-й танковой армией генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов был тяжело ранен. Вместо раненого командира Богданова во временное командование 2-й танковой армией вступил генерал-майор танковых войск А. И. Радзиевский. Сопротивление противника возрастало с каждым часом.

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

В 20-х годах зародилась традиция журнала «Молодая гвардия», которая живет и поныне. Выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского государства обращались со своими словами к молодежи. В третьем номере журнала «Молодая гвардия» за 1926 год выступил Емельян Ярославский.

Ниже мы публикуем отрывок из его выступления.

...Когда говорят о смене старой гвардии, говорят о подготовке нового поколения, способного прийти на смену старой гвардии, мне кажется, не совсем правильно ставят вопрос, в чем должна походить молодежь на старую гвардию? Конечно, она должна быть похожа на нее в верности пролетарской революции, в основательной подго-

---

Итак, с одной стороны шло очень ответственное наступление 2-й танковой армии, введена была в сражение 1-я Польская армия, с другой стороны — контратаки немцев севернее и северо-восточнее Бреста и нарастающая опасность, что немецкое командование совершит попытку соединить разрубленные группы армий «Центр» и «Северная Украина».

Командование фронта в этой обстановке проявляло крайнюю осторожность.

24 июля приказом фронта нашей армии была поставлена задача — без 28-го гвардейского стрелкового корпуса, удерживавшего Люблин, продолжать наступление и овладеть рубежом Улан-Воля Осовинска — Коцк — Тавлубко — Старосецин.

В это время наш сосед справа — 47-я армия наступала в общем направлении на Меджинец — Бяла Подляска — Улан; сосед слева — 69-я армия продвигалась к Люблину, тщательно прочесывая леса от разрозненных немецких частей.

К исходу дня приказ фронта был полностью выполнен нашими гвардейцами. Левый фланг 4-го гвардейского стрелкового корпуса вышел на Вислу на участке Пулавы — Демблин, охватив и районы населенных пунктов Баранув, Осины, Куров. 29-й гвардейский стрелковый корпус занял Радзин, Коцк, Михув.

28-й гвардейский стрелковый корпус находился еще в Люблине. 25 июля мы получили новый приказ фронта. Он гласил: «Общая задача 8 гв. А — выход на р. Вислу на участке: Гарволин, Демблин. Армию ведите компактно в полной готовности для серьезного боя. Подвижные и передовые отряды можно выдвигать вперед с большим отрывом от армии».

Как раз в этот день командование фронта, видимо, ожидало каких-то очень решительных действий от противника.

26 июля вновь последовал приказ фронта: «8-й гв. А (без 28 гв. ск) продолжать наступление с задачей 27.7.44 г. овладеть рубежом Весолувка — Окшея — станция Рыки. В дальнейшем иметь в виду наступление в общем направлении Желехув, Ласка-

товке к борьбе за окончательную победу социализма, в готовности принести в жертву личное благополучие, если это нужно для дела пролетарской революции, в том, чтобы молодежь видела в революционной борьбе за победу социализма не только отвлеченный «общественный долг», но и органическую личную потребность. Однако требования сейчас иные, и иным масштабом ведется борьба. Мы строим социализм, о котором в подполье только мечтали. Предстоят еще серьезные международные бои. Для этих задач нужно не столько расширить комсомольскую организацию (это надо сделать), сколько углубить коммунистическое сознание, пропитать насквозь все сознание важностью предстоящих задач; практически подготовиться к этим задачам: создать такую тренировку и сознания и тела, выработать такие общественные навыки, которые дали бы революции людей, способных выдержать те величайшие трудности, которые нам еще предстоят.

Над этим и должен работать комсомол.

Е. Ярославский

шев». И тут же вдогонку этому приказу последовал следующий приказ: «8-й гв. А не разбрасываться в пространстве, точно выполнять мои приказы по дням и рубежам. Главную группировку армии иметь на своем правом фланге, учитывая при этом, что активизация действий противника наиболее вероятна на направлении Седлец, Луков. Перегруппировку сил к правому флангу армии произвести в ходе наступления. С подходом 1-й Польской армии и 69 А в район Люблин 28 гв. ск вывести в резерв и сосредоточить его за правым флангом».

Мне оставалось только восхищаться выдержкой и осторожностью К. К. Рокоссовского. Мы все время шли по восточному берегу Вислы, силы армии были собраны компактно в кулак, артиллерия была готова к бою. Стоило больших усилий удержаться от искушения выслать разведку на западный берег и начать форсирование Вислы.

Армию как бы вели на вожжах, сдерживая ее продвижение из-за угрозы ударов противника с севера. Но мне было ясно, что рано или поздно нам придется форсировать Вислу. Чем раньше, тем, конечно, лучше.

Тогда мне было неведомо, что только 27 июля последовала директива Ставки Верховного Главнокомандования, предписывающая войскам левого крыла 1-го Белорусского фронта форсировать Вислу в районе Демблин — Зволень — Солец.

Захваченные плацдармы предлагалось использовать для удара в северо-западном направлении, с тем чтобы свернуть оборону противника по рекам Нарев и Висле. Этим облегчалось форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Вислы центральным армиям 1-го Белорусского фронта, а также возможность наступления в обход Варшавы с юго-запада.

29 июля последовало указание Ставки командующим 1-го Белорусского фронта и 1-го Украинского фронта, где прямо говорилось, что приказ Ставки о форсировании реки Вислы и захвате

плацдармов названными в приказе армиями нельзя понимать так, что другие армии должны сидеть сложа руки и не пытаться форсировать Вислу».

Изучив местность по карте, я пришел к выводу, что форсировать реку надо в районе населенных пунктов Татарчиско, Скурча, Дамирув, Домашев. Здесь фланги армии прикрывались с севера рекой Пилицей, с юга рекой Радомкой. Прикрывая фланги этими речками, можно было наносить главный удар через Магнушев, имея ближайшей задачей захватить на западном берегу плацдарм глубиной до железной дороги Варка — Радом.

Утром 29 июля я связался по телефону с К. К. Рокоссовским. Он спокойно выслушал мои предложения и разрешил выезд на рекогносцировку Вислы.

Западный берег выглядел пустым. Кое-где можно было разглядеть взмахи лопат, выбрасывающих землю. Это, видимо, отрывали траншеи. Кто там работал: немцы или мобилизованные местные жители?

Ожидал ли противник, что мы примем решение форсировать Вислу? Трудно сказать. Особенно активной подготовки к обороне мы не обнаружили. Не видно было и мощных укреплений. Июньское и июльское наступление развивалось столь стремительно, что немецкое командование явно не успело подготовиться к встрече наших войск на Висле. Взять хотя бы тот же Майданек. Если бы гитлеровцы предполагали, что мы так быстро придем в Люблин, они, безусловно, уничтожили бы следы своих зверских преступлений. Были основания предполагать, что наш удар будет иметь необходимые элементы внезапности.

Вернувшись в штаб армии, я по телефону доложил командующему фронтом результаты рекогносцировки и свои предложения по форсированию Вислы. К. К. Рокоссовский одобрил их, но разрешения на форсирование не дал, обещал обдумать и дать ответ на следующий день.

Поскольку штаб фронта продолжал ориентировать армию на север, и войска все время подтягивались к рубежу Луков — Гарволин, на следующий вечер пять дивизий из девяти оказались севернее реки Вильги. Командующий фронтом наконец дал согласие на форсирование, но предупредил, чтобы до выхода 47-й армии на рубеж Седлец — Сточек две наши дивизии оставались на их нынешних рубежах, то есть по-прежнему смотрели на север, а не за Вислу. В связи с этим я мог в первый эшелон выделить только четыре дивизии. 31 июля мы повторили рекогносцировку: надо было наметить организацию управления форсированием. Со мной выехала оперативная группа штаба во главе с В. А. Белявским. На берегу находились и командиры корпусов и дивизий. Вместе с артиллеристами и инженерами они уточняли на местности задачи войскам, пункты переправы, подхода к ним и места погрузки.

Я осматривал участки будущих переправ, когда был спешно вызван в штаб армии для переговоров с командующим фронтом. У нас произошел следующий разговор по ВЧ (передаю по памяти).

Рокоссовский. Вам необходимо подготовиться, чтобы дня через три начать форсирование Вислы на участке Мацеевице — Стенжи-

ща с целью захвата плацдарма. План форсирования желательно получить от вас кратко шифром к четырнадцати часам первого августа.

— Задача мне понятна, но форсировать прошу разрешить на участке: устье реки Вильги — Подвебже, чтобы на флангах плацдарма были реки Пилица и Радомка. Форсирование могу начать не через три дня, а завтра с утра, так как вся подготовительная работа у нас проведена. Чем скорее начнем, тем больше гарантий на успех.

Рокоссовский. У вас мало артиллерии и переправочных средств. Фронт может вам кое-что подбросить не ранее как через три дня. Ставка Верховного Главнокомандования придает большое значение форсированию Вислы и требует от нас максимально обеспечить выполнение этой сложной задачи.

— Мне это понятно. Но я рассчитываю прежде всего на внезапность. Что касается средств усиления, то при внезапности, думаю, обойдусь тем, что имею. Прошу разрешить начать завтра с утра.

Рокоссовский. Хорошо, я согласен. Но продумайте, взвесьте все еще раз и доложите окончательно ваш краткий план. Доведите до сведения командиров всех степеней, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, будут представлены к наградам вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза.

— Будет сделано! Начинаю завтра утром. Краткий план доложу немедленно.

На этом закончился наш разговор. Мы тут же передали в штаб фронта план действий. «Пристрелка с 5.00 до 8.00. Одновременно производится разведка боем батальонами от каждой дивизии. При удачных действиях разведка перерастает в наступление, как это было при прорыве обороны противника западнее Ковеля. Если разведка не будет иметь успеха (противник не даст возможности

К своему пятидесятилетию, на мой взгляд, журнал, оставаясь все таким же страстным и молодым, окреп, набрался мудрости, завоевал в поре становления большую популярность среди советской молодежи, о чем наглядно свидетельствует его почти четырехсоттысячный тираж.

Журнал «Молодая гвардия» умеет заметить и отыскать одаренного автора, живи он не только в Москве, но и на Дальнем Востоке, в Казахстане, Грузии или на Украине, и в этом залог крепнущих связей журнала с жизнью. Мне кажется, что это верное и плодотворное направление.

И для меня лично журнал «Молодая гвардия», по сути дела, является первым толстым общесоюзным журналом, который доброжелательно распахнул передо мной двери, напечатав повесть «Тихий-тихий звон», а год спустя роман «Камень сердолик».

Петр ПРОСКУРИН

высадиться или десант не сможет развить успех на западном берегу), устанавливается часовая пауза для уточнения целей и увязки взаимодействия. Штурмовая авиация обрабатывает передний край противника. 9.00 — начало артиллерийской подготовки и начало переправы всеми силами».

Не было ли в повторении приема с разведкой боем, перерастающей в наступление главных сил, опасного для нас шаблона? Мог ли на этот раз противник предугадать наши действия? Я много думал над этим. Мне говорили, что немецкое командование еще не разгадало этого приема, что перерастание разведки боем в наступление опять же будет для него неожиданностью.

Ссылались при этом и на то, что прием этот всего лишь один раз применялся нами на Украине, а под Ковелем части противника были так побиты, что навряд ли кто из офицеров добрался до Вислы. Но все это было, конечно, слабым утешением. Сила приема с перерастанием разведки боем в наступление была в другом. Я с достаточной серьезностью относился к немецкому командованию и понимал, что оно могло разгадать этот прием. Ну и что же? Если даже этот прием и разгадан, то все равно предпринять что-либо против его применения нелегко. Есть такого рода тактические приемы, которые действуют безотказно. Предположим, противник разгадал, что наша разведка боем должна перерасти в общее наступление. Что он может сделать? У нас преимущество во всех видах вооружения!.. Разведывательные отряды пошли в атаку. Что он предпримет? Оставит первые траншеи и отойдет?! Прекрасно. С малой затратой артиллерийских снарядов мы занимаем его первые траншеи и тут же усиливаем разведотряды главными силами армии. С малыми потерями мы ломаем его первую позицию обороны. Противник принимает бой с нашими разведотрядами. Это нам и нужно. Он в траншеях первой позиции. Мы его подвергаем артиллерийской обработке, мы его «прихватываем» на месте и наносим по нему удар молота — удар всеми нашими силами. Опять его позиции сбиты...

Нет, не имело смысла отказываться от такого приема. Именно здесь, на берегах Вислы, наши бойцы его назвали «вторым эшелоном».

Вечер и ночь мы использовали для перегруппировки и подвоза переправочных средств. Несмотря на сжатые сроки подготовки, к 4 часам утра части заняли исходное положение.

Здесь у нас артиллерии было вдвое меньше, чем при наступлении западнее Ковеля, так как из состава армии ушел 4-й артиллерийский корпус прорыва. Но мы рассчитывали выйти из положения массированным применением орудий для стрельбы прямой наводкой. Большая часть дивизионной, вся полковая артиллерия, часть 152-миллиметровых пушек — гаубиц 43-й гвардейской артиллерийской бригады — и все три самоходно-артиллерийских полка были поставлены на восточном берегу для стрельбы прямой наводкой.

Имевшиеся у нас переправочные средства — 83 автомобиля-амфибии и около 300 различных лодок и катеров — могли взять на борт в общей сложности до 3700 человек. О понтонных парках я не говорю: их было так мало, что не хватало для наведения одного моста через Вислу. Но это нас не смущало. Все надежды мы возлагали на стремительность и неожиданность удара.

4

Ночь перед боем. Которая по счету в жизни бойцов и офицеров 8-й гвардейской? Теплая и даже душная июльская ночь. Полная тишина на нашем берегу. Обманчивая тишина.

Свершается незримая, но напряженная работа. И не только заканчиваются последние передвижения войск. Идет внутренняя душевная работа у каждого, кто завтра двинется в бой. Подготовить себя к броску... В который уже раз, и каждый раз словно бы заново!

Работники штаба разъезжаются по наблюдательным пунктам. Политработники с вечера в войсках. Летучие партийные и комсомольские собрания. Эти собрания возникают как бы сами собой. И проходят они без непременных протоколов. Значение завтрашнего боя, переправы через Вислу известно каждому. Политотдел армии уже успел провести большую разъяснительную работу.

А вот перед боем возникли какие-то вопросы. Иногда чисто личного характера. Политработник на месте. Подают заявления в партию: прием в партию надо успеть оформить до начала боя...

Близится утро 1 августа.

Тихо катит свои воды Висла. Стелется над водой, над заливами молочный туман. В суровом молчании, в безветрии застыли величественные сосны. Стрелки часов медленно приближаются к условленной цифре. Молчат телефоны, молчит радиосвязь.

Сначала все будет тихо. Впереди батальонов пойдут небольшие группы опытных разведчиков. Самыми первыми должны переправиться разведчики 79-й гвардейской дивизии под командой старшего лейтенанта Виктора Лисицына. Влюбленный в свою опасную и трудную профессию, молодой офицер имел за плечами уже немалый опыт. Много раз ходил он с друзьями в ночные поиски, захватывал «языков», добывал ценные сведения о противнике.

Но нынче разведка необычная. Впереди расстилается водная ширь, а вдали сереет тонкая полоска левого берега. Что там, на том берегу реки, какие силы у противника, какую встречу он готовит?

...Рыбачьи лодки ушли в предрассветную мглу. Лисицын — на первой. Рядом с ним его верные и проверенные в боях товарищи. Разведчики достигли берега и перебежками двинулись к вражеским траншеям. Немцы открыли огонь из пулеметов, но остановить советских солдат не смогли. Виктор Лисицын добежал до дзота, одну за другой бросил несколько гранат. Подоспели и другие бойцы. Автоматным огнем и гранатами два пулемета и их прислуга были уничтожены. Разведчики быстро очистили траншею от противника.

— Рубеж взят!

На другом участке первыми на западный берег высадились разведчики под командой капитана Ивана Яковлевича Дунаева. Немецкие солдаты, засевшие в прибрежных траншеях, отбивались отчаянно. Но благодаря искусному маневру наши без потерь прорвали вражескую оборону. Офицер-коммунист ни на минуту не терял управления боем и своим мужеством воодушевлял гвардейцев.

Вслед за разведчиками, а подчас и вместе с ними переправлялись стрелковые подразделения. Под грохот артиллерийской канонады сотни лодок с людьми спешили к западному берегу.

Мне рассказали о комсорге батальона 217-го полка гвардии младшем лейтенанте Анатолии Баяндине. Он переправился через реку одним из первых. На вражеском берегу комсорг повел в атаку группу бойцов. Бой был жарким. Комсомолец-пулеметчик Горюнов уничтожил в этой схватке 16 гитлеровцев. Баяндин немедленно передал по цепи весть о подвиге пулеметчика. Комсорг знал свое место в бою — он был всегда там, где возникало наиболее трудное положение. Когда немцы перешли в контратаку, он оказался у пулеметчиков. Комсорг своими глазами видел, кто из воинов дерется лучше всех, и призывал молодежь равняться на отважных. Двадцать молодых гвардейцев вступили после этого боя в ряды комсомола. Многие комсомольцы батальона получили правительственные награды.

У Анатолия Баяндина был настоящий талант воспитателя — душевность, терпение. Быть всегда в гуще событий стало для него жизненной потребностью. Таким он остался и после войны. Живо, увлекательно писал Баяндин о пережитом, о своих боевых друзьях. Наиболее крупное произведение Баяндина — повесть «Сто дней, сто ночей», вышедшая в Пермском издательстве, рассказывает о героях волжской твердыни.

Во второй половине дня противник перешел в контратаки, бросил против нас авиацию, но к этому времени дивизии первого эшелона были уже на той стороне.

Развернулись жестокие бои за плацдарм.

В результате боев 1 августа был захвачен плацдарм до десяти километров по фронту и до пяти километров в глубину.

2 и 3 августа мы продолжали расширять плацдарм, переправлять на него войска и средства усиления. Это было очень трудно, так как с мостами у нас дело не ладилось: вражеские самолеты сразу же разбивали их.

И тем не менее плацдарм существовал и расширялся. Командирам корпусов было приказано подготовить себе командные пункты на западном берегу Вислы.

Три дивизии резерва армии оставались на восточном берегу.

Сильно донимала нас авиация противника. Вражеские самолеты без конца атаковывали наши переправлявшиеся войска. Поскольку пехоты на этом участке у противника оказалось немного, он все надежды возлагал на свою авиацию, в то же время подводил резервы к захваченному нами плацдарму. Немецкие самолеты звеньями и поодиночке на бреющем полете вырывались из-за леса к переправе и сбрасывали на лодки и катера кассеты с мелкими бомбами. Но наши бойцы быстро восстанавливали повреждения.

Героически действовали зенитчики. Но разве один зенитный армейский полк, прикрывающий наши войска на фронте в 25 километров, мог справиться со столь трудной задачей? Потом к нам подошла польская зенитная дивизия. Но положение мало изменилось: фронт расширялся, прикрывать его с воздуха становилось все сложнее. Истребительная авиация не могла помочь нам: она в полном составе действовала под Варшавой, где шли наиболее ожесточенные бои. К тому же для самолетов не хватало бензина. На войне никогда не бывает всего в достатке, особенно к концу операции, после того как войска прошли 500—600 километров с ожесточенными и непрерывными боями. Но нам не привыкать к трудностям. Сложнее было решать другие вопросы.

5

Я уже упоминал, что армию все время нацеливали на север, ожидая оттуда активных действий противника. Поэтому три наши дивизии оставались на восточном берегу, на прежних позициях. В самый разгар боев на плацдарме 3 августа армия получила приказ командующего фронтом. Привожу его полностью:

«На фронте Венгров — Станислав (иск. Волошин) действуют четыре танковые дивизии: танковая дивизия СС «Викинг», танковая дивизия СС «Мертвая голова», 19-я танковая дивизия и в районе восточнее и юго-восточнее Праги — дивизия «Герман Геринг».

Не исключена возможность попытки танковых дивизий противника прорваться в южном направлении. При этом наиболее вероятным участком прорыва следует считать Калушин — Минск — Мазовецкий.

47-я армия всеми силами наступает с рубежа Тщебука — Виснев — Уязцув — Залесье в северном направлении.

2-я танковая армия двумя танковыми корпусами ведет бой на рубеже Окунев — Мендзылесье и одним танковым корпусом занимает район Радзцмин — Марки — Осеув — Волошин.

В целях увеличения глубины боевых порядков 47-й армии приказываю:

Командующему 8-й гвардейской армией выдвинуть один стрелковый корпус (три стрелковые дивизии), усиленный не менее как тремя бригадами 6-й артиллерийской дивизии, с задачей — к утру 4.8.44 г. двумя дивизиями занять для обороны рубеж Турки — Осецк и одну дивизию иметь во втором эшелоне корпуса в районе Пилява».

Получив этот приказ, я оказался в весьма затруднительном положении. С одной стороны, нужно было развивать наступление на западном берегу Вислы и расширять плацдарм, где уже втянуты в бой шесть стрелковых дивизий, с другой — требовалось повернуть фронтом на север три дивизии и держать оборону в 30—40 километрах от переправ.

Танковые части противника, о которых предостерегали нас, действительно появились перед фронтом 8-й гвардейской армии. 5 и 6 августа наш плацдарм контратаковали две танковые дивизии — 19-я и «Герман Геринг». Наступили дни тяжелых боев. Кроме двух танковых, немецкое командование бросило против нашего плацдарма 17-ю и 45-ю пехотные дивизии. А мы за эти дни смогли переправить на западный берег только 11-ю танковую бригаду и три самоходно-артиллерийских полка неполного состава. Две гвардейские дивизии по приказу фронта готовили оборону фронтом на север, на Прагу.

Форсирование реки Вислы и захват плацдарма в районе Магнушева 8-й гвардейской армией создавали угрозу удара с юга всей варшавской группировке противника, что с усилением наших войск в районе восточного предместья Варшавы — Праге и заставило гитлеровское командование уйти с правого берега Вислы и перебросить главные силы против Магнушевского плацдарма.

Превосходство в силах, и особенно в танках, теперь стало на

стороне противника. Он напрягал все силы, чтобы столкнуть нас в реку. Обстановка на плацдарме осложнялась еще и тем, что мы не имели мостовой переправы. Все попытки навести мост в районе деревни Скурча не давали результатов: авиация противника, которая, по-видимому, имела специальную задачу — не допустить постройки моста, беспрерывно висела над головами понтонеров. Вечером 5 августа мы сумели собрать один мост и пустить по нему артиллерию и боеприпасы. Но мост просуществовал лишь около двух часов: налетевшая авиация противника разбила его. Оборонявшая переправу польская зенитная артиллерийская дивизия, сражавшаяся стойко и самоотверженно, понесла значительные потери.

Контратаки немцев усиливались. Вдоль реки Пилица наносила удар 19-я танковая дивизия, вдоль реки Радомка — танковая дивизия «Герман Геринг». Между ними действовали 17-я и 45-я пехотные дивизии. Противник контратаковал волнами. Стоило отразить одну, как накатывалась другая. И казалось, что им не будет конца. Тяжелая обстановка сложилась на участке 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Населенные пункты Ходкув и Студзянки несколько раз переходили из рук в руки.

Вечером 5 августа нам удалось переправить на плацдарм 47-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Вместе с танковой бригадой она встала на пути вражеских танков.

Ночью переместился на западный берег, в лес, юго-западнее Магнушева, и командный пункт армии. Работники штаба и политического отдела направились в роты и батальоны, чтобы организовать уничтожение танков — основную ударную силу контратакующего противника. Всем бойцам было разъяснено, что отход за Вислу равносилен катастрофе. Надо выстоять. Надо разбить в первую очередь дивизию «Герман Геринг». В окопах появились начертан-

---

Мне как читателю и автору «Молодой гвардии» хочется прежде всего пожелать журналу быть в дальнейшем столь же популярным и любимым среди юношества.

Основной, решающей силой всех великих свершений в нашей стране является советский человек. Воспеть его, показать во всех гранях его характер, богатый духовный мир, его творческий созидательный труд — высочайший и благородный долг советской литературы и искусства. Что может быть благороднее этих задач для любого советского художника!

В самом деле, разве можем мы стоять в стороне от решения проблем в области промышленности или сельского хозяйства, строительства или мелиорации земель, электрификации Сибири или освоения космоса? Разве можем не видеть мы, на что партия направляет наше внимание, разве все эти проблемы так или иначе не должны найти отражение в произведениях прозаиков и поэтов?

Работники советской литературы — верные помощники партии в коммунистическом строительстве, в свершении беспри-

ные солдатской рукой плакаты: «Бей танки толстопузого Германа Геринга!»

Утром разгорелся бой.

Полки 47-й гвардейской стрелковой дивизии едва успели занять свои позиции, как на них ринулись немецкие танки. 19 вражеских машин двигались к позициям пехотинцев с фланга. Там стояло хорошо замаскированное орудие старшего сержанта Дмитрия Забарова. Подпустив их на 300 метров, расчет открыл огонь и с первого же выстрела поджег один танк. Немцы развернулись, чтобы зайти с другой стороны. Наводчик Царен Каспарян воспользовался этим. Два выстрела — и на месте замерли еще две машины. Немцы попытались прорваться лобовым ударом, но артиллеристы не дрогнули. Они подбили еще две машины.

Жаркая схватка развернулась на участке обороны 220-го гвардейского полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Рота, которой командовал лейтенант Владимир Трифонович Бурба, занимала оборону во ржи. В ходе боя выяснилось, что это был самый ответственный участок обороны дивизии — враг направил сюда главный удар.

Коммунист Бурба умело организовал оборону. Танки были встречены гранатами и огнем бронебоек. Наши бойцы били по смотровым щелям из винтовок и пулеметов, ослепляя водителей вражеских машин.

Шесть атак одна за другой, но немцы так и не смогли пробиться через рубеж, занятый гвардейцами.

Началась седьмая атака. Танки вплотную подошли к позициям наших пехотинцев. Лейтенант Бурба устремился навстречу головной машине и связкой гранат подбил ее. Но тут надвинулся второй танк. Бурба, не видя другого способа остановить врага, со второй связкой гранат бросился под машину и подорвал ее.

Офицер-коммунист до последнего дыхания был верен присяге.

мерного подвига созидания, которым занят сегодня советский человек. Воспеть этого человека — великая и ответственнейшая миссия всех отрядов работников советского искусства и культуры.

В первых шеренгах строителей нашего общества идет молодое поколение страны. И конечно же, образы последователей Павки Корчагина, Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Олега Кошевого по праву должны найти более яркое, более страстное воплощение в повестях, романах, на сцене театра, на киноэкране.

Думаю, что именно журналу «Молодая гвардия», если можно так выразиться, по штату полагается быть запевалой в разработке этих тем, быть собирателем тех литературных, творческих сил, которые могут вдохновенно воспеть молодого героя нашего времени.

Дальнейшего творческого роста нашей «Молодой гвардии», еще большей популярности, все новых и новых чудесных страниц о нашем героическом современнике!

Николай СИЗОВ

Гвардейцы стояли насмерть, никто не думал о своей жизни, не щадил себя, у всех была одна мысль: выстоять и победить, отомстить за смерть любимого командира.

Рядовой Петр Хлюстин — маленького роста, восемнадцатилетний, скромный и тихий смоленский паренек. Когда вражеский танк приблизился вплотную к нему, он выскочил с двумя связками гранат из горящей ржи и кинулся наперерез бронированному чудовищу. Первая связка угодила в борт. И тут пулеметная очередь прошила грудь героя. Падая, он успел еще швырнуть под гусеницы вторую связку. Танк стал.

Подвиг Владимира Бурбы и Петра Хлюстина в тот же день стал известен всей армии, а потом им было присвоено звание Героя Советского Союза. Узнали об этом и в селе Папирня на Украине. Там родился и вырос Владимир Бурба, там жила его мать, колхозница Матрена Григорьевна Бурба. Однополчане героя получили от нее письмо:

«Дорогие мои!

Большое вам спасибо, что в трудную для меня минуту не забыли меня. Из вашего письма я узнала, как храбро дрался с врагом мой любимый сын Володя и что он погиб смертью храбрых. Тяжело пережить это горе материнскому сердцу. Слезы непрерывным потоком льются из очей моих. Но я горжусь, что воспитала такого воина-героя.

Еще три моих сына сражаются на фронте. Я напишу им: бейте врага так, как ваш брат Владимир. Будьте такими же стойкими и бесстрашными, как он. Мстите фашистам за смерть Володи!

Отомстите за нашего Володю и вы, дорогие бойцы — сыночки мои! Разрешите мне так называть вас. Ведь вы делили радости побед и все тяготы фронтовой жизни вместе с моим Володей, до победы стояли с ним в упорном и тяжелом бою, который был для него последним.

Дорогие сыночки! Мне 65 лет. Но я работаю в колхозе. В этом году мы собрали на освобожденной от врага земле высокий урожай. Мы, колхозники, отдаем все свои силы, чтобы помочь нашей доблестной Красной Армии быстрее разбить врага.

Пишите мне по адресу: село Папирня Радомышльского района Житомирской области.

Крепко целую всех вас.

Матрена Григорьевна Бурба».

День 6 августа был особенно напряженным. Василий Афанасьевич Глазунов, командир 4-го гвардейского корпуса, никогда не жаловался на трудности, а тут позвонил мне:

— Товарищ командующий! Никак не сдержать танки. Прошу помочь...

Помощь была оказана. К полудню удалось переправить на плацдарм полк тяжелых танков ИС и польскую танковую бригаду. Они сразу же вступили в бой.

С уважением и благодарностью вспоминаю я наших польских друзей, отважно сражавшихся плечом к плечу с советскими воинами. Еще до форсирования Вислы они оказали нам большую помощь, сменив стрелковый корпус, оборонявший Люблин. Я уже упоминал о польских зенитчиках, прибывших на Вислу в самое трудное для нас время. Польской зенитной дивизией командовал полковник Прокопович, а начальником штаба был майор Соколов-

ский. Эта дивизия самоотверженно прикрывала переправу наших частей через Вислу. Под огнем пулеметов, под разрывами бомб польские зенитчики вступали в тяжелые схватки с вражеской авиацией.

При форсировании Вислы и во время боев по расширению Магнушевского плацдарма отлично действовала первая саперная польская бригада, которой командовал полковник Любанский, а его заместителем по политчасти был подполковник Зельгинский. Эта бригада под огнем артиллерии и авиации противника за двое суток навела мост через Вислу длиной в 900 метров. И хотя он просуществовал всего два часа, по нему было пропущено немало важных грузов.

Польская танковая бригада под командованием генерала Межицана подошла к реке, когда на плацдарме шел ожесточенный бой. В течение нескольких дней и ночей под непрерывными бомбежками танки бригады переправлялись на пароме на западный берег реки. Польские танкисты проявляли исключительное мужество. Река буквально кипела от взрывов. Паром разбило. Танкисты отправились на поиски переправочных средств. Вскоре они доложили, что под Демблином нашлась исправная баржа, на которую можно сразу поставить 8—10 танков. Ночью баржу доставили в район Пшевуз — Тарновский, и переправа танков продолжалась.

Перебравшись на тот берег, танки сосредоточивались у Магнушева. Командир бригады сразу же организовал здесь крепкую оборону. Первая же попытка немецких войск прорваться к Висле на этом направлении потерпела неудачу. Все атаки были отбиты с большими потерями для противника.

Исключительный героизм проявили польские танкисты на участке Ленкавица — Тшебень.

Сражение не прекращалось целый день. Все поле боя было усеяно горящими немецкими машинами. Дорогой ценой противнику удалось вклиниться в нашу оборону, но большего добиться он уже не смог. На помощь польским танкистам пришли тяжелые танки подполковника Оглоблина и артиллеристы полковника Кобрина. Общими усилиями они ночью выбили противника. На поле боя осталось много трупов вражеских солдат и до 40 танков и бронемашин.

За этот бой более ста танкистов польской бригады тут же на поле боя получили советские ордена и медали. Среди награжденных запомнился мне экипаж: командир — хорунжий Павлицкий, водитель Яковленко, капрал Левик, рядовые Забницкий и Всянтек. Отважная пятерка на своей боевой машине несколько раз ходила в разведку, подавила гусеницами огневые позиции двух батарей, подбила три немецких танка.

Командир бригады генерал Межицан, начальник штаба полковник Полищук и другие офицеры по ходатайству Военного совета армии были представлены к правительственным наградам.

Не менее отважно сражались за Магнушевский плацдарм на его правом фланге воины 3-й пехотной дивизии Войска Польского. Командовал дивизией полковник Станислав Галицкий, начальник штаба Занковский. С этими товарищами мне довелось несколько раз встречаться на плацдарме. Храбрые и вдумчивые командиры. На их долю выпала тяжелая задача. Они обороняли участок Залесский — Загшев, который почему-то особенно облюбовала

авиация противника. «Юнкерсы» без конца пикировали на боевые порядки полков. Только за одно утро здесь зарегистрировано более 400 самолето-вылетов. После массированного удара авиации в наступление пошли немецкие танки и пехота. В этом бою погибли многие польские товарищи. Но дивизия не дрогнула и отбила все атаки.

Когда положение за Вислой немного улучшилось, 3-я пехотная дивизия и 1-я танковая бригада Войска Польского были отозваны с плацдарма для наступления под Варшавой. Мы проводили их с почетом. Наша дружба была скреплена кровью на одном поле боя. Такая дружба — на века!

О ходе боев за плацдарм я докладывал штабу фронта через каждые два-три часа.

69-я армия генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи так же, как и мы, с ходу переправилась через Вислу и захватила плацдарм западнее Демблина и Пулавы.

В наше распоряжение прибыли три зенитно-артиллерийские дивизии, которые мы поставили на прикрытие переправ. Наконец вернулись в свою армию те две дивизии, которые были оставлены в обороне на восточном берегу Вислы: их разрешили снять и переправить на плацдарм.

Едва лишь зенитные дивизии заняли огневые позиции, немецкая авиация прекратила налеты на переправы. Бомбардировщики противника девятками, а истребители — парами старались прорваться через заградительный огонь. Однако, встретив на своем пути густые разрывы снарядов, они уходили в сторону. Это было вечером 7 августа. А к утру следующего дня наши инженерные части закончили наводку двух мостов через Вислу, и на плацдарм потоком пошли свежие силы — артиллерия, танки, стрелковые части. Сюда был введен один корпус 2-й танковой армии.

Теперь нас невозможно было столкнуть с западного берега.

Новые контратаки противника уверенно отражались войсками. 10 августа немцы бросили против нас свежую 25-ю танковую дивизию. В первый же час боя она понесла большие потери и приостановила наступление.

Во второй половине дня мне позвонил К. К. Рокоссовский:

— Как дела?

Я доложил, что попытка противника атаковать наши части свежими силами не увенчалась успехом. На всех участках борьбы за плацдарм враг остановлен.

В телефонной трубке послышался вздох облегчения. Константин Константинович Рокоссовский, вероятно, с нетерпением ждал часа, когда противник выдохнется. И наконец этот час пришел. Судя по всему, командующий фронтом был доволен моим докладом.

Помолчав, он спросил меня:

— Как тебя найти?

Вечером мы встретились с ним на восточном берегу Вислы, в расположении второго эшелона штаба армии. Встретились тепло, сердечно, как брат с братом. Сходили вместе в баню, хорошо поужинали. Беседа наша — откровенная, доверительная — затянулась почти до утра. После того как я рассказал о ходе форсирования Вислы и о боях за плацдарм, он признался:

— Я знал, что тебе тяжело, но я верил в тебя. В Сталинграде было не менее трудно, но ты выдержал. Спасибо, товарищеское спасибо!

Вспомнили встречу на Волге, Сталинградскую битву. Поговорили и о текущих делах, и планах на будущее. Наши мысли о дальнейшем развитии наступательных операций совпадали.

Константин Константинович — превосходный собеседник. В эту ночь мы глубже и полнее узнали друг друга и с той поры навсегда остались друзьями. Наша встреча помогла отчетливее понять характер, систему взглядов, ход мыслей этого душевного человека и замечательного полководца. Уезжая, Константин Константинович не разрешил проводить его. Такая уж у него была натура. Он не любил подчеркивать свое высокое звание, со всеми держался как равный с равным. Хорошая, прекрасная черта, говорящая о полноте души и глубине разума.

Прощаясь с командующим фронтом, я заверил его, что противник в районе плацдарма не продвинется к Висле ни на шаг. Так и случилось. Прошло еще несколько дней, и немцы окончательно отказались от попыток столкнуть нас в Вислу.

Так был завоеван плацдарм, которому было суждено стать трамплином для нового мощного рывка вперед.

6

Теперь осталось коротко подвести итоги наступления от Ковеля до Вислы.

С 18 июля по 10 августа войска 8-й гвардейской армии прошли с боями около 250 километров, форсировали Вислу и овладели Магнушевским плацдармом — более 50 километров по фронту и до 20 километров в глубину. Вражеские войска понесли значительные потери.

Это был первый шаг 8-й гвардейской на главном, центральном направлении, шаг, который приближал нас к заключительному сражению, положившему конец Третьему рейху.

Высокие темпы нашего наступления, несмотря на неблагоприятную местность, достигались прежде всего большой силой и эффективностью первоначального удара, в результате которого оборонявшиеся оказывались смятыми и в обороне противника образовывалась огромная брешь, что позволяло ввести в прорыв мощные подвижные соединения и развить успех на большую глубину. 11-й танковый корпус и 2-я танковая армия были введены в чистые прорывы.

Ковель-Висленская операция была проведена с целью нарастить удары фронтов, увеличить темп наступления и глубину удара наших войск для того, чтобы разгромить противника на Западном Буге, выйти к Висле и захватить плацдарм на ее западном берегу.

Форма оперативного маневра в этой операции — фронтальный прорыв обороны противника на всю ее глубину с последующим наращиванием силы удара за счет ввода в сражение вторых эшелонов стрелковых корпусов, резервов и подвижной группы армии.

Операция осуществлялась в два этапа.

Первый этап — прорыв обороны противника, ввод в сражение 11-го танкового корпуса, форсирование Западного Буга и выход на оперативный простор. 11-й танковый корпус, как подвижная группа армии, вступил в бой одновременно со вторыми эшелонами

стрелковых корпусов. Такое наращивание удара из глубины не давало противнику возможности планомерно отходить и закрепляться на многих выгодных оборонительных рубежах.

Второй этап — развитие наступления в оперативной глубине, обеспечение ввода в сражение 2-й танковой армии и форсирование Вислы. Я лично склонен считать форсирование Вислы отдельной операцией, так как первоначально командование фронта не ставило армии такую задачу. Войска форсировали реку с ходу и внезапно.

Прорыв обороны противника осуществлялся на узком участке фронта. Успех был достигнут массированным применением всех сил и средств, глубоким построением боевых порядков, большим превосходством в силах, достигнутым на участке прорыва путем привлечения войск с других, более «тихих» направлений, а также хорошо организованным взаимодействием всех родов войск.

В тактическом отношении операция характерна перерастанием действий разведывательных батальонов в общее наступление главных сил армии. Разведка боем давала гарантию, что артиллерийская и авиационная подготовка не будет произведена по пустому месту. И мы этого достигли. Внезапный огневой удар огромного количества артиллерии застиг противника врасплох. Он не ожидал его, и был разгромлен еще в главной полосе обороны. Этим мы сэкономили сотни тысяч снарядов, которые пригодились для боя в глубине обороны и на Висле.

Стремительное развитие наступления, непрерывность боевых действий днем и ночью, четкая организация действий войск позволили нам добиться высоких темпов продвижения. Выйдя к Западному Бугу, войска, не задерживаясь, используя подручные средства и броды, немедленно начали форсирование реки, а затем уже наводились мосты для переправы тяжелой техники.

Это не значит, конечно, что войска форсировали реку стихийно, без плана. Они были еще заранее нацелены на такую возможность, с ними проводилась соответствующая организаторская и воспитательная работа. Переправочные средства, несмотря на то, что дороги были забиты войсками, все время двигались за передовыми частями, с тем чтобы немедленно начать наводку мостов.

Уже после войны в заслугу журнала «Молодая гвардия» должно быть поставлено открытие целой плеяды талантливых писателей, наследующих лучшие традиции нашей литературы, прочно связанных с жизнью страны. В этом, по-моему, и секрет неувядаемой молодости журнала, уполномоченного комсомолом взыскательно поддерживать здоровые творческие силы. Вот откуда должен быть этот румянец у пятидесятилетней «Молодой гвардии», о которой сегодня с благодарностью думают и ее многочисленные читатели, и ее постоянные авторы.

Анатолий КАЛИНИН

Хутор Пухляковский
Ростовской области

Форсирование Вислы также осуществлялось без задержек и пауз. Как только войска вышли к реке, мы, учтя сложившуюся обстановку, по своей инициативе приступили к разведке русла, подходов к берегу, подготовке переправочных средств, планированию переправы. Поэтому вместо трех дней, отведенных командующим фронтом на подготовку к форсированию, мы потратили на эту работу всего одни сутки (31.7 получена задача, а 1.8 началось форсирование).

Широкий размах операции, многообразие способов решения задач и динамичность боевых действий предъявляли повышенные требования к управлению войсками. Мы добились, чтобы оно было четким и непрерывным. Штабы армии, корпусов и дивизий всегда знали обстановку на поле боя и своевременно ставили задачи войскам. Важное значение в управлении войсками имело личное общение вышестоящих командиров с подчиненными, особенно в решающие периоды боя.

Артиллерия усиления после тридцатиминутного налета в начале действий разведывательного эшелона шла отдельными колоннами за наступающими войсками в готовности поддержать их на любом рубеже, где противник попытался бы оказать сопротивление.

Успех операции во многом решила огромная работа, которую вели в войсках политорганы, партийные и комсомольские организации. Они разъясняли задачу каждому бойцу, воспитывали у людей мужество и бесстрашие, волю к победе.

Партийно-политическая работа строилась с учетом того, что с выходом наших войск на Западный Буг завершалось изгнание врага с территории СССР на западном направлении. Нам предстояло принять участие в освобождении от гитлеровских захватчиков союзной нам Польши. Воинам разъяснялась высокая и почетная миссия Советской Армии, несущей свободу народам Европы. Мы учили людей с уважением относиться к населению Польши, его национальному достоинству, нравам и обычаям.

Умелое воспитание солдат, мобилизация их на успешное решение боевых задач обеспечили высокий наступательный порыв войск. Каждый воин понимал свое место в общей борьбе и стремился образцово выполнить долг.

Штаб армии во главе с генералом Белявским отлично справился со своими задачами при перебазировании армии с южного крыла фронта в Полесье, с планированием операции и особенно с управлением войсками в ходе наступления.

Организовать форсирование с ходу таких рек, как Западный Буг и тем более Висла, без хорошо подготовленного и налаженного штаба армии, штабов корпусов и дивизий было бы невозможно.

Военный совет армии верил в способности командиров и политработников. Талантливые и опытные люди командовали у нас соединениями и частями. То же можно сказать о товарищах, стоявших во главе родов войск. Артиллерией у нас ведал прекрасный специалист генерал Пожарский, бронетанковыми войсками — генерал Вайнруб, инженерной службой — генерал Ткаченко. Многие из них были участниками битвы на Волге. Там они получили суровую закалку и прошли превосходную боевую школу. Это очень пригодилось сейчас, в стремительных наступательных боях.

Большую работу проделали органы тыла, непрерывно снабжавшие войска армии всем необходимым для боя и жизни. Значительную роль сыграли заблаговременно созданные подвижные

армейские колонны, доставлявшие боеприпасы и горючее на главные направления наступления.

Хотелось бы сказать несколько слов о замечательных людях 8-й гвардейской.

Моим заместителем был генерал-лейтенант Михаил Павлович Духанов. Его способности как военачальника во всем блеске проявились во многих операциях. Он умел всегда выбрать место, где было труднее. Спокойный, рассудительный, он вносил уверенность в действия войск, оказывался самым нужным человеком и для командира, и для бойца.

А вот командир 4-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Василий Афанасьевич Глазунов. В прошлом воздушный десантник, он не раз, еще в 1941 году, с войсками побывал в тылу у противника. Затем, после переформирования десантных корпусов в гвардейские стрелковые дивизии, его назначили заместителем командира корпуса. Заместитель командира — должность, которая не всегда упоминается в реляциях и приказах. Но Глазунова нельзя было не заметить. Энергичный, решительный, он всюду оказывался в центре событий. Его видели с солдатами в окопе и в атаке, он был незаменим и на передовом командном пункте.

Вскоре его назначили командиром корпуса, и в боях на Висле, где требовалось проявить особенно высокие организаторские способности, быстроту действий и командирскую волю, он вовсю развернул свой талант. Глазунов правильно понял, что главное — быстрота подготовки маневра и внезапность действий. Его части быстрее всех и лучше всех приступили к выполнению задачи, стремительно и решительно форсировали реку и отлично сражались на противоположном берегу.

В корпусе ведущую роль при форсировании Вислы сыграла 57-я гвардейская стрелковая дивизия во главе с генералом Афанасием Дмитриевичем Шеменковым, сумевшим скрытно и вовремя сосредоточить свои полки для мощного удара, который, по существу, обеспечил успех всему корпусу.

Правее, в центре оперативного построения армии, форсировал Вислу 28-й гвардейский корпус под руководством генерал-лейтенанта Александра Ивановича Рыжова. Его задача была — нанести глубокий рассекающий удар. Александр Иванович успешно справился с этой сложной задачей, показав огромную волю и мужество. Дивизия первого эшелона этого корпуса — 79-я гвардейская — под командованием генерал-майора Леонида Ивановича Вагина начала переправу одновременно с дивизиями корпуса Глазунова. Полки дивизии, дружно форсировав Вислу, сразу перемахнули через дамбу, отбросили противника на запад и тем самым лишили его возможности наблюдать за рекой и подходами к ней.

На правом фланге армии форсировала Вислу 27-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. С. Глебова. Полки ее несколько запоздали с выходом к реке, но в дальнейшем наверстали упущенное и вовремя переправились на плацдарм.

Умение этих командиров воодушевить и повести людей на подвиг, их инициатива и личное бесстрашие в значительной степени способствовали успеху операции. Не случайно В. А. Глазунов, Л. И. Вагин, В. С. Глебов и А. И. Рыжов получили звание Героя Советского Союза.

При форсировании такой широкой и глубокой реки, как Висла, много пришлось потрудиться инженерам и саперам. Благодаря их самоотверженности и мастерству удалось переправить через реку не только людей, но и танки, артиллерию, боеприпасы, продовольствие и другое имущество. Этой трудной и опасной работой руководил инженерный отдел армии. Его дружный коллектив сумел в кратчайший срок скрытно сосредоточить все необходимое для форсирования реки. Саперы работали в основном ночами, чтобы скрыть от противника нашу подготовку. Под пулями, снарядами и авиационными бомбами организовали переправу. Трудно передать, с каким напряжением физических и моральных сил работали инженерные и саперные части, пока основная масса войск и техники не была переправлена на западный берег.

Возглавлял всю эту титаническую работу начальник инженерных войск армии генерал Владимир Матвеевич Ткаченко — спокойный, неторопливый в рассуждениях и действиях человек. Он никогда, как говорится, не бросался очертя голову в воду. Но в то же время умел организовать дело так, что все задачи выполнялись вовремя.

Генерал Ткаченко обладал хитринкой хорошего хозяина. У него всегда имелись какие-то свои, только ему одному известные резервы. Поэтому никакие случайности не могли его застать врасплох.

Нельзя не сказать доброго слова об армейских артиллеристах во главе с командующим артиллерией Николаем Митрофановичем Пожарским, начальником его штаба Владимиром Фомичом Хижняковым и другими офицерами, в большинстве своем участниками великого сражения на Волге. Артиллеристы искусно маневрировали огнем и колесами, наносили врагу мощные и точные удары.

Первое время на плацдарме у нас было мало тяжелых танков, которые могли бы состязаться с гитлеровскими «тиграми» и «фердинандами». Борьбу с ними вела артиллерия, главным образом орудия крупных калибров, которые выдвигались на открытые позиции и били прямой наводкой. Переброшенные из-под Варшавы для ликвидации нашего плацдарма дивизия СС «Герман Геринг» и другие танковые части были остановлены и разгромлены артиллерией крупных калибров и пехотинцами — истребителями танков. Дрались по-сталинградски. Прямая наводка, связка ручных гранат плюс фаустпатроны, добытые в боях у врага, а главное — патриотизм и героизм советских людей преградили путь отборным эсэсовским войскам.

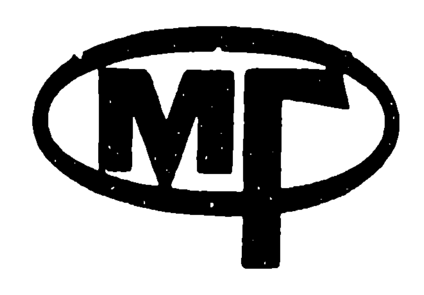
Наши пехотинцы и танкисты тесно взаимодействовали на поле боя, дополняли друг друга, прокладывая путь вперед, очищая и навсегда закрепляя за собой освобожденную землю. Они хорошо использовали результаты огневых ударов артиллерии и авиации, сразу же развивали достигнутый успех.

Магнушевский плацдарм, как и другие плацдармы на Висле, стал воротами, через которые наши войска двинулись на освобождение Польши.

Мне довелось побывать во многих частях, повстречаться с героями боев за Вислу и вручить им заслуженные награды.

Продолжение следует

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

В 1923 году журнал «Молодая гвардия» провел международную анкету. Редакция обратилась к выдающимся деятелям международного коммунистического движения с одним вопросом: «Как вы пришли к коммунизму?» Первым откликнулся на эту анкету выдающийся французский писатель Анри Барбюс. В № 4—5 «Молодой гвардии» за тот же год был опубликован следующий его ответ:

Дорогие товарищи!

Я от всего сердца спешу ответить на вопрос, которым вы, в свою очередь, предлагаете поделиться с читателями «Молодой гвардии».

К коммунизму я пришел путем, вероятно, не совсем обычным для большинства наших товарищей. В качестве писателя меня постоянно влекла к себе не только область «реализма», но и «правдивость идей» в гораздо большей степени, чем «фикция». Мне всегда казалось, что как ученый и поэт я должен пытаться изобразить вещи такими, какими они являются на самом деле, отыскивая за каждым отдельным событием, за каждой драмой основные законы и структуру.

Я принудил себя отказаться от изображения существ и интриг, выдуманных мною только во имя творческой радости... Нет, я пытался отыскать для моей живописи слов стечение таких обстоятельств, такие соотношения и контрасты, которые бы мне помогли строить обобщения и выжать из жизни единство принципов и очевидностей.

Именно это направление ума много-много лет назад определило мою почти непреодолимую склонность к идее интернационала со всеми из нее вытекающими последствиями. Именно, через эту дверь, если можно так выразиться, я и вступил в круг общих нам идей.

Но когда-то я верил, что с национализмом и военщиной можно сражаться, опираясь на методы и идеалы пацифистов. Я верил, что придет день, когда пацифизм окажется достаточно сильным, чтобы действительно отбросить назад заразу милитаризма, верил, что благодаря этому мировому очищению постепенно могут быть уничтожены вся старая неправда, все дурные традиции.

Война, в течение которой я более непосредственно, глубоко и серьезно занимался этими вещами, заставила меня совершенно отказаться от подобной поверхностной и утопической точки зрения.

Ведь всегда, а в особенности в моей книге «Ад», я настаивал на дерзости исканий, на предельном углублении однажды поставленных вопросов; я всегда восставал против тех, кто не умел или не мог довести до конца свою мысль, извлекая из факта или идеи все неизбежные следствия. Это рациональная непримиримость, работавшая у меня без почвы, в пустоте, — с ходом войны, в которой я захотел участвовать в качестве простого солдата, — нашла себе приложение к про-

блемам социального порядка. Раньше многих товарищей я отдал себе отчет в том, что все полумеры, при помощи которых хотят добиться исчезновения мировых цепей, попросту не существуют, пока они не будут завершены разумным и радикальным ниспровержением того искусственного гнета, который привилегированное меньшинство оказывает на пролетариат.

Марксизм с несравненной ясностью обнажает способы, при помощи коих производится и поддерживается огромный общественный паразитизм, который, по-видимому, опираясь только на силу, является полной теоретической нелепостью, но вместе с тем отнимает у живой общественности всю ее устойчивость и все ее подлинное здоровье.

Я верю, что в настоящее время, когда некоторые из наших главнейших утверждений уже пробили себе дорогу к свету, самосознание угнетенного большинства распространится на весь мир и будет торжествовать просто в силу своего могучего материального веса. Чтобы привести массы к этому классовому самосознанию, мне представляется наиболее важным и ценным разъяснить им их долг, в силу которого необходимо отбросить всякие приблизительности, теории, которые являются простой словесностью и декларацией, одним словом, ту паутину слов, которая мало-помалу весь мир оплела беспросветною гнилью.

Истинный прогресс совсем не похож на тот, который нам изображает буржуазия во всеоружии своей логики, аргументации и риторики, — он в точном понимании реальности и действия. Народу прежде всего нужен гений простоты и искренности.

Анри Барбюс

Виктор КОЧЕТКОВ

ТРИ ТОЧКИ НА КАРТЕ

Молодая проза все настойчивее заявляет о себе в современном литературном процессе. Река жизни течет неостановимо, то ускоряя свой бег, то по тем или иным причинам замедляя его. Обращаясь к тем же темам, к которым обращались их старшие товарищи, молодые писатели имеют дело всегда с новой, преображенной действительностью. И если экономические перемены легко видимы и невооруженным глазом, то перемены во внутреннем мире людей, «обновление душ» требуют для своего обнаружения зоркого и пытливого взгляда художника.

«Верность действительности в ее сложности составляет одну из капитальных особенностей молодой прозы», — так охарактеризовал работу нового литературного поколения Г. И. Коновалов в своем «Слове о молодом восприятии мира», произнесенном на недавнем пленуме Союза писателей РСФСР, посвященном работе с начинающими писателями.

Романы, повести и рассказы, принадлежащие перу молодых литераторов, существенно дополняют наше представление о социальных и нравственно-этических проблемах сегодняшнего дня, вводят в мир поисков нашего современника, в мир его раздумий над жизнью, над духовными ценностями бытия.

Рядом с всемирно известными героями отечественной литературы, населяющими «седьмой континент», появляются герои, которым еще только предстоит завоевать читательскую любовь и внимание, только-только обживать материк нашей словесности.

В предлагаемых заметках речь пойдет о трех молодых прозаиках, участниках V Всесоюзного совещания молодых писателей — краснодарце Иване Зубенко, саратовце Иване Корнилове и Любови Асеевой из Томска. Сводит их, весьма разных по стилю и характеру творчества, под одну крышу то обстоятельство,

что все трое входили в один семинар на уже названном мною Всесоюзном совещании. Вместе с Чингизом Айтматовым, Григорием Коноваловым и Зоей Кедриной автору этих заметок довелось принимать участие в работе семинара. Теперь, три года спустя, захотелось посмотреть, как же складываются литературные судьбы этих одаренных молодых людей, о произведениях которых так много доброго и критического говорили участники семинара. За эти годы напечатаны те произведения, которые мы обсуждали в рукописях, к ним прибавились новые повести и рассказы, новые публикации, в чем-то существенно дополняющие творческий облик их авторов.

1

Свою новую книгу Иван Зубенко назвал «Тополя в соломе». Уже самим названием молодой писатель как бы предупредил: «Романтических красивостей у меня не ищите, у меня все будет простым и будничным».

Тополь, по-южному «топóля», — песенное дерево. В песнях Украины, Кубани, Дона ему отведено такое же место, как в песнях русского Севера и средней полосы — березе.

Ой у полі три тополі,
біля хати липа,
не піду я за Івана,
піду за Пилипа.

«Топóле» поверяют свои сердечные тайны молодые влюбленные. «Топòля» своим таинственным шелестом рождает в душе неясные мечты и тревоги («Там тополі у полі на волі... струнко рвуться кудись в далечінь...» — как сказал поэт). Легкий пух тополей — метель весны — неслышно заметает тихие проулки нашего деревенского детства.

У Зубенко тополь просто стоит при дороге, мешая иногда разъехаться встречным «драбынам».

«... если выскочить за калитку, то можно увидеть, что все деревья в соломе. Дорога близко подходит к заборам. И кто бы ни возил к зиме солому, каждый шаркает мажарой о деревья. Угол крыши нашей избы тоже в соломе — зацепили когда-то».

Будничной соломой прозы «притрушен» деревенский мир Ивана Зубенко. Но он не стал от этого хуже и беднее. Он только приобрел более домашний вид.

«Тополя в соломе» — повесть о детстве, о деревенском мальчике Андрейке, о том, как он открывает для себя красоту родной земли. Ему все внове — едущие в бричке по утренней, просыпающейся улице женщины, рябая Нюрка, занятая совсем не женским делом — она кроет крышу избы; баба Вэля, смачно шинкующая капусту; телеграфные столбы за околицей, заросшие сурепкой, и сизое поле за этими столбами, и косые тени на поле; желтеющие при дороге подсолнухи, низко, по-стариковски склонившие головы; «красный тополь костра», выхватывающего из сумерек

тихие избы заречья; колодец со «сладкой водой», единственный на их краю деревни, и посыпанная золой дорожка к этому колодцу.

Да мало ли что могут увидеть приметчивые глаза мальчонки, когда рядом столько чудес — река, поле, огород, роща, овраг, дорога, овин, мельница, пасека. Для юной души каждый голыш — осколок неведомого, каждый листик — подарок судьбы.

Все, о чем пишет Зубенко, не раз уже описывалось в литературе. Материал его не нов. Новым является отношение к этому материалу. Новой является точка зрения, с которой он глядит на свою кубанскую деревню.

Александр Довженко, приступая к рассказу о «зачарованной Десне» своего детства, с грустью признавался, что «в его реальный повседневный мир все чаще и чаще начинают вторгаться воспоминания». «Что вызывает их? — спрашивал он. — Долгие годы разлуки с землею отцов, или так уж положено человеку, что приходит время, когда выученные в давно прошедшем детстве басни и песни возникают в памяти непроизвольно и заполняют дом в самое порой неподходящее время. Очевидно, то и другое в одинаковой мере, равно как и желание, перебирая драгоценные детские игрушки, то и дело проглядывающие в наших делах, познать основу своей природы, на ранней заре, у самых ее истоков. И первые радости, и сожаления, и восторги первых очарований...»

К воспоминаниям детства чаще всего обращаются в итоговую пору жизни. Светлой печалью воспоминаний окрашены многие прославленные страницы русской прозы.

Для героя Ивана Зубенко детские годы не воспоминания. С детством Андрейка прощается лишь в конце повести, а в самой повести он живет этим детством. У него еще «безвыборное» (слово

Трудно переоценить значение журнала в воспитании молодых поколений нашей страны на протяжении десятилетий!

Одним из довоенных подписчиков являюсь и я. Он всегда со мной. С ним я горюю, с ним я радуюсь. Журнал стал настоящим другом нашего дома.

Спасибо вам, работающим в нем теперь, и тем, кто ушел из его стен, сделавши все, отдавши ему все свои силы и знания.

Желаю всем авторам «Молодой гвардии» новых творческих успехов.

Вперед к совершенству!

Петря КРУЧЕНЮК

г. Кишинев

Аполлона Григорьева) отношение к окружающему его миру. Отсюда та чуткость и дотошность в воспроизведении малейших подробностей жизни героя, которая обращает на себя внимание в повести Ивана Зубенко. Для Андрейки мир его детства не потускнел, не отодвинулся в сторону, не стал «драгоценной игрушкой». И все в этом мире важно, значительно, все имеет касательство к душе ребенка, все или радует, или тревожит, а частенько и радует и тревожит одновременно.

«Росно и прохладно становится к ночи. Тучи еще луну обступили — темно. Туман уже растащило. Долго лежишь на топчане глазами к звездам, укрывшись одной половиной одеяла. И никак не можешь уснуть — что-то радостное наполняет душу. Деда сбоку, преданный и строгий, сидит. И вот кажется, что начинаешь уже засыпать. Вдруг яблоко, сорвавшись, падает на голый угол топчана.

— Напужался, — скажет деда и подаст яблоко.

Возьмешь его и, спрятав под одеяло, ешь. И таким вкусным покажется оно, холодное».

«Сумрачно и грустно кругом. И не хочется сидеть в комнате. Рвешься куда-то. А куда? Выбежишь к углу избы, где кадушка с водой и звездами, и долго стоишь над кадушкой, вглядываясь в звезды. Они, глубокие, холодно светят. И хочется кричать в пропасть ночи, потому, что очень уж тихо».

С какой замечательной точностью тут угадано и изображено состояние детской души, открывающей мир в себе и себя в мире! Саути когда-то говорил, что по важности переживаемого, по богатству впечатлений «первые двадцать лет составляют самую длинную половину нашей жизни». Кажется, так оно и есть. И своеобразие человеческого характера в большей степени зависит от впечатлений детства, от качества того, чтó в первоначальные годы было написано на чистом воске души, чем от последующих лет зрелой жизни. Все главные черты нашего **я** уходят корнями в страну детства.

Мы не знаем, как сложится дальнейшая жизнь Андрейки. Он только расстался с детством. Навстречу ему «движется мир — тревожный и радостный». Но мы знаем, что в мир входит душа чуткая и отзывчивая, вобравшая в себя свет и доброту родного края.

Читатель, который рассчитывал бы найти в повести Ивана Зубенко «анализ и синтез» современной сельской жизни, был бы, пожалуй, разочарован. В повести нет прямых указаний на то, каков колхоз, в котором живет мать Андрейки и «деда» Демьяныч, хорош он или так себе, «середняк», богатые или бедные урожаи собирают в этом колхозе, высока или низка в нем оплата трудодня.

Не по плечу маленькому Андрейке все эти проблемы. Взрослый мир доходит до него лишь в приглушенных отзвуках. В жалобах матери на то, как голодно они жили сразу после войны («Вам-то что, — говорила она нам. — Вы еще не знаете, как оно все горько достается. Крапиву мешали в пышки»), в раздумьях деда Демьяныча о поле («Андрейка! Ох, велика и богата земля наша! Душа взлетает!»), в скупых репликах мужиков в бригадном стане или на мельнице.

В повести привлекают тонкость психологического рисунка, свежее, «первичное» восприятие жизни, неброская поэтичность кар-

тин села. Читаешь страницы бесхитростной жизни обыкновенного мальчика и ловишь себя на мысли, что ведь и сам ты все это видел и пережил, сам ты был этой губкой, жадно впитывающей тревожную красоту и светлую печаль мира, но как-то и когда-то забыл все, заслонил годами зрелости. Подлинность художественного слова, видимо, в том и состоит, что воспринимаешь его как страницу **собственной** жизни, как квинтэссенцию своих, а не чьих-то чужих жизненных перипетий. Именно с таким ощущением читается повесть Зубенко «Тополя в соломе».

Мне хотелось бы указать еще на одну особенность этой повести. Писателем взят очень малый «плацдарм» жизни. Но на этом малом участке он сумел развернуть достаточно разностороннюю картину. Вы, читатель, все время ощущаете, как пульсирует главный нерв жизни во всех этих коротких новеллах, составляющих повесть.

Деревенская тема в последние, да и не только в последние, годы не сходила со страниц книг и журналов. Простое перечисление романов, повестей, очерков, посвященных колхозному селу, его экономике, его производственным нуждам, его нравственно-этическим проблемам, заняло бы много страниц. Есть в этом перечне книги, составляющие законную гордость нашей литературы, книги — открытия, во всей сложности показавшие колхозную новь и человека колхозного села. Они у всех в памяти. Но в то же время поражает какая-то однотонность некоторых книг о деревне, какая-то жалостливо-снисходительная нота, звучащая в них. Читаешь книгу за книгой — и словно сидишь на одном и том же производственном совещании, бесконечно затянувшемся и бесконечно унылом, где в десятый и сотый раз обсуждают одно и то же: как пораньше вспахать и посеять, как побыстрее убрать и как получше вывезти. Вроде бы все серьезные люди, говорят о серьезном, иногда горячатся, спорят, сшибаются лбами, вроде бы у каждого своя роль, особая, в драме жизни, но впечатление такое, как если бы перед вами выступал знаменитый «хор районных уполномоченных» из юморески Остапа Вишни, с унылыми жалобами на тяготы деревенской жизни. И сама деревенская жизнь

Полагаю, что у всех друзей этого журнала есть свое море. Прекрасное море необозримых жизиенных горизонтов, то страшноватое в бурю, то спокойное, с резким острым ветром, то хмурое, а то и такое солнечное, что хочется улыбнуться ему в ответ. У всех влюбленных в такое море — одна кровь, будь то юнга или бывалый моряк, которого оно наломало вдосталь. И в этом, по-моему, секрет вечной молодости журнала при всем его солидном возрасте.

В день пятидесятилетия «Молодой гвардии» я желаю ей из года в год становиться все лучше, красивее и моложе.

Владимир КОРОТКЕВИЧ

г. Минск

рисовалась на страницах этих повестей и романов как нечто уныло-однообразное, похожее на осенние слякотные сумерки. Как будто люди не жили, не мучились сладкой мукой любви, не радовались рождению ребенка и не печалились смертью друга, не вдыхали морозную свежесть весенней земли и душную мглу леса, а только и делали, что исправляли недостатки, вытравливали в себе «пережитки» прошлого. В одной повести передовой секретарь райкома бился с отсталым председателем колхоза, в другой — передовой председатель маялся с отсталым агрономом, в третьей — передовой агроном «подтягивал» отсталого бригадира, в четвертой — передовой бригадир «доводил до дела» отсталого тракториста.

Герой был не живым человеком, а всего лишь аргументом в экономическом споре, в производственных конфликтах. А будничная «непроизводственная» жизнь, с любовью и семейным бытом, с рождениями и смертями, с буднями и праздниками была нужна не сама по себе, а только в том случае, когда надо было продвинуть вперед скрипучую колымагу сюжета.

«Производственные» романы и повести уступили место «лирической» прозе. Заговорили об «истоках», «родовых корнях», «вековых традициях», «природной цельности» деревенского человека. Герой, который раньше целыми днями просиживал в дымных, прокуренных правлениях, теперь только общался с природой, слушал шелест трав, звон ручья, пение жаворонка. Пошли косяком рассказы и повести о том, как, намаявшись в городской суете, в бетонном однообразии цивилизации, человек возвращается в тишину полей, под сень плакучих ив забытой отчины, на родное пепелище или в сгорбившийся от старости родительский дом, как он заново открывает для себя «малую» родину. Из книги в книгу стали кочевать полные жалостливой патетики монологи о русском поле, о заповедной тишине лесов, о транзисторно-мотороллерном воздействии цивилизации на деревню. Герой теперь больше каялся перед своей сельской родиной, чем занимался крестьянским или каким-либо другим делом.

«И все эти годы, хоть реже и реже появлялся я в родных местах, невысказанное, необъяснимое мучило меня чувство: как будто должен я остался кому-то, как будто, переночевав, ушел, не поблагодарив хозяина и не простившись». Это говорит самому себе герой одного из рассказов Олега Кибитова, молодого кировского писателя. Подобных признаний немало рассыпано по книгам о деревне, появившимся в последние годы. Искренность их не подлежит сомнению. Но эта искренность только подчеркивала душевную сумятицу героев лирической прозы, возникающую в скоропалительных командировках к «истокам».

Опять сошлюсь на Олега Кибитова, талантливо и тонко нарисовавшего портрет «возвращенца».

«Ощущения новизны не было. Как будто возвращался в давние времена, гораздо более давние, чем мое детство. Как будто жил я уже когда-то и ходил по этим тропкам, мял эту граву, ел эти шаньги, разговаривал с этой бабкой. Но чего-то не хватало мне здесь для полного счастья, для полного слияния с тем, без чего когда-то не мыслил жизни...»

Действительно, «ощущения новизны не было». Читателя не покидало чувство какой-то унылости, однообразия. Была какая-то литературная вялость, «вторичность» в этих ахах и охах по поводу

«корней» и «истоков», в этих приглушенных, демонстративно негромких лирических сетованиях.

Иронизируя над односторонностью «производственной» прозы, «лирическая» проза (во всяком случае, в ее «массовой» продукции) сама впадала в не менее унылую односторонность.

И вот молодой писатель без всякой предвзятости посмотрел на те же годы и на ту же деревню. И какую бездну света, красок, свежести открыл он там! Как все сразу засверкало, заискрилось, заполыхало огнем чувства, закипело слезами восторга! Когда на мир смотрят свежими очами, самые будничные, самые знакомые вещи выглядят совершенно по-новому. Очень верно заметил по поводу манеры письма Зубенко известный советский прозаик Сергей Антонов: «В рассказах Ивана Зубенко вы прочтете о всем том, о чем без труда написал бы каждый из нас, и тем не менее неожиданно почувствуете необыкновенность того, что раньше считали обыкновенным и не стоящим внимания».

Я не хочу создать у читателя впечатление, что краснодарец Иван Зубенко выступил здесь в роли какого-то первооткрывателя. Он работает в русле той прозы, которая представлена именами Евгения Носова, Виктора Астафьева, Виктора Лихоносова, Федора Абрамова. Мне хочется лишь подчеркнуть, что писатель смотрит на жизнь деревни не со стороны, а как бы изнутри ее. Это и делает его художественное слово таким достоверным.

У новгородского прозаика Леонида Воробьева есть рассказ «Запах жизни». В деревню на этюды приехал художник. С утра до вечера ходит он по окрестностям и все рисует и рисует. Сотни этюдов успел написать за лето. Старики, старухи, деревенские избы с резными карнизами, ветлы вдоль берега речушки.

Как-то к месту работы художника наведался деревенский старик по прозвищу Отвяжись.

«— Ну как, старина, — обратился к нему художник, — похоже?

— Очень крепко похоже, — ответил старик.

— Значит, нравится, — удовлетворенно заметил художник, уже не столько спрашивая, сколько утверждая.

И тогда Отвяжись вдруг заявил:

— Нет, не нравится.

Художник, ожидавший совсем другого эффекта, опешил:

— Почему?

— Да как тебе сказать, — почесал в затылке старик. — Не хватает тут... Запаху тут нашего не хватает... А так похоже.

— Какого еще запаху? — удивился художник. — Почему не хватает?

— А я тебе скажу, «почему», — начал объяснять старик. — Прорыв у тебя такой, знаешь, отчего получился? Я давно за тобой смотрю. Мы вот с тобой говорим, а ты, мил человек, думаешь, я знаю, как тебя зовут?.. Не знаю. Никто не знает. Ты вот многих тут нарисовал. И меня нарисовал. А ты, думаешь, знаешь, как меня зовут? Не знаешь. А меня зовут, — Отвяжись выпрямился и доложил, — Антон Павлович Перетягин. Как Чехова. — Старик поколебался с минуту и добавил: — А по улице кличут Отвяжись».

Не этого ли «запаха жизни» недостает многим нашим «проблемным» книгам о деревне? И не этот ли «запах жизни» вы ощущаете в повести молодого краснодарца?

Литератору нельзя долго питаться впечатлениями детства. Еще Пушкин предупреждал, что «воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется».

Лирическая дымка, которой окутан мир детства, рано или поздно развеивается, и тогда окружающее предстает освобожденным от радужного нимба, резким и четким в своих очертаниях.

В рассказах, опубликованных вместе с повестью «Тополя в соломе», и в новых своих произведениях, напечатанных в журналах, Иван Зубенко осваивает все тот же жизненный материал, в центре его внимания люди той же кубанской деревни, что описана в повести. Но манера изображения, подход к материалу претерпели значительные изменения. Восторженное удивление подростка, вбирающего в свою душу всю знобкую свежесть бытия, уступило место сдержанному размышлению взрослого человека, не склонного взвинчивать свои эмоции. Из цветущих долин детства герои Зубенко выходят на ветровое плоскогорье зрелости.

Зубенко волнует сокровенная суть каждой отдельной человеческой жизни, даже самой незаметной.

Если верить утверждению Платона, каждый человек есть светильник, возженный для известной цели. Для чего же «возжены» судьбы деда Евдокимыча, одиноко живущего на окраине деревни, вдовца Никиты Кадушки, деревенского потешника и балагура, мальчика Тимки и многих других людей, с которыми сталкивался молодой писатель?

Вот рассказ «Сынок». Эскизно, всего двумя-тремя штрихами на-

в край огня, за романом — гимном труду, человеку.

Твой голос, «Молодая гвардия», хорошо слышен на земле Уральской. Певец легендарной Магнитки Борис Ручьев пронес твою дружбу через многие десятилетия; недавно стал твоим другом молодой уральский поэт Владлен Машковцев, опубликовавший на твоих страницах свою первую поэму, посвященную мастерам-сталеварам.

Ты, «Молодая гвардия», не раз собирала нас вместе, всех, кто связан судьбою с домнами и мартенами, помогала нам.

И за это тебе — уральское спасибо!

Валентин СОРОКИН

рисован в нем старый колхозник-пенсионер Евдокимыч. Трех сыновей Евдокимыча взяла и не вернула война. Старуха жена умерла. Живет он теперь «на бугре за хуторским турником». Всю жизнь этот человек жил для других, для колхоза, для семьи. Жить только для себя ему невыносимо.

Чуть ли не каждому приезжему в хутор на уборочную он предлагает: «Сынок, переходи ко мне. Я совсем один живу».

И, прочтя удивление в глазах собеседника, виновато добавляет: «Сынок, ну, сам посуди, что же, у меня душа порожняя?»

Лев Толстой писал о Платоне Каратаеве: «Жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла, как отдельная жизнь, она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал». В характере Каратаева Толстым подмечено одно из корневых качеств народного характера. Изменилась жизнь народа. Другой стала деревня. Другим стало время. Другой стала Россия. А это замечательное качество в русском человеке сохранилось, и не только сохранилось, а в новых условиях проявилось еще более ярко.

«Порожней душой» называет Евдокимыч душу, занятую только собой. Смысл жизни он видит в служении, хотя никогда не произносил этого высокого слова и, пожалуй, удивится, если ему произнесут его.

Зубенко не идеализирует людей деревни, хотя и подчеркивает в одном из рассказов, что в его памяти «проступает только хорошее».

Примечателен в этом отношении большой рассказ Зубенко «Дети отца Филиппа», опубликованный в журнале «Волга» (№ 7, 1971 год). Запутался, «загулял» вернувшийся после ранения с фронта солдат Филипп. Кроме законной семьи, появилась у него «незаконная» семья. Двух сыновей прижила с ним Павловна, потерявшая мужа в первый год войны. Прошли годы. Состарились и Филипп, и его жена Катерина, и его незаконная любовь — Павловна. Выросли дети, старшие вышли уже на самостоятельную дорогу. Тянется Филипп душой к детям Павловны — своим детям. Чувствует свою вину перед ними, хочет загладить, а не может. Не принимают его дети Павловны, не признают за отца. Какой-то незримый барьер никак не сломается между ним и его Алешкой и Толей. Давно сдружились между собой дети обеих семей. Давно простила Катерина и Филиппа и Павловну. Давно перегорела боль стыда и позора. А узелок так и не развязался.

Банальная вроде бы история. Такие Филиппы чаще были героями фельетонов и судебных постановлений, а не лирических повестей и рассказов. Но Зубенко не смутила сюжетная банальность «дела» Филиппа. В этой простой истории писателем раскрыты далеко не простые нравственные проблемы. Жизнь начинается там, где начинается искание правды, — сказано в одной старой книге. Филипп хочет быть до конца правдивым, хочет честно распутать свой узел. Вот почему его раздумья, его душевная боль так трогают читателя, так волнуют.

По рассказу «Дети отца Филиппа» видно, что Ивану Зубенко по плечу решение более сложных художественных задач, чем те, что он решал до сих пор. От тонко выписанных этюдов, где брался за основу какой-то небольшой отрезок жизни, какое-то одно лирическое состояние души, писатель — пока еще, правда, несмело — начинает переходить к более широким полотнам жизни,

раздвигая границы своего обзора. Он стремится выразить не только момент во внутреннем развитии человека, но и «момент общественного развития» (по известному определению В. Г. Белинского), связанный с послевоенной жизнью страны.

2

В предисловии к книге саратовца Ивана Корнилова «Чайки-кричайки» Николай Шундик обращает особое внимание на богатство и разнообразие жизненного опыта молодого писателя. **Дописательская** биография Корнилова включает в себя и жизнь в колхозе («испробовал все, какие возможны в селе, работы — от водовоза до помощника комбайнера»), и службу в армии, и бригадирство в отдаленном заволжском совхозе, и секретарство в райкоме комсомола, и занятия журналистикой, и работу ночным сторожем, и еще не одно занятие.

Признаюсь, такая служебная пестрота поначалу как-то настораживала. Сколько раз уже приходилось встречать в рецензиях и аннотациях указание на то, что писатель Икс, Игрек или Зет, прежде чем стать литератором, перепробовал десятки профессий, был и швецом, и жнецом, и на дуде игрецом, плавал на судах и мчался на оленьих упряжках, взбирался на вершины гор и спускался в забои шахт, и что все эти свои познания он теперь с успехом использует в своих книгах. После такой лестной аттестации набрасываешься на книгу, чтобы поскорее вкусить от ее разносторонности, и сразу же натыкаешься на беглость и поверхностность, на то самое «выпендривание» профессиональной лексикой, о котором говорит герой одной «молодежной» повести.

Икс, Игрек или Зет действительно **попробовал** себя в самых разных областях и сферах деятельности, но именно попробовал, а не жил своим делом, снял лишь верхнюю пенку, занес в записную книжку десяток характерных профессиональных словечек, несколько выигрышных деталей, романтических «случаев» и этим удовлетворился. Поплавал два-три рейса на речном сухогрузе, сходил на месяц в «поле» с партией геологов, «покалымил» с бригадой «бичей» на таежных пристанях, поскучал «для интересу» месяц-другой сторожем где-нибудь — и все это занес в свой послужной список, как «этапы» рабочей биографии.

Но много ли дает это порхающее всезнайство? На жизнь начинают смотреть под одним-единственным углом зрения: что̀ тут можно взять для книги, для «темы». Не живут, а бесконечно интервьюируют жизнь.

«Все запоминается, все обогащает», — самоуверенно твердит герой повести Романа Солнцева «Ню-ню-ню» — один из этих удачливых интервьюеров.

Нет, жизнь не любит, когда к ней подходят лишь с блокнотом или магнитофоном. Настоящую глубину и разносторонность дает книге не дегустирование ее проблем, а страстное, в полный накал души участие в ее острых спорах и сшибках, такое органическое сродство с материалом изображения, что невозможно в нем отделить то, что прожито самим писателем, от того, что «взято»

у других. «Но краски чуждые с летами спадают ветхой чешуей», — сказал Пушкин. Одной **прилежной наблюдательности** мало, чтобы краски ваши не производили впечатление чуждых на полотне жизни.

Иван Корнилов не для анкеты и тем более не для «темы» разнообразил свою трудовую биографию. Она складывалась у него естественно, по ходу самой жизни. И так же естественно рассказывает он о виденном и пережитом.

При обсуждении рукописи его рассказов разговор на нашем семинаре шел в тонах несколько сдержанных. Хвалили автора, отмечали уверенность письма, художественную соразмерность вещей, точность и резкость деталей. Но в похвалах была какая-то недоговоренность.

Писатель, как опытный режиссер, не выставлял себя из-за кулис. Он как бы говорил читателю: «Какое тебе дело до моих симпатий и антипатий? Мое дело увидеть и поведать, твое судить — хорошо все это или плохо, положительные люди мои герои или отрицательные».

Был среди обсуждавшихся один рассказ, который давал особый повод для подобных догадок. Назывался он «Императорские пингвины».

Два молодых писателя — Вадим Рогожин и Леонид Кустов — приехали в приволжскую деревню Таловку поработать месяц-другой вдали от городской суеты над новыми своими вещами. Ситуация сходная с той, о которой мы читали в рассказе Леонида Воробьева.

Поселились приятели в недостроенной избе. «Крыша над головой есть — и добро». И зажили настоящими «дикарями».

Уже в самом начале рассказа ясно, что Рогожин и Кустов натуры очень разные, во многом противоположные. Кустов застенчив, замкнут, трудно сходится с людьми, нелегко вживается в новую обстановку. И пишется ему всегда трудно.

Рогожин общителен, умеет легко завоевать расположение людей. Все схватывает на лету. Окружающее для него — материал для очередной книги. Ни на минуту не расстается он с блокнотом и авторучкой, занося «на память» всякие словечки, анекдоты, истории. Услышал жалобы старухи-попутчицы — занес в блокнот, посидел с пьяным бригадиром — еще несколько записей, посидел на вечерках — и там нашел что записать. В Таловке Рогожин освоился в два счета. Как заправская хозяйка выскоблил и вымыл хату, достал стол и стулья (Кустов только удивленно поглядывал на эту рогожинскую предприимчивость). Легко и быстро

Дорогая «Молодая гвардия», хочу, чтобы под твоей пятидесятилетней обложкой всегда бурлила юная кровь и билось беспокойное отзывчивое сердце, которое болело бы болями народа и радовалось его радостям.

Новых имен тебе, новых талантов, новых открытий!

Рядовой твоей армии

Владислав ТИТОВ

г. Ворошиловград

сошелся с местными девчатами и парнями. В первый же вечер добился взаимности **бедовой Нюрки.**

Буквально через несколько часов по приезде в Таловку Рогожин сел за сочинение очередного рассказа.

«— Порезвились, пора за дело, — сказал Рогожин, капитально, прочно усаживаясь за столом.

Он взял авторучку, не спеша покрутил ее перед носом, остановил невидящий взгляд на глухой безоконной стене. Минут через пять написал строчку, потом другую.

Так, не поднимаясь со стула, он просидел дотемна — то писал, то крест-накрест перечеркивал написанный лист, сминал его в ладони и, как что-то омерзительное, гадкое, бросал его под ноги и опять тупо, невидяще глядел в стену».

Леня Кустов в это время мучительно соображал, о чем он будет писать. На глаза ему попалась статья в газете об императорских пингвинах в Антарктиде. Кустов с завистью подумал: вот подвалила удача журналисту. «Хорошо бы самому задымиться куда-нибудь подальше, свежим глазом увидеть хотя бы вот этих самых пингвинов, послушать, как они там крякают, — вот был бы рассказ так рассказ. А о чем напишешь тут, в этом пыльном, безлесном районе, где дороги изъезжены вдоль и поперек, где все пригляделось и осточертело».

Авторская ирония тут слышна весьма отчетливо. Но ведь и Рогожин описан скорее в сатирических тонах. Тогда чем объяснить концовку рассказа?

«Перед отъездом из Таловки, почти через месяц, Рогожин прочитал Лене новый свой рассказ. Это был рассказ о том, как в тихое село приехал на летние каникулы студент... Слушал Леня, то и дело потирая оголенные в рукавах руки, где сыпом высыпали по-гусиному крупные мурашки и прямились кучерявые завитки волос: такая простая вставала перед глазами жизнь. Такая хорошая. И до боли, до озноба знакомая».

Итак, Рогожин все же настоящий писатель. Поиронизировав над своим героем в начале рассказа, Корнилов под конец подобрел к нему, отдал ему свои симпатии, подведя читателя к мысли, что надо не мудрствовать лукаво, не утруждать себя какими-то творческими поисками, не растекаться мыслью по древу, а просто брать то, что лежит перед глазами, и лепить из этого художественное произведение. Смущала в рассказе молодого писателя уверенность, что такой утилитарный подход к писательству (сегодня вечером посидел с девчонкой, завтра вставил ее в свой рассказ) приносит успех. Справедливо высмеяв ленивую, бесплодную мечтательность Кустова, Корнилов в то же время залюбовался удачливым поденщиком, для которого весь творческий процесс сводится к тому, чтобы всякое лыко, наспех надерганное тут и там, вставить в строку. Смутность авторского отношения к изображаемому воспринималась как существенный недостаток позиции молодого писателя.

Рассказ «Императорские пингвины» включен Корниловым в книгу «Чайки-кричайки», вышедшую вскоре после совещания молодых писателей. Но теперь он стоит в конце книги и как бы заслонен другими рассказами, где авторская позиция выявлена куда более отчетливо.

И все-таки впечатление какого-то неверного мазка, какой-то

двусмысленности осталось у меня и при вторичном чтении этого рассказа.

В книге «Чайки-кричайки» Иван Корнилов раскрывается как тонкий психолог, умеющий заглянуть в самые дальние, самые скрытые закоулки человеческой души. Рассказы его лишены сюжетного напряжения, событийная сторона жизни сведена к минимуму. Пружиной его повествования почти всегда служит подспудная жизнь чувства. В одном случае это неожиданно вспыхнувшая любовь, в другом — едкая, как кислота, ревность, источившая душу хорошего парня, в третьем — тоска старого человека по детям, давно разлетевшимся из родного гнезда.

Писатель умеет подстеречь такой момент в жизни своего героя, когда долго копившаяся в нем боль, или радость, или тревога вдруг прорываются наружу и яркой вспышкой высвечивают укромы души. И тогда становится ясным, что это за человек, какова суть его характера, какова цена его. В будничном, «обиходном наполнении жизни» (слова известного литературоведа А. Скафтымова) писатель открывает своеобразие индивидуальной человеческой судьбы.

Особенно хорошо это умение реализовалось в рассказах «На этом свете», «Чайки-кричайки», «Третий сын».

После тяжкого запоя Степан Касович (рассказ «На этом свете») возвращается к своей привычной работе. Он дворник детского сада. Что-то тяжкое бродит еще в его душе, но болезнь уже отступила, и снова мир привычных интересов обступает его со всех сторон. Почти с клинической точностью Корнилов описывает болезнь Степана Касовича. Мы узнаем, что в прошлом у Степана было страшное душевное потрясение. Пришел он с фронта в родное село. А дома и семьи нет — гитлеровцы уничтожили. И не вынесла душа напряжения, надломилась. Так с тех пор и мается этот хороший, работящий, одинокий человек. Другой бы прошел мимо этой изломанной жизни, — ну пьяница и пьяница, чего в нем интересного? Но Корнилов не прошел мимо, а потянулся к Степану Касовичу, захотел разобраться в его судьбе, и получился сильный, поучительный рассказ о сложной человеческой жизни.

Корнилов ценит в человеке больше всего мгновения душевных сдвигов, «минуты насторожившейся совести», как определял такое состояние Иннокентий Анненский. Такую минуту он подстерег в жизни Ани Разореновой, девушки-шофера, приехавшей на вывозку хлеба в приволжский колхоз (рассказ «Третий сын»), и в жизни Васи Королева, подсобного рабочего гаража (рассказ «Жужу»).

Завершает книгу Корнилова повесть «Одно только лето». Поначалу кажется, что это еще один вариант «деревенской» повести, где герой, полный благих порывов, приезжает на село «поднимать артельное хозяйство». Сюжет самый примелькавшийся. Молодой агроном после армии едет в «глубинку» на должность бригадира в отделение совхоза. Нетрудно догадаться, как дальше будет развиваться повесть. Первые впечатления от деревни: заброшенность, отрешенность, неприютность. «Избы, как стадо овец от волка, сбились в тесную кучу, завязли в снегу. В этом белом безмолвии Зябловка показалась отшибленной от всего живого, страшно сиротливой».

Мысль, что все придется начинать заново, ломать рутину. Затем знакомство с людьми. И новое открытие: «Почему-то все показа-

лось намного проще, чем думал, нафантазировал об этом вначале. Чем, в конце концов, плохая она, эта новая его жизнь?.. Она занята до краев и осмыслена. Да, я маловато сплю; да, как приехал сюда, я один только раз был в кино — и то не у себя в хуторе, а на центральной усадьбе совхоза. Ну и что ж, не всем в крупных городах да столицах жить».

Знакомые слова. Знакомые интонации. Не раз звучали эти монологи со страниц деревенской прозы.

Тогда почему же, несмотря на расхожий сюжет, повесть Корнилова читается с интересом и производит впечатление свежести и новизны? Прежде всего достигается это фигурой главного героя. Вадим Колосков — натура хотя и деятельная, но слишком приноравливающаяся к обстоятельствам. Корнилов хочет внимательнее присмотреться к людям этого типа, в которых как-то вполне органично сосуществуют высокая патетика и этическая невзыскательность, активность общественного поведения и нравственная ленивость в быту. Где-то в середине повести Корнилов сходит с наезженной колеи производственного сюжета и строит дальнейшее повествование на тщательном анализе отношений Вадима и Эммочки. Эммочка — «солдатка», ждет своего мужа из армии. Тихо и таинственно мерцают ее лукавые глаза, когда она украдкой вскидывает их на Вадима. Колосков то и дело ловит на себе эти зовущие взгляды. Податливый по натуре, он скоро уступает настойчивости Эммочки. Тем более что она ему очень приглянулась. Тайная, урывками любовь, свидания в поспевающих хлебах (прямо по Некрасову: «Распрямись ты, рожь высокая, тайну свято сохрани») продолжаются все лето.

Но вот подходит срок возвращения мужа, и Эммочка наставительно говорит своему застенчивому любовнику:

«— Порезвились, побаловались — и выкинь из головы... Во мне просто баба соскучилась. А люблю я, а жду я каждый день только его, своего Женю».

Как же реагирует на это Вадим?

«Сначала Вадиму показалось, что его грубо, обидно разыгрывают, но, когда она как-то по-особому протяжно, ласково сказала имя своего мужа, он понял: это конец... И его подавленное, робкое: «А как же я?» — вырвалось уже само собой, как боль, как вскрик».

Но Эммочка хорошо знает своего Вадима. Он и не такое стерпит, и не с таким согласится. И она неумолимо ставит все точки над i.

« Ты неплохой парень, хоть и не мужик еще, — говорила Эммочка, посмеиваясь, — ты порой мне нравишься... Если не боишься, я не прочь с тобой встречаться иногда... тихо, конечно, чтоб ни одна душа не догадалась.

— Нет уж, извини... Такое не для меня».

Замечательно это случайно оброненное «если не боишься»! Эммочка тут обнаруживает черты недюжинного психолога. Она давно успела раскусить этого «деятельного», «положительного», «передового» бригадира.

Вадима меньше всего смущает цинизм Эммочки. Он не находит в ее словах ничего из ряда вон выходящего. Он смущен только той ролью, которую ему намерена отвести «неутомимая» Эммочка.

«Чтобы увидеть человека, а не формулу, — говорил Леонид

Андреев, — приходится смотреть на то, что не покрылось лаком привычки». Умение стереть лак привычки и извлечь из-под этого лака живую суть характера составляет важную особенность дарования Ивана Корнилова. На серьезные раздумья наводит его маленькая повесть. Писатель снова показал нам своих героев в момент, когда неожиданно раскрываются самые **интимные** стороны их натуры. И тут обнаруживается, что характеры, внешне не похожие, в чем-то главном, корневом однотипны. А ведь «на миру» никому и в голову не придет равнять Вадима с Эммочкой.

На таких вот страницах раскрывается зрелое своеобразие письма Корнилова, зоркость его критического луча, высвечивающего сокровенное в человеке.

Корнилов больше тянется к бытовым, а не социальным аспектам жизни. Он не силен пока в раскрытии производственных конфликтов. Сам жанр рассказа и короткой повести как бы обязывает его не прельщаться сложными социальными конфликтами, требующими романической площади. Но на той малой площадке, на которой он работает, Корнилов умеет сказать свое, незаемное слово о жизни и людях.

3

«Честный талант, чуткий на правду», — было сказано в докладе Г. И. Коновалова на пленуме Союза писателей РСФСР о томской писательнице Любови Асеевой.

Сама Асеева так говорит о своем творческом кредо: «Написать книгу — все равно, что жизнь прожить. Прожить заново» (из предисловия к книге «Настасьино счастье», вышедшей в 1971 году в серии «Библиотека молодой сибирской прозы»).

Почерк Асеевой еще неровен, не все в ее повестях прошло проверку зрелого вкуса. Но в жизненной достоверности, в чуткой правдивости ей не откажешь.

И в «Глафире», и в «Настасье» она строго следует за естественными поворотами человеческой судьбы, ни разу не свернув на тропинку вычурного вымысла. Она не торопит, не подгоняет события, она умеет дождаться их естественного прихода.

Если Иван Зубенко тяготеет более всего к лирическому этюду, к тонкому, овеянному грустной дымкой рисунку, если Иван Корнилов стремится больше к психологическому исследованию, то Любовь Асеева увереннее всего чувствует себя в портрете. Обе ее последние повести — это, по существу, развернутые художественные портреты женщин-сибирячек, в одном случае старой, подбивающей свои жизненные итоги крестьянки Настасьи Лугачевой, в другом — молоденькой, только входящей в мир рыбачки Глафиры Малыгиной.

О повести «Настасья» (в книге она теперь названа «Настасьино счастье») мне уже приходилось писать. Повесть эта произвела на меня впечатление как бы «выломленного» из породы цельного, острогранного куска жизни. Асеева с большой убедительностью рассказала о жизненной одиссее Настасьи Лугачевой, дорого заплатившей за слишком позднее прозрение.

Всю-то жизнь она с Ирасом, мужем своим, прошла сторонкой, обочиной, всю-то жизнь искала, где лучше, где жизнь не наденет на них свои тяжелые путы. Чтобы легче переезжать с места на

место, препоручили чужим людям своих детей, оборвали все нити, связывающие их с родной деревней. В погоне за «богачеством» погиб Ирас. Одна-одинешенька коротает Настасья глухие дни своей жизненной осени. Многое передумала она в «землянухе». Многое пересмотрела за долгие ночи раздумий. И потянуло ее на люди, к артельному делу, к людскому сердечному теплу. И душа ее, как заиндевелое окно «землянухи», медленно начинает оттаивать, и глаза, когда-то мутные от слез, яснеют и молодеют.

Как сказано у Джона Рескина: «Глаза, полные слез, не видят, но с течением времени они начинают видеть яснее и чище тех глаз, которые никогда не плакали».

«Настасья» — это повесть о цене людского опыта. Цена эта никогда не бывает малой. Но иногда, по неразумию или по стечению обстоятельств, человек платит за опыт жизни цену слишком непомерную. Впрочем, сколько бы ни было заплачено, опыт и есть то счастье, ради которого стоит жить на земле и превозмогать все муки.

В повести «Глафира» Асеева дает портрет души, в чем-то прямо противоположной Настасьиной. В Глашке Малыгиной нет и тени той покорности, которая долгое время составляла сущность натуры Настасьи. Она ни в чем не полагается на чужое мнение, до всего хочет дойти своим умом. Не боится говорить правду в глаза.

Девчонка, только вступившая в жизнь, она уже свободно держится в этом жизненном море, не отдаваясь на волю волн. Она всегда с людьми и чувствует себя в коллективе, как дома, как среди самых близких.

Детство ее прошло в таежной глуши. Шумилина коса, где она столько лет прожила с отцом (мать у нее умерла, когда она была еще ребенком), считалась настоящим медвежьим углом. В биографии отца Глашки есть черты, роднящие его с Ирасом Лугачевым. Как и Ирас, Алексей Малыгин не поладил с председателем, ушел из колхоза, поселился в тайге на отшибе и промышлял охотой и рыболовством. Жил нелюдимо, «берложно». Казалось бы, и в дочери должны были выработаться замкнутость и нелюдимость. Но в детстве Глашку учили не только тайга, а и школа. Так и соединя-

---

Вы не замечали: в деревенских домах окна похожи на своих хозяев? Я и сейчас могу по окнам написать портрет любого моего земляка...

Этого человека с нами уже давно нет. Но когда я вижу окна журнала «Молодая гвардия», мне вспоминается ЕГО лицо. Лицо бывшего главного редактора Ильи Михайловича Котенко.

Фронтовые ранения и обострившаяся болезнь уложили Илью Михайловича в постель. Врачи предписали полный покой. Никаких рукописей. Никаких встреч и разговоров. А он редактировал мою первую повесть «Вкус хлеба». При появлении врачей прятал ее под подушку и со свойственным ему юмором

лись в ней чалдонская диковатость с веселой отзывчивостью и простодушной общительностью. Мы встречаемся в повести с Глашей в дни, когда ее постигло большое горе. Утонул отец. Как теперь жить? К кому приклонить голову? Идет большая война, и до Глашиной ли беды людям теперь? Но и в суровые годы войны не уменьшились в народе доброта и отзывчивость на чужое горе. Рядом с Глашей — старик Перфил и тетка Проксена, остяк Филька и Митька Колпашников. Они-то и стали её новой семьей.

Люди, среди которых живет Глафира, заняты каждодневным тяжелым трудом. Им нелегко достается кусок хлеба. Война подчистую метет сусеки, до последней рыбины пустошит атарму. Да, тяжело живут люди. Идет сорок первый год. Но скудость достатка, бедность — «из кулька в рогожку», работа до свинцовой устали не делают повесть Асеевой мрачной фреской. Свет жизни разлит по страницам книги. Мужеством веет от нее на читателя.

«Реализм побеждает только в деталях», — подчеркивал Жюль Ренар. Ненавязчиво, с большой любовью к жизненной детали ведется в повести рассказ о Глашке, о деде Перфиле, о рыболовецкой бригаде, где работает Глафира. Рабочими словами, будничными красками описан стрежевой лов, когда «в холодные утренники сводило руки и ломило в коленях». Без привычного набора сибирских «ню» изображены тайга, просторы Оби. Приведу только один пример. Зимой в метель движется красный обоз из тайги в Томск. На сотнях подвод везут рыбу в «фонд обороны». Момент выигрышный для всяких **контрастных** описаний. Но Асеева не прельстилась этим. «Это был такой обоз, — пишет она, — какого даже старые нарымские жители не видывали вовек. Саней шло сотни, а может, их было тысяча с лишним. Навьючены возы доверху, накрыты старой мережей, обрывками неводов и крепко перетянуты веревками. До города далеко — триста убродных километров». С деловитой скупостью описанный обоз вырастает в сознании читателя до символа самой Сибири, поднимающейся с богатырской неспешностью на борьбу с врагом.

Ныне стало модным в среде западных военных историков и штатских политиков производить всевозможные выкладки на тему: что

объявлял меня не автором, а родственником, пришедшим навестить больного. Врачи уходили, и Илья Михайлович вновь доставал рукопись, прицеливался в нее красным карандашом и говорил: «Что ты будешь делать — поболеть спокойно не дадут». Думая, что это обо мне, я брал прицел на дверь, но Илья Михайлович останавливал: «Куда?!»

Помню — никак не удавалось мне начало. Пробовал вариант за вариантом, а строгий редактор говорил: «Вот сейчас почти хорошо, но... Нужна первая строчка. Думай, думай, Альберт!» И когда я, вконец измученный, подошел к окну и с отчаянием сказал: «Уеду в Каргаполье. Там у нас улицы знаете какие? Хлебом пахнут», — он воскликнул, переполошив родных:

— Вот эта строчка!

У него была масса литературных и журналистских дел. Названивали с телевидения. Просил дать интервью корреспондент

было бы, если бы Гитлер начал наступление не тогда-то, а тогда-то, отдал бы приказ не такой-то, а такой-то, перебросил резервы не туда-то, а туда-то. По мысли этих любителей политических и стратегических пасьянсов выходит, что поражение фашистской Германии — дело случая, следствие случайных промахов командования вермахта. Стоило, дескать, прорвать якобы тонкую запруду фронта под Москвой — и поток наступающих гитлеровских дивизий затопил бы тысячекилометровые пространства Советской России. Этим «стратегам» стоило бы повнимательнее вчитаться не только в сравнительные таблицы танков и самолетов у той и другой стороны, в перечни противостоящих друг другу дивизий и полков, в оперативные планы сторон и сводки боев. Им стоило бы заглянуть и в некоторые наши книги, рассказывающие о суровых буднях нашего тыла, прислушаться к свидетельству тех, кто своими глазами видел тогда глубинную, далеко за фронтом лежащую страну. Им бы открылась тогда совсем другая «статистика». Они бы воочию убедились, какими поистине неисчерпаемыми резервами духовной стойкости располагала наша Родина.

Повесть Асеевой представляется мне одним из таких достоверных свидетельств. Крепок душой был народ, о котором она рассказывает. Ни на минуту не поколебалось в нем мужество в страшные годы фашистского нашествия.

Повесть «Глафира» — это повесть о становлении человека, и в то же время это повесть о цене мужества в годы войны.

Асеева в своих описаниях стремится быть как можно более лаконичной и вроде бы бескрасочной. Она избегает резких метафор, сложного синтаксиса. Пишет она «словами, почерпнутыми из обыденности», как сказал поэт.

«Падера выла, валила с ног. Лошади обессилели, приходилось останавливать их и отбивать топором налипшие на копыта ледяные комья, очищать ноздри от сосулек. Сани часто опрокидывались в ухаб, люди собирались вместе и поднимали воз, укладывали в сани рассыпавшуюся рыбу. Но вот буран стих. Загорелись от солнца снега».

Писатель побойчее сделал бы из этого бурана картину весьма

радио. Привозили какие-то важные бумаги курьеры. И наконец, просто можно было болеть. А он строчка за строчкой шел по моей рукописи, спорил, доказывал, внимательно выслушивал контрдоводы и соглашался, если они были убедительными. Глотал таблетки, пил микстуры и снова принимался за рукопись. А как он отчитал меня, когда я утром, решив дать ему отдохнуть, умышленно опоздал на полчаса.

Работал Илья Михайлович с великим чувством строгой доброты.

Это качество журнал сохранил и сегодня. Для многих молодых писателей он стал настоящим домом, литературным домом. Я вышел из «Молодой гвардии», и сегодня, в день юбилея, говорю журналу: «Спасибо! Спасибо за эту строгую доброту!»

Альберт УСОЛЬЦЕВ

душещипательную, заставил бы попереживать читателей. Асеева же говорит обо всем как бы мимоходом. Но в спокойном течении фраз вдруг как молния сверкает этот топор, которым возчик сбивает ледяные комья снега с лошадиных копыт. И сразу отчетливо встает перед глазами вся трудная вьюжная дорога.

Думается все же, что в стилевой простоте и будничности письма Асеевой кроется не только достоинство. Подчас фраза теряет внутреннюю энергию, становится вялой, мертвенно «правильной». Слово должно нести не только информацию, но и краску, цвет, настроение. Надо добиваться, чтобы со слов сходила «печать безответной служилости» (слова Иннокентия Анненского) и оно отражало бы в своей глубине первозданную свежесть жизни.

Три молодых прозаика. Три новые точки на карте нашей литературы. Разными путями шли они к своему призванию. Асеева учительствовала в сибирском селе, Корнилов исходил и изъездил Приволжье с удостоверением журналиста, Зубенко пришел в литературу, что называется, «от плуга». И каждый из них принес свой жизненный материал, у каждого свое видение, свой голос в сегодняшнем литературном процессе. Что́ же их объединяет, этих столь разных писателей, живущих на разных концах нашей Родины? Их объединяет пристальное внимание к народной жизни, к народному характеру. Их объединяет внимание к простым судьбам простых людей. «Самое верное — народность, — пишет Любовь Асеева. — Народность в материале, в языке, в мировоззрении».

Но народность явление глубоко социальное. И по-настоящему раскрыть материал сегодняшней жизни можно лишь тогда, когда исследован не только семейно-бытовой ее пласт, но и ее социальные глубины.

А как раз социального подхода и не хватает молодой литературе. Человек, изображаемый молодой прозой, будь он колхозник, или рабочий, или интеллигент, не всегда подключен к высоковольтным линиям нашего, полного страстей и противоречий, века. Общественная сторона его бытия остается малоисследованной. Боязнь показаться риторичным, суесловным заставляет молодых прозаиков слишком сужать поле художественного исследования, слишком приглушать краски. Кое-кто даже полагает, что «производственная тематика» навсегда устарела. Устарели приемы изображения человека в сфере общественной жизни, превратившиеся от назойливого повторения в удручающие штампы, но ведь человек-то живет в обществе, связан тысячами нитей с производственным коллективом, и если не показать его с этой стороны, картина жизни будет неполной.

Недостаток социальности чаще всего возникает от скудости жизненного материала, которым располагает писатель.

Иногда читаешь рассказ или повесть молодого писателя, уже по первым страницам видишь — человек одаренный, пишет уверенно, умеет найти «выигрышную» деталь. Начинаешь с интересом следить за повествованием. Как-то все это развернется, по какому руслу потечет жизнь человека? Но вот перевернута одна, другая, третья, четвертая страницы, а сюжет никак не выскользнет из привычного круга, характеры не развиваются, и впечатление унылого однообразия все усиливается и усиливается. В каком-то будничном, унылом мирке суетной однодневности топчутся многие персонажи молодежных повестей, отключенные от большого и сложного мира.

Вот молодой писатель, прикоснулся, казалось бы, к самому чуткому нерву жизни. Поисковая бригада буровиков. Палаточный городок. Глухая калмыцкая степь. В таких «полевых» условиях человек раскрывается отчетливее и резче, чем в привычных, домашних. Но за историей главной героини Любки, банальной и унылой историей неудачного замужества, даже при самом благожелательном чтении не угадаешь черт той жизни, которой живут нынешние рабочие. В рассказе А. Масс «Любкина свадьба» все снижено, упрощено, обеднено.

Любка и ее подруги Райка, Нинка, Клавка (даже уличной манерой произносить имена автор как бы подчеркивает внутреннюю ординарность этих людей) показаны не как живые, полнокровные люди, а как тени на зыбком полотне времени.

Писатель подробно описывает героя: «Высокий, сильный, с волевым ртом и спокойными глубокими глазами, он выделялся среди парней». Ждешь какого-то продолжения этого портрета, какого-то показа человека в деле, в многочисленных связях с миром. Но в рассказе этот «симпатичный Гена» произносит несколько банальных фраз и навсегда исчезает из поля зрения автора.

Желая как-то «углубить» подтекст своих картин сегодняшней жизни, связать малый мир героя с большим миром, некоторые молодые писатели обращаются не к социальным аспектам современности, а вводят элемент «исторический».

Геннадий Сазонов, выпустивший сравнительно недавно свою вторую книгу рассказов в Средне-Уральском книжном издательстве (писатель, кстати, одаренный и все увереннее нащупывающий свой путь в литературе), словно бы почувствовав бедность содержания одного из своих рассказов, мелководье размышлений героя Сашки, неожиданно вводит в рассказ лирический экскурс в историю:

«Сашка лежит у огня.

А в небе полыхает солнце, огромное, точно мир.

И плывут облака. И грохочет ручей.

Как всегда. Как тысячу лет.

И тысячи лет матери хотят отдать своим сынам несгоревшее тепло своих дней. И, как всегда, не могут. Оттого, что рожают детей для всех, для земли, для мира. А им кажется — для себя. И не могут понять, почему мы все-таки уходим, причиняя боль и

Когда я впервые появился в «Молодой гвардии», меня встретили мои сверстники, такие же молодые, как я... Они внимательно отнеслись к моим произведениям, помогли их отредактировать, познакомили с ними всесоюзного читателя.

Спасибо тебе, «Молодая гвардия», за душевное тепло, за помощь, за поддержку в творчестве.

Владимир САНГИ

г. Южно-Сахалинск

унося ее с собой. Уходим, может быть, для того, чтобы когда-нибудь вернуться».

Нет, риторика остается риторикой, даже если ее одеть в модные теперь одежды «историзма».

Социальность предполагает не беглые сопоставления современности с тем, что было «тысячу лет» назад, а тщательное исследование всех связей человека с обществом, Родиной, временем.

«Истонченный профессионализм», о котором так метко писал в одной из статей критик Михаил Лобанов, не угрожает пока ни одному из обозреваемых мной литераторов. Пожалуй, им даже недостает профессионального умения. Но в каких-то своих приемах и навыках они начинают повторяться. И тогда возникает впечатление однообразия. Особенно стоит над этим задуматься Ивану Зубенко. Его милые деды и хлопотливые бабки стали слишком смахивать друг на друга.

Очень верно заметил Григорий Коновалов, к чему приводит власть привычки: «появляется некая нерешительность — нет смелости сойти с обработанной грядки, кинуть взор за околицу, в поле побескрайнее».

Есть два типа литератора. Один все время ищет целину, открывает «новые земли», новые области жизни, новые характеры. Другой предпочитает быть колонистом, осваивает и обживает открытое. Надо ли говорить, что молодому литератору более подходит роль разведчика.

Новые творческие рубежи Ивана Зубенко, Ивана Корнилова и Любови Асеевой мне видятся там, где в горячем сплаве соединяются общественное и личное, быт и политика, человек и мир.

◆

СЕГОДНЯ МЫ ОБСУЖДАЕМ:

двухтомник ЛЬВА ОШАНИНА,
прозу ВАСИЛИЯ ЛЕБЕДЕВА,
пьесы АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА,
антологию «О Русская земля!»,

ПАРУС ПЕСНИ

Ступив на поэтическую стезю, рано или поздно встретишься со своими собратьями по песенному слову, как бы ни была широка страна, ибо это ведь твоя родная страна, и недаром живет в народном сердце песня:

Ой, да, бежит речка по песку,
Э-эй, бежит речка по песку
Через матушку-Москву —
к нам...

...Одиннадцатилетним мальчишкой, в победном 1945-м, запершись погожим полднем в сарае, я писал свои первые стихи. Дело было в полудеревенском пригороде восстанавливавшегося уже вовсю Воронежа. На станции гремел репродуктор, и сквозь щели сарая ко мне доносилось:

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян...

Не передали по радио имени автора «Дорог», и воспринялись они мною как голос, как вздох народный. Я рос в стихии фольклора, воспитывался на стихах Кольцова и Некрасова, Никитина и Сурикова, на пушкинском «Лукоморье». Мать певала за домашними делами почти весь репертуар Руслановой, любимыми песнями отца были «Доля бедняка» Сурикова и безы-

---

Лев Ошанин, Избранное. В двух томах. М., изд-во «Художественная литература», 1971.

мянные «Ты, моряк, красивый сам собою» и «Там, в саду, при долине». Надо ли говорить, что если бы я и узнал тогда же имя сочинителя «Дорог», то отнес бы его к давним приятелям Кольцова и Сурикова, певцам из народа и совершенно народным. Ибо песня хоть и перекликалась с только что пережитым всеми, несомненно, была «старинная». Здесь было все, что нужно для народной песни: протяжность, задумчивость, грусть и в то же время вера в благополучный исход солдатского пути. И в самом содержании было нечто пленительное, что заставляло сжиматься и таять сердце: и этот туман по степному бурьяну, и роковой ворон над «дружком в бурьяне». А над словами «у крыльца родного мать сыночка ждет» хотелось плакать.

Позже, когда я призадумался над стихами уже вполне сознательно, узналось имя творца «Дорог».

Так я впервые встретился со Львом Ошаниным.

Вторая моя с ним встреча произошла через семь лет, в 1952 году. Хорошо помнится, как на литературной викторине в Пермском нефтяном геологоразведочном техникуме я получил в качестве первой премии томик лауреата Государственной премии Льва Ошанина. И храню эту книгу до сих пор. На сей раз мое знакомство с творчеством поэта-песенника, в то время уже широко известного автора «Гимна демократической молодежи мира», «Гимна Международного союза студентов» и доброго десятка любимейших в стране песен, было более основательным.

Вскоре я узнал другие стихотворения и баллады поэта, лирические повести «Мой друг Борис», «Ежик — брат Марины» и «Маринин городок». И вдруг стала ясна природа его нестареющей музы. Почему, например, в свои сорок, в свои пятьдесят, и вот, наконец, в свои шестьдесят лет он по-прежнему кумир молодежи...

Я сказал «шестьдесят» — и мысли мои снова возвращаются на тринадцать лет назад. Ибо «дедовский» этот возраст явно не для Льва Ошанина, еще в 1962 году написавшего о самом себе жизнерадостнейшие стихи «Кто-то придумал, что тридцатого мая...» и двумя годами позже «Дедское»... И все же, «ах, как годы летят!».

Кажется, еще вчера все мы, студенты — «новобранцы» Литинститута: русский Василий Белов и эстонец Матс Траат, алтаец Паслей Самык и азербайджанец Фикрет Годжа, украинец Леонид Черевичник и туркменка Огултеч Оразбердыева, всего более двадцати молодых песнопевцев из республик Советского Союза, собрались на свое первое в жизни творческое занятие в семинаре маститого сорокасемилетнего учителя. На этом первом занятии каждый из нас коротко рассказал о себе и прочел свое лучшее на тот день стихотворение. Бурно и скоро прошли пять лет учебы. Подчас наш педагог от нас уезжал, улетал, уплывал... На наши неизменные «почему?» он почти всегда отвечал новой песней, которая начинала вдруг звучать везде вокруг нас:

Я летаю в дальние края, —
Кто же знает, где мы завтра будем, —
Дождик привожу в пустыню я,
Солнце раздаю хорошим людям.

Почему, дружок? Да потому,
Что я жизнь учил не по учебникам.
Просто я работаю
волшебником...

Да, наряду с преподаванием в институте наш добрый мастер не устает работать по «совместительству», как поется в этой притягательной песенке, волшебником. Волшебники — это люди Красноярской ГЭС и Асуана, тюменской тайги и Охотского моря... — всех мест и сфер их «волшебства» не перечислить, ибо «кто же знает, где мы завтра будем»! Именно так, мне кажется, и понимаются советской молодежью ошанинские песни. Вот я и говорю, что за этими-то песнями, столь нужными всем хорошим людям, наш педагог нередко от нас уезжал, улетал, уплывал... И тогда, по его возвращении из дальних странствий, он проводил с нами по два семинара кряду...

После окончания Литературного института имени Горького мы в полном согласии с творческими пристрастиями, облюбовали и свои, особенные душе и сердцу, пределы Отечества. И вот, зимой 1964 года, в должности старшего техника-геолога плюс литработника многотиражки «Тюменский геолог» я встречаюсь у себя в кабинете с недавним своим поэтическим наставником. Лев Иванович, навсегда влюбленный в пути-дороги, на этот раз приехал в гости к первооткрывателям нефтяных сокровищ Западно-Сибирской низменности. За десять дней мы побывали у нефтеразведчиков Усть-Балыка и Сургута, у жителей Тобольска и села Покровского, у студентов Тюменского индустриального института. Нашим транспортом были рейсовые самолеты и экспедиционные гусеничные вездеходы, вертолеты геологов и легковая «Волга», выделенная для гостя Тобольским горкомом партии. Нам приходилось забираться по заснеженной тайге Приобья на самые отдаленные буровые и выступать перед молодежью древнего Тобольска, «отчитываться» перед тюменскими студентами. В этом памятном концертном «пробеге» по Тюменщине я воочию убедился, как горячо и заинтересованно принимают люди песни Льва Ошанина. Творческие встречи с любимым поэтом-песенником часто оканчивались исполнением его песен слушателями — будь это в схваченном снаружи стужей бревенчатом тепляке буровой установки или же в Сургутском Доме культуры, где проходила районная комсомольская конференция, в общежитии инженерно-технических работников экспедиции или же под сводами переполненного Тобольского драмтеатра...

У Льва Ошанина разлетелось по стране множество песен. Правда, не обошлось в его творческой судьбе без таких моментов, когда его лира порою «звук неверный исторгала», идя на поводу у обожателей бездумных сюжетов и ритмов. И тогда являлись на свет «А у нас во дворе...», «И опять во дворе...» с их «зазывными»: «Губы не прячь и вокруг не поглядывай. Ты уж как хочешь, а мне по душе» и т. д. Однако поэт быстро понял грозящую чистым, большим чувствам и звукам его песен опасность, верно сориентировался после короткого невольного «сбоя», настроившись на ту подлинность, которой отмечена песня «Течет Волга», или «Бирюсинка», или «Напиши мне, мама, в Египет». Эти удачи закрепляют его репутацию песенника, умножают повсеместную славу.

Но как после войны именно «Дороги» становятся подлинно на-

родным песнопением, так и новые песенные сюжеты не могут заслонить успеха его «Песни о тревожной молодости» — она стала к этому времени настоящим гимном энтузиастов. Действительно, песня эта одинаково подходит и геологу, и комсомольскому работнику, и воину, и космонавту... Такую песню могут взять с собою в дорогу не только первопроходцы и первооткрыватели, но и влюбленные, и пионеры. Сильный с нею станет сильнее, а слабый и нерешительный обретет силу и решимость выйти в нелегкий путь. Эта песня одновременно и патриотическая, и личная, интимная. Ее можно петь в хоре и в солдатском строю, на пару с другом и наедине. Здесь слиты воедино нужды державы и потребность в романтике для одного, здесь есть клятва верному другу и самому себе, здесь есть любовь и мечта, материнское напутствие Родины («Готовься к великой цели, а слава тебя найдет!»), и личная формула убежденности («Меня мое сердце в тревожную даль зовет» и «Пока я дышать умею, я буду идти вперед!»). Поистине привораживающий, волшебный сплав! Что это именно так, я убедился тогда в нашей совместной поездке с поэтом по Тюменской области: «Песню о тревожной молодости» всегда запевали первой...

И еще годы творческого горения промелькнули за плечами почтенного, но не старящегося мастера. Годы странствий, обернувшиеся новыми книгами и песенными удачами. И вот — еще одна встреча с моим учителем и старшим другом: передо мною два тома «Избранного». Что же нового открывают они в поэте?

А открывают они немало. Об этой основательной, неторопливой встрече с любимым поэтом молодежи я и хотел бы рассказать всем читателям и почитателям большого песенного дара Льва Ивановича Ошанина.

Сначала я намеревался говорить главным образом об ошанинских песнях, столь глубоко проникших в народ, ибо с именем поэта связано прежде всего понятие о прочном, непреходящем успехе автора популярнейших песен. Однако, перечитывая эти два тома, я все больше убеждался в том, что перед нами интересный и еще во многом не оцененный критикой оригинальный поэт. Мало того, Льву Ошанину принадлежит, как никому, честь возрождения, после Николая Тихонова, поредчавшего среди стихотворцев жанра баллады. Это вторая натура, вторая страсть поэта. Будь я профессиональным критиком, то посвятил бы ошанинским балладам и их развитию во времени целое исследование. Мне кажется, поэтам, особенно молодым, в этом жанре есть чему поучиться у Льва Ошанина. И прежде всего — поучиться у него мастерству освоения как героического и необыкновенного, так и обыденного, привычного и вроде бы «непоэтичного» материала, который ежедневно преподносит пытливому человеку наша жизнь.

Мастерство Ошанина-песенника общепризнанно, хотя тайны успеха его песен еще никому из подражающих не дались, потому что подобного рода тайны всегда скрыты в сущности самой души и особенностей сердца именно этого художника слова.

Что же еще увиделось мне в стихах Льва Ошанина? Я увидел, что многие его стихи очень песенны, они как бы подготавливают общую тональность и афористические строфы песен; а из одной строки песни, как из одного зернышка колос, подчас разворачивается целая жанровая или героическая картина поэмы или баллады. Иногда говорят: чтобы понять поэта, побывайте у него на ро-

дине. О таком поэте-песеннике, как Лев Ошанин, я бы сказал: чтобы накрепко полюбить и понять его песни, прочтите и полюбите мир всей его поэзии, найдите внутреннюю красоту героев его стихов. Образно говоря, колыбель его песен — это повседневные стихи, баллады и повести в стихах; пожалуй, сам поэт добавил бы сюда еще и путевые очерки.

И еще я узнал о поэте Льве Ошанине, что начал он писать в 1929 году, что он, на мой взгляд, испытал немало влияний тогдашних своих современников-поэтов, прежде чем найти себя в жанре песни. Я увидел, перечтя эти два тома шестидесятилетнего мастера, что он много повидал на веку и еще больше собирается увидеть, что атмосфера его песен чиста, юна и романтична, вся пронизана свежими запахами московских катков, енисейской волны и египетского солнца, что поэт нежен, терпим к слабостям близких и задушевных друзей и беспощаден с врагами, что он очень любит нашу прекрасную Землю и более всего на ней — свою Родину:

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла —
Там, где русская слава
Все тропинки прошла...

(1945 год)

...А теперь над тобой высоки небеса,
Окна светятся мирным теплом.
Как я счастлив сегодня, что я родился
На весеннем просторе твоем.

Знать, что я не прохожий под небом родным
И не гость на чужом корабле,
Быть рабочим твоим, быть солдатом твоим —
Счастья большего нет на земле.

(1967 год)

И еще я понял, что надобно иметь большое право, подтвержденное всей жизнью и всем вдохновенным творчеством, чтобы сказать о себе так, как говорит Лев Иванович Ошанин:

Я токарем был и директором клуба,
Солдатом в газете, прорабом в горах.
Меня обжигали любимые губы,
Я видел ненастье, и пепел, и прах.
В ладонях друзей согревал я ладони,
Нес песню о правде и пламя в груди.
Весь мир обошел, поседел я и понял,
Что я еще молод и все впереди.

Значит, будут и новые песни!

Иван ЛЫСЦОВ

КОРНИ В ЗЕМЛЕ

Новая книга В. Лебедева открывается небольшим рассказом «Кормильцы». В нем есть та счастливо найденная поэтическая нота, которая, раз она обнаружена и звучит для автора камертоном, уже сама по себе не даст ему сфальшивить, впасть в суесловие. Эта «музыкальная тема», это настроение рассказа сразу же, с первых строк, передается читателю, и уже не нужны длинные, подробные описания, чтобы создать у читателя нужное впечатление.

В общем-то, ничего особенного не происходит. Просто отец с сыном под вечер отправляются на лошади в дальнюю деревню на сенокос. Славику радостно, что отец взял его с собой, а отец против обыкновения сегодня что-то невесел и задумчив. Эта его задумчивость лишь упомянута, она стушевывается на фоне Славкиной мальчишеской радости. Но вот деталь. «Он (Славик) лишь выглядывал по временам из-под мешка и видел, как все больше и больше темнеет серая фуфайка на согнутой родной спине.

— Папа, накройся.

Отец не ответил».

Автор без долгих слов и описаний дает нам почувствовать состояние отца, его глубокую погруженность в свои невеселые мысли. О войне, которая в эту сенокосную пору 41-го уже началась и гремит где-то, пока далеко, сказано вскользь, между прочим, точно найденной для этого деталью. Славик «вдруг заметил в стороне города бледный косой столб прожектора.

— Смотри-ка чего! — воскликнул он.

— Да, близко... — ответил Алексей Иванович и заторопил лошадь, словно боялся, что война может его опередить. — А ты подремли себе, подремли!»

Бледный столб прожектора в небе — это еще не сама война, но это знак, напоминание о ней, четкое и тревожное.

Едут они в лесную деревню Овраги, о которой Славик «был наслышан с детства, знал, что она небольшая и очень веселая, что там в каждом доме гармошка». И это чисто детское представление Славика о «веселой деревне» тоже очень уместно и необходимо в рассказе.

В Оврагах их действительно встретила гармошка. Только тоскливыми были ее звуки, и вторил ей женский плач все время, пока отец с сыном устраивались на ночлег.

«— Луку Ивановича убили, — промолвил отец, заметив, что Славка прислушивается.

— А гармошка?

— Сын тоскует».

То же самое нетерпенье, что было заметно вчера, подгоняло отца и утром, погожим и росистым, когда вышли они с сыном косить. Он забыл, что его двенадцатилетний сын совсем не умеет

Василий Лебедев, Высокое поле. М., изд-во «Детская литература», 1971. Наследник, повесть. Журнал «Звезда», 1971, № 1.

косить, — дал ему косу в руки, велел встать за ним и торопливо пошел вперед. И лишь когда с третьего неуклюжего замаха Славик вонзил косу в землю, отец очнулся, стал торопливо и как-то лихорадочно переставлять ему ручку на косе пониже. И только потом, когда Славик все-таки сломал косу о валун и заплакал от горя и досады, узнал он о причине отцовской торопливости.

«— Не горюй, — сказал ему отец. — Теперь тебе моя коса достанется. Ты научился малость. Теперь ты за кормильца будешь...

— А ты? — еле выдохнул Славик.

— А я... Мне завтра на войну».

Это рассказ о войне, хотя в нем нет пожарищ и грома орудий и даже о похоронке упоминается только вскользь. Ни слова не сказано впрямую, от автора, о душевном состоянии Славкиного отца Алексея Ивановича, но разве не чувствуем мы, что̀ творится в его душе? Завтра он уйдет из дому, оставив жену и четырех ребятишек, и неизвестно, вернется ли еще живым и здоровым. Разве не ясен, не виден нам до последних черточек характер этого человека, простой и мужественный. Он собирается на войну сурово, без лишних слов, без надрыва и бравой лихости, и только эта точно переданная автором торопливость, с которой Алексей Иванович хочет успеть хоть как-то доделать, завершить домашние крестьянские дела, говорит нам о его состоянии. И можно понять, как щемит его душу тоска, когда смотрит он на неумелую косьбу своего сына-подростка, старшего, остающегося за него кормильцем, единственным помощником матери. И можно представить, как твердо и непреклонно встретит он врага с оружием в руках, как будет биться с фашистами до последнего.

Я так подробно остановился на первом рассказе сборника именно потому, что в «Кормильцах» как бы воедино сведены все достоинства прозы В. Лебедева. Есть в книге и недостатки, но у меня такое ощущение, что автору «Кормильцев» и отличной повести «Наследник», речь о которой еще впереди, нет нужды подробно доказывать, что рассказ «Старый боксер», например, очень схематичен, а в повестях «Второе воскресенье» и «Высокое поле» чувствуются торопливость и небрежность. Скорее, есть смысл напомнить ему, что никогда не следует спешить с публикацией вещей, которые написаны явно ниже твоих возможностей.

Две повести — «Второе воскресенье» и «Высокое поле» — составляют большую часть книги. В них много сходства. И Пашке, из первой повести, и Лехе, герою второй, около шестнадцати лет. Не говоря уже о том, что все подростки в этом переходном возрасте стоят перед одними и теми же проблемами (выбор жизненного пути, влияние окружающих людей, поиски собственной позиции в жизни), по своему психологическому складу это характеры очень сходные. Оба парня с хорошими задатками, отзывчивы на добро, оба тянутся к работе, к людям, мастерски владеющим профессией, оба жаждут поскорее самостоятельности, независимости. Пашка — сирота, у Лехи тоже нет отца. Даже мечты у Лехи с Пашкой одинаковые: купить красивые брюки, модную куртку и, принаряженным, подружиться наконец с той девочкой, которая давно нравится, но подойти к которой пока не хватает смелости.

В повести «Второе воскресенье» подростка Пашку, связавшегося с уличной шпаной и уже готового пойти «на дело», случай сталкивает с кондитером Евсеичем. Неожиданно тот приглашает Пашку к себе в ученики. Пашка поначалу пренебрежительно относится к «сладкой», несолидной профессии Евсеича, но постепенно работа с этим великолепным мастером, артистом своего дела, увлекает его.

Здесь надо отдать должное В. Лебедеву. Труд, профессиональное занятие он умеет описать очень увлекательно, со знанием дела, так, что описание это захватывает читателя. И люди, хорошо владеющие профессией, мастера своего дела — самые интересные из его героев. Таков Евсеич, таков старый плотник Егор из повести «Высокое поле». Характеры их получились даже выпуклее, ярче, чем характеры главных героев.

И все же приходится отметить, что частности в обеих повестях как-то уводят от главного. В. Лебедев умеет написать пейзаж, портрет, зримо воспроизвести живую сценку и часто увлекается этим в ущерб главному — полному развитию основной темы. Особенно чувствуется это в «Высоком поле». Повесть распадается, по существу, на какие-то сцены из Лехиной жизни, фрагменты его существования, лишь в финале торопливо завершенные, искусственно завязанные в один узел.

Проза В. Лебедева органически связана с деревней, с деревенской темой. В последние годы разговор о деревне не обходится без того, чтобы не была затронута проблема ухода молодежи из села, сложных взаимоотношений города и деревни в современных условиях. В своей повести «Наследник» В. Лебедев занят подробным исследованием характера человека, который стоит на распутье: уйти или остаться? Повесть по-настоящему проблемна и аналитична.

При первом знакомстве Генку Архипова, пожалуй, только в ироническом смысле можно назвать наследником. Вот он, «наследничек», возвращается из тюрьмы, где отсидел пять лет за драку, затеянную почти случайно, по глупости, двадцативосьмилетний мужчина с уже заметными ранними пролысинами на голове, успевший к этаким-то годам только отслужить в армии да побывать в местах не столь отдаленных. Вот он идет, все еще Генка по-старому, хотя многих сверстников его давно величают по имени-отчеству, а один из них уже председатель колхоза. Идет и думает, что в родной деревне ждут его не дождутся, что зазноба его Гутька кинется ему на шею, а мать встретит пирогами. Находит же заколоченный дом (мать переехала к сестре), а Гутька вышла замуж за другого. И односельчане встречают его не слишком-то тепло, и председатель, бывший дружок, как-то холоден и сдержан.

Вот и заартачился Генка. В колхоз работать не пошел, а стал вести в родной деревне жизнь этакого «дачника», то развивая бурную, но бесполезную деятельность, то валяясь целыми днями на кровати в пустой избе.

Как это часто бывает с людьми, Генке кажется, что у него просто полоса неудач, что вот продаст он дом, уедет к дружку и заживет по-человечески. В отличие от тех повестей, о которых речь выше, здесь автор не спешит своему герою на выручку. Так случилось, что помочь Генке некому, и в этом есть своя жестокая

правда. Его никто не гонит, но и не удерживает — своя голова на плечах, сам решай.

Воспитание Генка получил суровое. Дед, если ему казалось, что внук недостаточно хорошо воспринял основные моральные заповеди или неуважительно относится к крестьянскому труду, брался, бывало, за ремень. Может, методы были и неправильные, но даже теперь, когда Генка мог отвыкнуть за много лет от крестьянского труда, когда он нарочито, напоказ шатается без дела, тоскуют его руки без привычной работы, и даже наточить топор или подремонтировать крыльцо для него удовольствие. Работать он умеет и все делает с особым вкусом и мастерством.

Но годы, проведенные вне родного дома, не прошли бесследно. Мысль о какой-то другой, более легкой и приятной жизни в иных краях (даже не обязательно в городе) запала ему в душу. И теперь, когда родная деревня не очень-то приветливо встретила «блудного сына», смутная мысль эта перерастает в решение. Но решение, хоть и принято уже, какое-то непрочное, Генке не хватает сознания настоящей необходимости ухода.

Когда рушится возможность продать отчий дом, Генка придумывает нехитрый план: он уйдет ночевать к сестре, чем обеспечит свое алиби, а его дружок и собутыльник Василий Окатов подожжет ночью дом. Останется только получить страховку.

На редкость точное название у этой повести. Наследник — это и лицо, наследующее имущество умершего родственника, значение сниженно-утилитарное. В другом значении, высоком, наследник — это преемник, продолжатель какого-то важного и большого дела. Название повести потому и точно, и многозначительно, что в ней решается вопрос: так какой же наследник Генка? Какое наследство он воспримет? А отчий дом, великолепный символ этого наследства, имеет и продажную, весьма небольшую, в общем-то, ценность, и другую, не измеряющуюся деньгами безмерную ценность. В тот момент, когда Генка решает сжечь дом ради страховки, он сам, не отдавая себе в этом отчета, делает страшный размен: ради денег отказывается от того, другого, высокого и бесценного наследства.

Зарева не было — Василий не сдержал слова. И вдруг вместо раздражения и злобы, что дело **не выгорело,** Генка почувствовал тайную радость и облегчение. Те минуты, когда Генка ждал зарева, сдвинули что-то в его душе. Оказалось, что не так-то легко бросить родную землю, отказаться от того, главного, наследства. Едва ли Генка осознал это ясно и отчетливо, скорее почувствовал нутром. И он принимает, может быть, первое в своей жизни серьезное и непреложное решение: перевезти к себе мать и остаться в отчем доме.

Кончается повесть символически. Генка видит обугленную березку, одну из тех, что посадил когда-то с дедом. «Непривычно и страшно видеть голую, обугленную березу в конце мая. Страшно. Но Генке почему-то кажется, что она должна еще выжить, раз корни в земле». Ничего еще не устроилось в Генкиной жизни, все еще неясно, но решение остаться твердо, и верится, что Генка выдюжит, поднимется, раз ощущает он корни свои в родной земле.

Н. АРЗАМАСЦЕВ

ИСПЫТАНИЕ НА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Пьесы молодого иркутского драматурга Александра Вампилова ставятся во многих театрах страны. Но речь сейчас не о театре, не о сценическом воплощении пьес — об этом уже писали и, думается, будут писать еще. Речь о другом — о самом писателе. Я глубоко убежден, что пьеса должна существовать прежде всего как произведение литературы и сначала вне зависимости от сцены. Как песня: если стихи не способны существовать самостоятельно, то их не «облагородит» и музыка.

Ведь Шекспир, и Мольер, и Островский живы прежде всего как писатели, и читателей у них не меньше, чем зрителей.

Вместе с тем драматургия у нас как жанр литературный находится в довольно странном положении. Журналы и газеты охотно рецензируют спектакли и фильмы, но попробуйте отыскать в них статью о пьесе, о чисто литературных ее достоинствах!

В жизни мы редко находим проблемы, решающиеся как «дважды два»; и люди, окружающие нас, — разве они разграничены безусловно на «чистых» и «нечистых»?.. Бусыгин, герой комедии «Старший сын», несмотря на молодость (он студент), уже коечто знает о сложностях жизни. «У людей толстая кожа, и пробить ее не так-то просто, — говорит он. — Надо соврать как следует, только тогда тебе поверят и посочувствуют. Их надо напугать или разжалобить». В этой заявке, конечно, тщетно искать черты «положительного» героя, если рассматривать его как некий плакатный свод добродетелей. Процитированная выше сентенция Бусыгина — это скорее теорема, которую еще нужно доказать, а если раскрыть конкретные намерения автора, то — опровергнуть.

Рядом с Бусыгиным через всю пьесу проходит некий Сильва; о подобных типах в литературе принято говорить, что они оттеняют, контрастируют основные качества положительного героя. Но только ли оттеняют? Неужели так узка и категорична их роль? Можно ли сказать, допустим, про Фому Опискина, что Достоевский воспользовался им для того единственно, чтобы контрастнее показать «благородный идиотизм» Егора Ростанева? Так же, как вряд ли допустимо и обратное толкование этого «содружества»... Здесь, так сказать, симбиоз нерасторжимый и зависимость обоюдная.

То же — Бусыгин и Сильва в комедии А. Вампилова. Поначалу мы даже не подозреваем о каком-либо антагонизме в их характерах. Молодые люди, сверстники, случайно встретившиеся, не прочь повеселиться, развлечься неглубоким и ни к чему не обя-

---

Александр Вампилов, Старший сын. Комедия в двух действиях. М., «Искусство», 1970.

А. Вампилов, Двадцать минут с ангелом. Комедия в одном действии. «Ангара», 1970, № 4.

Александр Вампилов, Утиная охота. Пьеса в трех действиях. «Ангара», 1970, № 6.

А. В. Вампилов, История с метранпажем. Комедия в одном действии. М., «Искусство», 1971.

зывающим приключением; оба они ведут себя примерно одинаковым образом в мимолетных знакомствах с женщинами. В равной степени оба они, попав в нелепое положение, не очень задумываются над этической стороной своих «шалостей». Более того, именно «положительный» Бусыгин объявляет себя «старшим сыном» дотоле незнакомого ему человека, вламываясь таким образом в чужую семью буквально с черного хода; «отрицательный» Сильва даже сдерживает его — правда, тоже не из соображений высокой морали, а потому лишь, что «в случае чего ведь нам за это накостыляют». А Бусыгин идет на невинный, как ему кажется, обман, словно проверяя на практике свою философию (помните: «Надо соврать как следует, только тогда тебе поверят и посочувствуют...»).

Войдя в чужую семью самозванцем, сначала боясь чисто «юридических» последствий разоблачения, Бусыгин очень скоро настолько «вживается в образ», что нелады и несчастья этой семьи принимает как свои собственные. Вместо того чтобы бежать при первом удобном случае, он, удивляя и пугая Сильву, все откладывает расставание; и теперь Бусыгин боится разоблачения, но это уже боязнь другого рода: он знает, что признание его (или бегство) тяжело травмирует «родственников», особенно «отца»; не может он со спокойной душой уйти, видя, что старику грозит одиночество. Узы духовные, единство нравственное, утверждает драматург, нередко выше и прочнее родства кровного.

Образ современника создается здесь из многих фигур, разноречивых и противоречивых иногда, но именно из этого множества образуется душевное единство.

А как же с категорической и «всеобъемлющей» сентенцией Бусыгина насчет «толстой кожи» человечества, которую «пробить» можно только удачной ложью? Не прибегая к решениям прямолинейным, и, следовательно, поверхностным, представляя нам типы далеко не родственные и даже полярные, писатель убежденно и основательно развенчивает эту философию, показывает, что она в данном случае не больше, как фраза, звонкая, но пустая. Да и сам Бусыгин, познакомившись с семейством Сарафановых, зачеркивает собственную сентенцию, произнесенную «на слушателя», признанием, которое никак не заподозришь в позерстве: «Нет уж, не дай-то бог обманывать того, кто верит каждому твоему слову». ...В духовном поединке Бусыгин побеждает Сильву... или побеждает в с е б е Сильву.

Две одноактные пьесы — «Двадцать минут с ангелом» и «История с метранпажем» — задуманы как одна вещь, объединенная — внешне — местом действия, а более серьезно — внутренне единой темой, одними морально-этическими задачами. Это, собственно, водевили с незамысловатым сюжетом, с соблюдением трех единств; но, ограничивая себя бесхитростной формой, драматург не идет по пути «облегчения» идеи, упрощения характеров. Психологические характеристики Анчугина и Угарова в «Двадцати минутах с ангелом» не менее точны и объемны, чем в «полнометражном» «Старшем сыне».

Анекдот прежде мог послужить изначальным материалом для целого романа. Здесь, в этих двух «провинциальных анекдотах», ключом к характеру служит случайность, курьез. В «Истории с метранпажем» администратор гостиницы, нахамив постояльцу, терзается таинственностью его специальности: что, если «метран-

паж» — это какое-нибудь высокопоставленное лицо? Ситуация почти гоголевская, но без Хлестакова, потому что Потапов и не собирается никого разыгрывать. В другой пьесе двое пропившихся командированных, мучаясь похмельем, обращаются из окна гостиницы к прохожим с просьбой «выручить»; когда же вместо ожидаемого милиционера в номер является Хомутов и предлагает деньги, его принимают сначала за сумасшедшего, потом за афериста, вора... короче, самого доброжелателя чуть ли не сдают в милицию.

Поверхностное прочтение пьес может натолкнуть нас на такие нехитрые сентенции, как «Будьте взаимно вежливы!», «Не место красит человека...», «Доверяйте ближнему!» и т. п. И они, конечно, присутствуют здесь. Но содержание творчества молодого драматурга значительно сложнее. Выявить структуру какой-то ячейки современного общества, проследить непростые переплетения в ней, психологические и социальные причины поступков, — А. Вампилов работает именно в этом направлении... Счастливо избежав модных в наш век увлечений экспрессионизмом, пьесой-притчей и т. п. модернистскими течениями, молодой драматург добивается успеха именно в «традиционной» реалистической манере письма.

«Когда ты говоришь со мной по телефону, мне кажется, что ты врешь», — говорит Галина в «Утиной охоте». Но Зилов, муж ее, врет не только по телефону и не только ей... Исследуя этот образ, можно прочертить нехитрую кривую его эволюции. Зилов работает инженером, не первый год женат, но он не смог еще отказаться от распорядка школьно-студенческих лет; это своего рода инфантильность, когда человек, усвоив новые, взрослые, права, забыл при этом о соответственно изменившихся обязанностях,

---

Дорогие товарищи!

Разрешите поздравить вас с наступающим 50-летием журнала «Молодая гвардия». Больших вам успехов в работе и в жизни вообще, хотя ваша работа и есть сама жизнь.

Приветствует вас комсомолец с 1919 года, первый председатель устьсысольской (Сыктывкар) городской ячейки комсомола. Читаю «Молодую гвардию» с первого номера и до настоящих дней. Хорошо помню, что первые годы она была для нас и политшколой, и университетом, помогала создавать настоящее коммунистическое мировоззрение. Этот журнал всегда был и остается боевым органом комсомола.

Вот мне уже 69 лет. Давно-давно расстался с комсомолом и давно состою в рядах партии. Но и сегодня я с охотой беру очередную книжку «Молодой гвардии» и, представьте себе, всегда нахожу интересное для себя.

Пишу не для публикации, а потому, что захотелось сказать доброе слово работникам старейшего комсомольского журнала.

М. ПОЛЗУНОВ,
член КПСС с 1928 года

г. Канск Красноярского края

а точнее — не захотел обращать на них внимания. Работа в бюро технической информации явно не по нему: здесь пропадают втуне его знания, атрофируются способности, и, как ни странно, мы верим (пока верим) его заявлению: «...я-то еще мог бы чем-нибудь заняться»; но это место устраивает его широкой «свободой», безответственностью, возможностью «сачковать», да ему попросту и лень что-нибудь предпринимать, потому что характеристику, адресованную сослуживцу Саяпину, он может вполне применить к себе: «ленив и развращен».

Сложные отношения у Зилова с женой. Вроде бы он еще любит ее, но вместе с тем былые искренность и чистота отношений давно исчезли. В решительные моменты мы вместе с ним верим, что ему тяжело расставаться с Галиной, что он способен еще встряхнуться, очиститься, «начать сначала», но эту веру сам же Зилов и убивает, потому что его взволнованное обращение к жене, оказывается, столь же «приложимо» к другой женщине. Таким образом, нравственная драма в жизни героя обращается фарсом — и неоднократно.

«...Мне самому противна такая жизнь... мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю...» Эти слова сказаны в порыве искреннем, в состоянии кризисном, мы не имеем права их не учитывать. Но у нашего героя нет времени, чтобы «продолжить монолог», сосредоточиться, проанализировать нынешнее свое положение. Он отдался на волю волн, жизнь несет его, как щепку, по случайным «забегаловкам», равнодушным собутыльникам, мимолетным «романам»... Нам то и дело приходится прибегать к кавычкам, как бы извиняясь за эфемерность, несерьезность явлений, наполняющих жизнь героя; но, как бы то ни было, они основное ее содержимое, и в этом трагедия Зилова. Равнодушие, безразличие, инертность гражданская становятся в конечном итоге бесчеловечностью, жестокостью в отношении ко всем близким и прежде всего к себе.

Несомненная заслуга драматурга в том, что он последовательно и принципиально вскрыл всю пустоту и никчемность нынешнего существования Зилова «и иже...». Здесь, в «Утиной охоте», перед нами уже не юморист (хотя диалоги исполнены юмора), а сатирик-обличитель.

Бесспорны симпатии автора к своему герою, так же как не вызывают сомнения антипатии его к Саяпину или к официанту Диме. Зилов, в сущности, бескорыстен, умен и проницателен, легко раним... И тем более оправданна беспощадность драматурга: этот неоднозначный, как мы уже показали, образ находится на грани полной и необратимой нивелировки; Зилов, как личность, может вот-вот капитулировать. Уже и сегодня он «смыкается» с теми же Саяпиным и Димой и дополняется ими (в этом А. Вампилов остается верен своему писательскому принципу). Утилитаризм и приспособленчество — эти черты легли уже тенями и полутенями на портрет Зилова. Очистить его, спасти — такова задача драматурга. Благородная и нелегкая...

Напомним: исключив повествовательный, описательный элемент, драматургия должна восполнять его своими специфическими средствами изображения. Здесь и мастерство диалога, и речевая персонификация, и необходимость тонко разработанной интриги...

Об умении художника оптимально использовать эти средства мы судим по окончательному результату: по цельности и полно-

кровию характеров, по соответствию отражения действительности, по умению автора в частном, единичном изобразить целое, множественное и т. д. Если нам удалось в этой статье доказать, что «окончательный результат» в пьесах А. Вампилова соответствует поставленной им изначальной цели, значит мы убедились в том, что молодой драматург в достаточной мере овладел секретами своего мастерства.

Почти все пьесы А. Вампилова — о молодежи, и скорее всего автор видел своими основными читателями и зрителями молодых людей, тот возраст, в котором один-два года многое решают в дальнейшей жизни. Бесспорно, характер человека формируется с самых первых его шагов, даже с игрушек. Но если исключить какие-то катаклизмы — частные или общественные, — если говорить в данном случае об условиях жизни нашего современника, то первое настоящее испытание для его характера наступает с окончанием средней школы, в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. До этого большинство его житейских проблем (во всяком случае, материальных) решали государство и семья. Дальше биографию надо писать самому.

Знание нашей многосторонней жизни, проникновение в психологию молодого человека, очутившегося с глазу на глаз со сложными практическими и нравственными задачами, помогают А. Вампилову. Отметая «спасительные» компромиссы, драматург требует от своего героя максимальной проясненности гражданских принципов, тождества слова и дела. Принципиальность, художническая честность служат воспитанию и утверждению столь же принципиальных и честных личностей.

Николай КОТЕНКО

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОДИНЫ

Книга, в название которой вынесена строка из бессмертной поэмы «Слово о полку Игореве» — «О Русская земля!», представляет собой своеобразную поэтическую антологию, куда входят произведения русских, в том числе советских, поэтов, посвященные России, Родине.

Понятны трудности, которые возникали перед составителем сборника и редакционной коллегией: как определить границы самой «темы России» в русской поэзии? Ведь поэтический образ Родины — это очень широкое и емкое художественное понятие, которое вбирает в себя все существенные черты и стороны национального бытия. Предисловие к сборнику написано замечательным русским поэтом Александром Прокофьевым.

В стихах, включенных в сборник, сильно звучит идея патриотического долга, их отличают высокая гражданственность, гуманистический пафос. Среди произведений, создающих в совокупности

«О Русская земля!» Сборник стихов русских поэтов. Составитель Валентин Сидоров. М., изд-во «Молодая гвардия», 1971.

художественный образ Родины, мы находим стихи, говорящие о любви к своей земле, к природе своей страны. В этом поэтическом гимне отчетливо слышны голоса, прославляющие борьбу русского народа за национальную независимость, за социальное освобождение, воспевающие лучших сынов России — мечтателей, борцов и революционеров. Немало стихов воссоздают облик сегодняшней России, идущей ныне вместе с братскими народами во главе исторического прогресса. Так естественно возникает в сборнике неотделимая от темы России тема дружбы народов. И совершенно правы авторы послесловия к сборнику, указавшие на истоки этого интернационального пафоса, подчеркнувшие, что русская литература, которой «всегда были чужды расовые и национальные предрассудки», искони обладала невероятно широкой и в то же время поистине бескорыстной отзывчивостью к жизни и судьбам других народов. Достаточно вспомнить здесь гений А. С. Пушкина, мечтавшего о «Руси великой», где равноправно будут существовать «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык». А сколько искреннего воодушевления в стихотворении А. С. Хомякова «Вставайте! Оковы распались...», ратующего за свободу других, не только родственных, но и далеких от России народов:

Вставайте! Оковы распались,
Проржавела старая цепь!
Уж Нил и Ливан взволновались,
Проснулась Сирийская степь!
Вставайте, Славянские братья,
Болгарин, и Серб, и Хорват!
Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат!

И разве не пророчески звучат сегодня стихи И. С. Тургенева, мечтавшего о том времени, когда канут в Лету братоубийственные войны, кончится вражда между народами и

...чуждый немцу с колыбели
Через один короткий век
Сойдется с ним у той же цели,
Как с братом — русский человек...

«Гражданственностью и патриотизмом издревле славилось русское слово», — утверждает в предисловии А. Прокофьев. И это верно. Для русских писателей, воспитанных на традициях общественного долга, Родина никогда не была отвлеченным понятием. Идее служения Отчизне отдавали они свои лучшие творческие силы. Для русской поэзии, обращенной к главнейшим проблемам национального бытия, тема России, Родины является центральной. В значительной степени именно с ней связаны наиболее блистательные успехи русского поэтического слова. Вот почему поэзия, представленная в книге, взятая даже в одной своей (но важнейшей!) ветви, создает исключительно впечатляющую картину. Сборник можно читать как своеобразную поэтическую летопись жизни Русского государства, в которой нашли художественное отражение многие важнейшие моменты его великой и драматической истории. В этой поэтической симфонии слышатся разные ноты и темы. Тут и скорбь о поражении русских князей в войне с половцами,

и вера в их грядущие победы, и призыв к борьбе с монголо-татарскими захватчиками, и элегическая грусть по поводу неудавшегося бунта Стеньки Разина, и утверждение величия петровских преобразований, и прославление героизма русского народа во времена нашествия Наполеона, и восхищение победами русского оружия под Плевной и на Шипке, избавившими болгарский народ от многовекового турецкого ига. Здесь и радостное приветствие Октября, революционных преобразований, и мужественная сила стихов периода Великой Отечественной войны, и многоголосость сегодняшней поэзии, стремящейся раскрыть внутренний мир современника, передать масштабность наших нынешних свершений.

В сборнике немало произведений, входящих в золотой фонд отечественной литературы: «Слово о полку Игореве», оды Ломоносова и Радищева, «Горе от ума» Грибоедова, стихи А. Пушкина, К. Рылеева, М. Лермонтова, А. Кольцова, Ф. Тютчева, Н. Некрасова, С. Никитина, А. Фета, А. Блока, С. Есенина. Вместе с тем в книге помещены малоизвестные или забытые стихи Н. Языкова, А. Хомякова, А. К. Толстого, М. Михайлова, Л. Мея, А. Апухтина, А. Голенищева-Кутузова, П. Якубовича и др., которые остаются в памяти и западают в душу.

Вот хотя бы строки из стихотворения Ф. Глинки «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии»:

И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обагрять!
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга,
И матерь в бой своих сынов!
Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовет к отечеству любовь!

Федора Глинку традиционно третировали как второстепенного поэта. Но с какой силой и энергией написаны эти патриотические строки! «Военная песнь» — одно из многих, пусть маленьких, но «открытий» для широкого читателя, имеющего возможность проследить преемственность патриотической традиции, идущей от воина-поэта, поэта-декабриста.

А сколько боли и выстраданной любви к Отчизне в стихотворении А. М. Жемчужникова «На родине», написанном в 1884 году, — в таких, например, строках:

Опять пустынно и убого;
Опять родимые места...
Большая пыльная дорога
И полосатая верста!

. . . .
. . . .

О край ты мой! Что ж это значит,
Что никакой другой народ
Так не тоскует и не плачет,
Так дара жизни не клянет?..

Кстати, хорошо, что в сборник включено еще одно его стихотворение — «Осенние журавли». Эти стихи приобрели известность главным образом по получившей одно время распространение песне «Журавли». Невзыскательная мелодия не давала возможности полностью воспринять ту прозрачную лиричность, которая есть в стихах Жемчужникова. Нет сомнений в том, что, представ перед читателем в своей первозданной чистоте, это стихотворение наконец получит популярность в своем истинном значении.

Поэтическая мысль, как известно, чутко улавливает перемены в национальной жизни. Она не только сохраняет приверженность вечным темам (любовь, смерть, природа и пр.), но и вдохновляется накаленной атмосферой «злобы дня», рассказывая о событиях и фактах повседневности. В полной мере это относится и к художественному воплощению темы Родины.

На каждом этапе развития русской поэзии образ России, сохраняя преемственность каких-то черт, видоизменялся, обогащался. Для выражения своих чувств к Отчизне поэты находили новые слова и краски. С ходом времени поэзия угадывала в жизни народа новые силы и возможности. В результате поэтический образ Родины становился более сложным и многоплановым. Стоит, например, сравнить стихи В. К. Тредьяковского, где Россия рисуется в приподнято-патетическом стиле, соответствующем нормам поэтики классицизма, с тем, как она показана, скажем, в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная
Матушка-Русь!.. —

чтобы убедиться, насколько усложнился, стал более развернутым и впечатляющим образ России. В этом отразились движение русской поэзии, ее историческое развитие, появление и углубление в ней черт реализма и народности.

Итак, издательство «Молодая гвардия» сделало полезное дело, выпустив сборник «О Русская земля!». Оценивая книгу по самому строгому счету, можно было бы, конечно, кое в чем и упрекнуть ее создателей. Так, далеко не все лучшее, что написано русскими поэтами о Родине, представлено в этом издании. Нет, например, замечательных стихов Ф. И. Тютчева — «Эти бедные селенья...», «Еще земли печален вид...», К. К. Случевского — «На Волге», «За Северной Двиной», «Утро», очень интересного по своей обнаженной социальности стихотворения Я. П. Полонского «Голод» и многих-многих других стихов. Это тем более досадно, что порой место в нем занимают ординарные стихи, которых там могло бы и не быть. К сожалению, в сборнике отсутствует комментарий, без которого смысл и направленность ряда стихотворений вообще трудно понять. Включая эти произведения в контекст эпохи, времени, когда они создавались, примечания помогли бы вдумчивому читателю разобраться в их содержании.

Но главное, конечно, не в этих упущениях. Суть дела в другом — в характере и содержании этой небольшой антологии, воссоздающей поэтический образ России, воспевающей Родину. Книга оказалась во многом созвучна усилившемуся в последние годы в различных слоях общества интересу к историческому прошлому своей Родины. В этих настроениях, как известно, имеют место и свои крайности, когда разрывается связь времен и прошлое, вместо того, чтобы быть отправным пунктом для познания настоящего и будущего, либо идеализируется, либо противопоставляется современности. При одностороннем понимании истории и ее истоков национальное невольно отрывается от формирующей его почвы — социальной жизни и рассматривается как сумма застывших свойств, обретших себя полностью чуть ли не на заре зарождения национального самосознания. Широкий взгляд на предшествующий исторический опыт не должен противоречить ленинскому учению о двух культурах, принципам интернационализма, современным задачам коммунистического строительства.

Сборник «О Русская земля!» свободен от этих перекосов. Он, как уже говорилось, намечает верную перспективу, показывает тот путь, который прошла наша страна за десять веков отечественной истории — с начала становления Русского государства до сегодняшнего дня.

А. УШАКОВ

Ст. художественный редактор Ю. Киселев

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 1/III 1972 г. Подп. к печ. 25/IV 1972 г. А06902.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10 (усл. 16,8). Уч.-изд. л. 21,4.
Тираж 367 000 экз. Заказ 421. Цена 60 коп.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ЛЕСНАЯ АПТЕКА В МАЕ

Лекарственные растения важно собрать в срок. В этом месяце собирают цветы боярышника кроваво-красного, ландыша майского, ромашки аптечной, первоцвета весеннего, клевера красного, липы сердцелистной, листья ромашки аптечной, ландыша майского, вахты трехлистной (трифоли) и брусники; фиалки трехцветной, адониса весеннего (горицвета) и т. д.

В мае — кору дуба черешчатого, крушины ломкой, калины обыкновенной; корневищ лапчатки прямостоячей и скопполии карнолийской, корней с корневищами девясила высокого. Сейчас организован массовый прием целебных растений в заготовительных организациях потребительской кооперации. Советуем вам обращаться туда. Там подскажут, как собирать, сушить целебные растения.

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Линогравюра Х. ЭЭЛЬМА «РОДИНА»

Н. Островский

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

РОМАН

А. Фадеев

МОЛОДЕЖЬ В БУРЖУАЗНОЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУ

Нужно ли нашей молодежи изучать классиков?

Вл. Маяковский

Хорошо

(Окончание)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ Ц.К.Р.К.П. Ц.К.Р.К.С.М. №1-2

АПРЕЛЬ-МАЙ. МОСКВА. 1922.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Анна КАРАВАЕВА

БЫТЬ ПОЛЕЗНЫ НАРОДУ

Мне очень отрадно что родной мо... «Молодая гвардия» заинтересовался... думаю, над чем работаю в дни по...

Михайло СТЕЛЬМАХ

ДУМА ПРО ТЕБЯ

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Борис ШУСТРОВ

красные острова

ПОВЕСТЬ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ:

СТАРЕЙШИЙ КОММУНИСТ ПЛАНЕТЫ, ЧЛЕН КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ С 1896 ГОДА, ДЕЛЕГАТ XXIV СЪЕЗДА КПСС

Ф. Н. ПЕТРОВ

ВЕТЕР ВЕКА — ОН В НАШИ ДУЕТ ПАРУС

Мои дорогие юные друзья! Семьдесят пять лет прошло с тех пор, как в ...

Цена 60 коп. Индекс 70544